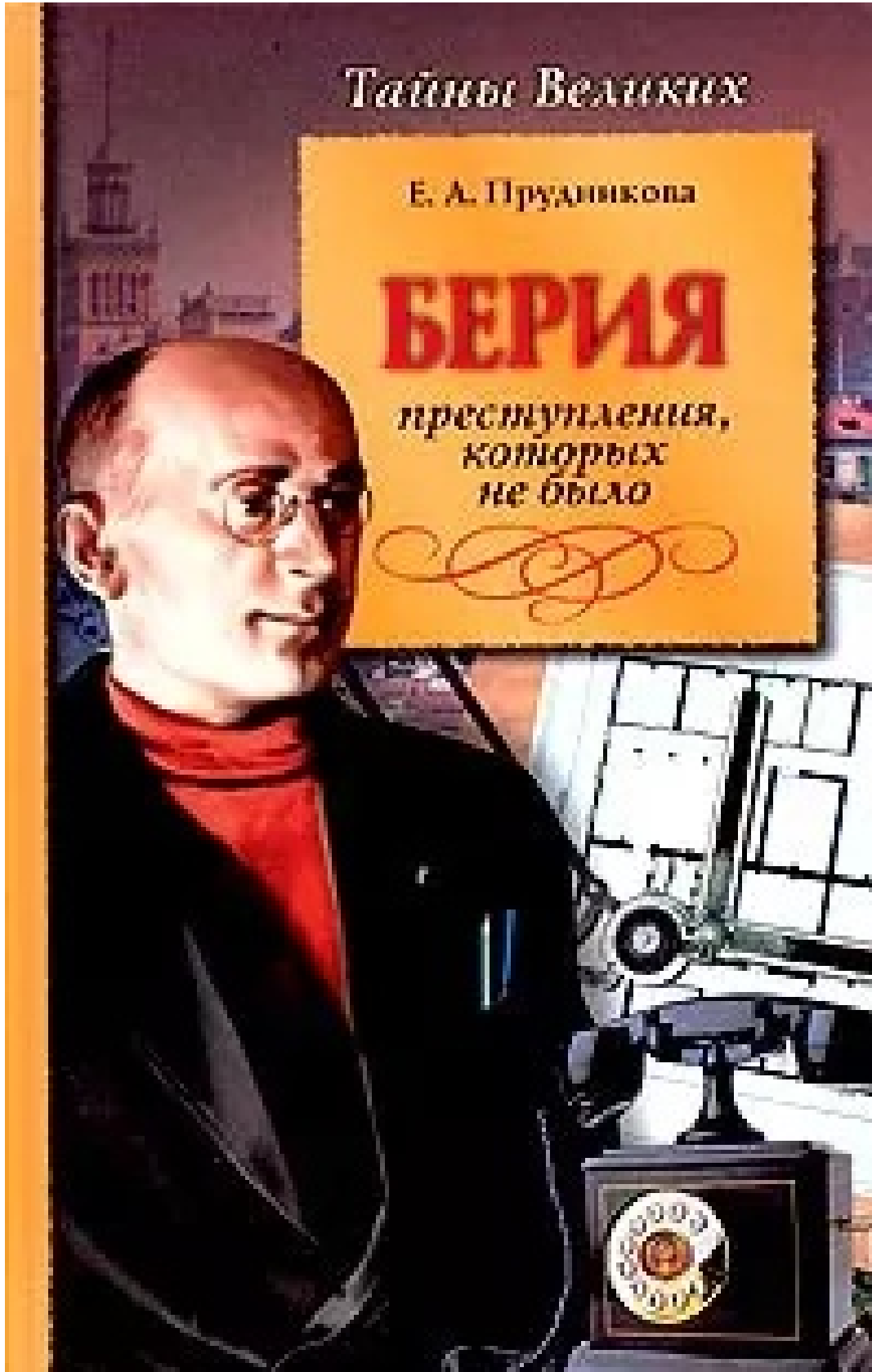

Тайны Великих

Е. А. Прудникова

БЕРИЯ

*преступления,
которых
не было*

Annotation

Перед вами сенсационное журналистское расследование известного петербургского журналиста Елены Прудниковой, автора нашумевших книг «Двойной заговор» и «Сталин: второе убийство». Автор пытается обозначить истинную роль и значение Лаврентия Берия, человека, усилиями пришедших после него правителей вычеркнутого из советской истории.

Книга в совершенно новом свете представляет историю СССР, начиная с середины 30-х и до середины 50-х годов XX века.

- [Елена Прудникова](#)
 - [Река по имени Факт](#)
 - [ПОРТРЕТ, СОБРАННЫЙ ИЗ ОСКОЛКОВ](#)
 - [ЧАСТЬ 1. ГРУЗИЯ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ЧАСТЬ 2. МОСКВА](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3.](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ЧАСТЬ 3. КРЕМЛЕВСКИЙ ДЕТЕКТИВ.](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)

- [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ПРИМЕЧАНИЯ:](#)
 - [СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:](#)
-

Елена Прудникова
Берия. Преступления, которых
не было

Река по имени Факт

В последние три—четыре года не то чтобы «наметился», а полным ходом протекает интереснейший, примечательный и крайне полезный для общественного сознания процесс: вышло уже немало книг о Сталине, его ближайших сотрудниках и его тяжелом и непростом времени, написанных вполне объективно, уже ничего общего не имеющих с теми плоскими побасенками и заскорузлыми штампами, что правили бал во времена перестройки (не к ночи будь помянута). Есть люди, для которых это стало настоящим откровением: многие только теперь начали понимать, что в действительности все обстояло гораздо сложнее, чем пытались внушить иные сочинители басен. Что уничтоженная Сталиным «ленинская гвардия» состояла из субъектов, мягко говоря, не вполне почтенных, умных и четных. Что стенания о «десятках миллионов заключенных ГУЛАГа» истине категорически не соответствуют — да и огромная доля этих самых заключенных состояла из людей, которые за свои деяния получили бы срок в любой другой стране. Что в тридцать седьмом, чрезвычайно похоже, все же готовился заговор военных против Сталина — и это был не единственный заговор, направленный на смену власти.

И так далее, и тому подобное. Что примечательно, процесс этот никоим образом не мог оказаться инспирирован откуда-то «сверху» и уж никак не мог стать результатом действий некоего зловещего подпольного центра «засевших сталинистов». Частное книгоиздание — чересчур обширная и самостоятельная система, чтобы всерьез относиться к подобным глупостям о замыслах «темных сил».

Суть, по-моему, в другом: процесс этот представляет собой нечто столь же естественное, как явления природы. И наше общество в целом, и люди по отдельности, очнувшись от перестроечного угара, начали помаленьку трезветь, умнеть, серьезнее относиться к печатному слову. И осознавать, что отечественная история гораздо сложнее, чем это пытались представить создатели штампов и сочинители сказок.

И вот что знаменательно. Авторы «нового взгляда» на весьма непростую историю СССР, в противоположность своим предшественникам, не на эмоции бьют, не ярлыки приклеивают. Они-то как раз опираются на факты. А факты — вещь упрямая. Одно дело — бездумно повторять запущенную давным-давно в обращение байку о «тупом кавалеристе Ворошилове» и «отсталом Буденном», якобы мечтавших ликвидировать недоступные их сознанию танковые войска и заменить их привычной конницей, скопищем лихих усачей на лошадаках. И совсем другое — снять с полки стенограмму одного из партийных съездов 1930 г. и прочитать подлинные выступления, скажем, означенного Буденного. После этого многое переворачивается в сознании самым решительным образом ...

До чего же упрямы факты ... Ленина до сих пор высмеивают и вышучивают за его произнесенные-де однажды директивные указания о том, что «всякая кухарка способна управлять государством». На деле, как к Владимиру Ильичу ни относись, а говорил он кое-что другое, совершенно противоположное по смыслу: что Советская власть обязана до такой степени поднять квалификацию и сознание простого человека, чтобы каждая кухарка при необходимости могла грамотно вмешиваться в дела государственного управления ...

Или, например, история с механизированными корпусами, которые перед самой войной якобы сформировал несведущий в военном деле И. В. Сталин. Упрямые факты свидетельствуют об ином: корпуса эти ликвидировал по дремучей своей технической отсталости генерал Павлов, расстрелянный в первые месяцы Великой отечественной за вполне конкретные прегрешения ...

Но если за Сталиным все же скрепя сердце признается некий государственный ум, а его поступки и решения некоторые «ниспровергатели» все же готовы признать толковыми, то Л. П. Берия до сих пор в массовом сознании предстает олицетворением всех пороков и автором немыслимых зверств, фигурой прямо-таки демонической.

А меж тем ничего подобного не было. Следование упрямым фактам рисует совершенно другой образ: деятельного управленца, человека, всю сознательную жизнь занимавшегося сугубо техническими задачами, осушавшего малярийные болота, создававшего на голом месте то пищевую промышленность, то танковые заводы, то ракетно-ядерный щит ...

Просто-напросто пятьдесят с лишним лет назад в СССР произошел классический государственный переворот. Именно в пятьдесят третьем году партийная верхушка и прорвалась к высшей власти, отодвинув тех самых управленцев и советских работников, на которых последние пятнадцать лет своей жизни делал главную ставку И. В. Сталин. Именно с тех пор и установилась партийная диктатура, правление невежд, которые не отвечали ни за одно конкретное дело, но руководить (и идейно окормлять) жаждали буквально всем. Именно тогда был без суда и следствия убит лидер «технарей» Берия, за свои планы отодвинуть партийцев на десятые роли оклеветанный так яростно, надежно и гнусно, что

до сих пор ощущается во многих умах отзвук давней лжи, клеветы, злобненьких сказок ...

Книга Елены Прудниковой представляет совершенно иного человека — талантливого, незаурядного, не имеющего ничего общего с образом кровавого монстра, грызущего в лубяньских подвалах человеческие кости, а в перерывах насилующего школьниц целыми классами. Нравится это кому-то или нет, но перед нами — факты, достоверные свидетельства, отзывы современников, в совокупности рисующие совсем другую картину. Пожалуй, нет даже особенной нужды добиваться официальной реабилитации маршала Берии — потому что и без того ясно, что предъявлявшиеся ему обвинения высосаны из пальца, «следствие» велось вопреки как писаным законам, так и здравому смыслу (не говоря уж о жестких правилах уголовно-процессуального кодекса), «материалы дела» на девять десятых состоят из копий, оригинала приговора о расстреле никто и в глаза не видел, и, наконец, та писулька, которую принято именовать «акт о расстреле Берии», выглядит так, что ее постыдился бы составить молодой стажер прокуратуры ...

Мертвых уже не вернешь — но память о них необходимо очистить от клеветы и лжи. История, по сути, это громадная бухгалтерская книга, где реальные деяния и поступки должны быть занесены в соответствующую графу. Заслуга Елены Прудниковой (и всех прочих, кто работает сейчас над созданием подлинной истории, не имеющей ничего общего с политической конъюнктурой и дешевыми сенсациями) как раз в том, что она, опираясь на суровые факты, рисует подлинную картину событий — далеко не самых простых в нашей истории.

Александр Бушков

ПОРТРЕТ, СОБРАННЫЙ ИЗ ОСКОЛКОВ

«...Какую бы должность Берия ни занимал, он всегда строил».

Ю. Мухин.

...Нет, все же дух сомнения, коим заразил людей Фауст, иной раз идет и на пользу, заставляя замечать в общеизвестном то, что странно непонятно, нелогично...

Едва ли можно найти в истории другую столь же темную и мрачную фигуру, как Лаврентий Берия. Он так же темен и мрачен, как абсолютный злодей американских мультфильмов, или злой дух старых назидательных романов, при одном упоминании которого любой добропорядочный обыватель содрогается и если не крестится испуганно, то лишь потому, что в Бога не верит.

«...Я хочу сказать, „не приведи Господь“, чтобы кто-то подумал, что я взялся за перо, дабы оправдать, обелить, реабилитировать, попросту говоря, отмыть от людской крови Лаврентия Берия. Отнюдь! Во-первых, это не моя задача, а во-вторых, это и невозможно, даже если сильно захотеть...»

Эту фразу помещает в самое начало своей книги «Кто вы, Лаврентий Берия?» заслуженный юрист России Андрей Сухомлинов. Книга-то его объективна — даже, пожалуй, слишком объективна. Вот он и решил лишний раз засвидетельствовать свою лояльность общественному мнению, предварив ее такой вот оговоркой. То есть, он, бесспорно, доказал и черным по белому записал, что «дело Берия» насквозь фальсифицированное, ни слова правды в нем нет, что

все обвинения из пальца высосаны (одна из глав так и называется: «Дело Берия — театр театр абсурда»). Но, дабы люди что-нибудь не то не подумали, он и оговаривается, что отмывать его от людской крови никоим образом не намерен. А от чьей, собственно, крови?

Народ наш знает родную историю просто до умиления досконально. С некоторых пор я люблю задавать очень простой вопрос: «Вот у нас все время говорят: бериевские репрессии, бериевские репрессии, руки по локоть в крови... А когда они были конкретно, эти репрессии?» Ну, то, что большая часть респондентов ничтоже сумняшеся возлагает на Берия ответственность за «тридцать седьмой год», «ленинградское дело», «дело врачей», убийство Кирова... спасибо, что не потопаы, пожары, эпидемии и наводнения! Те, у кого с датами в голове немножко яснее, начинают выкручиваться, делая из Лаврентия Павловича этакого «серого кардинала» при старом марзматики Иосифе Виссарионовиче: мол, сам не убивал, но влиял. Как не хочется расставаться с истиной, которую «все знают»!

...Впрочем, было ведь такое время, когда все совершенно точно знали что Солнце ходит вокруг Земли. А несогласных с этой аксиомой немножко, знаете ли, поджаривали.

Такие вещи просто так не происходят. Подобное отношение рождается в результате очень хорошего промывания мозгов, под большим-большим напором. Не знаю, кто как, а я не люблю, когда мне промывают мозги. Тем более, когда это делают так грубо и непрофессионально, с таким неприкрытым презрением к читателю, как некоторые наши «историки».

...Наш человек вообще, кажется, придает печатному слову некий мистический смысл — с такой святой простотой он верит всему, что написано на бумаге. А

ведь бумага, к сожалению, не краснеет, иначе бы большинство исторических трудов и мемуаров имело бы цвет от темно-розового до ярко-лилового. Но почему-то никто об этом не задумывается. А зря.

Приведем пример.

«Лаврентий Берия был рожден для грязных дел. Провокатор и жулик проснулись в нем в детские годы, еще в Сухумском начальном училище. Редкая кража или донос совершались без его личного участия — прямого или косвенного. В нем гармонично уживались подлость и мздоимство. Похитив папку с характеристиками-записями о поведении учеников, он подвел классного наставника под увольнение, а сам устроил распродажу документов. Через подставных лиц, разумеется».\

Автор этих строк — Антон Антонов-Овсеенко, писатель, знаменитый тем рекордным количеством грязи, которое изливается со страниц его книг. Согласно официальной биографии, он — сын старого большевика, расстрелянного в 1938 году, и сам репрессированный как член семьи «врага народа». В лагерях он пробыл, с небольшими перерывами, до 1953 года. В общем, как раз та фигура, которой принято сочувствовать всем сердцем и сострадать всей душой. Ясно, что ни к наркному внутренним дел, ни к Сталину он теплых чувств не испытывает, и можно понять его желание свести счеты за отца и загубленную молодость. Хотя, с другой стороны... всю войну провел в лагере — но не был убит под Москвой, подо Ржевом, на Курской дуге, не умер от голода в блокадном Ленинграде, не сгинул в концлагере, как сын Сталина, не сгорел в танке... Ведь его сверстники на воле не

колбасой в мягком кресле объедались. Впрочем, это к делу не относится...

Но при ближайшем рассмотрении и сопоставлении дат в этой судьбе обнаруживаются некоторые очень любопытные несообразности. Отец Антонова-Овсеенко, небезызвестный старый большевик, был расстрелян в 1938 году, и, соответственно, в том же году сын стал «членом семьи изменника Родины». В этом малоприятном качестве он год спустя благополучно заканчивает исторический факультет МГПИ — как такое могло случиться? Либо все в СССР было не так уж страшно и не всех «членов семей», сажали, либо... либо он отрекся от собственного отца, так надо понимать? А еще через год, когда репрессии уже давным-давно закончились, его вдруг арестовывают как сына «врага народа». Вот уж, что называется, проснулись... Иррациональных объяснений, вроде того, что «органы выжидали», или «машина дала сбой», можно придумать сколько угодно.

Есть, впрочем, и рациональные объяснения такому казусу — что роковая аббревиатура «ЧСИР» тут вовсе ни при чем. Его ведь могли арестовать не за отцовскую вину, а за свою собственную. Какую вину — мы не знаем, но на определенные размышления это наводит. Тем более, что освободили его не в 1954—1956 годах, когда выпускали большинство «политических», а раньше — в 1953-м, по-видимому, в связи с окончанием срока. А ведь посадить могли за что угодно — например, за банальное воровство. Среди наших политических деятелей есть подобные фигуры — сидел за кражу, а говорит, что за инакомыслие...

К творчеству господина Антонова-Овсеенко мы еще будем не раз возвращаться, поэтому можно сразу отметить и такую странность. Как уже говорилось, по образованию он историк, а не повар или, скажем, агроном. Значит, должен знать, как пишутся

исторические книги. Ему прекрасно известно, что, называя факты, историк обязательно должен назвать и источники. В истории, как в разведке — мало добыть факт, надо еще точно сказать, откуда он взят. Например, так: «Как рассказывал соученик Берия по Сухумскому училищу Н.Н. своей младшей сестре...» В таком вот аспекте.

Откуда г-н Антонов-Овсеенко берет подробности, которыми насыщена его книга? Написана она смело и уверенно, так, словно автор говорит о вещах, которые хорошо знает. Вроде бы книга основана на воспоминаниях неких «старых большевиков, переживших репрессии». Имена их почему-то не называются, хотя, вроде бы, чего им бояться, после XX то съезда?

Тут надо знать, что собой представляют кочующие по нашим историческим книгам эти самые «старые большевики». Это такой собирательно-страдательный персонаж, на который очень удобно ссылаться, когда надо обосновать то, чему обоснований нет. Какой только бред ни вкладывается в уста этих неназванных «партийцев» — вплоть до того, что Сталин был отцом собственной жены или что Ленин перед смертью успел сказать своему повару, что его отравили. В девяноста девяти случаях из ста ссылка на неназываемого героя означает, что автор приведенные «факты» просто-напросто придумал.

То, что г-н Антонов-Овсеенко Сталина и Берия ненавидит, видно невооруженным глазом — такой злобой дышит каждая строчка его книги. Да, но почему? За расстрелянного отца? Но при чем тут Берия? За свой арест? Но за что его арестовали? Версия ЧСИР явно не проходит...

И вот тут-то он проговаривается — даже не в словах, а в интонации. Интонация иной раз говорит больше слов. «Как раз в то время, — пишет он, —

партию сотрясала дискуссия, в ходе которой Сталин, признанный мастер политической интриги, надеялся скомпрометировать Троцкого, убрать с дороги самого опасного соперника». Ну, во-первых, Троцкий успешнейшим образом компрометировал себя сам, и дискуссию развязал тоже он, историк, да еще живший в то время, должен был бы это знать. Но дело не в этом. Невольные нотки почтительности по отношению к Льву Давыдовичу выдают автора с годовой — да троцкист он, всего-то и делов! Отсюда и ненависть к Сталину и Берия, отсюда и совершенно троцкистские аргументы. И, кстати, уверенная и беспардонная брехня была любимым методом «демона революции» — ври, ври, что-нибудь да останется.

Какие именно «старые большевики» подкидывали ему информацию — ту, которая не выдумана, — тоже ясно. Как пишет Антонов-Овсеенко, в борьбе с Троцким «старая гвардия грузинских большевиков не поддержала генсека». То есть, его старые большевики — это пережившие репрессии троцкисты. Ну и что, спрашивается, они могли рассказать о Сталине и его сторонниках? (Кстати, перестроечные «демократы» ухитрились, топча Сталина, политически реабилитировать Троцкого, а между тем троцкизм — самое радикальное и кровавое из революционных учений, сталинизм рядом с ним как печка рядом с лесным пожаром.)

Да, ненависть куда сильнее и долговечнее любых политик и идеологий. Давно ушла в прошлое смешная фигурка «демона революции» с его бредовыми идеями, а запущенная в оборот ложь до сих пор растет и ветвится, живет своей собственной жизнью. Именно Троцкий запустил в обращение сказочки о «посредственности» Сталина, о «гениальном стратеге» Тухачевском, о кровавых расправах Сталина со старыми товарищами и пр. От многократных повторений эти

выдумки давно уже обрели статус истины, которую «все знают». И все сказанное о Берия тоже обрело статус истины. Что ж тем приятней расправиться с этой подлой ложью, потому что это не просто ложь, но именно подлая и отвратительная.

Послесталинские властители так преуспели в этой лжи, их так трясло от ненависти к Берия, что невольно возникает мысль: а в чем дело-то? Ладно бы, Берия был тем самым человеком, который истребил пресловутую «ленинскую гвардию» — но старых большевиков перестреляли при Ежове (к которому, кстати, отношение не в пример спокойнее). Пребывание Берия на посту наркома отмечено, как раз, отсутствием массовых репрессий. Так в чем же дело?

Буквально в последнее время этот вопрос начал потихоньку интересовать историков. Ответы даются разные, все в высшей степени предположительные. Ясно одно: Берия сделал нечто такое, чего «стая товарищей» не могла ему простить даже за гробом, и позаботилась, чтобы и потомки простить ему не смогли, чтобы это имя было опозорено в веках. Навскидку даже не подберешь в истории примера столь полного и безоговорочного очернения человека — до такой степени, чтобы даже сказать про него доброе слово было до последнего времени запрещено. Но ни каждый из старых большевиков в отдельности, ни все вместе как-то не тянут не только на мессию, но даже на самого скромного святого. Они напоминают не ангелов, а совсем наоборот — достаточно взглянуть на фотографию, скажем, того же Троцкого.

Чисто теоретический вопрос: а будет ли проклят так же, как Иуда в собрании апостолов, честный человек в собрании Иуд?

...Только с перестройкой, и то не в первые ее годы, начали появляться объективные публикации. И вот чем

дальше, тем крепче становилось ощущение: что-то в общепринятых версиях нашей истории очень и очень не так. Какая-то в них присутствует нелогичность. Не вырисовываются портреты людей и портреты событий («демократические» версии а-ля Оруэлл думаю, можно изначально не учитывать). Сталин, безусловно, знаковая фигура двадцатого века — да, пожалуй, и всей российской истории. Но и в его портрете чего-то не хватает, какого-то звена, скрепляющего разрозненные события.

А потом, на уровне интуиции, пришло ощущение, что у этого времени есть не только знаковая фигура, но и кодовая — человек, который даст ключ к пониманию времени. И, тоже на уровне интуиции, пришло знание, что эта фигура — Лаврентий Берия, недостающее звено истории.

И это на самом деле оказалось так. По мере работы над биографией Берия, поиска и систематизации разрозненных сведений — иной раз это была буквально фраза или несколько слов — по мере того, как из этих кусочков собирался портрет человека и государственного деятеля, становилось ясно: да, именно Берия — кодовая фигура эпохи. Его биография дает ключ к пониманию того, что происходило в последние пятнадцать лет жизни Сталина, а эти годы — ключевые, важнейшие в истории страны, определившие ее последующее движение и завершивший это движение позор. Сталин в этом позоре не виноват, он честно сражался и проиграл, но с кем он сражался, как и во имя чего — это стало ясно, лишь когда определилась подлинная структура власти, когда стало понятно, что послевоенный СССР — это система двойной звезды, двоих равновеликих, но разновозрастных государственных деятелей, один из которых реализовал все, на что был способен, а другой был убит в самом начале, снят на лету, и этот факт, это

отсутствие преемственности предопределило последующую трагедию страны, в историю которой 26 июня 1953 года следовало бы вписать траурным цветом.

Такая картина вырисовывается по мере того, как из осколков составляется портрет человека, представляющего собой недостающее звено эпохи.

ЧАСТЬ 1. ГРУЗИЯ

ГЛАВА 1

«НИЧЕГО НЕ ИМЕЛ И НЕ ИМЕЮ...»

Фамилия, имя, отчество (кличка): Берия Лаврентий Павлович.

Год и место рождения: 1899 г., г. Сухуми.

Происхождение: крестьянин.

Гражданство (Ваше и родителей): русско-подданные.

Семейное положение: холост.

Когда стали жить самостоятельным трудом: с 1915 г., с 17-летнего возраста.

На Вашем иждивении: мать Берия Марта Ивановна — 54 года. Сестра Анна Павловна — 16 лет, племянница Сусанна Капитоновна — 6 лет.

Не на Вашем иждивении: отец Павел Хухаевич — 50 лет.

Имущественное положение до революции: ничего не имел и не имею.

Из анкеты Л. П. Берия, сотрудника АЗЧК, от 10 февраля 1922 года.

Лаврентий Павлович Берия родился 17 (26) марта 1899 года в горном селе Мерхеули, что в 15 верстах от города Сухуми, в бедной крестьянской семье. Село находилось на территории Абхазии, но, как часто бывает на Кавказе, там жили представители разных национальностей (или, точнее, племен). Отец Лаврентия, Павел Берия, был мингрелом. По молодости лет он участвовал в какой-то заварушке и после стычки с жандармами перебрался из Минфелии в Абхазию, где полиция оставила его в покое — границы между

районами зачастую были для грузинской полиции непосильной преградой.

Мать, Марта Джакели, вроде бы приходилась дальней родственницей князьям Дадиани — но очень дальней. Княжеское происхождение мало помогло женщине, когда она осталась вдовой с тремя детьми на руках, и вскоре она вышла замуж за пришлого мингрела Павле, который был на четыре года ее моложе, но покорила сердце вдовы храбростью и красотой. Судя по возрасту сына Лаврентия, было ей тогда чуть меньше 30 лет.

От первого брака у Марты было, как минимум, трое детей — сын Капитон и дочери Елена и Агаша (по крайней мере, это те родственники, что упоминаются в анкетах и автобиографиях Лаврентия Берия). Позднее, по причине крайней бедности матери, попечение о старших детях взял на себя ее брат. От второго брака детей было трое. Старший сын в двухлетнем возрасте умер от оспы, дочь Анна — младшая — после перенесенной в детстве болезни осталась глухонемой. Одна была радость — сын Лаврентий, здоровый и смелый мальчишка.

Что такое бедная крестьянская семья в Грузии — разговор особый. Это совсем не то, что называют бедностью в наше время, и даже не то, что называлось бедностью в России того времени. Так, в России до революции крестьянская семья могла считаться бедной, но иметь лошадь или корову, или даже и то и другое. А в Грузии в то время половина крестьянских хозяйств не имела скота вообще. Сам Лаврентий Берия не рассказывал о своем детстве, но сохранился рассказ его жены о том, в какой обстановке выросла она. В нескольких строчках содержится картина яркая и точная — что такое бедность в Грузии начала XX века.

«...Отец мой имел в собственном владении два гектара земли, деревянный дом из трех комнат, под

крышей которого постоянно стояли деревянные чаны на случай дождя. Не было рабочего скота, не было коровы и даже домашней птицы, т. к. не хватало кукурузы, собранной с этого клочка земли, даже для людей в семье; мясо или кружку молока я видела только в большие праздники, а сахар я первый раз в жизни попробовала в возрасте одиннадцати лет... Отец мой, в моей памяти, будучи уже совсем стариком, целый день босый и раздетый лил пот на этот небольшой участок земли...»

Основной проблемой Грузии всегда была земля. Кавказская пословица говорит: «На меже всегда валяются черепа». Дом, в котором выросла Нино Гегечкори, был не самым бедным в деревне, однако и здесь основной едой была кукурузная каша — мамалыга, а скота не было не потому, что было не купить, а потому, что не прокормить. А ведь в России, даже в самых малоземельных районах, основной проблемой бедной семьи было именно купить лошадь или корову, а уж выпасы и сенокосы были — в лесу, по неудобьям, но были. В Закавказье же каждый клочок земли полит не только потом, но и кровью.

...Что ожидало Лаврентия при подобной жизни? Изо дня в день биться на клочке земли, не в силах заработать даже на скудное пропитание?

Единственной надеждой бедняков были сыновья. Умный ребенок в семье — надежда родителей на верный кусок хлеба для сына и на обеспеченную старость для себя.

Как вспоминал позднее Серго Берия, сын Лаврентия, дед его до старости жил в деревне и другой жизни для себя не желал. О том, как складывались отношения в семье, можно было только догадываться, но, по всей вероятности, здесь, как и в семье Сталина, именно мать настаивала на том, чтобы учить сына — если повезет,

он может стать чиновником или священником. Это была мечта многих честолюбивых матерей из бедных семей — дальше этого их надежды не поднимались.

Екатерина Джугашвили мечтала видеть сына священником. Марта Берия, тоже, как и мать Сталина, глубоко верующая, отдала мальчика все же не в духовное, а в светское учебное заведение. Когда Лаврентию исполнилось восемь лет, его устроили в Сухумское высшее начальное городское (или, как тогда говорили, реальное) училище. Обстоятельства, сопровождавшие это решение, темны. Серго Берия, сын Лаврентия, пишет, что для того, чтобы учить ребенка в Сухуми, дед Павле продал полдома. А когда тот решил учиться дальше, «пришлось деду Павле и вторую половину дома продать и перебраться с семьей в хибару из дранки». Исследователь Алексей Топтыгин утверждает несколько иное. «Преимуществом Сухумской школы было бесплатное обучение, — пишет он, — но для содержания ребенка в Сухуми требовались средства, поэтому родители продали половину дома, а Марта поселилась вместе с сыном, подрабатывая шитьем...»¹.

Но отец при этом остался в Мерхеули, а Марта взяла с собой младшую дочь, которой к тому времени было не более двух лет, и больше в деревню не возвращалась, даже тогда, когда сын вырос и вполне был способен содержать себя сам. Как хотите, но на родительское самопожертвование это мало похоже — а похоже, скорей, на развод с разделом имущества. Иначе она, уж наверное, поставив на ноги сына, вернулась бы к мужу, не так ли? Или родители нашли бы какой-нибудь способ устроить мальчика в Сухуми одного. Естественно, Серго об этом обстоятельстве не упоминает, зато пишет, что дед до конца жизни прожил в деревне, а бабушка по-прежнему жила вместе с сыном. Умер Павле Берия тогда, когда они жили в Тбилиси, то есть в 30-х годах, а

его жена дожила до глубокой старости, после смерти сына была выброшена властями из квартиры и доживала век в доме для престарелых.

Итак, Марта перебралась в Сухуми с сыном и крохотной дочерью, и теперь все было подчинено одному — образованию Лаврентия. Основными предметами в реальном училище были русский язык, арифметика, закон Божий, в старших классах — немного истории, географии, естествознания. Обучение было, как уже говорилось, бесплатным, уровень его не Бог весть какой, но вполне достаточный для того, чтобы способный мальчик мог рассчитывать в дальнейшем получить приличное образование и, ступень за ступенью, пробить себе дорогу в жизни. Именно таким путем шли многие выбившиеся из низов инженеры, промышленники, ученые. Лаврентий выбрал строительство. Он с детства прекрасно рисовал и мечтал стать архитектором, и, если бы не революция, скорее всего, осуществил бы свою мечту. Архитектура осталась его любовью на всю жизнь, а Тбилиси, реконструированный при Берия, его любимое дитя, даже спустя много лет был одним из самых благоустроенных городов Союза.

Естественно, в таких обстоятельствах мальчик не мог позволить себе учиться плохо. Училище он закончил с отличием, и в 1915 году поступил в среднее механико-строительное училище в Баку.

Лаврентий очень рано начал работать — как только смог хоть что-то зарабатывать. Еще в Сухуми он бегал по урокам, писал неграмотным и не владеющим русским языком письма и прошения, а когда немного подрос, стал летом работать в нефтяной компании Нобеля. Когда он перебрался в Баку, мать и сестра последовали за ним — и это дает дополнительные основания думать, что Марта к тому времени разошлась с мужем. Вскоре на их попечении каким-то образом оказалась и

маленькая Сусанна, дочь сына Марты от первого брака. Трудно сказать, как немолодая женщина и учащийся-подросток ухитрялись кормить такое семейство, чем они все жили, ясно одно: в материальном отношении Берия приходилось куда хуже, чем тому же Сталину в этом возрасте, хотя и Сталин был бедняком из бедняков — но, по крайней мере, он жил один. А, как говорят в народе, «одна голова не бедна». Вот что значила строчка в анкете: «ничего не имел и не имею».

Но и при такой трудной жизни Лаврентий все же не остается в стороне от политики, которой тогда в Российской империи были больны все поголовно — по крайней мере, в образованных и полуобразованных слоях общества.

Как и большинство учащихся той поры, он видел панацею от всех несправедливостей жизни в радикальном переустройстве общества и нашел свое место на левом краю политического спектра. В нищем Закавказье традиционно были сильны социал-демократы. Это был один из регионов, который дал партии большевиков целый букет ярких революционеров — Сталина, Орджоникидзе, Шаумяна, Микояна... А ведь большевики не были особо многочисленны в этом регионе, гораздо более мощной партией являлись меньшевики — но не в Баку. Промышленный Баку был традиционно большевистским центром.

Уже в октябре 1915 года Лаврентий принимает участие в работе нелегального марксистского ученического кружка, где становится казначеем, что тоже о многом говорит — абы кому даже небольшие деньги не доверят. Но он сочетает в себе абсолютную честность и скрупулезную бережливость выходца из бедной семьи. Так и впредь — в чем только его ни обвиняли, но в воровстве и расточительности —

никогда. В среде учащихся он также пользуется авторитетом — его избирают, нелегально, старостой класса. В автобиографии 1923 года Берия пишет, что в марте 1917 года вместе еще с четырьмя ребятами организовал ячейку партии большевиков, и впоследствии он отсчитывает свой партстаж с марта 1917 года.

И вот посмотрите — что значит предубеждение. Ни в одной биографии самых разных советских деятелей никогда не звучит ни нотки сомнения по поводу их дореволюционных марксистских симпатий. Кто из них не участвовал в ученических кружках — да все с этого начинали! А тут Алексей Топтыгин, добросовестный и неплохо относящийся к своему герою исследователь, вдруг пишет: «Правда, об этом кружке мы знаем только со слов самого Берия... Конечно, для успешной карьеры в советское время совсем неплохо было иметь дореволюционный партийный стаж. И кружок мог быть просто позднейшей выдумкой...» и т.д. Помилуй Бог — какая выдумка! Какая карьера! Это в 1923 году-то, когда все в стране стояло вверх дном и вообще еще было непонятно, какого рода власть сформируется из всего этого месива, двадцатичетырехлетний Лаврентий сидел себе и просчитывал:

«А вот мне для карьеры нужно то-то и то-то...» Это, знаете ли, картинка совсем из других времен, и не надо путать развитой социализм с военным коммунизмом. Ему было не до того, чтобы размышлять, как бы попасть в номенклатуру, он по горам за бандитами гонялся!

..Итак, свой партийный стаж Лаврентий Берия отсчитывает с марта 1917 года. К тому времени он, хотя и немного знающий о марксизме — какие там знания в восемнадцать лет! — но очень энергичный товарищ, и старается приложить свои немногие знания и многие убеждения к делу Летом 1917 года он поступает, в

качестве практиканта военно-строительного отдела, в гидротехническую организацию армии Румынского фронта и отправляется в Румынию. Страна стоит вверх дном, армия тоже разваливается на глазах, в ней процветает «демократия», и восемнадцатилетний практикант становится председателем отрядного комитета и делегатом от лесного отряда, в котором работает. Ничего из ряда вон выходящего здесь нет, были у Октябрьской революции деятели и помоложе.

В декабре он возвращается в Баку — царя нет, Временного правительства нет, советская власть торжествует — гуляй, братва! И чем, вы думаете, он занимается? Бегает по митингам, пишет листовки? Ничего подобного: он... усиленно принимается за занятия, наверстывая пропущенное.

В январе 1918 года «сессия» Лаврентия Берия заканчивается, и марксистские симпатии приводят его в Бакинский Совет, куда он поступает в качестве сотрудника секретариата, везет на себе «текущую работу», иначе говоря, пишет бумажки и получает жалованье. В этом качестве он пребывает до самых последних дней существования Совета и даже успевает поработать в ликвидационной комиссии. Перед ним стройной чередой проходят все этапы существования советской власти в Баку, а эта история, пожалуй, не имела аналогов даже в послереволюционной России.

ГЛАВА 2

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ БАКИНСКОЙ КОММУНЫ

...Термин «война» к этому времени не очень-то подходит. Более точны те, кто называет это время смутой. По силе и глубине всеобъемлющую смуту Гражданской войны трудно с чем-либо сравнить. Собственно говоря, считать ее схваткой красных и белых можно лишь весьма условно. Кроме них там присутствовало еще множество самых разнообразных сил — политических, стихийных, черноземных. Они контролировали свои территории — кто большие, кто крохотные, устанавливали на них свои законы. А на большей части необъятной страны ни закона, ни власти не было вообще. По ней носились люди с ружьями на лихих конях, грабили, убивали, насиловали, стреляли в каждого, кто им не нравился. Другие люди с ружьями защищали свои дома, а на досуге сбивались в банды и тоже грабили, убивали, насиловали. Информации не было никакой, поскольку не то что телевидения, а даже и радио, считай, не существовало, один телеграф да газеты, кормившиеся с того же телеграфа. А в деревнях одни лишь смутные слухи — в деревнях же жило четыре пятых России. Кое-какая идеология имелась в столицах, остальной стране понимание того, что они делают, заменяли лозунги да классовое чутье. Хлеб был дорог, иголки еще дороже, а жизнь человеческая не стоила ничего.

Да и война, как таковая, была войной особого рода — в отличие от Первой мировой или Великой Отечественной, где существовала военная форма, фронты, тылы, генералы и т.п. Состояние фронтов в

1918 году символически хорошо отображают известные кадры из фильма «Бумбараш», когда мимо спрятавшегося в кустах главного героя во всех направлениях проходят красные, белые, зеленые, золотопогонные...

В 1918 году фронт Гражданской войны представлял собой множество точек разных цветов, разбросанных по карте, — если бы такую карту хоть кто-нибудь потрудился составить и следить за ее изменениями. Белые рисовали погоны чернилами, красные цепляли ленточки на шапки, чтобы во внезапно вспыхивавших остервенелых схватках хоть как-то отличать своих от чужих. Боевые действия были мельтешением отрядов, передвигавшихся во всех направлениях, занимавших города и станицы, оставлявших города и станицы, схватывавшихся со всеми, кто встречался им на пути, гонявшимися за всеми, драпавшими от всех, устанавливавших советскую, белую, зеленую и прочие власти, о которых подчас не имели ни малейшего представления. Они били буржуев, большевиков, жидов, москалей, иногородних, а также тех, с кого можно было поживиться или просто чья рожа не нравилась. Единственной общей чертой у всех был грабеж мирного населения, которое, правда, тоже было мирным лишь по названию, ибо разбежавшиеся с развалившихся фронтов солдатики натащили по домам огромное количество оружия и пускали его в ход против всех, кто их грабил, и всех, чья рожа им, в свою очередь, была не по душе. Так выглядела гражданская война в России.

На Кавказе было то же самое, только в квадрате, с учетом близости турецкой границы и кавказского менталитета. Распря между большевиками и царским правительством послужила лишь детонатором, от которого мгновенно рванули все другие мины, заложенные в этом . регионе: сепаратизм,

межнациональные конфликты, межрелигиозные конфликты, наконец, пресловутый кавказский менталитет, когда при каждом удобном случае каждый, кто имеет возможность, тут же окружает себя горсткой головорезов и называется князем, после чего ни до страны, ни до народа ему уже дела нет — хоть трава не расти. И не растёт.

Итак, что же творилось в Закавказье в безумном 1918 году?

Самоопределение вплоть до отделения

В начале октября 1917 года на состоявшемся в Тифлисе съезде Закавказской партийной организации большевиков, в преддверии революции, разгорелась дискуссия... по национальному вопросу Самое, конечно, время!

До сих пор в программе организации было записано требование самоуправления для национальных областей. Но только что приехавший из Петрограда Степан Шаумян вдруг заговорил о новых ленинских идеях — самоопределении вплоть до отделения. «Мы близко подходим к социальной революции, следовательно, нам меньше следует бояться децентрализации», — говорил он. Разгорелся ожесточенный спор, в результате которого в резолюции съезда под влиянием Шаумяна записали:

«Автономия Кавказа, с созданием сейма...».

По злой иронии судьбы, вскоре на Кавказе появились и автономии, и сейм. Правда, большевики были от них не в восторге, а подчас и в ужасе, ибо история в своем непреклонном развитии забыла посоветоваться с Лениным. Он-то имел в виду, что автономные народы будут существовать под его чутким

руководством и жить по его программе — а они взяли и не захотели...

...В отличие от большевиков, все влиятельные партии Закавказья — и «Дашнакцутюн», и «Мусават», и грузинские меньшевики — все были за единство с Россией. Кое-кто на словах, чтобы не отталкивать население — мусульмане-мусаватисты с самого начала тяготели к Турции, но до поры это тяготение предпочитали не афишировать. Другие вроде бы на деле — армяне-дашнаки, представители народа, на собственной шкуре испытавшего прелести турецкого владычества и резни «неверных», понимали, что, кроме России, от турок их никто не спасет. У грузинских меньшевиков были свои идеи — Великой Грузии, но о них несколько ниже... Надо только упомянуть, что они с самого начала своего существования были «грузинской» партией, в отличие от большевиков, состав которых был интернациональным. Это чтобы не думать долго, почему в других республиках националисты, а в Грузии вдруг — меньшевики.

А потом пришло известие, что 25 октября 1917 года в Петрограде взяли власть большевики. Относиться к этому событию серьезно было немыслимо — ну кто на Кавказе серьезно относился к большевикам? В первые дни так никто толком и не понял, что, собственно, произошло в столице. Поняли только одно — скорее всего, центральной власти какое-то время не будет. Тогда-то и наступил «момент истины» для всех национальных сил.

Уже 11 ноября представители партии азербайджанских националистов «Мусават», партии армянских националистов «Дашнакцутюн» и заступивших место грузинских националистов партий меньшевиков и эсеров собрались в Тифлисе и вынесли решение о создании «независимого правительства Закавказья». 15(28) ноября был образован орган власти

под названием Закавказский Комиссариат, который возглавил меньшевик Е. П. Гегечкори.

Сейчас пытаются представить дело так, будто они приняли это решение, спасаясь от большевиков. Да ничего подобного! Кто тогда воспринимал большевиков настолько серьезно, чтобы от них спастись! Нет, «спасались» они не от большевиков, а от России, точь-в-точь, как в начале 90-х годов XX века...

..Война с Германией мало волновала независимых закавказцев. Их основными противниками всегда были турки, оказавшиеся союзниками немцев в Первой мировой войне и в меру сил воевавшие с Россией. (Собственно говоря, в свое время закавказские республики и кинулись в объятия России, спасаясь от этих милых соседей, которые вели с ними войну на истребление.) 30 ноября 1917 года главнокомандующий турецкой Восточной армией Вехиб-паша предложил Комиссариату заключить мир, и 5 декабря Закавказский Комиссариат заключил с Турцией сепаратное соглашение о перемирии и начал мирные переговоры.

После подписания перемирия русские солдаты в Закавказье стали как-то вроде бы и не нужны. Местным властям не хотелось их кормить, самим солдатам война за четыре года осточертела, и части Российской армии, находившиеся на Закавказском фронте, как и прочая армия, ринулись домой. И тут Комиссариат осознал: конечно, это хорошо, что русские уходят, — но Закавказье-то остается без защиты! Перемирие же — вещь ненадежная. Решено было срочно создать национальные войска. А чтобы обеспечить их оружием, разоружить уходящие части.

Председатель краевого центра меньшевик Ной Жордания отправил на места циркулярную телеграмму.

«Ввиду того, что воинские части, уходящие в Россию, забирают с собой оружие и в случае неудавшегося перемирия национальные части могут

остаться без достаточного вооружения для защиты фронта, краевой центр Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил предложить всем Советам принять меры к отобранию оружия у отходящих частей и о каждом случае доводить до сведения краевого центра»².

Непонятно, чего в этой телеграмме больше: ясноглазой детской наглости или такого же ясноглазого детского убеждения, что Россия обязана снабжать свои окраины оружием, вне зависимости от их собственных действий. Как видим, эта убежденность наших закавказских братьев родилась не в 90-х годах XX века, а гораздо раньше.

Один из грузинских меньшевиков, Валико Джугели — правда, с сентиментальным преувеличением — говорил 14 января 1918 года: «Это было не разоружение, а разграбление солдат. У несчастных, измученных, тоскующих по дому людей забиралось все, вплоть до сапог. Здесь же шел торг. Разбойными бандами продавалось вооружение»³. Ну да, продавалось — а он чего хотел? Не знал, что ли, где живет?

Впрочем, далеко не всегда солдаты-фронтовики позволяли забирать у себя «все, вплоть до сапог». Кончилось все печально: 9—12 января у станции Шамхор в Азербайджане попытка разоружить несколько эшелонов русских солдат привела к инциденту, известному под названием Шамхорской бойни. Команда грузинского бронепоезда и мусаватистский отряд сделали попытку отобрать оружие у едущих домой солдат. Завязалась перестрелка. По советской версии, грузины и мусаватисты в ходе разоружения перебили около тысячи солдат, во что верится слабо — не очень-то просто каким-то вчерашним штатским не только отобрать оружие у эшелона озлобленных фронтовиков,

но и поубивать столько народу. Они могут не хотеть защищать родину, но себя они защищают не на шутку. Что-то там было не то...

Ну, конечно же, не то и не так! Историк В. П. Булдаков по материалам грузинской следственной комиссии так описал эти события. «9 января 1918 года у станции Шамхор один из воинских эшелонов был остановлен грузинским заградительным отрядом с бронепоездом, начальник которого проявил излишнее рвение. В течение двух суток, пока шли переговоры, к станции съезжались, с одной стороны, тысячи азербайджанских крестьян, с другой — еще три воинских эшелона. Началась стрельба. Фронтовики, без сомнения, расчистили бы себе путь артиллерийским огнем, но один из снарядов угодил в огромный резервуар с нефтью. Горящая нефть хлынула в низину, где расположились со своими подводами азербайджанцы. Вскоре взорвалось еще несколько емкостей с горючим, после чего пламя охватило и часть вагонов, в том числе во встречном пассажирском поезде, следовавшем в Тифлис. Количество убитых и заживо сгоревших с той и с другой стороны так и не удалось подсчитать, но жертвы исчислялись тысячами»⁴. Вслед за пожаром последовала резня. Оставшееся на поле боя оружие стало трофеем доблестных закавказцев. Им досталось, по некоторым данным, около 15 тысяч винтовок, 70 пулеметов, пара десятков пушек (правда, данные эти сомнительны, ибо 15 тысяч солдат, обладателей этих винтовок, попросту не поместились бы в четырех эшелонах). Кроме прочего, эта история свидетельствует о крайне низком боевом духе вконец разложившейся русской армии — иначе бы горячим кавказским парням не удалось не то что получить оружие, но и вообще покинуть Шамхор живыми. Именно после инцидента Джу-гели и лил слезу по поводу несчастных солдатиков, у которых сапоги отбирали...

Между тем турки играли свою игру. Они и не думали соблюдать условия перемирия. В правительственных кругах Османской империи имелось по вопросу отношений с Комиссариатом три течения. Вехиб-паша считал, что следует придерживаться условий Брестского мира, хотя бы на время переговоров. Талаат-бей — что надо, пока обстановка позволяет, захватить как можно больше закавказских территорий. Энвер-паша полагал, что к Турции должно быть присоединено все Закавказье.

Как только русская армия оставила фронт, Вехиб-паша, вопреки собственным утверждениям, начал наступление на города Турецкой Армении. Легко прослеживалась и цель наступления: Баку, нефть!

10 (23) февраля Комиссариат созвал в Тифлисе Закавказский Сейм — название большевистское, но большевиков там не было. Состоял он из депутатов, избранных от Закавказья в Учредительное собрание, и представителей все тех же партий — меньшевиков, дашнаков и пр. Его председателем, с правами президента республики, был избран меньшевик Н. С. Чхеидзе. Получилось эдакое временное правительство Закавказья, дееспособностью и ответственностью весьма напоминавшее «большое» Временное правительство.

Следующий ход турок был предельно прост. Едва представители Сейма заговорили о перемирии, у них тут же поинтересовались: а кто они, собственно, такие? Признает ли Закавказская республика себя частью России? Если признает, то по условиям Брестского мира она должна отдать Турции Каре, Ардаган, Трапезунд и Батум. Не желая отдавать территории и не в силах просчитать дальнейшие события, Сейм 9 (22) апреля объявил о создании независимой Закавказской Демократической Федеративной Республики, включавшей в себя Грузию, Армению и Азербайджан, со

столицей в Гяндже, поближе к бакинской нефти. Мусаватисты были за отделение от России, дашнаки — против. Все решила позиция грузин.

Говорят, что известный меньшевик Ной Жордания, несмотря на острую нелюбовь к большевикам, был категорически против отделения. Он прекрасно понимал, что независимое Закавказье не может тягаться с Османской империей и что, отделившись от России, оно, как перезревшее яблоко, само упадет в руки туркам. Но местных сепаратистов, вдохновленных перспективой отделения, эти соображения не волновали. Рассказывают, что, когда роковое решение было принято, Жордания заплакал.

Плакал он не зря: это была как раз та самая ловушка, в которую турки и загоняли недалёковидных правителей Закавказья. Сразу же после провозглашения независимости они предъявили новые территориальные претензии, куда более серьезные, потребовав отдать значительную часть Тифлисской, Эриванской и Кутаисской губерний, и тут же пошли на Тифлис, Эриван и Джульфу. Закавказская армия, как уже было сказано, испарилась, у новой независимой республики нормальных вооруженных сил не было, а мусульманская часть Сейма явно больше симпатизировала туркам, чем соседям-христианам. Что же касается христианской части населения, то ничего хорошего в случае победы воинов ислама ее не ожидало. Так Закавказская республика испытала первый развал — по межконфессиональным границам. Но это было только начало, и продолжение не заставило себя ждать.

Закавказское единство не выдержало испытания даже очень небольшим временем. 13(26) мая Сейм принял решение: «Ввиду того, что по вопросу о войне и мире обнаружилось коренное расхождение между народами, создавшими Закавказскую независимую

республику, и потому стало невозможным выступление одной авторитетной власти, говорящей от имени Закавказья, Сейм констатирует факт распада Закавказья и слагает свои полномочия». Сейм сделал свое дело — отделился, не справился с властью и теперь мог честно уйти в отставку.

13 (26) мая была провозглашена Грузинская демократическая республика, 14 мая — Азербайджанская, а 15 мая — Армянская. С этого момента каждый спасался в одиночку.

Едва образовавшись, Азербайджанская республика обратилась в Стамбул с просьбой о присоединении Азербайджана к Турции. Были, правда, проблемы, связанные с Баку, но о них несколько дальше.

Грузинское правительство тут же бросилось за помощью к Германии, которая, будучи союзницей Турции в Первой мировой войне, к тому времени еще не окончившейся, имела на нее некоторые рычаги воздействия. Германия немедленно арендовала у Грузии порт Потти на 60 лет, перебросила сюда несколько рот солдат и занялась грабежом и вывозом всего, до чего могла дотянуться, — но турки остановились. Между Германией и Турцией существовал договор, по которому территории, где были немцы, не могли быть заняты турками.

Почувствовав себя в безопасности, грузины тут же оставили позиции на турецком фронте, предоставив своих союзников армян их собственной судьбе. Турки были с большим трудом остановлены неподалеку от Еревана, а вся захваченная территория стала их военным трофеем. От Армении осталось два уезда. С другой стороны, Грузия быстро захватила все спорные армянские территории, не взятые турками, и заявила, что армянское государство нежизнеспособно и может существовать лишь в составе Грузии — но армяне предпочли голод и призрак близкой смерти.

Самая интересная ситуация сложилась в Азербайджане. Новообразованная республика просилась в состав Турции, между тем она не контролировала собственную столицу. Там была совершенно непонятная власть, по виду советская, а по сути неизвестно какая.

«Высшие власти» города Баку

27 октября 1917 года Бакинский Совет рабочих и военных депутатов, прослышав о восстании в Петрограде, собрался на свое расширенное' заседание. Большевики, входившие в Совет, естественно, были в восторге от происходящего, остальные — не очень. Большинством голосов, совместным решением представителей трех партий — эсеров, меньшевиков и дашнаков, Совет заявил, что восстание следует ликвидировать, всю власть передать Учредительному собранию, а до того — коалиционному правительству.

Большевикам, оставшимся в меньшинстве, это, само собой, не понравилось, и они прибегли к испытанной тактике: задавить не кворумом, а числом и глоткой. 31 октября 1917 года они собрали еще одно расширенное заседание Совета, куда привели многочисленных представителей заводских, солдатских и флотских комитетов — естественно, тех, что были большевистски ориентированными. Заседание тут же объявило себя конференцией Совета, и свежееобъявленная конференция заявила, что она и есть главный орган революционной власти. Оскорбленные большевистским самоуправством эсеры и меньшевики тут же покинули помещение, зато на стороне большевиков выступили... азербайджанские националисты из партии «Мусават», резонно рассудившие, что раз дашнаки против, то надо

бы поддержать. Совет переименовали, по столичному образцу, в Совет рабочих и солдатских депутатов и объявили высшей властью, после чего он вступил в борьбу с другими «высшими властями» города Баку.

Покинувшие Совет представители партий создали «Комитет общественной безопасности», объявив его единственным демократическим органом власти. Итак, высший революционный орган — раз, высший демократический — два, а кроме них, в городе существовали еще «Исполнительный комитет общественных организаций» — местный орган Временного правительства и городская Дума. Все были властями, и все — высшими.

Главным большевиком в Закавказье был Степан Шаумян, член Кавказского краевого комитета РСДРП(б) и чрезвычайный комиссар Совнаркома по делам Кавказа — персонаж достаточно колоритный и, как показали дальнейшие события, особой щепетильностью не отягощенный.

Ситуация возникла совершенно бредовая. Закавказье отделилось от России, как белой, так и советской, в то же время в самом Закавказье существовал очаг советской власти, находившийся под контролем большевиков и, естественно, отделяться не желавший, при этом существовал он именно в том самом месте, которое больше всего интересовало как большевиков, так и местных товарищей, и иностранцев. Больше, чем весь остальной регион, вместе взятый, поскольку Баку — это нефть. ...Но это было только начало. Торжественно удалившиеся из Совета меньшевики и эсеры вскоре вернулись, и зимой 1917/18 годов в Баку правил Бакинский Совет, в котором кого только не было: правые и левые эсеры, большевики, меньшевики, дашнаки, мусаватисты, даже старообрядцы-молокане. Можно представить себе

характер и дееспособность этого органа власти! В самом городе существовали Советы меньшего порядка, фабричные и заводские, военные и флотские, каждый из которых имел свое большинство и меньшинство, свою политическую ориентацию — и никакой дисциплины.

Но было у большевиков одно небольшое хобби, еще со времен революции 1905 года, — организация вооруженных отрядов. И, пока прочие политики распинались в Совете, они именно этим и занимались. При Бакинском комитете была создана боевая дружина, в рабочих районах появились отряды красногвардейцев. После того как в Баку приехали выдвленные меньшевиками из Тифлиса руководители краевого Кавказского военного совета, началась и организация армии. К июню 1918 года эта армия насчитывала 13 тысяч человек и имела даже три бронепоезда.

Кроме большевистских в городе существовали еще национальные армянские и азербайджанские воинские части, а также было полно войск и моряков, отряды которых после падения центральной власти подчинялись различным силам, иной раз в самых невероятных комбинациях. Значительной силой был Центрокаспий — Центральный Совет каспийской военной флотилии. Тон там поначалу задавали эсеры и меньшевики, но к весне 1918 года Центрокаспий поменял ориентацию на большевистскую.

...Естественно, альянс большевиков и мусаватистов продолжался чрезвычайно недолго, ибо две эти силы были изначально несовместимы. На Кавказе политика всегда значила меньше, чем где бы то ни было. Все здесь происходящее определялось какими угодно интересами: национальными, религиозными, клановыми, куначески-ми, но не политическими.

«Мусават» («Единство»), как уже говорилось, была азербайджанской националистической организацией.

Возникла она в 1911 году и поначалу называлась «Мусульманская демократическая партия „Мусават“». В июне 1917 года она объединилась с другой организацией — «Тюркской партией федералистов», которая появилась в городе Гянджа после Февраля. Полученный гибрид стал называться «Тюркская демократическая партия „Мусават“» и имел две столицы: в Баку и в Гяндже. Кажется, уже сама история создания и название партии говорят сами за себя, совершенно ясно показывая, что это за сила.

Большевистская партия всегда была интернационалом, или Ноевым ковчегом, как кому больше нравится. Кого там только не было: грузины, русские, евреи, по большей части безбожники, но с исторически сложившимися корнями и симпатиями. И очень много армян, которых мусульмане на дух не переносили, особенно в руководстве. Это противоречие было до такой степени антагонистичным, что существовала даже отдельная социал-демократическая партия для мусульман, под названием «Гуммет».

Чтобы еще лучше ощутить «прочность» большевистско-мусаватистского союза, надо знать, что в армяно-татарской резне 1905 года большевики выступали на стороне армян, и азербайджанцы этого не забыли. Для азербайджанца-мусульманина турок-единоверец был ближе соотечественника-армянина, а в большевистской партии заправляли русские и армяне, то есть, с точки зрения националистов, оккупанты, мешавшие воссоединиться с турецкими братьями, и кровные враги. Утешало только то, что большевики пока что не дружили с дашнаками, которые были еще хуже.

Едва турецкие войска начали наступление и стало ясно, что их цель — Баку, как мусаватисты начали готовиться к встрече. В то же время, окрыленные продвижением единоверцев, в Дагестане имам Гоцинский и «пророк» Узун-Хаджи объявили джихад —

«священную войну» и, собрав под свои знамена армию полудиких горцев, взяли Темирхан-Шуру (Буйнакск) и Петровск (Махачкалу), занятую красными. Те бежали, частью на пароходах в Астрахань, а частью по железной дороге в Баку, еще больше накалив и без того раскаленную бакинскую атмосферу.

Перед лицом зримой и реальной мусульманской угрозы сплотились все: местные красногвардейцы, красные части, бежавшие из Дагестана, моряки, рабочие, армянские националисты. Через Баку из Персии как раз возвращался полк армянского ополчения под командованием Татевоса Амирова, который тоже принял участие в происходящем. Мусульмане также изготавились к бою. Одна искра — и полыхнет!

29 марта 1918 года несколько сотен солдат и офицеров азербайджанского конного полка попытались уйти на пароходе «Эвелина» в Ленкорань. Их попробовали было разоружить, началась перестрелка. Естественно, азербайджанцы возмутились — как же, наших притесняют! — и 30 марта в городе прошли митинги протеста, тоже закончившиеся перестрелкой.

Воспользовавшись ситуацией, большевики решили взять власть. Они объявили, что в Баку началось восстание, организовали так называемый «Комитет революционной обороны города Баку и его районов», который, в свою очередь, объявил себя высшей властью в городе, что другим «высшим властям», естественно, не понравилось. Оказалось, что взять власть мало, ее надо еще и защитить, а для этого нужны вооруженные силы. Армянский национальный совет, в котором преобладали дашнаки, естественно, на дух не переносившие мусульман, предложил комитету воспользоваться своими вооруженными отрядами. Большевики согласились, и тут же радостно вспыхнула армяно-мусульманская резня, которая, вместе с

разборкой за власть, завершилась уличными боями между азербайджанскими вооруженными формированиями и всеми остальными. Приняв помощь армян и допустив резню, Совнарком обрел в лице мусульман непримиримых врагов.

Узнав о «восстании», Гоцинский с севера и бек Зиятханов с юга рванулись к Баку на помощь единоверцам. Однако красные были настроены решительно и оружия у них было больше, чем у горских банд. Зиятханова разгромили в Шемахе, а на севере, при помощи десанта из Астрахани, выбили Гоцинского из Петровска и Темирхан-Шуры. Положив под Петровском уйму народу, имам ушел в горы.

Разбитые горские отряды ринулись куда попало. На их пути оказалась Мугань, населенная русскими. Произошла крупная резня, но русские сумели организовать, создали тысячный отряд под командованием полковника Ильяшевича, снова разбили горцев и организовали Ленкоранскую республику, продолжив процесс самоопределения вплоть до отделения. Тогда мусульмане ушли в Карабах, населенный армянами, где тоже началась обоюдная резня. Тем временем на карте Закавказья появилась Армянская республика, в Нахичевани возникла мусульманская Аракская республика. Но и это был еще далеко не конец создания новых государств, которые плодились вплоть до 1920 года.

А тем временем в Баку продолжался процесс генерации «высших властей». 25 апреля 1918 года был образован Бакинский Совнарком, куда вошли только большевики и левые эсеры. Его председателем стал Степан Шаумян, армянин и большевик. В то же время продолжал существовать и Бакинский Совет, где по-прежнему спорили все те же партии, причем, совершенно сюрреалистическим образом, Совнарком являлся исполнительным органом Совета.

С пополнением бюджета новорожденный Совнарком справился просто. После мартовской победы окрепшая власть наложила контрибуцию на нефтепромышленников, потребовав от них выплатить 50 млн рублей. Нефтепромышленники поначалу отказались, но после нескольких арестов деньги из них все-таки выжали. Другим источником средств стали национализированные банки. Затем дошло и до национализации нефтепромыслов, чем бакинцы насмерть перепугали московский ВСНХ, уже имевший представление о том, как работают национализированные предприятия и боявшийся, что Советская республика останется без нефти. Однако Ленин поддержал Шаумяна, и нефтепромыслы также перешли в руки Совнаркома явочным порядком, не дожидаясь декрета из Москвы. Впрочем, развалиться они не успели, на это просто не было времени.

Совнарком, едва образовавшись, понес революцию дальше. Уже в апреле он издал декрет о передаче помещичьих земель крестьянам и позаботился, чтобы тот был доведен до сведения сельского населения. Земли на Кавказе всегда было мало, за землю бились отчаянно. Едва начавшись, земельная реформа тут же вышла из-под контроля: крестьяне начали захватывать землю и жечь помещичьи усадьбы, убивать помещиков и членов их семей и делить землю, что тоже всегда было кровавым делом. Теперь запылал и сельский Азербайджан.

А Баку, таким образом, де-факто вообще стал «вольным городом», сидящим на нефтяных скважинах, да еще и распространяющим свою революционную власть на все каспийское побережье Азербайджана. Это кто ж способен с таким положением смириться?

Оборона Баку

После развала Закавказской Федерации появилась еще одна власть: 28 мая 1918 года была провозглашена Азербайджанская демократическая республика, где правили мусаватисты, со столицей все в той же Гяндже. Вооруженные силы новорожденного государства тут же начали наступление на Баку. Численность этой армии насчитывала около 14 тысяч человек, однако это было весьма специфичное воинское соединение. Поначалу была предпринята попытка создать регулярные мусульманские формирования с русскими офицерами, но она не увенчалась успехом из-за полного отсутствия у воинов ислама воинской дисциплины, поэтому основу армии Азербайджанской республики составляли гвардии местных князей-беков и банды.

Им противостояла, и даже начала встречное наступление, так называемая Кавказская армия, главнокомандующим которой был военный комиссар Бакинского совнаркома, один из впоследствии расстрелянных «бакинских комиссаров» Григорий Корганов, а также вооруженные силы дашнаков и отряд старообрядцев-молокан. Эта объединенная армия насчитывала 15—18 тысяч человек. Большевистское правительство перебросило им из Астрахани вооружение: 80 орудий, 3 бронепоезда, 160 пулеметов, 13 самолетов и 7 броневиков. Хуже было с дисциплиной и воинским духом. В основе вооруженных сил красных в то время лежали советская демократия и революционный порыв, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В результате противоборства этих так называемых «армий» фронт просто замер у станции Кюрдамир, посередине между двумя столицами, Гянджой и Баку, и стоял там до тех пор, пока не прибыли турки.

Турецкий отряд Нури-паши насчитывал шесть тысяч человек, но это была хотя бы относительно регулярная армия. Фронт дрогнул и пополз к Баку.

В дело вмешались Германия и Москва, стараясь дипломатическими путями вывести турецкие войска из Азербайджана. Ленин предложил немцам неограниченные поставки нефти, если они помогут убрать от Баку турок. Однако Нури-паша был тоже сам себе господин и прекрасно чувствовал себя на службе у новоявленной Азербайджанской республики, не обращая внимания даже на собственное правительство, не то что на союзников.

Впрочем, на стороне бакинцев тоже имелось регулярное воинское формирование — как раз в это время из Персии домой пробирался двухтысячный отряд терских казаков под командованием войскового старшины Бичерахова. Сначала они вроде бы собрались воевать с мусульманами и заняли свое место на фронте. Если бы они оставались там до конца, возможно, история Бакинской коммуны сложилась бы по-иному. Но, с одной стороны, бакинское правительство Лазарю Бичерахову не понравилось, а с другой, как раз в это время дома, в Терском крае, его родной брат Георгий поднял восстание, и перекрасившийся Бичерахов в самый критический момент обороны снялся и ушел на север, разбил три встретившихся по пути красных полка и заняв Дербент.

Боеспособность же остальных частей была неплохой, лишь пока они наступали. Как только турки стали теснить Кавказскую армию, ее части тут же затрещали по всем швам. Даже такой осторожный человек, как Анастас Микоян, в своих воспоминаниях не смог скрыть этого факта.

Например, он приводит такой эпизод. Турки начали усиленно обстреливать позиции 3-й бригады, где Микоян был комиссаром. Сначала командир бригады,

дашнак Амазасп, неожиданно «заболел» и отправился в тыл. Вскоре к нему присоединился командующий отрядом, оставив свое подразделение на неопытного комиссара. Затем пришли бойцы молокане, заявившие, что их деревни находятся неподалеку, турки подходят, и им надо идти защищать свои дома. На следующий день рота красногвардейцев неожиданно бросила фронт и направилась в Баку. Их кое-как удалось остановить, но они через пару часов стали убегать другим путем, и, лишь пугнув их пулеметом, установленным на грузовике, бегство удалось задержать. А говорят, что заградотряды придумали чекисты в 1941 году! Да ничуть не бывало!

Матросы были более боеспособны, но еще менее дисциплинированы, они сами знали, что им делать и куда идти. Известен случай, когда матросский отряд встретил направлявшийся на фронт санитарный поезд, а в санитарном поезде ведь что? — медсестры и спирт. Встреча увенчалась тем, что моряки перепились в теплой женской компании, и, не успев проспать, были вырезаны подвернувшимся мусульманским отрядом.

И, чем дальше наступали турки, тем больше бойцами Кавказской армии овладевали растерянность, паника и желание идти защищать свои дома.

В общем, дело оборачивалось плохо. Из России помощи не было, попытки получить у засевшего в Царицыне Сталина отряд для помощи Бакинской коммуне успеха не имели, а свои войска воевать не желали. Кстати, о Сталине. Вот уже много лет его постоянно и неизменно обвиняют, что он не отправил ни одного солдата на помощь Баку. А с какого перепугу он должен был отправлять им подкрепление? У Бакинской коммуны на фронте было примерное равенство сил, а Сталин, тоже с примерным равенством сил, оборонял Царицын, причем не от каких-то там турок и горских банд, а от Донской армии Краснова. Нечего им

подкрепления слать, пусть сами воюют! И ведь Царицын, в отличие от Баку, белые тогда так и не взяли!

В общем, дело было плохо, мусульманские войска подступали вплотную к городу. Мусульманское население готовилось к встрече, предвкушая, как рассчитается за мартовскую резню. Остальные находились в панике. И тогда, 25 июля 1918 года, состоялось расширенное заседание Бакинского Совета совместно с фабрично-заводскими, армейскими и корабельными комитетами. Представителей всех этих партий и комитетов объединяло одно: ничего хорошего для себя от мусульман они не ждали. Поэтому большинством голосов было принято решение: для обороны Баку обратиться к англичанам, небольшой воинский контингент которых стоял неподалеку, в Персии. Те согласились, тем более что формально Азербайджанская республика, против которой им предстояло выступить, была союзницей Турции, а мировая война, где англичане противостояли туркам, к тому времени еще не закончилась. А главное, это дало англичанам повод приблизиться вплотную к желанной нефти.

Большевики и левые эсеры были против этого решения, неизвестно, на что рассчитывая. Точнее, известно на что. На собрании бойцов и командиров гарнизона Степан Шаумян говорил: «Только из России! Только от революционных товарищей из центра мы можем получить поддержку!» Но поддержки из центра не было и быть не могло. Кидать боеспособные части в бакинскую мешанину, где не было уже ни порядка, ни организации, — все равно что топить ими печку. Да и не дал бы им никто боеспособных частей, слишком уж их было мало в 1918 году. Единственной поддержкой из центра стал пришедший в июле отряд левого эсера Петрова численностью около 600 человек.

Сгоряча фракция большевиков даже приняла решение об уходе народных комиссаров со своих постов, но практически сразу они передумали, решив, что Совнарком должен продолжать работу. Сдаться? Еще чего! Отставка — не большевистский метод...

Вот как описывает Микоян обстановку в Баку того времени:

«...Не было хлеба: Баку уже был отрезан от Северного Кавказа казачьими бандами. Голод гулял по рабочим кварталам. Баку был отрезан от источника доброкачественной воды. Под стенами города скапливалось все больше и больше контрреволюционных полчищ. Гул артиллерийского огня заглушал притихшие заводские гудки. Страх возможной расправы... подтачивал силы рабочих».

Если что и было хуже голода и артиллерийского огня, так это мусульманские войска Азербайджанской республики.

Вечером 29 июля в Баку получили известие, что турки и азербайджанцы прорвали фронт и погнали красных, которые теперь находятся уже в Баладжарах, пригороде Баку. Именно в этот момент ушел с фронта казачий отряд Бичерахова. Что делали три красных бронепоезда, вообще непонятно. Красные войска были полностью деморализованы, воевать не хотели и были настроены паникерски. В городе тоже царила паника, после бесконечных заседаний сговорившиеся между собой меньшевики с эсерами, Центрокаспий и Армянский национальный совет решили послать корабли за англичанами в персидский порт Энзели. Армянский совет, пытаясь спасти свое население от резни, потребовал поднять белый флаг и начать мирные

переговоры. Турки обстреливали Ба-ладжары. А что же большевистский Совнарком?

А Совнарком в это время писал одну из самых позорных страниц всей Гражданской войны.

Бегство

11 августа 1918 года Анастас Микоян приехал с фронта в Баку. Зашел в ревком. И вот что было дальше...

«Открыл дверь в одну из комнат. Вижу, сидит Полу-хин, член коллегии военно-морского флота, прибывший из центра уполномоченным в Баку. Это был матрос высокого роста, лет тридцати пяти, очень всеми уважаемый. С ним — начальник бакинской школы командных кадров Солнцев. Они спокойно разговаривали.

— Что вы здесь делаете? — спрашиваю их.

— А сами не знаем.

— Как же так?

— Да мы тоже только что зашли в ревком и узнали, что наши товарищи эвакуировались в Астрахань.

— Неужели это верно?

— К сожалению, — отвечают, — факт.

— Как же так, — говорю я, возмущаясь, — приняв решение об эвакуации, даже не нашли возможности предупредить нас об этом в Баладжарах?

— А может, они и принимали меры, чтобы известить вас, но им, очевидно, не удалось с вами связаться, — возразили мне товарищи. Их

тоже никто не известил — настолько все неожиданно и экстренно произошло».

До последнего дня призывавший не сдаваться бакинский Совнарком 31 июля 1918 года внезапно сложил свои полномочия, и в тот же день большевистская верхушка, воинский отряд Петрова и некоторые другие части на семнадцати пароходах попытались отправиться в Астрахань, бросив войска на фронте. Все произошло столь внезапно, что они не предупредили даже тех своих товарищей в городе, которые были заняты или выполняли какое-либо задание. Грубо говоря, кто не успел — тот опоздал.

А 1 августа турки уже прорвались на окраины Баку. Между тем в городе осталась другая «высшая власть» — Совет, теперь уже без большевиков. Реальную же власть, исполнительную, приняла так называемая Диктатура Центрокаспия. Центрокаспий в апреле 1918 года был настроен пробольшевистски, но, видя происходящее безобразие, надо полагать, изменил свою политическую ориентацию. По крайней мере, об этом говорят его дальнейшие действия. Представители Центрокаспия, совместно с представителями исполкома Совета, и вошли в новое правительство.

Новая власть распорядилась задержать пароходы и вернуть их в Баку, на окраинах которого уже были турки. Понимая общую опасность, отряд Петрова выгрузил на берег артиллерию и, стреляя прямо с пристани, выбил неприятеля из города. Однако в бой красные части не пошли. «Беженцы» высадились на берег, заняли район пристани и стали ждать. И вот что они удумали — снова цитируем Микояна:

«Точно не помню, 2 или 3 августа была созвана партийная конференция, чтобы обсудить создавшееся положение и решить, как

быть дальше. После долгих споров конференция постановила: вооруженные силы в Астрахань не эвакуировать, а, наоборот, используя перелом в настроении бакинцев в пользу большевиков, вновь захватить власть в свои руки. Практически это было возможно. Противник располагал в городе меньшими силами, нежели мы, а подтянуть войска с фронта он бы все равно не успел...»

То есть что эти паразиты задумали! Пользуясь тем, что все наличные части Диктатуры были брошены против турок защищать город, в том числе и этих пристанских сидельцев, предполагалось, пока те удерживают врага на фронте, ударить им в спину и занять город. Ну, хорошо, допустим, заняли — а дальше-то что? А дальше предполагалось, ни больше ни меньше, как, опираясь на свои силы и на помощь с Волги, организовать оборону и отбросить турок.

Однако план этот так и не был реализован. По счастью, среди большевиков нашлись и трезвые головы. Ясно ведь, что помощи ждать не приходится, своими силами оборону уже организовывали и не организовали, да и красные войска были решительнейшим образом настроены не воевать, а драпать. А 4 августа в городе высадились англичане. Правда, их оказалось всего около тысячи человек, но это было регулярное войско, а по масштабам того времени тысячное регулярное войско — немалая сила. Так красные части и сидели в районе пристани, выставив охранение. Они не могли выйти в море, поскольку Центрокаспий не выпустил бы корабли, но и на фронт идти решительно не хотели.

14 августа они предприняли еще одну попытку бегства, все на тех же семнадцати пароходах. Поняв, что послать доблестных красноармейцев в бой все равно не удастся, правительство Баку снова задержало

эти несчастные пароходы, но уже не затем, чтобы вернуть беглецов обратно, а чтобы отобрать у них оружие — черт с вами, драпайте, сволочи, все равно от вас толку нет, но оружие оставьте, оно нужно для защиты города. Арестовано было всего лишь 35 человек'— верхушка Совнаркома и армии. Бросив своих командиров, красные войска благополучно добрались до Астрахани.

Тридцати пяти арестованным были предъявлены обвинения в попытке бегства без сдачи финансового отчета, в вывозе военного имущества и в измене. 11 сентября они были преданы военно-полевому суду. Но 15 сентября в Баку вошли азербайджанские войска. В суматохе бегства оставшиеся на свободе большевики сумели добиться от распадающегося на глазах правительства освобождения арестованных. Микоян вспоминает, что когда он, с ордером на освобождение, пришел в тюрьму, заключенные-большевики стояли у дверей камер, «словно ожидая чего-то»... Ясно, чего — надеялись, что товарищи их все-таки не бросят, как они недавно бросили товарищей.

Из тюрьмы все отправились в порт, где должен был ждать теплоход «Севан» с большевистски настроенной командой, но в панике эвакуации теплоход, под завязку набитый беженцами, не дождавшись «комиссаров», вышел в море. Они успели сесть на последний отходящий из Баку-пароход «Туркмен», у которого не хватало топлива, чтобы дойти до Астрахани, и он отправился в ближайший порт Красноводск, находившийся на противоположном берегу Каспийского моря. Правительство же Диктатуры Центрокаспия ушло в Дербент к Бичерахову.

Красноводск не был ни турецким, ни советским. Город находился в области, контролируемой так называемым Закаспийским временным правительством, пришедшим к власти в Ашхабаде 11-12 июля 1918 года.

Это был невероятный конгломерат из временно объединенных общими интересами эсеров, меньшевиков, туркменских националистов, дашнаков, белогвардейцев, контролируемый английской миссией. На местах власть осуществляли органы, называвшиеся стачками. В Красноводске у власти также был стачком, состоявший из рабочих-эсеров, во главе с эсером по фамилии Кун. Узнав, кто к ним прибыл, они тут же снова арестовали большевистскую верхушку, обвинив их в сдаче Баку туркам. Председатель стачкома связался с Дербентом, получил оттуда информацию о том, что арестованных собирались предать военно-полевому суду, и решил довершить начатое.

Стачком не очень-то заморачивался процессуальными вопросами. Следствие и суд были чрезвычайно простыми. У одного из арестованных, бывшего старосты камеры бакинской тюрьмы, нашли список, по которому тот распределял продукты. Рабочие приняли его за список «членов правительства» и всех поименованных в нем, присовокупив сюда командира вооруженного отряда Амирова, заявив, что их отправляют в Ашхабад для предания суду, посадили в вагоны и вывезли из Красноводска. Но до Ашхабада их не довезли — расстреляли на 207-й версте. Трудно сказать, то ли так и было задумано, то ли решение не возиться с арестованными приняли спонтанно, в порядке революционной инициативы. На самом деле вместе с настоящими «комиссарами» были расстреляны и их охранники, делопроизводитель, еще какие-то служащие — разбираться особо не стали.

Вообще-то в 1941 году за дезертирство и сдачу городов неприятелю тоже расстреливали.

Если эсеры знали, за что расстреляли «комиссаров», то у англичан явно были от страха глаза велики. Они придавали этому опереточному бакинскому

правительству совершенно ни с чем не сообразное значение и были чрезвычайно озабочены их судьбой. Так, эсер Фунтиков, председатель Ашхабадского правительства, 2 марта 1919 года писал: «Представитель английской миссии в Ашхабаде Тиг-Джонс, глава миссии, говорил мне лично до расстрела комиссаров о необходимости расстрела. А после расстрела выражал удовольствие, что расстрел в соответствии с видами английской миссии произведен».

Вскоре после этого англичане решили заменить правительство и свергли Фунтикова. Его место занял Семен Дружкин, тот самый человек, который непосредственно расстреливал комиссаров.

А в 1967 году в Лондоне вышла книга под названием «Закаспийский эпизод», написанная бывшим участником английской миссии Эллисом. Там написано: узнав о том, что всю эту братию повезли из Красноводска в Ашхабад, генерал Маллесон сказал, «что он считает, что ни при каких обстоятельствах комиссарам не должно быть позволено совершить переезд по железной дороге до Ашхабада», и предоставил своим подчиненным «решать, какие именно меры предложить для предотвращения этого».

Железная дорога-то тут при чем? Вот и пойми этих английских джентльменов...

Такова подлинная история Бакинской коммуны и бакинских комиссаров. Легенда о них был создана позднее. В 1920 году их перезахоронили на одной из площадей Баку, которая с тех пор стала называться «Площадью 26-ти бакинских комиссаров». Позднее миф пошел по нарастающей: в 1958 году там появился памятник, через десять лет — пантеон.

Очень любят вспоминать о том, что Сталин-де был врагом Шаумяна, присовокупляя к этому заявлению легенду о связях Сталина с охранкой. Трудно сказать,

так ли это было до революции, но после революции «комиссаров» он сильно не любил. Уже после Великой Отечественной войны он, по воспоминаниям Шепилова, «зарезал» Сталинскую премию авторам одной исторической книги за то, что там положительно оценивали деятельность бакинских комиссаров. Он тогда сказал:

«Бакинские комиссары не заслуживают положительного отзыва. Их не нужно афишировать. Они бросили власть, сдали ее врагу без боя. Сели на пароход и уехали». Как же должно было возмутить Сталина, в куда более трудных условиях отстоявшего Царицын, поведение Шаумяна и его товарищей, если это отношение сохранилось даже через тридцать лет...»

ГЛАВА 3

НЕЛЕГАЛ

...Лаврентий Берия, служащий секретариата Бакинского Совета, знал всю эту историю «от» и «до», все это позорище разворачивалось на его глазах. И, говоря о всех его дальнейших поступках, надо учитывать этот первый опыт советской работы. Вот уж насмотрелся...

Может быть, поэтому он в будущем, сталкиваясь с беспомощностью и безответственностью, будет иной раз терять выдержку и впадать в холодную, а то и «горячую» ярость. Кстати, хотя и будучи большевиком, сам Берия ни тогда, ни потом никуда бежать не собирался.

Это был первый опыт советской работы. А первый опыт работы партийной, не считая кратковременного участия в митингах на Румынском фронте, был у него сугубо специфический и, если вдуматься, неплохо его характеризует. Не каждому, так сказать, по плечу..

...Итак, в сентябре 1919 года город захватили войска Азербайджанской республики — мусаватисты и турки. Они устроили охоту на большевиков, ликвидировали Советы, отменили 8-часовой рабочий день и коллективные договоры, начали перестройку армии и госаппарата по турецкому образцу, но закончить не успели. Кончилась Первая мировая война, и туркам пришлось, в соответствии с мирным договором, уйти к себе домой. Не повезло.

Зато появились англичане: 17 ноября в Баку прибыла 39-я пехотная бригада во главе с генералом Томпсоном, который объявил себя генерал-губернатором города.

Опытные в колониальном деле англичане сразу повели себя, как «сагибы». Они ввели телесные наказания и публичные казни для местного населения, поставили две виселицы на одной из бакинских площадей. Попытались разоружить население, что было делом безнадежным. Это с одной стороны. С другой — сразу же запретили бакинским нефтепромышленникам продавать нефть кому бы то ни было, кроме них, даже Франции. Зато весь английский флот ходил на топливе из Баку. Англичане поставили под контроль весь транспорт, государственный банк. Они считали Закавказье своей сферой влияния, фактически уже колонией, и не собирались допускать сюда кого-либо еще. В том же 1918 году английский генерал Денстервиль писал: «Они должны продолжать убивать друг друга, пока не придут в изнеможение, а потом мы, может быть, сумеем навести там порядок».

С отменой национализации были одновременно отменены и все завоевания рабочих. Кроме того, нефтедобывающие отрасли охватил затяжной кризис сбыта. С одной стороны, англичане запрещали продавать нефть, с другой, основной потребитель — Россия, выбыла из числа покупателей. Зарплата снижалась, цены росли, не за горами было закрытие промыслов. В декабре 1918 года рабочие провели забастовку, и с тех пор в городе появилась легальная организация рабочих — Бакинская Рабочая Конференция, находившаяся под контролем меньшевиков и эсеров, которые сохранили свои организации.

Большевики же были полностью разгромлены, большая их часть ушла в Россию, а те, что остались, были разобщены и запуганы. Постепенно, с большим трудом, воссоздавалась организация, уцелевшие члены партии группировались в небольшие ячейки. Партия более-менее начала функционировать к январю-

февралю 1919 года, а первая партийная конференция прошла в марте 1919 года, спустя полгода после начала оккупации. Однако постепенно оправившиеся от разгрома большевики налаживали свою работу. Они захватили власть в Рабочей Конференции — рабочие, как обычно бывало в дни кризисов, стали стремительно «леветь». Это была если не легальная, то хотя бы полулегальная часть большевистской работы, которой, кстати, много сил отдал Анастас Микоян. Но Лаврентий Берия занимался другой работой — нелегальной.

Как уже говорилось, никуда бежать он не собирался. Берия работал в Совете до последнего дня. Более того, когда в Баку пришли турки, он работает еще и в ликвидационной комиссии Совета и покидает его в числе последних матросов утонувшего корабля власти, когда капитанов уже давно и след простыл. Никаким репрессиям он не подвергается.

Затем Берия устраивается на завод «Каспийское товарищество» конторщиком, чтобы заработать немного денег, — но пришлось бросить работу, потому что за всей этой революцией он изрядно запустил учебу (это совершенно невероятно, но все время Гражданской войны и до самого своего перевода в Тифлис он параллельно ухитряется еще и учиться). После очередного перерыва «на сессию» (в 1919 году он заканчивает наконец училище, получив диплом с отличием и специальность техника-строителя), в феврале 1919 года мы находим его в качестве, как он сам пишет, председателя коммунистической ячейки техников. Вот только непонятно, какой партии, ибо Азербайджанская коммунистическая партия образца 1922 года появилась в результате слияния трех партий — собственно АКП(б), а также партий «Гуммет» и «Адалет».

«Гуммет» («Энергия») — изначально была социал-демократической организацией, появившейся в Баку в

октябре 1904 года специально для работы среди мусульман, ибо в РСДРП мусульманин шел неохотно: слишком уж там много было всяких там грузин, русских, а еще того хуже — армян. В 1905 году, когда начались горячие дела, она стала фактически «мусульманским» отделом бакинской организации РСДРП. В 1907 году партия была разгромлена и, в отличие от РСДРП, уже не поднялась из руин. Возродилась она лишь после Февральской революции, зато сразу в двух вариантах — большевистском и меньшевистском. Дальше эти единоутробные сестры имели разную судьбу: большевики из «Гуммета» вошли в состав Бакинской коммуны, снова начав работать под руководством Бакинского комитета РСДРП(б). После падения коммуны левая фракция «Гуммет» ушла в подполье, правая же вошла в мусаватистский парламент. В апреле 1919 года обе фракции объединились, причем из 11 членов ЦК семеро были большевиками.

«Адалет» («Справедливость») — организация рабочих, выходцев из Ирана. Появилась она в мае 1917 года, во время Бакинской коммуны поддерживала большевиков. По решению комитета, все члены организации вступили в Красную армию. После падения коммуны эта партия также работала в подполье.

Впоследствии работу как собственно в АКП(б), так и в «Гуммете», и в «Адалете», можно было засчитывать как коммунистическую. Однако есть основания полагать, что Берия был связан с «Гумметом», он сам об этом упоминает в автобиографии. На первый взгляд странно — как православного по рождению Лаврентия занесло к мусульманам, но вообще-то ничего особо удивительного в этом нет. Работая в Совете, он наверняка знал активистов этой партии и, после крушения большевиков, мог оказаться у них, как потерпевший кораблекрушение оказывается на борту соседнего корабля.

Итак, Лаврентий является председателем небольшой коммунистической ячейки, помогает в качестве инструктора другим ячейкам, выполняет отдельные поручения. А осенью 1919 года вдруг оказывается... в мусаватистской контрразведке. С этим моментом его жизни связана целая мифология.

«Секретарем Кавказского бюро РКП(б) в Баку был старый подпольщик Виктор Нанейшвили, опытный конспиратор... Подпольное бюро находилось в захваченном мусаватистами Баку, на Телефонной улице, около немецкой церкви — кирхи. Помещение сняли на имя Мирзы Давуда Гусейнова, преданного партии товарища. Нанейшвили появлялся там редко... Адрес знали немногие. Дежурили на Телефонной улице по очереди, необходимую информацию передавали Нанейшвили поздно вечером, после дежурства.

Однажды в бюро пришли молодые члены партийной ячейки Технического училища Вася Егоров и Гриша Канер. Они привели с собой еще одного студента — невзрачного такого, прыщавого. Неизвестный назвался Лаврентием Берия и сказал, что ему нужно увидеться с товарищем Нанейшвили...

Прошло несколько дней, Саркисов спросил Нанейшвили:

— Зачем приходил тот человек?

— Он работает в мусаватистской охране и просит принять его в нашу партию. Обещает давать ценную информацию.

— Но ведь у нас уже есть свои люди в мусаватистской контрразведке — Мусеви и Ашум Алиев. Мы их туда специально послали. Зачем нам этот самозванец?

Опасения юного Саркисова вскоре же нашли косвенное подтверждение: Мусеви и Алиева

убили в ресторане, за обедом, двумя выстрелами в упор».

А. Антонов-Овсеенко. «Берия»

Ну, дорогие мои, ну как же можно, прочитав хоть одну книгу о подпольщиках или разведчиках, верить этой галиматье! Хорошо «подпольное бюро», где «юный Саркисов», а значит, и прочие юные и не очень юные ее члены, знают имена большевистских агентов, засланных в контрразведку. Да тут никакого лазутчика Берия не нужно, удивительно, что этих агентов раньше не шлепнули — с такой-то конспирацией...

Позднее вывели целую психологию: как Берия, используя связи и интриги, тщательно скрывал этот эпизод своей биографии, как исчезали люди, хотя бы косвенно причастные к этой жгучей тайне. На самом деле все это, конечно, чушь собачья, ибо этот факт был, где надо, прекрасно известен еще в 20-е годы, Берия его не скрывал, он отражен в его собственноручно написанной автобиографии.

Осенью 1919 года он поступает на работу в мусавати-стскую контрразведку вместе с членом ЦК «Гуммета», большевиком М. Ф. Мусеви. Ясно, что разведчиком в стане врага был не двадцатилетний Берия, а именно Мусеви, Берия же ему помогал, скорее всего, был связным. Из этого можно заключить, что после падения Коммуны он не участвовал в легальной деятельности большевиков, иначе был бы слишком «засвечен» для конспиративной работы. А также то, что он был уже проверен на нелегальной работе, поскольку абы кого в самое логово врага не пошлют. Кроме того, едва ли Мусеви взял бы на такое опасное дело человека, который был ему мало известен. Организации коммунистического толка к тому времени еще не

объединились. То есть, скорее всего, и Берия был членом «Гуммета».

В марте 1920 года Мусеви был убит, и Лаврентий уходит из контрразведки, где одному ему нечего делать.

Этот «хвост» тянулся за ним многие годы, несмотря на бесконечные объяснения. Уже в 1926 году И. П. Павлуновский, назначенный председателем Закавказского ГПУ, в письме Сталину писал: «...Перед отъездом в Тифлис меня вызвал к себе Пред. ОГПУ т. Дзержинский... и сообщил мне, что один из моих помощников по Закавказью т. Берия при мусаватистах работал в мусаватской контрразведке. Пусть это обстоятельство меня ни в какой мере не смущает и не настораживает против т. Берия, так как т. Берия работал в контрразведке с ведома ответственных тт. закавказцев и что об этом знает он, Дзержинский, и т. Серго Орджоникидзе». То есть еще семь лет спустя эта сплетня была жива. После смерти Берия Хрущев дал ей новую жизнь, и она благополучнейшим образом просуществовала до наших дней, как аналогичная сплетня о том, что Сталин был осведомителем царской охранки. Недаром Эркюль Пуаро сравнивал сплетни с Лернейской гидрой, у которой вместо одной отрубленной головы вырастают две новые. Сколько их ни развенчивай, но с каждым новым поколением историков они вновь вылезают на печатные страницы, как самая наиновейшая информация.

...После ухода из контрразведки Берия некоторое время работает в таможне — совсем, впрочем, недолго, ибо близится уже решающий поворот его судьбы.

Естественно, Советская Россия не могла оставить крупнейший нефтеносный район неизвестно в чьих руках. Его фактическое присоединение к России было проведено по классическому сценарию. В ночь с 27 на

28 апреля 1920 года был образован Временный революционный комитет, который провозгласил образование АзССР и тут же обратился к РСФСР с просьбой о военной помощи.

Впрочем, помощь была подана еще до просьбы о ней. Уже 27 апреля 11-я армия красных пересекла границу Азербайджана, в качестве авангарда пустив в сторону азербайджанской столицы четыре бронепоезда с десантом, на которых в Баку въехали и руководители компартии во главе с Микояном. Большого и не потребовалось: понимая, что игра проиграна, азербайджанское правительство попросту разбежалось. Вскоре в городе появились командующий 11-й армией Левандовский, а также видные большевики Орджоникидзе и Киров, и с тех пор Азербайджан можно было считать советским.

Берия, к тому времени отлично зарекомендовавший себя на нелегальной работе, по рекомендации комитета партии становится сотрудником регистрационного отдела (регистрода) при РВС 11-й армии — так тогда называли военную разведку. И почти сразу его снова направляют на нелегальную работу. Краевой комитет партии и регистрод отправляют Берия в качестве уполномоченного для подпольной работы в меньшевистскую Грузию — это уже далеко не роль связного. О нелегальной работе Берия в Баку мы знаем крайне мало, но, стало быть, он очень хорошо зарекомендовал себя, если его направили с таким заданием и в такое опасное место.

Краткая история независимой Грузии

...Итак, после распада Закавказской федерации 26 мая 1918 года была образована Грузинская

демократическая республика.

Почему Грузию называли меньшевистской? Председателем правительства в ней стал известный меньшевик Ной Жордания, в правительстве и парламенте ведущую роль играли социал-демократы (естественно, не большевики). В январе 1919 года состоялись выборы в Учредительное собрание Грузии, и из 130 мандатов 109 получили также социал-демократы.

...Первым актом нового, независимого от тиранической Российской империи, правительства стала договоренность с Германией и приглашение немецких войск — чтобы обезопасить страну от турок. В Поти высадилось несколько рот солдат. Правда, часть территории все равно пришлось отдать Турции — ворон ворону глаз не выклюет.

15 февраля 1918 года, выступая в Сейме по поводу Брестского мира, Жордания со страстью говорил: «Такой мир, какой подписали большевики, мы такого мира не подпишем, и лучше умереть с честью на посту, чем опозорить и предать себя на проклятие потомков». Менее чем через четыре месяца, оказавшись на посту главы государства, он подписал мир гораздо худший, фактически сделав Грузию немецкой колонией — и не умер!

О том, что на самом деле искали немцы в Грузии, говорит дополнительное соглашение к договору между странами. В первую очередь, Грузия интересовала Германию как территория, по которой проходит нефтепровод. (Учитывая этот интерес всех ее европейских покровителей, это государство в 1918—1919 годы иной раз так и называли: Грузинская нефтепроводная республика.) Кроме того, грузинское правительство на время войны предоставляло немцам исключительное право на покупку всех материалов на своей территории, не требовавшихся для внутреннего

потребления страны, и вывоза их без ограничений и пошлин. Совместное (половина на половину) владение горнорудными предприятиями и, опять же, право неограниченного вывоза их продукции. Всего лишь с мая по сентябрь немцы вывезли разнообразной продукции на 30 млн марок. Ну что ж, совсем небольшая плата за освобождение от русских оккупантов!

Правда, вскоре немцы стали вести себя в Грузии со всей прусской бесцеремонностью, как на оккупированной территории. Так, например, разоружение крестьян, проводимое методами, хорошо известными по Второй мировой войне, с привлечением местных жителей-немцев, едва не привело к междоусобной схватке.

15 июля 1918 года чиновник из Тифлисского уезда сообщает: «В Белоключенском районе немцы, жители села Асуреты, в количестве 25 человек с 15 германскими солдатами и одним германским лейтенантом разоружили ряд селений в Белоключенском районе, причем во время разоружения применяли к крестьянам самые репрессивные меры: избивали женщин, мужчин розгами до крови, убивали крестьянских собак, врывались в дома и проводили обыски... Германцы совершенно не считаются с администрацией и заявляют, что они сами хорошо наведут порядок у нас...»⁵. Еще пример: в августе 1918 года немецкий отряд потребовал от жителей села Сарван уплатить 150 тысяч рублей в пользу немецких колонистов, грозя иначе поджечь село. Местные жители в ужасе бежали. Надо полагать, что колонисты неплохо поживились их имуществом.

О том, на чьей стороне было правительство, говорит хотя бы тот факт, что уже в сентябре 1918 года министр иностранных дел Грузии Акакий Чхенкели был награжден немецким орденом.

Немцы ушли из Грузии лишь в декабре 1918 года, после поражения Германии. Но их место тут же заняли англичане.

У тех тоже были вполне определенные интересы. Армения англичанам была не нужна, поэтому новые хозяева Закавказья позволили обкусать ее со всех сторон: часть республики получил Азербайджан, часть — Грузия, часть досталась Турции. В Грузии 30-тысячный английский экспедиционный корпус занимался тем, что охранял нефтепровод Баку — Батум и железную дорогу.

Оригинальной была и их «миротворческая миссия». Едва турецкие войска оставили Тифлисскую губернию, как началась стычка между Грузией и Арменией за Ахалкалакский уезд, которая была прекращена лишь по требованию англичан. Английские власти разделили спорную территорию: одну часть передали Грузии, другую — Армении, а среднюю объявили «нейтральной зоной» и подчинили английскому генерал-губернатору. И, конечно, совершенно случайно в этой «нейтральной» части оказались Алавердские медные рудники...

...Кое-как обеспечив тылы, грузинские войска тут же вторглись на Кубань, заняв Адлер, Сочи, Туапсе и собираясь создать там некую «Южную республику». В первую голову они занялись опять же грабежом и отправкой всего, что имело хоть какую-то ценность, в Грузию: увозили оборудование, угоняли скот, вывезли даже рельсы Гагринской железной дороги.

25 сентября 1918 года, прибыв на переговоры с Деникиным, грузинская делегация во главе с министром иностранных дел потребовала включения Сочинского округа в состав Грузии (кстати, британский представитель в Тбилиси генерал Уокер их в этом поддерживал — а что, Британии очень не помешала бы такая колония). В дальнейшем грузинское правительство поддерживало действовавшие в

деникинском тылу банды «зеленых» и финансировало «правительство горских народов». Лишь к февралю 1919 года войска Деникина вышибли доблестных джигитов из Черноморской губернии обратно в Грузию.

В самой Грузии сразу же после обретения независимости началась дискриминация всех не грузин: с одной стороны, русских, с другой — малых народов, территории которых новорожденная республика поспешила к себе присоединить. В 1921 году в Лондоне вышла книга Бехофера «В деникинской России». Ее автор писал:

«Свободное и независимое социал-демократическое государство Грузии всегда останется в моей памяти как классический пример империалистической малой национальности и по отношению к захватам территорий вне своих пределов, и по отношению к бюрократической тирании внутри государства. Шовинизм его превосходит всякие пределы».

Внутри республики начались остервенелые гонения на все русское: увольнения с работы, лишение избирательных прав, аресты, выселения. Дошло до того, что созданный в 1918 году Русский национальный Совет организовал русский корпус, целью которого было защитить русских крестьян от истребления⁷.

Как они поступали с беззащитными малыми народами, можно представить себе, зная политику независимой Грузии образца 1990-х годов. За семьдесят лет мало что изменилось. Уже в июне 1918 года восстали осетины и грузины Цхинвали, поднялись жители Абхазии, опрометчиво подписавшие договор с Грузией, когда к ним подходили большевики. Теперь они просили Добровольческую армию избавить их от грузин.

Разговор с восставшими у грузинских властей был коротким. «Казачи этого отряда (отряд Мазниева, направленный на усмирение восстания в Абхазии. — Е.

77.) врывались в мирные абхазские деревни, забирая все мало-мальски ценное, совершая насилия над женщинами. Другая часть этого отряда... была занята разрушением бомбами домов тех лиц, на которых кто-либо доносил. Аналогичные же насилия были произведены в Гу-даутском уезде. Начальник грузинского отряда, поручик Купуня, бывший пристав г. Поты, избил целый сход в селении Ацы, заставив всех лечь под пулеметный огонь, и прошелся затем по их спинам, нанося удары шашкой плашмя; затем приказал сходу собраться в кучу, верхом во весь карьер врезался в толпу, нанося побои кнутом...»⁸ Это из доклада абхазских меньшевиков, единомышленников грузинского правительства, т. е. ни в коей степени не может быть большевистской пропагандой.

Впрочем, бывший пристав г. Поты был просто приставом и действовал соответственно. Гораздо интереснее наблюдать за тонкими движениями души известного меньшевистского деятеля Валико Джугели, усмирившего восстание в Осетии. Вот выдержки из его дневника:

«...Теперь ночь. Всюду видны огни. Это горят дома повстанцев. Но я уже привык и смотрю на это почти спокойно...»

«...Всюду вокруг нас горят осетинские деревни... В интересах борющегося рабочего класса, в интересах грядущего социализма, мы будем жестоки. Да, будем. Я со спокойной душой и чистой совестью смотрю на пепелище и клубы дыма... Я совершенно спокоен. Да, спокоен».

«...Теперь всюду огни... Горят и горят. Зловещие огни... Какая-то страшная, жестокая и феерическая красота... И, озираясь на эти ночные, яркие огни, один старый товарищ печально сказал мне: „Я начинаю понимать Нерона и великий пожар Рима...“».

Этот человек имеет репутацию «настоящего рыцаря», и к его имени присовокупляют эпитет «благородный». Каковы же были остальные?

Мы еще встретимся с Джугели позднее. А пока что остается только подивиться, до какой мерзости может дойти интеллигент. Ему мало просто перебить повстанцев, ему надо еще обязательно проанализировать возникающие в этой связи тонкие движения души...

(...Я пишу эти строки, а за стеной работает телевизор, идет программа «Время». «...Открыть автомобильное движение через Цхинвали, прекратить огонь, урегулировать ситуацию в зоне конфликта...» «...Вооруженные группы, стреляющие и по грузинам, и по осетинам, и по миротворцам...» «...Сегодня выяснилось, что из гаубиц по своим и чужим стреляли внутренние войска Грузии...» «...Сейчас в Цхинвали говорят, что молодого человека пытали перед смертью...». Новая независимая Грузия вернулась на круги своя...)

...Поссорившись с белыми, грузины не помирились и с красными. После поражения Добровольческой армии зимой 1920 года они отказались пропустить через свою территорию преследовавшую белых Красную армию. Это был большой риск: красное правительство не связывало себя соблюдением норм международного права и могло попросту положить в карман независимую Грузию, как несколько позднее и было сделано. Но тогда обошлось...

Может быть, именно весной 1920 года грузинские меньшевики впервые задумались над тем, что не стоило сеять ветер — когда в апреле 1920 года 11-я армия заняла Азербайджан. В мае был заключен мирный договор между РСФСР и Грузией, и страны обменялись послами. Советское представительство возглавил С. М. Киров. По этому же договору Грузия обязалась очистить

свою территорию от иностранных войск, а также легализовать большевистскую партию.

Можно удивляться, почему Грузия тогда не разделила судьбу Азербайджана. Тут прослеживаются две причины. Во-первых, какую-то совершенно непонятную симпатию к ней питал Ленин. После захвата Азербайджана и Армении большевистский ЦК вдруг заговорил о «мирном направлении политики РСФСР на Кавказе». А уже после свержения правительства Жордания, 2 марта 1921 года, Ленин телеграфирует Орджоникидзе: «Гигантски важно искать приемлемого компромисса для блока с Жордания или ему подобными меньшевиками, кои еще до восстания не были абсолютно враждебны к мысли о советском строе на определенных условиях». Объяснения этой позиции существуют самые разные. Например, политические: из-за нежелания силовым захватом нажить себе международные осложнения. (Любопытно, что в случае с Польшей это большевиков не остановило.) Скорее уж, Ленину, при его ненависти ко всему великорусскому, просто нравилась антирусская позиция грузинских властей.

Интересно, что и впоследствии Ленин проявлял странную слабость теперь уже к грузинским так называемым национал-уклонистам, которые подхватили эстафетную палочку русофобии из рук меньшевиков. Широко известна история с грузинским большевиком Кобахидзе, который оскорбил Серго Орджоникидзе, обвинив его в коррупции, и получил в ответ пощечину. История дошла до Кремля. Расследованием дела занялись Дзержинский со Сталиным и пришли к выводу, что Орджоникидзе не виновен. И то верно: если судить Серго за все случаи, когда он распускает руки, то он из судов не будет вылезать. Однако Ленин взорвался и обозвал все это великорусским шовинизмом, что

отчасти высвечивает и причины его симпатии к грузинским меньшевикам.

А вторая причина — то, что Грузия была меньше нужна Советской России, чем Азербайджан и Армения. Азербайджан — это нефть, Армения — это турецкая граница, а нефтепровод к портам Черного моря Советской России был не так уж и нужен.

5 июля 1918 года Сталин в телеграмме Чичерину писал: «В крайнем случае можно признать независимость Грузии, лишь бы Германия признала официально вопрос о Кубани, Армении и Азербайджане вопросом, внутренним для России, на этом надо настаивать решительно и бесповоротно».

В той же телеграмме на просьбу Чичерина написать воззвание грузинскому народу Сталин отвечает: «Воззвание грузинскому народу написать не могу, нет желания обращаться с воззванием к погибшим». Это что — слишком эмоциональная реакция на происходящее в Грузии? Или что-то иное?

Меньшевицкое правительство было настроено не только резко антирусски, но и антибольшевицки, несмотря на то что большевики и меньшевики начинали в одной организации. Впрочем, если бы дело было только в политическом оттенке, то, уж наверное, они как-нибудь договорились бы, но деление на большевиков и меньшевиков на Кавказе, как и любое другое деление, и тогда и теперь, было явлением каким угодно, но только не политическим.

Трещина между ними пролегла еще в 1900 году, когда произошло разделение тифлисских социал-демократов на «стариков» и «молодых». Первые предпочитали мирно заниматься пропагандой и просветительством, вторые стремились к более активным действиям — это то различие, которое лежало на поверхности. Но на самом деле разлом пролегал глубже. «Старики» были в основном

грузинами — это раз. И держали в своих руках финансирование — это два. «Молодые» же были значительно более интернациональны по составу и куда беднее по финансированию, пока не нашли собственные источники доходов. Впоследствии из первых и их сторонников сформировались меньшевики, из вторых — большевики.

Но это все в общем, а в частности принцип партийного разделения был загадочным. В некоторых местах шла откровенная борьба за власть в ячейках, в других — за власть и деньги, кое-где это было явлением чисто клановым, и все это сдобрено изрядной дозой национализма. Горячие грузинские парни с большевистской и меньшевистской стороны еще в 1905 году при выяснении отношений то и дело доходили до мордобоя — но время идет, прогресс движется. Вот, например, как отметили в Тифлисе появление на свет Закавказского Сейма...

10 февраля 1918 года, в день начала работы Сейма, был без предупреждения расстрелян митинг, созданный большевистски настроенным стачкомом железнодорожников в Тифлисе. Вот как описывает тактику властей очевидец в своем письме в Москву, в Совнарком:

«...Стаечный комитет железнодорожников назначил на этот день, 10-го утром, митинг протеста в Александровском саду. Явилось на митинг, несмотря на все принятые меры для срыва митинга, более 3000 рабочих и солдат... Среди митинга вошли в сад (приблизительно около двух рот) милиционеры и „красногвардейцы“. С красными знаменами в руках и успокаивая митинг знаками, они подкрались к собравшимся.

Часть митинга, намеревавшаяся разойтись, осталась и, считая, что подходят свои, начала их даже приветствовать криками «ура»... В это время

пришедшие быстро рассыпались цепью, окружили митинг и открыли бешеный ружейный и пулеметный огонь по митингу. Целились главным образом в президиум, стоявший на эстраде. Убито 8 человек, ранено более 20 человек... Часть публики разбежалась, другая легла на землю. Стрельба продолжалась минут пятнадцать.

Как раз в эту минуту только что открылось первое заседание расширенного Закавказского сейма, и Чхеидзе держал речь под аккомпанемент ружей и пулеметов, трещавших тут же недалеко от дворца. .»⁹

Это не к тому, что вот, мол, какие меньшевики злодеи. Хотя подобную тактику расстрела негодных народных собраний — подходя под маской «своих» — у большевиков, пожалуй, надо еще поискать. У них все было фуфло, но честно.

Это к тому, что все время пытаются представить дело так, будто тираническая Советская Россия оккупировала демократическую Грузию. Грузия была ничуть не более демократической, чем Россия, там правили бал те же товарищи, просто из другой группировки. За тем исключением, что большевики все же раздавали землю крестьянам и переселяли население трущоб из подвалов в барские квартиры, а грузинские меньшевики всю социальную сторону оставили как есть. Более того, они отдали собственное государство на разграбление сначала немцам, а потом англичанам, лишь бы отделиться от России и сидеть на своем троне — путь он хоть со скамеечку для ног, но он свой! Впрочем, в точности, как и сейчас...

Разведчик — это не карьера

Работа нелегала была для юного подпольщика привычна. Сам он позднее описывает свои должностные обязанности с лаконизмом разведчика: «В Тифлисе связываюсь с краевым комитетом в лице тов. Амаяка Наза-ретьяна, раскидываю сеть резидентов в Грузии и Армении, устанавливаю связь со штабами грузинской армии и гвардии, регулярно посылаю курьеров в регистрод города Баку».

Исходя из всех этих фактов, трудно понять, кому он на самом деле служит — компартии или военной разведке. Но дело в том, что в то время разведывательная работа теснейшим образом переплеталась с партийной, деятели компартий зарубежных стран состояли на службе в нашей разведке, разведчики сплошь и рядом являлись активистами компартий, так что на самом деле в автобиографии Берия все четко, это в должностных инструкциях ведомств царил полный произвол. Однако, судя по тому, что он связывается с армией и гвардией, работает он в основном все же как военный разведчик, лишь пользуясь помощью партийного комитета. Но важно то, что свою карьеру в спецслужбах он начинал не как чекист, а как разведчик. Как сказали бы теперь, резидент.

Впрочем, в Грузии ему не повезло. Как раз в то время в Тифлисе были арестованы меньшевистским правительством члены ЦК Компартии Грузии — по-видимому, это было связано с неудачной попыткой краевого комитета поднять восстание. В тот же невод попал и Берия. Правда, после переговоров известного большевика Георгия Стурца с не менее известным меньшевиком Ноем Жордания арестованных все-таки освободили, но предписали в трехдневный срок покинуть Грузию. Однако нелегал Берия ухитрился остаться.

7 мая 1920 года Грузия и Советская Россия подписали мирный договор, и в Тифлисе появилось представительство РСФСР во главе с Кировым. Берия, под фамилией Лакербая, поступает на службу в дипломатическую миссию РСФСР в Грузии. Однако полоса невезения продолжается. В мае 1920 года он отправляется в Баку за новыми директивами. В первой статье секретного приложения к договору оговаривалось право коммунистических организаций в Грузии свободно существовать и работать. По-видимому, эта статья не лучшим образом подействовала на грузинских товарищей, потому что на обратном пути в Тифлис Берия, до того благополучно работавшего в подполье, арестовывают, как он пишет, «по телеграмме Ноя Рамишвили» — а это не кто-нибудь, а сам министр внутренних дел. Не иначе, кто-то на радостях проговорился, и осведомители донесли куда надо. Опять же неясно, был ли он арестован как сотрудник миссии, или как большевик-нелегал. Судя по тому, что было дальше, верно второе.

И, как водится, этот арест также отмечен легендой, которую пустил в обращение все тот же неумный Антонов-Овсеенко.

«В ту пору представителем Москвы при меньшевистском правительстве Грузии был Сергей Киров. 9 июля он обратился к Ною Жордания с просьбой освободить арестованного. Выйдя на волю, Берия поехал в Тифлис и здесь сразу же вошел в контакт с мусаватистской охранкой.

Когда до Кирова дошли сведения о тайных связях «советского шпиона», Берия почел за благо бежать. Представитель Москвы тотчас телеграфировал в освобожденный Баку начальнику особого отдела штаба XI армии. «Из

Тифлиса бежал изменник Берия Лаврентий. Арестуйте немедленно. Киров». Посадили Берия в подвал здания Азербайджанской ЧК. Помочь ему мог по старой дружбе Багиров, который в то время уже примеривался к посту председателя ЧК...»

А. Антонов-Овсеенко. «Берия»

По правде сказать, по прочтении этого отрывка хочется выяснить что-либо на предмет умственной полноценности антоновского Берии. Ну, то, что в Тифлисе грузинских меньшевиков, оказывается, охраняла контрразведка азербайджанских националистов — уже само по себе весело. Но дальше идет еще веселее, ибо бежать, спасаясь от представителя Советской России, из меньшевистской Грузии, где ему ничто не грозило, в советский Азербайджан мог только клинический дебил. Не говоря уже о том, что многие годы Киров был куда сильнее и Багирова, и Берия — что же, он так и забыл свою грозную телеграмму? Ах да, Лаврентий Павлович уже тогда, предвидя лихую аппаратную карьеру, закорешил-ся со Сталиным, и Киров, наверное, не посмел, да-да, не посмел...

...На самом же деле июнь и июль 1920 года Лаврентий Берия провел в тюрьме, теперь уже в Кутаиси. Приятного, конечно, в этом мало (впрочем, было кое-что и приятное: именно тогда Лаврентий познакомился со своей будущей женой). Вместе с другими заключенными он организовал в тюрьме голодовку. В то же время там подготавливался побег, организатором которого был Шалико Церетели, офицер, кавалер Георгиевского креста. В подготовке побега Берия не участвовал, поскольку был все же вроде бы работником дипломатической миссии и мог

рассчитывать на официальное освобождение. Но Церетели он запомнил и впоследствии взял его на работу в ЧК. А после 1953 года того расстреляли в числе других людей из команды Берия¹⁰.

Тем временем Киров приносит протест против ареста своего сотрудника и других коммунистов. 9 июля в ноте он пишет: «Все они были присуждены военно-полевым судом Грузинской демократической республики к каторжным работам за участие в вооруженном выступлении в октябре прошлого года. (А Берия-то тут при чем? — Е. П.) Так как все поименованные граждане имеют право, на основании статьи десятой договора между Россией и Грузией, на освобождение от отбывания наказания, я не могу не рассматривать дальнейшее их пребывание в тюрьме как нарушение договора». Однако меньшевистское правительство никак не реагирует на ноту. И лишь в августе, после пятидневной голодовки политзаключенных Кутаисской тюрьмы, Берия по этапу высылают в Азербайджан.

Вроде бы тягостный тюремный эпизод позади. Но дома его тоже на некоторое время арестовывают, — на сей раз это уже родная Азербайджанская ЧК, — однако вскоре освобождают. Судя по тому, что в скором времени он пришел в эту же ЧК работать, его арест был либо недоразумением, либо проверкой.

И вот с нелегальной работой, слава Богу, покончено, война завершилась, теперь можно бы и вернуться на студенческую скамью. Берия еще не знает, что доучиться ему не дадут, высшее образование так на всю жизнь и останется недостижимой мечтой. Не знает он и того, что впереди его ждет новая работа, не менее опасная и весьма увлекательная — впрочем, увлекательной она кажется лишь со стороны. Эта работа будет преследовать его всю жизнь и, в конце

концов, приведет к преждевременной смерти от пули убийцы в роковом июне 1953 года.

Свою чекистскую работу будущий легендарный нарком НКВД, сколь это ни кажется парадоксальным, никогда не любил. По крайней мере, ничто в его биографии не позволяет сделать вывод, что он стремился к какой бы то ни было карьере по этой линии, наоборот, Берия пытался при любом удобном случае удрать из органов. . «Вы будете удивлены, — рассказывал много лет спустя его сын Серго, — когда я скажу вам, что отец все время хотел уйти и из ЧК, и из ЦК. Он мечтал завершить учебу, стать инженером и добиться успехов в этой области...»" Но человек предполагает, а отдел кадров, как известно, располагает...

...Итак, вернувшись из Грузии Берия тут же покидает разведку. Некоторое время, до октября 1920 года, он снова чиновник — работает управделами ЦК КП Азербайджана. Почему вдруг? Опять карьеризм? Да очень все просто объясняется и без всякого карьеризма! Человек надежный и, что очень важно, грамотный, хорошо читает и пишет по-русски, с опытом работы — был секретарем Совета. А много ли грамотных среди большевиков Азербайджана?

Затем его назначают ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих. «Эту работу я и товарищ Саркис (председатель комиссии), — пишет Берия, — проводил в ударном порядке». Еще бы: уж что-то, а жалкий быт рабочих Закавказья Лаврентий знает на собственной шкуре.

Но ко всему этому у Берия явно не лежит душа. В феврале 1921 года комиссия расформировывается, и ему, по его собственному выражению, «удалось упротить» ЦК позволить ему учиться. Училище, которое

он закончил, преобразовано в Архитектурно-строительный институт, и Лаврентия отпускают на учебу, вроде бы даже дают стипендию, что совсем не лишнее, тем более что надо кормить семью, — но не тут-то было! Уже через две недели его снова выдергивают на работу. В апреле 1921 года Ба-гиров, назначенный председателем ЧК Азербайджана и подбирающий себе кадры, назначает Берия, «опытного сотрудника», заместителем начальника секретно-оперативного отдела. Практически сразу он становится начальником этого отдела, а потом — заместителем председателя АзЧК. «Опытному сотруднику» к тому времени едва исполнилось 22 года.

Нина

«Находясь в конце 20-х годов в Абхазии, Берия жил в роскошном специальном поезде, в котором он приехал в Сухуми. Поезд стоял на запасных путях, на некотором расстоянии от здания станции, и состоял из трех пульмановских вагонов: спальни, салон-вагона с баром и вагона-ресторана.

В тот вечер, когда Берия собирался отправиться в Тбилиси, около станции к нему подошла девушка лет шестнадцати, среднего роста, с черными глазами и сдобной комплекции.

Девушка приехала из родной мингрельской деревни, соседствующей с селом Мерхеули, откуда родом был сам Берия. Она попросила его заступиться за ее арестованного брата.

Берия заметил красоту девушки. Якобы желая получить сведения о брате, он пригласил

ее в поезд, но не в салон-вагон и не в ресторан.

В спальном купе Лаврентий приказал девушке раздеться. Когда она, испуганная, хотела убежать, Берия запер дверь. Затем он ударил ее по лицу, скрутил руки за спиной, навалился на нее всем телом. Девушка была изнасилована.

Берия продержал ее всю ночь. На следующее утро он приказал ординарцу принести завтрак на двоих. Перед тем как уехать по делам, Лаврентий снова запер свою жертву. Берия был покорен свежестью и очарованием этой девушки, он также понял, что она именно тот тип, который полностью соответствует его чувственности. Она была молода и невинна, но выглядела созревшей. Она была скромна, изящна, но ни в коем случае не худа. У нее были маленькие груди, большие глаза, излучавшие добрый свет, и маленький чувственный рот.

Было бы глупо с его стороны отказаться от такого создания природы. Берия провел еще несколько дней в Сухуми, проверяя выполнение пятилетнего плана 1928—1933 годов в деле строительства местных дорог и шоссе, нового жилья, больниц и школ. Все это время он держал свою пленницу запертой в поезде.

Так маленькая Нина стала его женой».

Эту гнилую «клубничку» приводит в своей книге «Маршалы и генсеки» Н. Зенькович, которому принадлежит честь раскапывания первоисточника большей части легенд о сексуальных похождениях Берия. Впрочем, судя по знанию биографии героев, антуража и пр., и так ясно что к чему. Для российского автора, даже и не блещущего знанием истории, такая, по выражению Булгакова, «девственность» все-таки

невозможна. Да и смакование сексуальных деталей в России не принято.

Сия история пришла к нам с сексуально озабоченного Запада. В свое время, на волне конъюнктуры, некто г-н Витлин написал книжечку «Комиссар». Отрывки из нее постепенно попали и в СССР, стали использоваться сначала в «самиздате», а потом, в годы перестройки, и открыто.

Есть такой прием «черного пиара», когда компромат сначала печатается в какой-нибудь мелкой и ничего не значащей газетенке, иной раз специально и учрежденной для таких целей. Газетенка подвергается судебным преследованиям, платит штрафы, закрывается, но свое дело она сделала — теперь, со ссылкой на нее, материалы можно перепечатывать где угодно. Так вот, это как раз тот случай.

Должно быть, отсюда и пошли слухи о том, что Берия похитил свою жену — а возможно, автор как раз и питался такими слухами. Это все к делу не относится. Аналогичная история существует и про Сталина и Надежду Аллилуеву, а если покопаться, то и про многих других. Человеку вообще свойственно считать, что если кто-то ему не нравится, то ни одна женщина добровольно за него не пойдет.

Тем не менее, придется разочаровать читателя. В этой стороне жизни Берия все до невозможности банально. Женился он нормально, как положено, по взаимному согласию.

...Зато в биографии Нины Теймуразовны Гегечкори присутствуют определенные странности. Ее жизнь в детстве известна из рассказа ее сына Серго и из двух источников, подписанных ее именем, в которых эта биография выглядит по-разному.

Сначала слово Серго Берия:

«Мама родилась в 1905 году в Марвили. Ее отец — Теймураз Гегечкори — дворянского происхождения, мать — Дарико Чиковани — княжеского. До женитьбы оба они уже состояли в браке. У бабушки от покойного мужа Шавдия, тоже дворянина, было трое детей: две дочери и сын. Жену и двух детей дедушки за две недели забрал тиф. Теймураз был намного старше Дарико, и моя мать — их единственная дочь. Родители отдали ее в мартвильское четырехклассное училище. Потом она продолжила учебу в кутаисской гимназии. В 1917 году дед Теймураз, оказывается, возглавил какое-то антицарское выступление. Почти семидесятилетний старик скончался от пули стражника. После этого мама переехала из Кутаиси в Тбилиси и окончила там гимназию святой Нино... Юную сиротку в столице опекал известный большевик Саша Гегечкори...

Саша Гегечкори — мой родной дядя, а Евгений Гегечкори, член меньшевистского правительства, маме приходился двоюродным дядей. Кстати, мой отец познакомился с мамой в кутаисской тюрьме, где он сидел в одной камере с Сашей. Мама носила туда передачи дяде. Когда в Грузии установилась советская власть, отец продолжал работать в Баку, поэтому он специально приехал в Тбилиси, чтобы у Саши попросить руку племянницы. Саша отказал: девочка, мол несовершеннолетняя. А мама решила, что можно выйти замуж и без благословения старших, поэтому похищение отцом своей возлюбленной — это лишь красивая легенда...»¹²

7 января 1953 года Нина Берия написала из тюрьмы письмо на имя Хрущева (точнее, существует документ, написанный от руки и подписанный ее именем). Отрывок из него, рассказывающий о ее раннем детстве, приведен в первой главе. Вот что там говорится дальше:

«При меньшевистской власти в Грузии я в возрасте от 11 до 16 лет жила в Грузии в крайней бедности (как и большинство населения) без отца, при больной матери. За возможность иметь кусок хлеба и посещать школу я батрачила в г. Кутаиси в доме Раждена Хундадзе два года, где в результате непосильного труда для моего возраста заболела. Меня забрал к себе брат мой по матери Николай Шавдия в г. Тбилиси, который служил счетоводом или бухгалтером в таможне. Я обслуживала его и училась... Жили мы в Нахаловке, на Магистральной улице № 19, в доме Утошева, который был заселен железнодорожниками. Для того, чтобы иметь возможность доехать до училища на трамвае, я стирала на весь двор, но поскольку это у меня не всегда получалось, я покрывала расстояния более пятнадцати километров ежедневно босая, одевая тапочки только в подъезде училища...»

Совсем другое она рассказывала в интервью тбилисской газете «7 дгэ»: что жила в Кутаиси, в семье своего родственника Саши Гегечкори, училась в училище. Вместе с женой Саши навещала его в тюрьме, тогда-то и познакомилась с Лаврентием, который находился в одной камере с Сашей (что вполне согласуется с биографией Берия — именно тогда, в тюрьме, он и познакомился с Ниной, которая приходила на свидания к его соседу по камере). Между тем в первой версии о Саше Гегечкори ни слова, и непонятно, с чего вдруг девочка стала ходить к нему на свидания. О том, почему эти разночтения важны, речь пойдет потом...

Итак, дальше рассказывает Нина Берия.

«После установления в Грузии Советской власти Сашу перевели в Тбилиси. И я, естественно, переехала с

его семьей. Была уже взрослой девушкой. Помню, у меня тогда была одна пара обуви, но Мери (жена Саши Гегечкори. — Е. П.) не давала мне ее ежедневно, берегла. В училище я ходила в старье, центральных улиц избегала, стеснялась...

Как-то по дороге в школу мне встретился Лаврентий (после советизации он часто приходил к Саше, я его уже знала). Спросил, не хочу ли я с ним встретиться и поговорить. Я согласилась. Встретились мы в Надзаладеви, там моя сестра и зять жили, поэтому я хорошо это местечко знала. Сели на скамью. На Лаврентии было черное пальто и студенческая фуражка. Он сказал мне, что уже много времени я ему очень сильно нравлюсь... Да, так и сказал, что полюбил меня и хочет взять в жены. Было мне в то время 16 лет.

Как он объяснил. Советская власть хочет направить его в Бельгию для изучения вопросов переработки нефти. Но с одним условием: у него должна быть жена. Пообещал, что поможет мне в моей учебе. Я подумала и согласилась — чем жить в чужой семье, лучше создать собственную. Лаврентию в то время было двадцать два года.

Я, правда, никому не сказала, что выхожу замуж. Наверное, поэтому и родились сплетни, что Лаврентий меня будто бы украл. Нет, по собственному желанию вышла...»¹³

Как видим, рассказ матери и сына согласуется между собой, если не считать некоторых мелочей. А версия, изложенная в письме, резко отличается. Почему это важно? Потому что после прихода к власти Хрущева была проведена большая работа в архивах. По некоторым данным, было уничтожено несколько составов (железнодорожных) архивных документов. Возможно, это преувеличение — но архивы почистили очень здорово. Вместе с тем было изготовлено множество фальшивок. Позднее мы встретимся с

некоторыми документами, которые приводятся в книгах и на которые ссылаются как на достоверные, потому что они подписаны громкими именами, между тем документы эти мало похожи на настоящие.

Вот и вопрос: мог ли один человек до такой степени по-разному изложить свою биографию? Или письмо Нины Берия из тюрьмы — тоже фальшивка?

Как бы то ни было, они поженились. Лаврентию было двадцать два года, его невесте — шестнадцать, что по грузинским понятиям того времени — вполне нормальный возраст для брака. В 1924 году у них родился сын Серго. Правда, в Бельгию они не поехали, и нефтедобычей ему заниматься не пришлось — колеса судьбы Лаврентия Берия свернули совсем на иную дорогу.

ГЛАВА 4

РАБОТА, КОТОРУЮ ОН НЕ ЛЮБИЛ

Итак, Лаврентия Берия назначили на должность заместителя начальника секретно-оперативного отдела. С одной стороны, основания для такого назначения вроде бы имелись: опыт нелегальной и разведывательной работы, отличные рекомендации, среднее техническое образование — по тем временам для большевистской партии это много. А с другой, если вдуматься: опыт минимальный, с собственно чекистской работой вообще не соприкасался, и сразу же — на одну из ключевых должностей в ЧК. Секретно-оперативный отдел — это было все: разведка, контрразведка, работа с осведомителями, наружное наблюдение, участие в боевых операциях, цензура и многое другое... С третьей же стороны — а кого назначать-то? Люди с соответствующим опытом работы имелись, но исключительно по другую сторону баррикады. Доверить такое дело «специалисту» из царской охраны большевики, при любом кадровом голоде, едва бы рискнули.

Несколько позже, в 1923 году, Р. Ахундов, секретарь ЦК КП Азербайджана, писал о Берия: «...Обладает выдающимися способностями, проявленными в разных аппаратах государственного механизма... Работая управделами ЦК Азербайджанской компартии, чрезвычайным уполномоченным регистрода Кавказского фронта при реввоенсовете 11-й армии и ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих, он с присущей ему энергией, настойчивостью выполнял все задания, возложенные партией, дав блестящие результаты своей разносторонней деятельности. Его

следует отметить как лучшего, ценного, неутомимого работника, столь необходимого в настоящий момент в советском строительстве...». Авторы книг о Берия головы изломали, размышляя: что побудило Ахундова дать такую характеристику. Версий было множество, кроме одной: герой этого документа на самом деле таким и был! Тут возраст не помеха: в конце концов, если взять орленка и цыпленка, то уже в самом нежном возрасте ясно, из какого птенца какая птица получится... Так что, думаю, на этом можно и остановиться: Берия назначили на эту работу за неимением опытных кадров и потому, что много обещал в будущем.

А работка была та еще! Нынешний начальник ГУВД легендарных «криминальных столиц» Казани или Тольятти за голову бы схватился, да так и остался. И правильно, что поставили молодых: двадцатипятилетнего Багирова да двадцатидвухлетнего Берия, ибо справиться с таким делом можно только по неведению, не зная, что справиться с ним нельзя.

...Уже стало общим местом утверждение, что большевики, взяв власть, тут же начали расправу со своими политическими противниками. При этом обычно стыдливо умалчивается, что это были за противники — так, словно чекисты в парламент с пулеметом вломились. Нет, штурм парламента — это картинка совсем из иных времен, времен торжества демократии. А те, с кем расправлялись большевики, отнюдь не были занудной парламентской оппозицией, кликушами-монархистами или болтунами-кадетами. Политическими противниками большевиков были недавние товарищи по борьбе, примерно такие же законопослушные и мирные, как и сами большевики, то есть, выражаясь современным языком, совершенно отмороженные, с таким же, а то и большим опытом терроризма и

конспиративной работы. Побежденные в открытом бою, они не собирались складывать оружие и мириться с поражением, а переходили на нелегальное положение и продолжали борьбу теми же методами, что и большевики, когда оказывались в роли проигравших.

В Азербайджане особо активны были правые эсеры и чрезвычайно боевая партия «Иттиход» («Единение ислама»), "число членов которой исчислялось «всего-навсего» десятками тысяч. Эсеровские боевики вошли во все революционные летописи, что же касается «Иттихода», то перевод названия говорит сам за себя, эти товарищи за восемьдесят лет изменились не слишком сильно. Эти партии вели пропаганду, всячески мешая большевикам в любом деле и саботируя любое начинание, а их боевые группы любимым видом политической активности имели террор, деньги же на хлеб насущный и не менее насущные патроны добывали грабежами. Так что в слове «оппозиция» заложена определенная лукавая игра терминов. Чеченские боевики, например, тоже подходят под категорию «оппозиции», как себя иной раз и называют.

...Впрочем, бандитов хватало и без боевиков. После окончания Гражданской войны в стране действовало огромное количество банд, мешающих политику с уголовщиной иной раз в таких пропорциях и сочетаниях, что даже головы основоположника марксизма не хватило бы в этом салате разобраться. Чекисты и не разбирались — они били всех: уголовников, исламистов, эсеров, «гаст-ролеров» из Турции и Ирана. А секретно-оперативному отделу надлежало это битье обеспечить: они занимались наблюдением, вербовкой агентуры, разработкой боевых операций. За ликвидацию Закавказской организации правых эсеров начальник секретно-оперативного отдела Берия и начальник секретного отдела Иоссем были награждены именованным оружием. А правые эсеры —

это, извините, не зеленые краснодонские молодогвардейцы, это волки травленные, верные соратники Савинкова. За хорошую работу Азербайджанское ГПУ — так с 1922 года стала именоваться ЧК — наградило Берия также золотыми часами.

...Кроме ГПУ, как человек, по кавказским меркам, образованный, Берия работает в Азербайджанской междуведомственной комиссии, в комиссии Высшего эконоимического совета, в комиссии по обследованию ревтрибунала, работает в партячейках и в Бакинском Совете. Кадров тогда — впрочем, как и впоследствии — было крайне мало, и пригодные к работе товарищи несли множество нагрузок, а непригодные занимали свое и чужое время революционной болтовней да путались у всех под ногами, и, говоря о старых большевиках и «верных ленинцах», не следует упускать из виду эту категорию революционеров.

Чем занималась ЧК.

...В ноябре 1922 года Закавказский крайком направляет Берия «на усиление» в Грузию, начальником секретно-оперативной части и заместителем председателя Ч К. В Грузии обстановка была та же, что и в Азербайджане, только еще хуже — она дольше всех сопротивлялась большевикам, и туда стягивались остатки разбитых противников режима и просто бандиты из всех республик.

В феврале 1921 года меньшевистское правительство Ноя Жордания бежало из страны и осело в Париже, старательно подпитывая оставшихся в Грузии единомышленников морально, идеологически и, по мере возможности, деньгами. Здесь же, в Грузии,

последней из несоветских республик Закавказья, нашли убежище мусаватисты и правые гумметисты из Азербайджана, армянские дашнаки, эсеры, национал-демократы, члены более мелких партий и групп, не говоря уже об ушедших в подполье грузинских меньшевиках. Программа грузинских меньшевиков известна, у них было время ее предъявить — Великая Грузинская империя. А в общем-то, все эти партии мало различались программами — в основном это были просто традиционные для Грузии компании джигитов, окружавшие князей, только роль князей здесь играли «политические лидеры». Боевые отряды всей этой публики мало чем отличались от уголовников и, вместе с мало отличимыми от них уголовниками, создавали в маленькой республике обстановку совершенно невыразимую.

Правда, в том же 1921 году грузинская оппозиция попыталась навести порядок в своих рядах, создав так называемый «Комитет независимости», куда на паритетных началах вошли представители всех крупных враждебных режиму партий. Во главе комитета стал бывший министр правительства Жордания, член ЦК грузинских меньшевиков Ной Хомерики. Комитет берет курс на вооруженное восстание, причем не только на словах — при нем создается военный центр и начинается подготовка к выступлению против ненавистных большевиков.

Впрочем, наполеоновские планы комитетчиков не остаются секретом для ЧК. «Чрезвычайка» ведет работу с двух сторон: агитационную и оперативную. Первая, а отчасти и вторая, приводят к тому, что рядовые члены меньшевистской партии начинают из нее выходить: к середине 1923 года таковых набирается чуть более 11 тысяч, и в августе в Тифлисе даже проходит съезд бывших меньшевиков. Правда, чекисты верили им не до

конца, считая, что далеко не все порывают с партией искренне

Вторая сторона работы тоже весьма успешна Берия удается внедрить агентов в самый «Комитет независимости», и постепенно его члены переключиваются за решетку. В начале года захвачены две типографии, в апреле арестован начальник контрразведки меньшевиков, а в июне удалось взять и нелегальный ЦК.

Перед лицом разгрома оставшиеся меньшевики все же продолжали держать курс на вооруженное восстание, начав, совместно с другими партиями, создавать военные организации. И тут еще удар — 9 ноября арестован Ной Хомерики, виднейший меньшевик, руководитель военной организации партии. Захвачен также его штаб и документы, изобличающие их связи с границей и «коллегами» в России. 18 ноября взят Сеид Девдориани, председатель ЦК. В то же время были арестованы те, кто помогал организовывать подпольные типографии, — и то верно, за самими типографиями можно гоняться до одурения, куда проще ударить по тем, кто их снабжает, а без бумаги и краски они сами увянут. Были разгромлены местные комитеты в Поти, Гори, Абхазии, обнаружен комитет в Баку.

На смену арестованному лидеру «оппозиции» из-за границы прибывает новый посланец Жордания — Валико Джугели (тот самый, что восхищался «огнями» — горящими домами повстанцев). Чекисты «ведут» его с самого начала. В августе 1924 года он, заметив слезку, пытается скрыться, и тогда его арестовывают. Из тюрьмы Джугели, по предложению Берия, обращается к своим единомышленникам с открытым письмом, в котором призывает отказаться от безнадежной борьбы — впрочем, безрезультатно Восстание было лишь

отсрочено на две недели и началось не 15-го, а 29 августа 1924 года. В этот день группа повстанцев во главе с князем Георгием Церетели захватила город Чиатуры и объявила о создании «Временного правительства Грузии», однако уже к вечеру «правительство» бежало из Чиатур, услышав о приближении красноармейских отрядов. В целом немножко побунтовала часть Западной Грузии — повстанцев всего было около 500 человек — и на следующий день все уже было спокойно. Во многом такой быстрый и бескровный разгром объяснялся хорошей работой Ч К, в первую очередь ее секретно-оперативной части — согласитесь, неплохо для столь юного начальника.

Любопытна история с числом погибших. По официальным данным, было расстреляно 44 человека — в общем-то, учитывая количество повстанцев, похоже на правду. А грузинский историк-демократ Г. Н. Безиргани пишет, что число жертв было 12 578 человек — в 25 раз больше числа восставших. Даже если присовокупить к повстанцам всех их родственников, включая младенцев, и то едва ли столько наберется. Впрочем, наши историки вообще богаты фантазией — насчитал же Ф. Волков 18 млн погибших на Колыме. Даже не задумываясь — а где они все могли там поместиться?

Какое-то количество повстанцев расстреляли, в том числе Джугели и еще двоих лидеров «оппозиции». Ну а что же, им за вооруженное восстание талоны на усиленное питание давать? Они-то сами, когда были у власти, какие «огни» по Грузии зажигали?

Ликвидация восстания — не единственное, чем занималась Грузинская ЧК. Ей хватало работы и помимо меньшевиков. Например, 21 июля 1922 года в Тифлисе на улице были убиты бывший военно-морской министр

Турции Джемаль-паша и два его адъютанта. Вскоре выяснилось, что за убийством стояли дашнаки — чего, в общем-то, и следовало ожидать И до самого начала 1923 года ЧК гонялась за попавшими в ее поле зрения дашнаками. Сначала изрядно пощипали рядовой состав, потом, в начале 1923 года, арестовали ЦК. В горах отыскивали тайный склад оружия, где нашли: 11 пулеметов, 33 ящика бомб, 70 винтовок, 30 мешков пороха, 70 плит динамита, 500 пудов патронов¹⁴. Своеобразное «партийное имущество» оппозиционной партии, не правда ли?

Ведомство Берия, не разделяя функций на политические и уголовные, ведало и разгромом бандитизма. В начале 1923 года на территории Грузии насчитывалась 31 банда численностью 359 человек. К концу года 21 банда была уничтожена. С бандитами воевали, в основном, ЧОНЫ (части особого назначения) — чекистские войска. В ходе боев было убито 123 бандита, обезврежено 377 бандитов и их помощников¹⁵.

В отчете Грузинской ЧК перечисляются еще некоторые дела, уже касающиеся экономики, но их все равно неплохо перечислить — просто для понимания общей обстановки в республике.

«— проведена массовая операция по изъятию валюты у валютчиков, позволившая конфисковать ценностей на десятки миллиардов закавказскими знаками;

— была раскрыта шайка фальшивомонетчиков, печатавших кавказские боны миллионного достоинства. Преступники замаскировались в Баку. Дело было передано в АзЧК.

Из числа других выявленных преступлений заслуживали внимания:

— дело зав. торговым отделом Табтреста Германа, обвинявшегося в преступном разбазаривании изделий

треста и связи с частными торговыми фирмами;

— поимка шайки сбытчиков фальшивых лир в Батуми;

— раскрытие ограбления кооператива БатЧК и изъятие похищенных товаров на 3 тысячи лир;

— задержание продавцов кокаина с большой партией товара и крупной суммой денег;

— установление местонахождения 180 000 пудов марганца, пропавшего в Чиатура и принадлежавшего государству;

— закрытие одного из каналов спекуляции медикаментами, закупленными для нужд народного здравоохранения».

За работу в 1923—1924 годы заместитель председателя Грузинской ЧК, начальник секретно-оперативного отдела Лаврентий Берия получил орден Красного Знамени — а в те времена орденами просто так не разбрасывались, это были не цацки брежневских времен. Похоже, Ахундов не ошибся в своей характеристике, и птенец, действительно, был орлиной породы...

«Однако, глядя на эту историю с позиций наших дней, надо прямо сказать, если бы Берия не подходил к восстанию как к своего рода козырной карте, он мог бы загодя арестовать не нескольких, а всех его руководителей, и тогда никакого восстания, скорее всего, не было бы. Поэтому кровь сотен грузин, погибших тогда, лежит и на его совести».

Н. Рубин. «Лаврентий Берия. Мифы и реальность»

Вот только не надо путать зампреда ЧК с Господом Богом. А то создается впечатление, что автор этой

реплики смотрит по телевизору исключительно нагиевские шоу, ибо даже из бразильских сериалов видно, что изобличение врага стоит некоторых усилий. И, глядя на эту реплику с позиций наших дней, надо прямо сказать: если ну совсем уже не к чему придраться, но очень хочется сказать гадость, то бумага стерпит...

...Умея так работать, в довоенном СССР, особенно в 20-е годы, вполне можно было сделать карьеру и без карьеризма. Особенно в ЧК, где работа была не только трудной, но и опасной.

Структура органов в Закавказье была многоступенчатой. Едва республика становилась советской, как в ней, наряду с прочими органами власти, появлялась и ЧК. После объединения трех республик в Закавказскую Федерацию, 12 марта 1922 года учреждается Закавказская ЧК. А в мае 1922 года появился еще один орган — полномочное представительство ВЧК (ОГПУ) в Закавказье.

Если Берия и дальше так работал, то не стоит удивляться, что он быстро рос по службе. В августе 1924 года он становится начальником секретно-оперативной части полпредства ОГПУ, заместителем председателя ГПУ Закавказья и председателем ГПУ Грузии. В 1929 году он уже одновременно руководитель всех трех ведомств. При этом свою работу он по-прежнему не любит, что привело к несколько неожиданным результатам. Но об этом — чуть позже...

Соратники

Тогда же Берия подобрал себе команду, которая прошла вместе с ним все ступени его служебной

лестницы, вверх и вниз, от первых дел до расстрельной стенки. Это были соратники не в переносном, а в прямом смысле, ибо все они были товарищами по «рати», по войску — чекистами.

Главным его помощником, его «вторым я», как Молотов для Сталина, станет Всеволод Меркулов.

Он родился в 1895 году. Как и Берия, имел незаконченное высшее образование, окончив три курса физико-математического факультета Петроградского университета. При меньшевиках перебивался как мог — был делопроизводителем, учителем в школе для слепых. С 1921 года работал в Грузинской ЧК. Следовал за Берия повсюду, писал ему речи и доклады. Лишь после 1945 года их пути разошлись: Берия ушел в урановый комитет, а Меркулов работал сначала начальником управления советским имуществом за границей, а потом был министром госконтроля СССР, то есть стал одним из преемников Сталина в наркомате, организованном вождем еще в 1919 году. Что свидетельствует о его высокой честности — даже в 50-х годах, когда страна уже начала гнить, за этими назначениями вождь следил особо. Любил спорт, литературу, кое-что писал — пьеса «Инженер Сергеев», которую он написал под псевдонимом Всеволод Рокк, была даже поставлена в филиале Малого театра.

«Меркулов выгодно отличался от всей этой компании своей образованностью и интеллектом. Явление, как вы понимаете, для этой категории людей редкое», — пишет Андрей Сухомлинов в своей книге «Кто вы, Лаврентий Берия?». Ну конечно же, после пятидесяти лет усилий «черных пиарщиков» мы теперь все «понимаем» — потому что ничего не знаем. Но это к слову. Вот еще одна биография.

С Владимиром Деканозовым Берия мог познакомиться еще в большевистском подполье в Баку — хотя и не факт, что это знакомство тогда имело

место. Деканозов был на год старше своего будущего начальника, в 1916 году окончил гимназию, потом несколько лет учился на медицинском факультете Саратовского университета. Тоже незаконченное высшее — среди людей этого возраста и этой судьбы такое встречается сплошь и рядом. Начал было учиться, но помешала или мировая война, или гражданская, а потом не до того было. С июня 1921 года работал в АзЧК, а с марта 1922 года — в секретно-оперативном отделе, у Берия. Также следует за ним из АзЧК в Грузинское ЧК, потом в полномочное представительство ОГПУ, затем на партийную работу, оттуда — в Москву. Они расстались в мае 1939 года, когда Деканозова перевели в наркомат иностранных дел, хотя трудно сказать, насколько полноценным было это расставание. Именно Деканозов был послом в Германии в 1941 году, а это была одна из главных «разведывательных» должностей. Как вы понимаете, дурака-недоучку на такой пост в такое время не поставят. Затем работал с Меркуловым в Главном управлении советского имущества за границей, потом еще на некоторых, менее важных, постах. После смерти Сталина стал министром внутренних дел Грузии — это был его последний пост.

Армянин Богдан Кобулов был самым младшим из всей бериевской команды. Родился он в 1904 году в Тифлисе, в семье портного. Пришел в ЧК в 1922 году — совсем молодым, восемнадцатилетним, но все же гимназию окончить успел. Два года проработал в Грузии в так называемых «информационных пунктах ЧК» — судя по названию, это была работа с агентурой. Работал в секретно-политическом отделе ГПУ Грузии и, что еще более интересно, в экономическом отделе грузинского ГПУ. То есть, как видим, образ неграмотного костолома, каковым пытаются представить Кобулова, как-то рассеивается, меркнет...

Серго Берия Кобулова не любил. Он писал: «У него была большая голова и жирное лицо, выдававшее в нем человека, любившего хорошо поесть, глаза навыкате, большие волосатые руки и короткие кривые ноги». Да и судя по другим описаниям, Кобулов не блистал ни изяществом, ни красотой — но думается, что палаческие свойства определяются все-таки чем-то иным. Вот Ежов, например, был маленьким, худеньким и интеллигентного вида, любил и привечал творческую интеллигенцию, а как на допросах зверствовал!

После того как Берия стал первым секретарем ЦК КП Грузии, Кобулов остался в органах. Став наркомом внутренних дел, Берия взял его с собой на работу в Москву, и тот был заместителем наркома внутренних дел или наркома госбезопасности — в зависимости от слияния и разделения ведомств. После ухода Берия из МВД, а Меркулова из МГБ и прихода туда Абакумова, который быстренько вычистил из органов бериевскую команду, работает замом начальника все того же Главного управления советского имущества за границей. Вообще создается впечатление, что после того как Берия окончательно расстался с партийной и чекистской работой, уйдя в промышленность, где прежние товарищи уже не могли быть с ним, команда Берия перешла по наследству к Меркулову.

Кобулов продержался в этом ведомстве по 1953 год, будучи одновременно заместителем Главноначальствующего Советской военной администрации в Германии, и не по контрразведке, а по вопросам деятельности совместных акционерных предприятий — вот тебе и костолом! Уже 11 марта 1953 года он снова становится замом министра внутренних дел.

Грузин Сергей Гоглидзе родился в 1901 году в селе Корта, неподалеку от Кутаиси. Как сына крестьянина из Кутаисской губернии занесло в Среднюю Азию,

непонятно — должно быть, семья отправилась на заработки. Он учился в коммерческом училище сначала в Ко-канде, потом в Ташкенте Уже в 16 лет оказался в армии, до октября 1919 года был рядовым, потом началась «карьер» — от делопроизводителя до сотрудника политуправления Туркестанского фронта. Причины ее понятны: шесть классов по тем временам для красноармейца — хорошее образование, и держать такого рядовым нерационально. После окончания войны продолжает работать по политической части в Управлении войсками пожарной охраны (УПО) и в войсках ГПУ. Кстати, «между делом» заканчивает в Ташкенте среднюю школу.

В 1930 году становится начальником УПО и войск ГПУ полномочного представительства, затем, в 1934 году, — наркомом внутренних дел Закавказской Федерации. То есть перед нами «чистый» чекист, и он остается таковым всю жизнь. Кстати, во время войны Гоглидзе работает на одном из сложнейших участков, куда абы кого не пошлют — уполномоченным НКВД по Дальнему Востоку, в месте открытия возможного «второго фронта» Великой Отечественной войны, что косвенно говорит о его квалификации. С уходом Берия из органов остается там и при Абакумове, что несколько странно, — однако даже этот ярый противник Берия так и не решился тронуть Гоглидзе.

Уж чем-чем, а ни национализмом, ни куначеством Берия при подборе ближайших помощников явно не грешил. Еще один русский, Лев Владзимирский, родился в 1903 году в Барнауле, в семье контролера пассажирских поездов. Эту семью тоже носило по стране. К 1917 году Владзимирский закончил три класса коммерческого училища в Москве, а также школу второй ступени, в дальнейшем прибавив к ним еще вечерние общеобразовательные курсы при

политуправлении Черноморского флота и вечернюю совпартшколу второй ступени — так что среднее образование у него все-таки в итоге набралось. В шестнадцать лет ушел на фронт, был шофером, потом пять лет проработал рулевым-боцманом Севастопольского военного порта.

В органы ОГПУ пришел поздно, лишь в 1928 году, зато проявил по-видимому, недюжинные способности, поскольку уже через несколько месяцев стал начальником следственной группы в угрозыске. К 1937 году дослужился до заместителя начальника отделения ГУГБ НКВД СССР. Появившись в Москве, Берия обратил внимание на Влодзимирского, и к 1941 году тот уже был начальником следственной части НКГБ СССР.

В 1946 году его тоже убрали из органов, и он работал все в том же Управлении советским имуществом за границей. В марте 1953 года снова стал начальником следственной части по особо важным делам МВД СССР, то есть был одним из основных людей, осуществлявших «вторую бериевскую реабилитацию» — впрочем, обо всем этом речь еще впереди...

Легенды о Берия-чекисте.

Естественно, этот период его жизни отмечен и легендами. Одна из них — легенда о комиссии Кедрова. Один из ее вариантов привел в своих воспоминаниях Ф. Я. Бе-резин, сын Я.Д. Березина, который в 1918—1921 годы был секретарем ОГПУ. Эту историю он слышал в 1956 году от отца.

«Тогда, в декабре двадцать первого, Дзержинский вызвал Березина и вручил ему ордер на арест Берия. При этом Феликс

Эдмундович сказал, что Кедров написал докладную, в которой есть факты о провокаторской деятельности Берия — ответственного работника Азербайджанской ЧК... Для задержания и ареста Берия был назначен наряд из четырех чекистов. Ни старший по наряду, ни трое бойцов не знали, кого они должны арестовать.

За несколько часов до прихода ночного поезда из Баку Дзержинский вновь вызвал Березина, сказал, что арест Берия отменяется, попросил сдать ордер и резко порвал его.

«Что случилось?» — спросил Березин.

«Позвонил Сталин и, сославшись на поручительство Микояна, попросил не принимать строгих мер к Берия», — ответил Дзержинский.

Докладная Кедрова осталась у Дзержинского, он не передал ее в аппарат ЧК. Что стало дальше с докладной — неизвестно. Берия в ту ночь не прибыл в Москву. Докладная Кедрова осталась у Дзержинского, в аппарате ЧК она не была зарегистрирована, и дальнейшая ее судьба неизвестна».

Ф. Березин. «История ордера на арест Берия»

Это одна из версий распространенной легенды о комиссии Кедрова. Согласно ей, член коллегии ВЧК М. Кедров в 1921 году совершил инспекционную поездку по местным отделениям ЧК некоторых крупных городов. Распушив чекистов в Харькове, Ростове и пр., он наконец добрался до Баку и будто бы обнаружил там национализм, пьянство и растраты. (Ну ладно, по поводу двух последних пунктов еще можно

согласиться, но чей национализм можно было обнаружить в АзЧК, где всякой твари не более чем по паре?) Кедров написал в Москву сердитый доклад, где описывал все эти безобразия и называл виновных: Багирова и Берия. А вот дальше начинается уже совершенный Дюма: Дзержинский (Ришелье) будто бы принял решение арестовать обоих разложенцев (мушкетеров), но вмешался Сталин (король Людовик), которому их хвалил Микоян (де Тре-виль)...

В общем, мушкетеры, то есть, Багиров и Берия, остались на своих постах. А вот дальше начинается самое интересное: доклад комиссии Кедрова загадочно исчезает из всех архивов и документов, оставшись лишь в рассказах «старых большевиков» (кто такие «старые большевики», мы уже говорили). Ну, а Кедрова, расстрелянного в конце 30-х годов, конечно же, уничтожил злодей Берия, чтобы не оставлять свидетелей своего непотребного поведения.

Кстати, возможно и еще одно объяснение. Докладная могла существовать, и ордер на арест тоже мог иметь место быть, если Кедрову в очередной раз донесли о работе Берии в мусаватистской контрразведке. Вспомним: Павлуновский пишет о том, что Дзержинский перед его отъездом на Кавказ рассказал ему эту историю. Должно быть, в целях экономии: а то выписывать эти ордера, а потом рвать их — бумаги не напасешься...

Но может быть и третья версия событий. Для этого заглянем в биографию доблестного чекиста, старого большевика Михаила Сергеевича Кедрова. Член ВКП(б) с 1901 года, член Петроградской военной организации РСДРП(б) с мая 1917 года, с ноября — зам. наркома по военным делам, потом — начальник Особого отдела ВЧК, в 1919 году — уполномоченный ЦК РКП(б) по Южному и Западному фронтам. И вдруг — резкий поворот судьбы. В том самом 1921 году, когда он будто

бы ездил с проверками по стране, мы внезапно находим Кедрова в должности... уполномоченного СТО по рыбной промышленности на Каспии. И ничего себе виток карьеры?

Так за что же Кедрова вышибли из ВЧК? И не связано ли это с Берия — не зря партийная молва так упорно соединяет вместе эти два имени. Самая простая версия событий — во время поездок с проверками он требовал от местных чекистов «отступного», а в Азербайджане эти наглые мальчишки ничего не дали. В результате у них нашли «национализм», «разложение» и пр., так что Дзержинский даже сгоряча вызвал их в Москву, приготовив ордер на арест. Но, вовремя узнав о художествах «старого большевика», ордер порвал, а Кедрова из «чрезвычайки» выгнал. В таком случае, доклад комиссии просто не там ищут. Он должен быть не в архивах НКВД, а в следственном деле Кедрова.

...Впрочем, скорее всего, на самом деле никакой комиссии и не было...

Следующая легенда — о «подсиживании» Квантилиани, относится к 1927 году.

«Тогдашний председатель ГПУ Грузии (то есть непосредственный начальник, Берия) Епифан Квантилиани получил из Москвы задание постараться завербовать кого-нибудь из прибывших в Грузию в составе турецкой военной делегации. Но даже в ходе роскошных банкетов упрямые турки не проявили желания стать тайными агентами ОГПУ. И на одном из банкетов случилась довольно неприятная история: то ли кто-то из турок, выведенный из себя вербовочными приставаниями чекистов, затеял драку, то ли сами чекисты, раздраженные тем, что дело топчется на месте,

не сдержались и занялись рукоприкладством — словом, произошла легкая потасовка, виновником которой, впрочем, был не кто-либо персонально, а чрезмерное количество спиртного.

Тем не менее, обиженные турки поспешили пожаловаться в Москву. Разгневанный нарком иностранных дел Чичерин потребовал от грузинского руководства разобраться и наказать виновных. В Тифлис прибыла комиссия ОГПУ, которая принялась допрашивать всех участников злополучного банкета (естественно, с грузинской стороны). И тут Берия скромно заявил, что он сидел далековато от места, где вспыхнула короткая потасовка, а вот Квантилиани находился совсем рядом, но почему-то не заметил, как страсти накалились до предела... Фактически так оно и было, но в таких ситуациях принято держать язык за зубами... В результате вывод комиссии был таким: Квантилиани распустил своих сотрудников и не в состоянии навести в их рядах должную дисциплину. Квантилиани сняли с работы, а председателем ГПУ Грузии стал Берия».

Н. Рубин. «Лаврентий Берия. Мифы и реальность».

Если отрешиться от представлений о вербовочной работе, явно навеянных плакатами 30-х годов, и вычленить голые факты — то что, говоря человеческим языком, произошло? Грузинские чекисты на банкете перепились и подрались с членами турецкой делегации, что, кстати, прекрасно могло произойти и не по причине «вербовочных приставаний», а просто так. Их родной

начальник, Епифан Квантилиани, находившийся рядом с местом драки, тем не менее не смог привести их в чувство и прекратить потасовку — то ли авторитета не имел, то ли был вдрызг пьяным, то ли сам в драке участвовал... Разбравшая это дело комиссия (по-видимому, все-таки не из Москвы, а из Закавказского представительства ОГПУ) сделала совершенно правомерный вывод о том, что уровень бардака в ГПУ Грузии зашкалил за все ограничители, и руководство надо менять. После чего Квантилиани сняли, а его должность взвалили на плечи начальника секретно-оперативной части представительства ОГПУ Лаврентия Берия, как будто тому собственной работы было мало.

Какова роль Берия во всей этой истории? Он всего-навсего сказал правду. Может быть, ему и следовало бы, по понятиям окружающих, «прикрыть» начальника грузинского ОГПУ, но он не пожелал этого делать, и его можно понять — хорош начальник спецслужбы, подчиненные которого у него на глазах устраивают драку с дипломатами на официальном банкете. Одна из наших национальных и государственных бед — как раз эти самые компании разгильдяев, прикрывающие друг друга. Кстати, можно себе представить, как «достал» Берия бардак в ОГПУ Грузии, с которым ему постоянно приходилось контактировать!

Еще одна легенда — о «подсиживании» Реденса.

«Глава Закавказского ГПУ Станислав Реденс не обладал сильным характером, и Берия, став заместителем, довольно быстро подмял его под себя. Чекисты между собой называли шефа не иначе, как Беренс. Берия не терпелось подняться на следующую ступень, но столкнуться с ней Реденса, женатого на Анне, сестре Надежды Аллилуевой, он не решался. Он

выжидал, выжидал, выжидал долго, почти три года. Когда представился удобный случай, не преминул им воспользоваться.

В ту ночь, основательно напоив шефа по случаю дня рождения, Лаврентий Павлович выпустил его из дома одного, без сопровождающих. Реденс забрел в дом неподалеку, где жила молодая сотрудница канцелярии Нина М. Поднялся на второй этаж, окруженный застекленной галереей, и спяна постучался в чужую дверь. Ему не открыли, он стал угрожать, вышел хозяин и хорошенько отдубасил ночного дебошира. На шум сбежались соседи, кто-то пригласил милиционеров, и Реденса доставили в участок. Там он распахнул шинель, дежурные увидели знаки отличия, ордена, «узнали» большого начальника.

Поздно. Берия уже позвонил в Москву Сталину, советовался, как быть... На другой день генсек решил сместить скандалиста. Но вовсе удалять заслуженного партийца от дел не хотелось. Реденс был назначен наркомом внутренних дел Белоруссии, а боевой пост наркома Закавказской Федерации достался Лаврентию Берия. Это произошло в апреле 1931 года...»

Н. Рубин. «Лаврентий Берия. Мифы и реальность»

Едва ли эту замечательную историю нужно комментировать. Напоили бедного младенчика в кожанке и без няни на улицу выпустили!

Впрочем, ее можно прокомментировать устами сына Берия Серго, который на вопрос журналиста, не

подстроил ли его отец Реденсу ловушку, сердито ответил:

«— Подстраивать Реденсу ловушки, да еще и с женщиной? Он был по своей натуре пьяницей и бабником.

Дамы легкого поведения так и льнули к нему. Он сам оскандалился после очередной попойки, без чьей-либо помощи...»¹⁶

Кстати, начальником ГПУ Закавказья Берия был назначен не в апреле 1931-го, а в ноябре 1929 года. Вообще с этим инцидентом творится что-то непонятное. Так, Н. Зенькович рассказывает, что еще в 1929 году Сталин, смеясь, похвалил Берия за ту историю: «Ну и молодец, ло"вко его обработал». А в 1930 году в письме Орджоникидзе сам Берия пишет: «Тов. Реденс уже в достаточной мере ориентируется в нашей обстановке и свободно справляется с работой...», после чего все уже окончательно запутывается. Кто, вообще, чьим заместителем был, если начальник Закавказского ОГПУ пишет, что Реденс уже (!) справляется с работой?!

Впрочем, карьере Реденса этот инцидент не повредил. Непотопляемый зять Сталина продолжал благополучно служить в органах, в 1935 году, одним из первых, получил звание комиссара госбезопасности 1-го ранга. В 1938 году он был арестован и в 1940-м расстрелян, вместе с Ежовым и его командой. Естественно, и в этом тут же проследили «руку Берия». Кстати, вполне возможно, что вот тут-то как раз его рука и присутствовала. Ибо если Реденса расстреляли вместе с людьми Ежова — то неужели непонятно, за что?

Еще одна легенда связана с катастрофой самолета «Юнкере-13», которая произошла на Дубийском ипподроме 22 марта 1925 года. Тогда в разбившемся

самолете погибли секретарь Закавказского крайкома А. Ф. Мясников, председатель Закавказского ЧК С. Г. Могилевский, замнаркома Г. А. Атарбеков и два пилота. Три комиссии, одна за другой, признали причиной аварии техническую неисправность. Первой из них руководил Берия. Этого оказалось достаточно, чтобы неуемный Антонов-Овсеенко тут же вытащил на свет собственную версию катастрофы.

«О том, что Мясников располагает сведениями, весьма опасными для карьеры Сталина, знали некоторые старые партийцы, товарищи Мясникова по дореволюционному подполью. Как удалось Берия пронюхать об этом, ответить нетрудно. Мясников стал живой угрозой — слишком живой, для Генсека, а значит, и для Лаврентия Берия...»

Трудно сказать, почему именно явный бред обладает какой-то особой убедительностью. Может быть, как раз в силу своей бредовости? Мы еще встретимся с подобными историями, когда речь пойдет о 1937 годе. А пока что хочется привести случай из журналистской практики. Как-то раз, еще в 1990-х годах, когда все были помешаны на происках КГБ, в редакцию к моим друзьям, работавшим в одной из острополитических газет, явился некий человек и долго рассказывал о происках КГБ в его собственной судьбе. Рассказывал так убедительно, что прожженные журналисты ему поверили. И лишь в конце он сказал, что «агенты КГБ приходят к нему на кухню по вечерам в виде бинарных тараканов». Глядишь, если бы не эти «бинарные тараканы», то на свет появился бы еще один материал о происках КГБ. Этот случай помог понять, что в основе многих изысканий лежат все те же «бинарные тараканы».

...Чем, в основном, Берия занимался все годы работы в Ч К, он мимоходом упоминает в своем письме к Орджоникидзе, когда просит отпустить его из ЧК (об этом письме еще пойдет речь).

«Я все строго обдумал, — пишет он. — Мой уход на работе не отразится. Аппарат Груз. ГПУ и в центре, и на местах налажен и работает настолько четко, что любой товарищ, который его возглавит после меня, справится с положением.

Аппарат Аз. ГПУ в центре также налажен. Укрепляется теперь и аппарат Арм. ГПУ путем переброски туда ряда новых работников».

30 марта 1931 года Менжинский в своем официальном приказе в честь 10-летия создания ГПУ Грузии пишет: «Коллегия ОГПУ с особым удовлетворением отмечает, что вся эта огромная напряженная работа, в основном, проделана своими национальными кадрами, выращенными, воспитанными и закаленными в огне боевой работы под бессменным руководством тов. Берия, сумевшего с исключительным чутьем всегда отчетливо ориентироваться и в сложнейшей обстановке, политически правильно разрешая поставленные задачи, и в то же время личным примером заражать сотрудников, передавая им свой организационный опыт и оперативные навыки, воспитывая их в безоговорочной преданности Коммунистической партии и ее Центральному Комитету».

В то время, чтобы о тебе в приказе написали такие слова, мало было занимать соответствующую должность — надо было еще и соответствующим образом работать. И вот этого — таких слов за подписью Менжинского — никакими интригами добиться было невозможно.

«Старые большевики» по Антонову-Овсеенко.

А время шло. Вторая половина 20-х годов принесла новые дела, связанные с так называемым «вредительством». Этим словом тогда называли самые разные действия — от экономической войны против СССР и экономического шпионажа до банального разгильдяйства. Затем началась коллективизация, проводившаяся в Закавказье тупо и бессмысленно. Коллективизация в СССР задумывалась не ради Закавказья, тут хоть вообще эта работа не проводилась, никто бы и не заметил. Но местное партийное руководство гнало в колхозы даже жителей горных деревень. Ответом стали крестьянские восстания.

Берия лично мотался по республикам. Вот тут его роль известна и никем не оспаривается, даже легенд о кровожадности не родилось. Много говорят о том, что Берия залил кровью партию, но, кажется, вовсе нет легенд о том, что он залил кровью горы Кавказа. Наоборот, известны случаи, когда он лично выступал перед возбужденной толпой и уговаривал крестьян разойтись. Едва ли это прибавляло ему симпатий к грузинским властям.

Среди многочисленных стонов о печальной судьбе погубленных Сталиным «старых большевиков» и «верных ленинцев» как-то совсем затерялся один очень маленький вопросик: а что собой представляли тогдашние грузинские власти? Кого Сталин отстранил и заменил Берия?

...В Грузии традиционно были сильны оппозиционные настроения. Но оппозиция того времени была достаточно многолика. Чьим оплотом была Грузия?

И вот тут нам на помощь приходит, как ни странно, Антонов-Овсеенко — единственный случай, когда его цитата печатается без курсива.

«Как раз в то время (1926—1927 годы) партию сотрясала дискуссия, в ходе которой Сталин, признанный мастер политической интриги, надеялся скомпрометировать Троцкого, убрать с дороги самого опасного соперника. В этой борьбе старая гвардия грузинских большевиков не поддержала генсека. Объяснение этому следует искать не в идеологических разногласиях. Старые большевики знали подлинного товарища Кобу, они были убеждены в том, что ему не место в ЦК, что на посту генсека он позорит партию, губит ее...» И далее: «Прошло пять лет. Генсек убедился в непреклонности старых партийцев». И называет несколько имен: Буду Мдивани, Сережа Кавтарадзе, Михаил Окуджава.

Из этой цитаты совершенно ясно и недвусмысленно видно, что Грузия того времени была оплотом троцкистов. Оно бы и ничего, если бы поклонники Льва Давидовича занимались одними лишь «дискуссиями». Но после 1927 года в стране стала оформляться «вторая партия», нелегальная и настроенная на непримиримую борьбу с существующей властью всеми доступными методами. И если бы троцкисты могли предложить хоть что-нибудь конструктивное! Но ведь в их арсенале не было ничего, кроме бесконечной борьбы за чистоту идеи, за «мировую революцию», и постоянного насилия как метода этой борьбы. Ни на что иное эта публика была попросту не способна.

Но это еще не все. Первым секретарем Закрайкома был в то время Мамия Орахелашвили. И снова слово Антонову-Овсеенко:

«Осуществлению бериевской программы фальсификации истории и возведения генсека в ранг правоверного Вождя мешали ранние выступления таких признанных революционеров, как Филипп Махарадзе, Авель Енукидзе, Мамия Орахелашвили. Последний опубликовал в 1926 году брошюру „Путь грузинской жиронды“, где справедливо называет меньшевиков истинными демократами, а их лидера Ноя Жордания — марксистом». Вообще-то спасибо г-ну Антонову-Овсеенко — не за то, что он говорит, а за то, о чем проговаривается.

Неудивительно, что товарищ Орахелашвили так любил меньшевиков. У него и его товарищей было с ними много общего. Не только грузинские меньшевики, но и грузинские большевики были националистами — многих из них даже так и называли: «национал-уклонисты». Их снимали с работы, исключали из партии, но менталитет есть менталитет. Национализм, куначество, стремление партийных функционеров считать себя «князьями» были неистребимы (и не истреблены — взгляните, что творится в нынешней независимой Грузии — да то же самое!). О некоторых делах и взглядах «национал-уклонистов» рассказано в многократно шельмуемом и нигде не печатаемом докладе «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», который был прочитан Берия на собрании республиканского актива Грузии в июне 1935 года — ниже еще пойдет речь об этом докладе. Не зря его нигде не печатают — любопытнейший надо сказать, документ...

«...Грузинский национал-уклонизм вырос не столько из тенденции борьбы против русского великодержавного национализма, сколько из тенденции грузинского агрессивного национализма, направленного против негрузинских национальностей Закавказья, и прежде всего против армян.

Национал-уклонизм хотел использовать географические и экономические преимущества Грузии вследствие владения ею такими важнейшими узловыми пунктами, как Тифлис и Батум. На этой основе национал-уклонисты, требуя выхода из федерации, хотели создать и развить привилегии для грузин за счет Советского Азербайджана и Армении, и тем более за счет нацменьшинств — абхазцев, аджарцев, осетин, армян и др.

Грузинские уклонисты боролись против предоставления автономии национальным меньшинствам Грузии. Тогдашние ЦК и Ревком Грузии (Б. Мдивани, С. Кавта-радзе, М. Окуджава, К. Цинцадзе и др.) всеми мерами оттягивали предоставление автономии Южной Осетии, Аджаристану и Абхазии. Автономия этих республик была принята и проведена против воли уклонистского большинства ЦК и Ревкома Грузии.

Известно, что один из руководителей грузинского уклонизма — Б. Мдивани голосовал против решения о включении гор. Цхинвали в автономную Юго-Осетинскую область, а другой руководитель уклонистов — С. Кавтарадзе отказался послать приветствие Красному Аджаристанскому Меджлису от имени ЦК и Ревкома Грузии. Грузинские уклонисты предлагали центром для Аджаристана не Батум, а Хуло или Кеды. (Смех в зале.)

Таким образом отрицание Закавказской федерации и борьба против нее, с одной стороны, отрицание автономии для национальных меньшинств Грузии и борьба против автономии Юго-Осетии, Аджарии и Абхазии — с другой, такова националистическая теория и практика грузинского уклонизма.

Национал-уклонизм представлял собой довольно разностороннюю систему националистических меньшевистских взглядов. Известно, что грузинские

уклонисты пытались провести декрет «о разгрузке» Тифлиса, осуществление которого означало бы изгнание инациональных элементов, и в первую очередь армян.

Известен также факт «дикого» — по выражению товарища Сталина — декрета о кордонах, которыми Грузия огораживалась от советских республик, а также декрета о подданстве, которым грузинка, вышедшая замуж за инационала (не грузина), лишалась прав грузинского гражданства. (Смех в зале.) Вот эти документы:

1) 31 марта 1922 г., за подписью председателя ЦИК тов. Махарадзе и зам. пред. Совнаркома тов. М. Окуджава, посылается следующая телеграмма: "Ростов-Дон, исполкому, копия Центроэваку; Новороссийск, исполком, копия Начэваку; Владикавказ, пред. ЦИК Горрес-публики, копия предсовнаркому; Батум, предсовнарко-му Аджаристана, копия предисполкому, пред. Зак. ЧК, Наркомвнудел Грузии, пред. ЧК Грузии, начальнику жел-дорог Закреспублики, пред. ЦИКа Абхазии, Наркомин-дел Грузии:

...От сего числа границы республики Грузии объявляются закрытыми (смех в зале), и дальнейший пропуск беженцев на территорию ССР Грузии прекращен. Просим срочно зависящих распоряжений соответственным органам. Просьба подтвердить получение настоящей телеграммы"...

2) § 1. Лица, получающие разрешения на право въезда в пределы Грузии своих родственников, платят за выдаваемые им разрешения 50000 руб. (Смех в зале.)

§ 2. Правительственные учреждения, возбуждающие ходатайства о выдаче разрешения на въезд лицам, кои по своим специальным познаниям необходимы, платят 500000 руб. ...

§ 5. Лица, после 13 августа 1917 года прибывшие в пределы Грузии и желающие получить право на постоянное жительство в Грузии, в случае удовлетворения их просьбы, платят за выдаваемые им разрешения 1 мил. рублей.

§ 6. Лица, коим к 13 августа 1922 года исполнилось 5 лет пребывания в пределах Грузии... за право на дальнейшее пребывание в пределах Грузии платят 1 мил. рублей...

§ 8. Право на дальнейшее пребывание в пределах Грузии из лиц, прибывающих в ее пределы после 13 августа 1917 года, имеют:

"...3. Все члены профессиональных союзов, состоящие в союзе 6 месяцев ко дню издания настоящего постановления.

4. Граждане, кои связаны с Грузией деловыми отношениями. ...

Гражданство Грузии теряет: грузинская гражданка в том случае, если она выйдет замуж за иностранца". (Смех в зале.)

(Стеногр. отчет XII съезда РКП(б), изд. 1923 г., стр. 160-161).

Таким образом, национал-уклонизм представлял явно выраженный наступательный грузинский шовинизм, могущий превратить Закавказье в арену межнациональных столкновений, могущий воскресить времена меньшевистского господства, когда в припадке шовинистического бешенства люди жгли и резали друг друга.

Товарищ Сталин в своем докладе по национальному вопросу на XII съезде партии дал следующую характеристику грузинского национал-уклонизма:

"Но есть еще третий фактор, тормозящий объединение республик в один союз, — это национализм в отдельных республиках. Нэп действует

не только на русское население, но и на нерусское. Нэп развивает частную торговлю и промышленность не только в центре России, но и в отдельных республиках. Вот этот-то самый нэп и связанный с ним частный капитал питают, взращивают национализм грузинский, азербайджанский, узбекский и пр. ... Если бы этот национализм был только оборонительный, можно было бы еще не поднимать из-за него шума. Можно было бы сосредоточить всю силу своих действий и всю силу своей борьбы на шовинизме великорусском, надеясь, что коль скоро этот сильный враг будет повален, то вместе с тем будет повален и национализм антирусский, ибо он, этот национализм, повторяю, в конечном счете является реакцией на национализм великорусский, ответом на него, известной обороной. Да, это было бы так, если бы на местах национализм антирусский дальше реакции на национализм русский не уходил. Но беда в том, что в некоторых республиках этот национализм оборонительный превращается в наступательный.

Возьмем Грузию. Там имеется более 30 % негрузинского населения. Среди них: армяне, абхазцы, аджарцы, осетины, татары. Во главе стоят грузины. Среди части грузинских коммунистов родилась и развивается идея — не очень считаться с этими мелкими национальностями: они менее культурны менее, мол, развитые, а посему можно и не считаться с ними. Это есть шовинизм — шовинизм вредный и опасный, ибо он может превратить маленькую Грузинскую республику в арену склоки и он уже превратил ее в эту арену склоки" (Сталин И. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник статей и речей. Партиздат, 1934. С. 118).

Грузинские уклонисты в ряде вопросов общей политики партии заняли явно оппортунистическую позицию, скатившись к меньшевизму. В аграрно-

крестьянском вопросе уклони́сты вступили на путь меньшевистской кулацкой земельной политики.

Они решительно сопротивлялись проведению большевистской аграрной реформы, ссылаясь на отсутствие в Грузии помещичьего землевладения и опасаясь за судьбы грузинских князей и дворян. ЦК и Ревком Грузии, в которых преобладали национал-уклонисты, тормозили и оттягивали проведение земельной реформы, и, несмотря на двухлетнее существование советской власти, земля оставалась в руках помещиков, князей и дворян.

Тов. Орджоникидзе 25 января 1923 г., подводя итоги кулацкой земельной политики уклонистов, писал: "Наркомзем за два года своего существования не имел ясного представления, что делается в нашей деревне. Иначе как же произошло, что в уездах самые крупные землевладения до сих пор остались нетронутыми и там продолжают сидеть б. князья-дворяне..., помещики живут в своих старых поместьях — дедовских имениях. Крестьяне же по-прежнему находятся в полной экономической зависимости от своего старого доброго барина-князя... В Борчалинском уезде по докладу председателя исполкома тов. Шабанова дело обстоит не лучше. Старые царские генералы, бывшие князья Абхази, Тумановы, графы Кученбахи сидят в своих поместьях и крестьянам даже не разрешают проводить дороги через «свои» имения.

К нашему позору, почти у каждого из этих господ на руках соответствующие грамоты от какого-либо советского чиновника из Наркомзема, охраняющие их неприкосновенность и покой... Такая же безотрадная картина в Сигнахском и Душетском уездах, где сиятельнейшие князья Абхази, Мухранские, Андрониковы, Чолокаевы живут припеваючи в своих барских домах, издеваются над крестьянами и советской властью".

(Орджоникидзе С. «Существующим безобразиям в деревне надо положить конец со всей решительностью» // Заря Востока. 1923. 25 января. № 182.)

Грузинские уклонисты открыто отстаивали правооппортунистическую позицию и в вопросах внешней торговли. Известен факт, когда уклонисты требовали денационализации батумских нефтяных резервуаров и сдачи их в концессию империалистическому нефтяному концерну «Стандарт-Ойль».

Известен также факт экономической ориентации национал-уклонистов на Запад, их ориентации на дешевый константинопольский товар.

Национал-уклонисты усиленно добивались открытия в Тифлисе или Батуме частного банка по предложению капиталиста-авантюриста Хоштария. Этот банк должен был явиться отделением Оттоманского банка, фактически филиалом англо-французского капитала.

Вся эта ориентация на капиталистический Запад, в случае своего существования, превратила бы Закавказье, и в особенности Грузию, в придаток иностранного капитала.

Грузинские уклонисты занимали явно либерально-примиренческую позицию по отношению к грузинским меньшевикам. Как известно, в начале советизации Грузии была объявлена амнистия меньшевикам, которые не замедлили воспользоваться ею в целях организации нелегальной и полулегальной борьбы против советской власти.

Кавказское бюро ЦК РКП (б), во главе с тов. Серго Орджоникидзе, поставило задачу беспощадной борьбы с меньшевиками как путем развертывания идейно — политической работы против меньшевистского влияния, так и путем репрессий против меньшевистских контрреволюционеров. Группа уклонистов решительно воспротивилась тактике беспощадной борьбы с

меньшевиками и подменила политику разгрома меньшевиков политикой «мирного преодоления и переработки» меньшевистских контрреволюционеров...

...Грузинская уклонистская оппозиция встретила полное сочувствие и поддержку со стороны воинствующего грузинского меньшевизма и национал-шовинистической интеллигенции. Грузинские меньшевики неоднократно звали национал-уклонистов на борьбу с диктатурой пролетариата».

Если очистить этот текст от коммунистической фразеологии (которой, кстати, здесь не так уж и много) и взглянуть на голые факты, то совершенно четко видно, что «национал-уклонисты» и на самом деле — младшие братья грузинских меньшевиков. Четко прослеживается линия от тбилисских властей образца 1918 года к торговцам видами на жительство из года 1923-го и далее — к «демократам» 90-х годов, отбросившим одну из самых богатых и процветающих республик Советского Союза на сто лет назад, в вековую нищету отсталой окраины. Только немцев сменили американцы — вот и вся разница...

Таковы были люди, стоявшие у власти в 20-х годах, — те самые «старые большевики», которых так любит г-н Антонов-Овсеенко. Естественно, они терпеть не могли и Сталина, и Берия, и не за какие-то идейные разногласия, а нутром. Ибо сепаратист носителей имперского сознания, как известный булгаковский герой, «сердцем чует».

И, чем выше поднимался Берия по служебной лестнице, тем острее становился конфликт мировоззрений между ним и тогдашней грузинской верхушкой.

Мечта Лаврентия Берия

Чем дальше, тем острее Берия ощущал, что работа затягивает его, все больше отдаляя от того, к чему он стремился всеми силами с тех пор, как восьмилетним мальчиком переступил порог реального училища.

Еще в 1923 году он пишет в автобиографии:

«За время своей партийной и советской работы, особенно в органах Ч К, я сильно отстал как в смысле общего развития, так равно не закончив свое специальное образование. Имея к этой области знаний призвание, потратив много времени и сил, просил бы ЦК предоставить мне возможность продолжения этого образования для быстрейшего его завершения. Законченное специальное образование даст мне возможность отдать свой опыт и знания в этой области советскому строительству, а партии — использовать меня так, как она это найдет нужным».

Все же и тогда он ухитрялся учиться, совершенно неизвестно, где изыскивая время и силы. В 1922 году, когда его перевели в Грузию, он был студентом третьего курса. Но потом учебу пришлось прервать. Неизвестно, сколько раз Берия просил отпустить его учиться, но в мае 1930 года эта тема вновь прорывается в отчаянном письме к Орджоникидзе.

«Дорогой Серго, не один раз я ставил перед Вами вопрос о моей учебе. Время проходит, кругом люди растут, развиваются, и те, которые еще вчера были далеко от меня, сегодня ушли вперед. Известно, что безбожно отстаю. Ведь при нашей чекистской работе не успеваем зачастую даже газету прочесть, не то что самообразованием заниматься...

Дорогой Серго! Я знаю, Вы скажете, что теперь не время поднимать вопрос об учебе. Но что же делать. Чувствую, что я больше не могу...»

В одном из интервью сын Лаврентия Берия Серго говорил:

«Вы будете удивлены, когда я скажу вам, что отец все время хотел уйти и из ЧК, и из ЦК. Он мечтал завершить учебу, стать инженером и добиться успехов в этой области. После училища он экстерном сдал экзамены и закончил три курса строительного факультета Бакинского политехнического института...

...Отец был человеком увлекающимся и старался основательно вникнуть в суть того, что делал. Например, когда в Грузии взялись осушать колхидские болота и культивировать там субтропические растения, он специально изучил все, связанное с их возвращением. В его неудержимом стремлении к самообразованию я сам убедился, когда увидел, какими знаниями он овладел в сфере ракетостроения, производства атомной и водородной бомбы, как он профессионально спорил с крупными учеными, выясняя технические подробности того или иного вопроса. (Будучи сам конструктором ракетной техники, Серго мог судить об этом профессионально. — Е. П.) Отец самостоятельно выучил английский, французский и немецкий языки. На этих языках он мог читать любую литературу. По-русски отец говорил с грузинским акцентом, но писал абсолютно грамотно. Часа два-три с утра он всегда работал, читал различные материалы; но

не за письменным столом, а обычным, хотя имел прекрасный кабинет. В общей сложности, за день набегало 300—400 страниц, включая сводки ТАСС, донесения разведки. Читал он, как правило, с карандашом, делая какие-то выписки, заметки...»

Серго нарисовал портрет человека незаурядного интеллекта. Забегая вперед, можно сказать, что невежда с револьвером не смог бы за считанные годы сделать из нищей Грузии одну из самых богатых республик СССР, невежда не смог бы поднять атомный проект. Но вот учиться дальше ему так и не довелось.

Впрочем, дело было не в одном образовании. В том же письме Орджоникидзе Берия просит вообще перевести его куда-нибудь из Закавказья.

«Я думаю, что мой уход из Закавказья, — продолжает он, — даже послужит к лучшему. Ведь за десять лет работы в органах ГПУ в условиях Закавказья я достаточно намозолил глаза не только всяким антисоветским и контрреволюционным элементам, но и кое-кому из наших товарищей. Сколько людей будут прямо-таки приветствовать мой уход, настолько я им приелся своим постоянным будированием и вскрыванием имеющихся недочетов. Им хотелось, чтобы все было шито-крыто, а тут, извольте радоваться, кругом недочеты и ляпсусы».

Тут надо еще учитывать такую вещь, как менталитет. В Грузии всегда были очень сильны пережитки всей истории общественных отношений — от родоплеменных традиций до феодализма. После революции все очень быстро вернулось на круги своя.

Князей заменили партийные функционеры, родственники так и остались родственниками, кунаки кунаками, а отношения регулировались чем угодно — дружбой, родством, групповыми интересами, множеством всех и всяческих связей, и лишь в последнюю очередь — делом. Вспомним историю с Квантилиани — как Берия говорил правду тогда, когда, по законам стаи, надо было бы молчать. И, судя по всему, это повторялось неоднократно. Как поступали с такими «неудобными» людьми в советское время? Правильно. Точно так же пытались поступить и с Берия. Продолжим цитирование письма.

«Уже начинают прорабатывать, а что дальше будет — не знаю. (Прорабатывать „всесильного и внушающего ужас“ председателя всех ОГПУ? Да, мы явно мало знаем о том времени, очень мало! — Е. П.) Со мной начинают связывать все истории, которые когда-либо были в Грузии и вообще в Закавказье. Ушел тов. Л. Картвелишвили (член ЦК КП Грузии. — Е. Я.) — винули меня. Ушел тов. Мамия (1-й секретарь Заккрайкома. — Е. Л.) — указывали на меня. Сняли бакинских товарищей — опять я тут. В умах многих товарищей я являюсь первопричиной всех тех неприятностей, которые постигли товарищей за последнее время и фигурирую чуть ли не как доносчик».

А ну-ка, давайте вспомним Антонова-Овсеенко с его неназванными грузинскими «старыми большевиками». Вот они, родимые, все тут...

Но, может быть, товарищ Берия лукавит, и он на самом деле доносчик? И при этом «будурует и вскрывает недочеты»? А вы знаете, как ведут себя подлинные доносчики? Самая частая реакция людей, когда они узнают имена сексотов, это всплеск руками: «Никогда бы не подумал!» Вообще в аппарате, а тем более на Кавказе, самое большое раздражение вызывает как раз такое поведение, какое

продемонстрировал Берия — это вскрывание недостатков и отказ «порадеть родному человеку», прикрыть кунака. В сочетании с традиционной оппозиционностью кавказских деятелей становится понятно, почему Берия просит «если уж никак нельзя послать на учебу, то хотя бы перебросить на другую работу в каком-нибудь из районов СССР».

А теперь небольшое «лирическое отступление», характеризующее Берия как человека. В том же 1930 году Всеволод Меркулов пишет ему письмо: «Здесь у нас распространились слухи о якобы предстоящем твоём уходе из Тифлиса... В связи с ними у меня к тебе глубокая просьба: не забыть меня. В случае, если ты, действительно, решил уехать из Закавказья, я очень прошу тебя взять меня с собой туда, где ты будешь работать. Город и должность меня не интересуют: я согласен работать где угодно...»

Чтобы правильно понять это письмо, надо отрешиться от того, что мы знаем дальнейшую судьбу Берия. Меркулов знать ее не мог, так что карьеризмом тут и не пахнет. Он видел то, что видел: у Берия крупные неприятности, на него имеет зуб большинство влиятельных людей, потихоньку начинается травля. По сути, он не уходит, а бежит из Закавказья. В то время «беженцев» не очень-то любили: могли загнать куда-нибудь в Сибирь, в глухой угол, или на китайскую границу, под пули. Меркулова это не интересует: где угодно, в любой должности, но под его руководством. Согласитесь, кое о чем это говорит...

Однако в Москве судьбу Берия решили иначе. Конец 20-х годов — это то время, когда Сталин, изнемогая от «партийной демократии», все больше и больше начал назначать партийных руководителей. Своеобразным ответом на многочисленные просьбы Берия убрать его с чекистской работы стало новое назначение.

Из ГПУ его действительно убрали — осенью 1931 года он становится одновременно первым секретарем компартии Грузии и вторым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б), еще через год — первым секретарем Зак-крайкома.

Кто мог подсказать Сталину это назначение? Он знал и помнил толковых людей, но едва ли настолько хорошо знал Берия, чтобы совершенно самостоятельно принять столь крутое решение — поставить начальника спецслужбы руководителем республики. Из членов Политбюро Берия знали Киров и Орджоникидзе. Однако Киров с 1926 года работал в Ленинграде и был далек от кавказских дел. Так что, скорее всего, это было сделано с подачи Орджоникидзе. То, что они были знакомы куда ближе, чем принято думать, говорит тот факт, что сына Берия звали Серго (иногда говорят, что при рождении он был назван Отаром, и имя сменили после отъезда Орджоникидзе в Москву — но это ничего не меняет, скорее, наоборот...).

С другой стороны, ситуация в Грузии была тревожной. Говорят, что Берия путем интриг отодвинул «старых большевиков», заслуженных революционеров. Пожалуй, что и так, отодвинул — хотя едва ли путем интриг. Но то, что он был верным сталинцем, не вызывает ни малейшего сомнения.

Можно сколько угодно говорить о партийной демократии и пр., но с точки зрения государственной необходимо было поставить во главе республики верного сталинца — пусть он даже чекист, пусть он завалит народное хозяйство, пусть что угодно... В конце концов, в хозяйственном отношении Грузия ничего собой не представляла, Россия уж как-нибудь ее прокормит. Важна она была в первую очередь в стратегическом отношении — черноморское побережье, морская граница, граница с Турцией, да еще самоопределение вплоть до отделения, которое так и

осталось в национальной программе СССР... В 1918-м это уже проходили...

В восторг от нового назначения Берия не пришел, однако кто в те годы спрашивал о согласии «брошенных» на ту или иную работу?

ГЛАВА 5

«КТО ОТВЕЧАЕТ ЗА ВСЕ?»

В абсолютном большинстве книг (за исключением труда А. Топтыгина «Неизвестный Берия») из всего семилетнего периода, когда Берия был руководителем Закавказья, обсуждаются только два момента: взаимоотношения с грузинскими партфункционерами — кто кого подсиживал, и эпохальный труд «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» — его авторство и роль Сталина. Все. Как будто у первого секретаря Заккрайкома и первого секретаря Грузии других дел, кроме как интриговать против товарищей по партии и воровать чужие книги, и не было.

На самом деле все это несколько не так. Первый секретарь республики был, фактически, наместником центральной власти и отвечал за все. То есть вообще за все — промышленность, сельское хозяйство, выполнение планов, уровень жизни, культуру, идеологию и пр., и пр. Задачи, стоящие перед руководством СССР, были беспрецедентными — за какие-то десять лет поднять хозяйство страны до такого состояния, чтобы она была способна схлестнуться в войне с Германией, а может быть, и со всей Европой. От Грузии, конечно, особых подвигов не требовалось — ну что возьмешь с Грузии? Единственным настоящим интересом центра в Закавказье была по-прежнему бакинская нефть. Но если бы удалось как-то поднять нищую республику, было бы очень хорошо!

Положение в Грузии, при руководстве столь любимых нашими правдолюбцами «старых большевиков», было критическим — впрочем, как и везде. Новоявленные князья занимались тем же, чем и

князя старорежимные, — бесконечно выясняли между собой отношения да выслуживались перед Москвой. Но перед той Москвой было бесполезно выслуживаться — впрочем, как и фрондировать. То было время абсолютной целесообразности — иначе стране попросту было не выжить.

А теперь давайте обратим внимание на факт, который обычно как-то упускают из виду. В 1931 году Лаврентию Берия исполнилось 32 года! В наше время, когда человек к тридцати двум годам добивается хотя бы поста директора фирмы, то ахают: «Надо же, какой молодой директор!» А Берия в этом возрасте был фактическим хозяином Грузии и отвечал в ней за все, ибо с него за все спрашивали! Какое же хозяйство получил новый первый секретарь?

...Плохо с промышленностью — ее, как таковой, почти что и не было. Плохо с уровнем жизни, со здравоохранением, с образованием. Плохо с сельским хозяйством. Естественно, коллективизация в республике была проведена — так же, как и во всей стране. Здесь так же, как и везде, крестьян гнали в колхозы, соревнуясь по проценту «охвата». Горячие кавказцы ответили на насилие восстаниями, которые тому же Берия пришлось подавлять, и он это помнил.

Но, в отличие от России, ощутимых результатов в Грузии коллективизация не принесла, да и не могла принести, ибо не ради Грузии она проводилась. Сельскохозяйственная реформа затевалась ради хлеба, зерна — а какой, собственно, может быть хлеб на этих наделах с носовой платок, с которых и хозяевам-то было не прокормиться? Естественно, учитывая рвение кавказского руководства (а троцкисты и прочие «пламенные революционеры» обожают всякие там обобществления, «трудовые армии» и пр.), им позволили стать в общий строй, но и только.

Так что к моменту прихода Берия на роль Первого, сельское хозяйство было там же, где и раньше, несмотря ни на какую коллективизацию. Если нет земли — значит, ее нет. В Грузии вообще не было смысла создавать колхозы, если вести хозяйство так, как оно велось традиционно. И тогда молодой глава республики пошел наперекор «генеральной линии» — и, что удивительно, Москва ему не препятствовала. Оказалось, что и как хозяйственный руководитель бывший чекист кое-чего стоит—и многого стоит!

Но первое, что было необходимо, — сделать республику управляемой, а как этого добьешься, если каждый уездный глава ведет свою политику сообразно интересам своего клана? Этот вопрос Берия решил просто — вместо того чтобы приводить в чувство уездных владык, там, где секретари райкомов его не устраивали, он заменил их на бывших работников ОГПУ. Деканозов стал председателем Госплана республики и заместителем председателя Совнаркома. Гоглидзе — наркомом внутренних дел. Меркулов стал работать в аппарате ЦК. Какой ужас, правда? Везде насаждал своих людей, да еще из органов! Зато бериевское ОГПУ работало как хорошо отлаженный механизм, там были кадры, которые он школил десятилетие, и таким простым способом новый первый секретарь добился управляемости республики.

Уже в декабре 1931 года Берия ликвидировал Колхозцентр, заменив его наркоматом земледелия. Вроде бы чисто номинальное изменение, однако весьма красноречивое, ибо в колхозы в 1931 году было объединено всего лишь 36 % крестьянских хозяйств, и то не иначе как в порядке административного рвения прежних властей. Новый глава республики как бы показывал, что не собирается добиваться стопроцентного охвата — сколько есть, столько есть.

А вот потом он сделал ход конем. Действительно, выращивать зерно в Грузии не имело смысла — все равно сельское хозяйство не могло накормить республику. Больше в колхозы никто никого не загонял. Более того, в противовес российской практике, в республике пошли на увеличение подсобного хозяйства колхозников — чтобы выращенного там хватило не только для их хозяев, но и для продажи. А в колхозах стали выращивать не зерно или овощи, а те культуры, которые нигде больше в России не росли, — чай, цитрусовые, табак, элитные сорта винограда. А что хлеб? Хлеб можно купить и в России, торгуя с ней вином и мандаринами!

И вот тут крупное сельскохозяйственное производство оправдало себя на сто процентов! Культуры были дорогие, и через несколько лет колхозы Грузии стали богатеть. В 1936 году их общий доход составил 235 млн руб., в 1937 году — 315 млн руб., в 1938 году — 366 млн руб., а в 1939 году — более 500 млн. Лучший стимул для людей — материальный, и, видя такое дело, крестьяне без всякого принуждения пошли в колхозы. К 1939 году в них было объединено 86 % крестьянских хозяйств.

Чай в Грузии выращивали и раньше, мандарины тоже росли здесь давно — но никто не додумывался сделать на них ставку. Теперь увеличили плантации чая, мандаринов, начали повышать культуру земледелия, стали выращивать новые экзотические растения. А чтобы население республики не поумирало с голоду, пока новые культуры начнут давать урожай, и пошли на увеличение приусадебных участков. Красиво придумано, не правда ли? Если бы наши доктора экономических наук так проводили перестройку, как проводил свою реформу этот недоучившийся бывший чекист, мы бы давным-давно перегнали все Америки сразу.

Два года ушло на подготовку, и в 1933 году начался рост сельского хозяйства. «При Л. Берия Грузия превратилась в страну, производящую в промышленных масштабах высокоценные специальные и технические культуры, — пишет Алексей Топтыгин. — Берия знал цену разным методам руководства: отдельным культурам и формам организации производства посвящались пленумы ЦК, проводились съезды колхозников, выставки, активно задействовались социалистическое соревнование, портреты передовиков производства не сходили с первых полос газет и обложек журналов. Но самое главное — Берия очень четко понимал значимость материального стимулирования колхозников».

«Вообще говоря, то, что делает Берия — правый уклон в чистом виде, только без бухаринской политической трескотни», — пишет он же. Такой вот парадокс: с одной стороны, непробиваемый сталинист, с другой — правый уклон. Действительно, выглядит парадоксально, если не знать, что основой «правых», «левых» и прочих уклонов была всего лишь борьба за власть, а политическая трескотня, равно как и хозяйственные программы, служили лишь фиговым листочком, прикрывающим сей неприглядный факт. Поэтому-то оппозиция с такой скоростью и меняла свои экономические программы, тщательно следя лишь за тем, чтобы они не совпадали с политикой правительства. Что же касается «уклонов», то это не в Грузии был правый уклон, это на немереных российских просторах в ходе коллективизации возобладал левый уклон. Впрочем, иначе и быть не могло, ибо проводилась коллективизация руками тех людей, которые имела в то время партия, «революционеров без страха и упрека», а грубо говоря, троцкистски настроенных молодых отморожков. А в Грузии имел место быть самый настоящий сталинизм.

В 1932 году начались преобразования и в грузинской промышленности. Был создан наркомат легкой промышленности — но не тяжелой! Все предприятия тяжелой промышленности переданы Наркомтяжпрому СССР, чтобы их непосредственно включили в выполнение всесоюзных планов. И в самом деле, зачем Грузии тяжелая промышленность? Что она с ней будет делать? Зато в годы первых пятилеток республика заняла первое место в СССР по пищевой промышленности — производству вина, переработке чая, консервированию плодов ..

Немного цифр. За первую пятилетку объем валовой промышленности Грузии увеличился почти в 6 раз, за вторую — в 5 раз. При этом надо учесть, что первая цифра стартовала от суммы 37,5 млн руб. — в эту сумму оценивалась валовая продукция в 1927 году, а в 1932-м она составила 257,5 млн. С этой цифры и стартовала вторая пятилетка, которая была перевыполнена по всем показателям.

В годы первой пятилетки объем капиталовложений в грузинскую промышленность составил 334,9 млн руб., во второй пятилетке — 960 млн руб. При этом рост достигался не сиюминутным «ускорением» — об этом можно судить по тому, что по-настоящему промышленность Грузии стала расти, когда Берия в Закавказье уже не было — такую инерцию сумел придать ей этот человек. Так, при нем была реконструирована угольная промышленность республики, а отдача пошла уже после его ухода в Москву — в 1940 году добыча угля возросла почти вдвое по сравнению с 1938 годом. На Чиатурских марганцевых рудниках была механизирована добыча руды. Появились в прежде отсталой республике и новые виды промышленности — нефтяная, машиностроительная. В Азербайджане резко увеличилась добыча нефти.

Кстати, именно при Берия и с его подачи началось бурение шельфов в Каспийском море. Кстати, его обвинили в... расточительстве. Мол, зачем бурить море, когда на земле дешевле. Теперь строят буровые в море, но о том, кто все это начал, как-то потихоньку забыли...

Практически новой отраслью стало производство чая — при Берия в республике было выстроено 35 чайных фабрик. Раньше оборудование для них ввозилось из-за границы, но вскоре производство этих машин освоил Батумский машиностроительный завод. И т. д.

При этом первый секретарь курировал грузинскую промышленность так же, как Сталин — советскую: дотошно и со знанием дела.

В 1935 году Грузия, Азербайджан и Абхазия были награждены орденом Ленина. Той же награды удостоились и некоторые руководители, в том числе и председатель Заккрайкома Лаврентий Берия.

Задумано было и превращение Тбилиси в «образцовый социалистический город», но планы этого превращения разрабатывались куда более умно, чем произведенная впоследствии реконструкция Москвы. Берия лично курировал строительство — кстати, в ходе которого не было разрушено ни одного храма.

При нем же Грузия стала и «курортной столицей СССР», тогда началось массовое строительство санаториев всех уровней — от центральных здравниц до домов отдыха отдельных предприятий.

Одной из самых трудных проблем предвоенного СССР было образование. В конце XIX века уровень грамотности в Грузии составлял всего лишь около 20 %. Естественно, за годы империалистической войны, Гражданской войны, за время первых лет советской власти этот процент не повысился, поскольку образованием никто всерьез не занимался — вообще от

деятельности пресловутых «старых большевиков» создается такое впечатление, что они рассчитывали, будто все само собой сделается.

Берия, сам мечтавший о высшем образовании, воспринял эту программу как свое кровное дело. «Только за конец 1931-го и 1932 год ЦК КП(б) Грузии принял шесть постановлений по разным областям народного образования (за предшествующие пять лет к этой проблеме обращались дважды...). Постановления, принятые во время секретарства Берия, умещались на 1—1,5 страницах, но были буквально битком набиты цифрами, суммами, именами ответственных за исполнение. Стиль руководства — сурово административный. С 1932 года в Грузии переходят к всеобщему начальному образованию детей и подростков. Активно ведется строительство зданий медицинского, политехнического, сельскохозяйственного институтов. По комсомольскому и партийному набору тысячи грузин отправляются учиться в Москву, Ленинград, Харьков, Саратов... Массовый характер приобретает обучение рабочим специальностям. К 1938 году Грузия по уровню образованности населения выходит на одно из первых мест в Советском Союзе»¹⁷. А по числу студентов на тысячу человек населения Грузия обогнала Англию и Германию. В городах начался переход от всеобщего начального к семилетнему образованию, и даже в деревне большинство населения теперь умело читать и писать.

«Хочу добавить, — пишет Юрий Мухин, первый, кто поднял голос в защиту этого опозоренного и оболганного человека, — что какую бы должность Л. П. Берия ни занимал, он всегда строил. Это он превратил Тбилиси в столицу — начал строить дворцы и жилье. Провел водопровод и канализацию. Когда в июле 1953 года прошел слух об аресте Берия, то многие бросились

писать на него доносы, но не знали, что в них писать. „Высотные здания Москвы Берия считал своим детищем“. И это, действительно, было так...» Приходилось слышать, что он не только курировал строительство знаменитых московских «высоток», но что они были построены по его проекту...

Человек и его дело.

В 1939 году в Тбилиси была издана официальная биография Берия. Наряду с кратким изложением его жизни и обычной политической риторикой о «верном сыне партии» и пр., в этой работе содержится множество конкретных фактов и цифр, показывающих развитие Грузии за последнее десятилетие. Собственно говоря, этот рассказ составляет основную часть биографии. Приведем выдержки из нее — они дают хорошее представление о том, каким хозяином был Лаврентий Берия.

«...Огромные успехи в развитии промышленности, в социалистическом переустройстве сельского хозяйства, достигнутые под руководством товарища Л. Берия, являются успехами сталинских методов руководства...

Большая работа, проведенная в области реконструкции азербайджанской нефтяной промышленности, привела к значительному росту добычи нефти. Товарищ Л. Берия ставит вопрос о разведке и освоении новых нефтяных месторождений. Создаются новые нефтяные промыслы: Кала — промысел им. Азизбекова, Лок-Батан — промысел им. Микояна, Кара-чухур — промысел им. Кагановича, Зых — которому присвоено имя товарища Л. Берия. Эти новые промыслы уже к концу 1936 года давали почти

половину всей добычи азербайджанской нефтяной промышленности.

Новые тысячи тонн нефти дали введенные в 1937 году в промышленную эксплуатацию нефтяные промыслы в Пирсагате, Кызыл-Тепе и Шонгаре.

...Товарищ Л. Берия, повседневно организуя борьбу за хлопок, конкретно помогал партийным организациям Азербайджана в деле дальнейшего внедрения хлопка, добиваясь не только расширения посевных площадей, но и решительного повышения урожайности, высококачественного сева, своевременной обработки и уборки хлопка, внедрения ценнейших сортов египетского хлопчатника.

В результате проведенной под руководством товарища Л. Берия работы, в Грузии за последние годы возник ряд новых отраслей промышленности — машиностроения, ферросплавов, нефтяная, шелковая, чайная, благородных и редких металлов и т. д. О размахе этой работы можно судить по объему капитальных вложений. В течение первой пятилетки они составили 334,9 млн рублей, а во втором пятилетии возросли до 960,5 млн рублей. В первый год третьей пятилетки в промышленность Грузии было вложено 200 млн рублей...

Совершенно новой отраслью в Грузии является машиностроение. Ряд сложных машин выпускают заводы имени Орджоникидзе и имени 26 комиссаров. Осваивает производство станков завод имени Кирова. Батум-ский машиностроительный завод снабжает чайную и пищевую промышленность машинами, которые прежде ввозились из-за границы.

Исключительный рост имеется в области пищевой промышленности. Для переработки урожая чайных плантаций выстроено 35 чайных фабрик. В 1939 году они выпустили свыше 12,5 тысяч тонн чая. Из года в год растет продукция винодельческой промышленности,

заканчивается стройка Авчальского комбината по производству шампанского, мощностью в 4 млн бутылок в год. В несколько раз возросла продукция консервной промышленности. В Батуми выстроен крупнейший комбинат для переработки цитрусовых плодов, рассчитанный на выпуск 8 млн банок цитрусовых консервов в год...

Шелкомотальные и шелкоткацкие фабрики, среди которых имеются такие крупные предприятия, как Кутаисский шелкомбинат им. Бакрадзе с 2000 рабочих, ежегодно увеличивают выпуск высококачественных шелковых тканей. Выросло производство обуви. Производительность только одной Тбилисской новой обувной фабрики имени Л. П. Берия достигает 6 млн пар обуви в год, а в 1932 году всего в Грузии было выпущено 200 тысяч пар обуви. В Тбилиси заканчивается строительство крупнейшего трикотажного комбината.

...Грузия превратилась в страну, производящую в промышленных масштабах высокоценные специальные и технические культуры.

Чайные плантации занимали в 1932 году около 19 тыс. гектаров... На 1 января 1940 года площадь чайных плантаций в Грузии доведена до 47 144 гектаров... Чай стал источником благосостояния колхозного крестьянства Западной Грузии. Колхозы в 1939 году получили от государства за сданный чайный лист свыше 80 млн рублей. Для переработки чайного листа выстроено 35 чайных фабрик...

Об успехах в деле развития чайной культуры свидетельствуют данные о валовом сборе чайного листа. В 1932 году его было заготовлено 1200000 килограммов, а сбор урожая 1939 года составил около 45 млн килограммов при плане в 43 100000.

Такой огромный рост объясняется не только увеличением площади плантаций, но и планомерной

систематической работой по повышению урожайности чайного листа, которая в 1932 году не превышала 750 килограммов на гектар, а сейчас сплошь и рядом составляет 3000—4000 килограммов и больше.

Товарищ Л. Берия провел громадную работу, направленную к улучшению ухода за плантациями. В своей речи на III пленуме ЦК КП(б) Грузии в мае 1935 года товарищ Л. Берия говорил:

«Если можно выразиться образно — чай является ажурным хозяйством. Чайная плантация напоминает хорошо вытканый восточный ковер. Как ковроткачиха внимательно и точно работает над ковром, так внимательно, заботливо и точно нужно работать и над ковром наших чайных плантаций. Если куст не вовремя срезать, или не дорезать, то его можно испортить; если перерезать сверх нормы, то тоже можно испортить. Чай требует культурного подхода к себе».

Товарищ Л. Берия требовал от работников чайных районов «не только знать агротехнику чайной культуры, но и уметь организовывать производство, все процессы, связанные с ним, уметь организовывать труд, правильно расставлять кадры»...

Исключительно большая работа проведена в Грузии по развитию цитрусовых культур. В 1930 году площадь, которую занимали эти культуры, составляла всего 1446 га, причем плантации были хаотично разбросаны и малоурожайны. Урожайность цитрусовых плодов была крайне низкой, в среднем одно мандариновое дерево давало не больше 100 плодов.

Такая площадь и урожайность ни в коей мере не соответствовали имеющимся возможностям, и товарищ Л. Берия во всю ширь поставил вопрос о всемерном развитии цитрусовых культур. Уже в 1934 году было заложено 383 гектара и в 1935 году — 846 гектаров новых плантаций.

База для дальнейшего расширения площадей цитрусовых культур была создана, и ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР утвердили план доведения площади цитрусовых плантаций в Грузии к концу 1940 года до 20 тысяч га...

В результате этой работы Грузия уже теперь снабжает весь Советский Союз цитрусовыми плодами. Сбор их увеличивается из года в год. В 1938 году было собрано свыше 250 млн плодов, а в 1939 году — почти вдвое больше. Площадь плантаций возрастает в точном соответствии с планом и к 1 января 1940 года уже составляет 17 122 гектара. Растет урожайность — сбор мандаринов с одного дерева увеличился втрое, а в ряде хозяйств имеется немало деревьев, дающих по 2000-2500 плодов...

Виноградарство — одна из важнейших отраслей сельского хозяйства Грузии, — к моменту установления советской власти было совершенно развалено. Первые годы советской власти работа по виноградарству была направлена на то, чтобы приостановить катастрофическое уничтожение виноградников вредителем филлоксерой. Новых закладок не было, не принимались меры к повышению урожайности винограда...

Лишь впоследствии, под руководством товарища Л. Берия, развернулась работа по развитию и подъему виноградарства... Борьба за осуществление директив партии и правительства обеспечила доведение площади виноградников в Грузии к 1 января 1940 года до 48 331 га против 37000 га в 1936 году. Создана база для увеличения площади виноградников к концу третьей пятилетки еще на 20 000 га.

Рост площадей под виноградниками сопровождается неуклонным повышением урожайности и улучшением качества продукции виноделия. Особое внимание уделяется развитию шампанских сортов...

Правильное определение линии развития и направления сельского хозяйства Грузии и борьба за использование всех возможностей, заложенных в природных и климатических условиях, обеспечили широкое распространение новых, весьма важных для народного хозяйства субтропических культур.

Первые плантации тунга, дающего весьма ценное для многих отраслей промышленности масло, появились в 1932 году, а сейчас они занимают уже свыше 16 000 га. До 10 млн эвкалиптовых деревьев, осушающих почву, оздоравливающих малярийные местности, дающих ценную древесину и эфирные масла, высажено в субтропических районах Грузии. В несколько раз выросла площадь эфиромасличных культур, дающих сырье для парфюмерной промышленности. Быстро растут площади насаждений благородного лавра, рами, мушмалы, фейхоа, инжира, граната, хурмы. Увеличилась в несколько раз продукция плодоводства. Неуклонно идет по пути дальнейшего подъема животноводство...

Огромное значение для социалистического сельского хозяйства Грузии имеют работы по осушению и сельскохозяйственному освоению Колхидской низменности. Под непосредственным руководством товарища Л. Берия проведены грандиозные работы, направленные к превращению 220 000 га вековых непроходимых болот, очага злостной губительной малярии, в цветущий сад...

На участках работ первой очереди уже осушено и передано для освоения 18 000 га. На этих отвоеванных у болот землях заложено до 2000 га плантаций субтропических культур, выросли новые колхозные поселки, куда переехали колхозники из малоземельных горных районов Грузии.

Товарищ Л. Берия лично занимался всеми вопросами, связанными с осушением Колхиды, с

организацией переселенческого дела, в частности, сам выбирал и указывал места для строительства новых поселков, рассматривал проекты жилых домов, заботясь о максимальных удобствах для колхозников-переселенцев. Эти новые поселки являются во всех отношениях благоустроенными и культурными колхозными селами...

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1939 года отобразила замечательные успехи сельского хозяйства Грузии. Экспонаты колхозов, совхозов, МТС и отдельных передовиков Грузии на выставке 1940 года ~ яркое свидетельство закрепления этих успехов и достижения новых, еще более значительных. Павильон Грузинской ССР явился одним из наиболее популярных и лучших на выставке и был принят с оценкой «отлично». Прекрасное архитектурное и художественное оформление павильона, богатство и разнообразие экспонатов, отображающих успехи и достижения сельского хозяйства Грузии, — все это обеспечило то, что павильон этот называли жемчужиной выставки. Товарищ Л. Берия лично вникал во все детали оформления, давая ценные советы и указания архитекторам, художникам и оформителям.

Исключительный подъем во всех областях народного хозяйства Грузии, достигнутый под руководством товарища Л. Берия, вывел Грузию в ряды передовых республик Советского Союза...

Л. Берия широко поставил вопрос о превращении Тбилиси в образцовую столицу Советской Грузии... Задача, которую товарищ Л. Берия поставил перед большевиками Тбилиси, выполнение которой он обеспечил повседневным непосредственным конкретным руководством, заключалась в том, чтобы превратить Тбилиси в образцовый культурный город, чтобы городское хозяйство являлось «конкретным участком работы непосредственно на нужды

трудящихся, для улучшения их культурно-бытового положения»...

...Под руководством товарища Л. Берия и по непосредственным конкретным его указаниям проведена большая работа по расширению и реконструкции курортов союзного значения — Цхалтубо, Боржоми, Абастумани, Кобулет, Гагры и др. На этих курортах выстроены новые санатории, лечебные учреждения, гостиницы, проведена большая работа по благоустройству, коммунальному строительству и озеленению.

Наряду с этим создан ряд новых курортов — Менджи, Шови, Саирме, Джава, Скури, Бахмаро и др.

Сейчас Грузия заслуженно пользуется славой всесоюзной здравницы. На ее курортах ежегодно лечатся и отдыхают до полумиллиона трудящихся со всех уголков Советского Союза...»

...Надо полагать, биография главы республики, основную часть которой составляет рассказ об успехах народного хозяйства, говорит сама за себя. А те, кто родился при социализме, помнят, что вплоть до обретения независимости в 1990-х годах Грузия была одной из самых богатых республик СССР. Совсем недавно по телевизору показали сюжет из Абхазии — брошенный санаторий, пустые окна, оборванные дети на ступенях. Впрочем, грузинские мандарины по-прежнему хороши...

ГЛАВА 6

РАЗНОЕ О «ГРУЗИНСКОМ ПЕРИОДЕ»

Рядом с основным делом, которым занимался Берия, в 30-е годы, право же, такой мелочью выглядят какие-то коммунальные сплетни о том, как часто он попадался на глаза начальству да кто написал пресловутый доклад, и пр. Все это стало основным совсем в другую эпоху и при ином государственном строе, который воцарился после партократической революции, проведенной Хрущевым в 1953 году. Тем не менее вокруг этих вопросов за последние пятьдесят лет поднято столько вони, что поневоле придется уделить место и сплетням. Но сначала немного о приятном...

Частная жизнь.

Учитывая характер и предпочтения Берия, эти семь лет на посту Первого секретаря Грузии должны были стать самыми счастливыми годами в его жизни. Мечта осталась мечтой — даже в биографии непрерывно отмечается, что, как только дело касается строительства и архитектуры, так Берия самолично влезает в каждую мелочь, вплоть до проектов сельских домов и оформления выставочных павильонов.

Между тем он не только работал, но и жил. О том каким человеком был Берия, воспоминаний осталось немного. Еще в середине 20-х годов, когда он был председателем Грузинской ЧК, совершенно неожиданную оценку дал ему в характеристике секретарь Заккрайкома партии А. Ф. Мясников. Перед перечислением должностей и качеств он написал:

«Берия — интеллигент». Такая оценка не просто старого большевика, но по-настоящему образованного человека, юриста, многого стоит, и слово «интеллигент» в его устах имеет вполне конкретное значение. Хама, пусть трижды образованного, он бы так не назвал.

«Возможно, на фоне существующих стереотипов это прозвучит неправдоподобно, — вспоминает Серго Берия, — но отец был очень мягким человеком. На работе суровый и настойчивый, дома он проявлял ласковый и уступчивый характер. Не помню, чтобы отец повысил на меня голос или наказал. Он уделял огромное внимание моему воспитанию — интеллектуальному и физическому. Подбирал мне книги, журналы, советовал, что прочитать, что посмотреть. К маме он относился очень нежно, хотя, правда, бывали случаи, когда я становился свидетелем их споров, связанных с внешними событиями, с работой отца, с политикой...»¹⁸

Серго к тому времени учился в школе, Нина закончила субтропический факультет Тбилисского сельскохозяйственного института, поступила в аспирантуру — диссертацию она защищала уже в Москве.

«Когда я вспоминаю об отце, — пишет Серго, — выплывают в памяти давно забытые картины детства. Скажем, я с детства интересовался техникой, и отец это всячески поощрял. Ему очень хотелось, чтобы я поступил в технический вуз и стал инженером. Довольно характерный пример. Понятное дело, ему ничего не стоило тогда разрешить мне кататься на машине. Как бы не так... Хочешь кататься — иди в гараж, там есть старенькие машины. Соберешь — тогда гоняй. Старенький „фордик“ я, конечно, с помощью опытных механиков собрал, но дело не в этом. Отец с детства приучал меня к работе, за что я ему благодарен

и по сей день»¹⁹. Ко времени окончания школы Серго в совершенстве знал английский и немецкий языки и был радистом первого класса — заняться радиоделом ему тоже посоветовал отец.

«Сколько я его помню, никогда не изменял выработанным еще в юности привычкам. Вставал не позднее шести утра. После зарядки минимум три часа работал с материалами. Возвратившись с работы, ужинал и вновь шел в свой кабинет. А это еще два-три часа работы... Еще, разумеется, необыкновенное трудолюбие. Вот, пожалуй, слагаемые тех практических результатов, которые он достигал...»

Жил глава республики, вместе с семьей — женой, сыном и матерью, в обычной квартире из четырех комнат. Во дворе, вместе с мальчишками, он устроил турник, на котором по утрам делал зарядку. В свободное время занимался спортом. Очень любил рисовать — маслом, акварелью, и хорошо получалось, хотя сам над собой посмеивался.

С рисованием связана одна семейная история, которую рассказал Серго. В полном соответствии с духом времени, у них в школе был октябрятский кружок безбожников, который Серго посещал. «Первой моей акцией как члена этого кружка, — рассказывал он, — стало то, что я испортил старинную икону, которую бабушка хранила в шкафу. Отец, вернувшись с работы домой, заметил, что она расстроена, и спросил, в чем дело. Бабушка промолчала, а я с чувством удовлетворения и гордости рассказал, как разделался с предметом ее религиозного преклонения. Отец велел принести остатки иконы, потом попросил маму позировать. Рисовал он часа два. Вставив свою работу в рамку, он отдал ее бабушке со словами: „Что на него обижаться? Он воспитан нашим временем“. Мне же сказал: „Ты поступил неправильно. Надо уважать чужие убеждения“. Позже я все приставал к бабушке: „Как ты

молишься на эту икону? Ведь ты знаешь, что на ней не Богородица нарисована, а моя мама?!“ Бабушка отвечала: „Когда вырастешь, поймешь, что этот рисунок для меня священен“».

Естественно, Берия понимал, что картина иконе не замена. Но сыну урок был дан на всю жизнь.

Когда Берия перевели в Москву, семья поначалу осталась в Тбилиси — Нина Теймуразовна была категорически против переезда. Но, когда Сталин узнал об этом, он рассердился и послал в Тбилиси начальника своей охраны генерала Власика. Тот решил вопрос просто, по-солдатски: вошел в дом и объявил, что они переезжают в Москву На сборы — 24 часа.

В Москве они сначала жили в правительственном доме, так называемом Доме политкаторжанина. Как-то раз к ним заглянул Сталин, поморщился: «Нечего в муравейнике жить, переезжайте в Кремль!» Однако Нина Теймуразовна за кремлевскую стену перебираться не захотела. «Ладно, — уступил Сталин. — Распоряжусь, пусть какой-нибудь особняк подберут». Так и появился тот самый знаменитый особняк на Садово-Кудринской.

Такая же история произошла и с дачей. У них был небольшой домик в селе Ильинском, по Рублевскому шоссе. Сталин приехал, опять же поморщился: «Я в ссылке лучше жил». Их переселили в правительственный поселок, но и там тоже никаких дворцов не было — дом из пяти комнат, и то одна была занята бильярдом. Даже на положенном ему бронированном «паккарде» Берия почти не ездил, пользовался обычной машиной.

«Человеком он был разносторонне одаренным, — вспоминает Серго Берия. — Очень любил и понимал музыку. Мама часто покупала пластинки с записями классической музыки и вместе с отцом с удовольствием их слушала. А вот поэзию, насколько помню, отец не

читал. Он любил историческую литературу, постоянно интересовался работами экономистов. Это ему было ближе.

Не курил. Коньяк, водку ненавидел. Когда садились за стол, бутылка вина, правда, стояла. Отец пил только хорошее грузинское вино и только в умеренных, как принято говорить, дозах. Пьяным я его никогда не видел.

Костюмы из Лондона, Рима и еще откуда — это и вовсе смешно. Обратите внимание: на всех снимках отец запечатлен в на редкость мешковатых костюмах. Шил их портной по фамилии Фурман. О других мне слышать не приходилось. По-моему, отец просто не обращал внимания на такие вещи. Характер жизни был совершенно иной, нежели сегодня. Назовите это ханжеством, как хотите, но жить в роскоши у руководителей государства тогда не было принято...

Как и все мы, отец был неприхотлив в еде. Быт высшего эшелона, разумеется, отличался от того, какой был присущ миллионам людей. Была охрана, существовали определенные льготы, правда, абсолютно не те, которыми партийная номенклатура благодетельствовала себя впоследствии... Приходила девушка, помогавшая в уборке квартиры, на кухне. Был повар, очень молодой симпатичный человек, и, если не ошибаюсь, он имел соответствующую подготовку.. Но, как выяснилось, опыта работы он не имел, что, впрочем, ничуть не смутило домашних. Мама сама готовила хорошо, так что наш повар быстро перенял все секреты кулинарного искусства и готовил вполне сносно.

Предпочтение, естественно, отдавалось грузинской кухне: фасоль, ореховые соусы. Если ждали гостей, тут уж подключались все. Особых пиршеств не было никогда, но всегда это было приятно...

...Вспоминаю наши лыжные походы в Подмоскowie, прогулки по лесу Отец очень любил активный отдых и

умел отдыхать. Помню, недели две вдвоем с ним занимались мы оборудованием спортивной площадки. И каток небольшой нашли, с тем, чтобы уплотнить землю, и сетку волейбольную купили. Оба были очень довольны.

Когда уезжали в отпуск на юг — а мы всегда проводили отпуска вместе, позднее они отдыхали с мамой всегда вдвоем, он любил ходить в горы. Хорошо плавал, ходил на байдарке или на веслах. Здесь уже постоянной спутницей была мама.

Вместе с мамой посещал манеж — к верховой езде был приучен с детства и, чувствовалось, в молодости был неплохим наездником.

Ну, а о том, как отец любил футбол, ходят легенды. Утверждают даже, что в молодости Берия был чуть ли не профессиональным футболистом. Это преувеличение — конечно, хотя, как и волейбол, футбол он очень любил и, наверное, играл неплохо.

Когда создавалось спортивное общество «Динамо», его основной задачей было приобщение сотрудников к физической культуре, спорту. Тон здесь должны были задавать руководители. Так что любовь отца к спорту стала носить и показательный характер. Молодым чекистам было неудобно отставать от начальства...»²⁰.

Правда, Серго преувеличивает — в то время так жили далеко не все. Обыски у арестованных Ягоды и Ежова показывали совсем иное отношение к благосостоянию и другие приоритеты — да и не только они... По-разному жили, очень по-разному. Но легенда о каком-либо особом благосостоянии Берия не подтверждается ни одним документом, даже протоколами обыска после ареста. Ничем...

Берия и Сталин.

«Налаживая отношения с членами ближайшего сталинского окружения, Берия, конечно, в первую очередь думал об основной фигуре. Симпатии и антипатии Сталина, как известно, не подчинялись логике, но вплоть до конца 30-х годов его отношение к Берия было исключительно благожелательным. Конечно, во многом это определялось на редкость точным поведением Берия. Зная, что явной лести и подхалимажа вождь не любит, Берия демонстрировал умеренную — но, как оказалось, вполне достаточную — степень исполнительности и преданности. Он, в частности, умело использовал для укрепления отношений со Сталиным каждую поездку вождя на отдых на Кавказ или в Крым — то есть, как минимум, раз в году».

Н. Рубин. «Лаврентий Берия. Миф и реальность»

Это классический миф о Берия — впрочем, как и о Сталине. Симпатии и антипатии вождя прекрасно подчинялись логике — просто это была не придворная логика, а несколько иная. Впрочем, вышеприведенные слова можно сказать о любом человеке, если он не хамит вышестоящему начальнику в открытую (если хамит, его можно объявить борцом за правду). А что было в реальности?

Ничего особенного. Время от времени Берия сопровождал Сталина во время отдыха, хотя едва ли постоянно — слишком много было дел. Пущенное с легкой руки Светланы Аллилуевой утверждение о том, что ее мать терпеть не могла Берия, тоже не выдерживает внимательного взгляда, хотя бы по той

причине, что Надежда Аллилуева и Берия попросту не были знакомы. И, кстати, ни в одной из апокрифических историй о совместных поездках Сталина и Берия по Кавказу не прослеживается наличие жены, вождь там всегда один. А с мемуарами Светланы все просто: «полив» Берия был частью платы за безбедную жизнь после прихода к власти Хрущева.

Возможно, Берия и был представлен Сталину в качестве начальника ЧК, но по-настоящему они познакомились уже после того, как он стал Первым в Грузии. Впрочем, к 1936 году знакомство было уже прочным, а ко времени войны стало близким. Так, разъезжая в дни обороны Москвы по столице, Сталин мог запросто завернуть к нему домой выпить чаю — об этом Серго знает со слов матери, которой доводилось принимать гостей, ибо отец, естественно, был на работе.

Впрочем, один раз Сталин появился на квартире Берия — это было в 1936 году, когда он приезжал к матери в Тифлис. И, судя по разговору, который тогда произошел, это было в первый раз;

Вспоминает Серго Берия:

«Родители еще отдыхали на Черном море, а я вернулся в город, потому что начался учебный год. Неожиданно они тоже возвращаются, и мама устраивает дома невообразимую суматоху. А на второй день к нам приходит Сталин. Увидев маму, он удивленно спросил:

«Нино, почему ты здесь, а не в Гагре? Как узнала, что я приеду?» Он был очень недоволен, что отец отозвал маму в связи с его приездом. Когда Иосиф Виссарионович вошел, меня куда-то затолкали, но я не выдержал и вскоре вышел: мне минуло лишь двенадцать, и я не очень разбирался в этикете. Сталин подозвал меня к себе... Ну, я его рассматривал как

божество, а он обнял меня и сказал: "Ты такой же большой, как моя Светланка.

Я пришлю ее, чтобы вы познакомились". На этом наш разговор закончился»²¹.

После приезда Сталина семья переехала в новый дом, который Сталин распорядился построить для первых лиц Грузии.

Осмотрев квартиру, вождь сказал Берия: «Живешь скромно. Молодец! Но руководитель республики должен иметь хорошую квартиру», — и дал указание построить отдельный дом. Несколько странно, учитывая, насколько прост и неприхотлив в быту был сам Сталин. Но тут надо учитывать две вещи. Во-первых, сам он до самой старости жил, по существу, в одной комнате, а остальные помещения дачи-особняка использовались «для представительства» — для встреч и заседаний, которые он далеко не всегда проводил в Кремле.

Во-вторых, говоря об особняках членов правительства, упускают из виду еще одну вещь. В стране было неспокойно. Время от времени происходили покушения и на самого Сталина, и на других руководителей государства. В 1934 году был убит Киров. Да и в Берия не раз стреляли. А организовать охрану отдельного дома куда легче, чем квартиры, так что требования Сталина, чтобы Берия жил в отдельном доме, как в Тбилиси, так и в Москве, может быть связано еще и с соображениями безопасности. А глава такой неспокойной республики, как Грузия, был одной из первых мишеней — тем более, после убийства Кирова. Достаточно и того, что он самолично ездил по всей республике и ходил по Тбилиси пешком в сопровождении лишь одного охранника, и незачем лишний раз дразнить террористов.

Вообще об отношениях Сталина и Берия ходит столько легенд, что разбираться в них — себе дороже.

Неизвестно даже, когда произошла их первая встреча. Кто говорит, что еще в 1921 году, кто — в 1930-м. Скорее всего, где-то посередине. Ясно одно: если Берия сделал Первым секретарем компартии Грузии в 1931 году, значит, Сталин достаточно давно следил за его работой. Он чрезвычайно внимательно относился к кадрам, которые были самым большим дефицитом Страны Советов. Симпатии и антипатии Сталина подчинялись очень простой логике — они определялись деловыми качествами.

Можно предположить, что впервые особое внимание Сталина Берия должен был привлечь в 1924 году, после разгрома меньшевистского восстания, о котором его наверняка подробно информировали. Но тот мало интересовался чекистскими делами — разгромил, и хорошо...

...Еще рассказывают, в разным вариантах, историю с катером: во время морской прогулки с берега раздались выстрелы, и первое, что сделал Берия, — прикрыл собой главу государства. Версий этого случая такое множество, что совершенно невозможно разобраться, что там произошло на самом деле. Однако во всех вариантах говорится, что это не было провокацией. Что ж, такое поведение ничего, кроме уважения, вызвать не может.

Что еще? В начале 30-х годов по инициативе Берия был создан дом-музей Сталина в Гори. Естественно, и это относят к низкопоклонству. Но давайте взглянем на дело с другой стороны. Если бы на родине главы государства, пользовавшегося таким колоссальным авторитетом, каким пользовался Сталин, место его рождения не было никак отмечено, этого не понял бы никто—ни профессор, ни пастух. Музей появился потому, что он должен был появиться. Кстати, это был самый нелепый способ выслуживаться перед Сталиным — вождь к такого рода знакам внимания относился

неприятно-иронически, а Берия был человеком умным. Тем более, что «выслуживался» он другим путем, самым для Сталина приятным — хорошей работой на своем посту.

Известно, что Берия заботился о матери вождя. Когда она умерла, он организовал похороны и сам шел за гробом в первом ряду. Сталин тогда в Тбилиси не приехал — было лето 1937 года, один из самых опасных моментов в существовании Советского государства, и вождь не мог оставить Москву ни на один день.

«Отец не был со Сталиным на короткой ноге, — вспоминал Серго Берия. — Все эти местечковые слухи о том, что он переговаривался с ним по-грузински на заседаниях Политбюро и других совещаниях, держа в напряжении окружающих, лишены всяких оснований. Сталин уважал отца как молодого и способного руководителя, но он никому, даже Молотову, самому близкому соратнику, не позволял панибратского отношения к себе...»²²

Так кто же автор доклада?

Что же касается пресловутого эпохального труда, по поводу которого поднято столько шума, что не снилось и брежневской «Малой земле»...

В июне 1935 года Берия выступил перед республиканским активом Грузии с докладом «К истории большевистских организаций Закавказья». Нельзя сказать, чтобы этот текст так уж пестрел именем Сталина — да и то, что Сталин все-таки был одним из главных организаторов партии большевиков в Закавказье, оспаривать трудно. За это говорит, например, такой факт: в 1906 году на IV съезд РСДРП от Закавказья отправилась делегация из одиннадцати

человек, в которой Сталин (тогда его называли Кобой) был единственным большевиком. Или такой: в 1912 году именно Сталин стал одним из двоих членов «Русского бюро» ЦК — организаторов революционной работы (кроме него, в «Русское бюро» вошел Свердлов и два думских депутата).

Рассказывают, что книга писалась по личному заказу Сталина, который в 1933 году в разговоре с Берия упомянул, что неплохо было бы написать книгу об истории большевистских организаций в Закавказье. Если даже он этого и не говорил, то идея, что называется, носилась в воздухе. Уж коль скоро в Грузии есть институт Маркса — Энгельса — Ленина, так чем же ему и заниматься, как не изучением революционной истории Закавказья? Так что Берия и сам мог додуматься о такой простой вещи, и даже без него руководители одного института вполне могли до нее додуматься.

Основную работу провели ректор Тифлисского университета Малакия Торошелидзе и директор Тифлисского филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина Эрнст Бедия, естественно, с кучей помощников — работа-то была проделана огромная. Это уже потом появились очередные легенды — о том, что Берия присвоил себе труд подлинного автора книги. В авторы из всей группы выбрали Бедию, по очень понятной причине — он был впоследствии репрессирован. Но на самом-то деле труд был коллективным.

«По записанным А. Антоновым-Овсеенко воспоминаниям Кетеван Орахелашвили, дело приняло следующий оборот. Поскольку разговоры о подлинных авторах книги не прекращались, Лаврентию Павловичу пришлось бросить в подвал Эрнста Бедию, того самого, которого он ранее принимал в партию,

приблизил к своему трону. Но на свободе оставалась жена Бедии, несдержанная на язык, с независимым характером, мингрельская княжна Нина Чичуа...

...В камеру ее приводили после допросов избитую, истерзанную. Допрашивал Берия лично, начиная с одного и того же вопроса: «Ну, кто написал книгу о революционном движении в Закавказье?» Нина неизменно отвечала: "Эрик, мой муж ". И получала очередную порцию побоев. Однажды она схватила со стола тяжелую, оправленную в металл стеклянную пепельницу и бросила в мучителя... Берия пристрелил ее на месте...»

Н. Зенькович. «Маршалы и генсеки»

Думаю, едва ли стоит говорить, что перед нами очередной «бинарный таракан» — или, иначе говоря, апокриф. Что любопытно: Бедия, учитывая его положение, наверняка мог претендовать на авторство ровно в той же мере, в какой и Берия, — основную-то работу проводили его сотрудники. Но это к слову.

Если слушать Кетеван Орахелашвили, невестку бывшего Первого секретаря Закрайкома Мамии Орахелашвили, то почему не дать слово человеку, на глазах которого происходила эта работа? Вспоминает Серго Берия:

«С. Б. Должен вас разочаровать: то, что книгу писало несколько человек, никто никогда не скрывал.

Корр. Почему же тогда ее авторов уничтожили?

С. Б. Был репрессирован, к сожалению, Эрик Бедия, директор Тифлисского филиала ИМЭЛ, очень симпатичный и талантливый человек... Он часто бывал в нашем доме, беседовал с отцом. Приходили и другие помощники — ведь доклад был коллективным трудом,

его писали вместе, сверяя материалы, обсуждая. Доклад делался от имени ЦК, но у нас до сих пор принято считать автором докладчика, не усматривая в этом ничего зазорного. Так было и тогда...

Корр. Существует предположение, что доклад появился по заказу Сталина...

С. Б. Прямой заказ вряд ли был, хотя не являлось секретом недовольство Сталина поведением его грузинских соратников Буду Мдивани и Филиппа Махарадзе, пытавшихся приукрасить свои дореволюционные заслуги и затмить молодого Джугашвили... В этом плане доклад действительно подчеркивал роль Иосифа Виссарионовича в создании Закавказской большевистской организации. Однако я знаю, например, что братья Стурúa, революционеры с не меньшими заслугами, чем тот же Мдивани, очень высоко оценивали деятельность Сталина того периода...»²³

Берия и репрессии в Грузии

Ну, в этой теме кто только не старался. Берия обвиняют и в организации репрессий, и в расправе с грузинской интеллигенцией, и в преследованиях семьи Серго Орджоникидзе. Тема репрессий, наряду с изнасилованными школьницами — один из двух козырей «черного пиара». Репрессии вообще были процессом неоднозначным, и куда удобней валить все на злодеев Сталина и Берия, чем разбираться в том, как это все происходило на самом деле, потому что такое наружу полезет...

Репрессии второй половины 30-х годов — процесс сложный и многослойный, и даже роль Политбюро здесь ясна еще далеко не в полной мере. На местах же

они иной раз инспирировались партийным начальством, а иной раз проводились вопреки его желанию, ибо организовывались и направлялись аресты из Москвы, а на местах подпитывались усердием органов и личными счетами.

Судя по тому, как вел себя Берия впоследствии, став наркомом внутренних дел, он не должен был и не мог быть среди организаторов репрессий, хотя и противостоять им не имел возможности. Говорят, что существуют документы, доказывающие его причастность, с собственноручными резолюциями об арестах и пытках. Если это те, что фигурируют в так называемом «деле Берия» (о них еще пойдет разговор в части «Кремлевский детектив») — то эти бумаги просто кричат о том, что они фальшивые. Доказательств особой причастности Берия к репрессиям, сверх необходимого минимума, нет.

Зато апокрифов — море...

«У Серго Орджоникидзе был старший брат Папулия. В начале тридцатых он служил начальником политотдела управления Кавказской железной дороги. Берия арестовал брата в конце тридцать шестого вместе с женой, детьми...

...Наделенный богатым чувством юмора, всегда приветливый, открытый, добрый, Папулия был наставником юного Серго...»

А. Антонов-Овсеенко. «Карьера палача»

А теперь слово тезке Орджоникидзе — Серго Берия. «Я хорошо знал Папулию Орджоникидзе, ибо мы жили в одном доме. Он всегда занимал видные посты, но был

больше известен как кутила, охотник и вообще прожигатель жизни. Серго он иначе, как, извините, дерьмо, не называл. Социализм он ругал на чем свет стоит...

Серго хорошо был осведомлен о буйствах Папулии. Он обижался на него и, приезжая в Тбилиси, демонстративно останавливался у нас. Возможно, с сегодняшней точки зрения Папулию сочли бы демократом, но в те времена поношение существующего строя не прощалось даже брату того, кто этот строй возводил и возглавлял...»²⁴

Более подробно об аресте Папулии Орджоникидзе рассказывает Н. Рубин, которого уж никак не обвинишь в какой-то особой симпатии к Берия.

«НКВД Грузии то и дело обращался к Берия с просьбой дать разрешение на арест Папулии (он... принадлежал к партийной номенклатуре). К просьбам прилагались стопки доносов, где цитировались антисоветские высказывания пьяного Папулии. Берия довольно долго отклонял эти просьбы.

В конце концов, дело дошло до Москвы. Во время одного из приездов Берия на правительственную дачу в сентябре 36-го года, Сталин спросил его:

— Ты еще долго с этим хулиганом нянчиться собираешься? Папулию я имею в виду, Папулию!

— Да он не опасен, товарищ Сталин, — осторожно ответил Берия. — Болтает вот только лишнее...

— Болтунов — на мороз! — твердо сказал Сталин. — Слышал такую русскую поговорку?

Но Берия и тогда не стал арестовывать Папулию... И только перед самым Новым годом, когда ему снова доставили из НКВД Грузии агентурные записи высказываний Папулии, где брата Серго он называл «дерьмом», а Сталина — «усатой свиньей», Берия махнул рукой, сказал чекистам:

— Делайте, что положено».

Если бы брат Орджоникидзе был, скажем, паровозным машинистом, то все бы обошлось куда легче. Но с начальника политуправления, партийного функционера спрос был другой, и брат Орджоникидзе был расстрелян. Это по версии Рубина, который к обстановке 30-х годов относится так, словно ни саботажников, ни шпионов, ни заговорщиков в природе не водится. А вообще-то говоря, мы не знаем, в каких оппозиционных инициативах был замешан человек, столь непримиримо настроенный к существующему правительству.

Еще один «таракан» относится к взаимоотношениям Берия и лидера Абхазии Нестора Лакобы. О них рассказывают кучу анекдотов и напрямую обвиняют Берия в смерти Лакобы, последовавшей в декабре 1936 года. И снова Антонов-Овсеенко — как без него скучна была бы бериевская тема!

«...На премьерере оперы „Сердце гор“ Берия и Нестор Лакоба сидели рядом в правительственной ложе. А вскоре Берия вызвал к себе Лакобу. Ничего особенного, обычный вызов. Путь в Тбилиси недалгий, всего день поездом. Лакоба выехал туда вместе с братом, наркомом земледелия республики. Остановились в гостинице, Михаил поехал по делам. Нестор остался в номере, решил отдохнуть с дороги. Поздно вечером явились посыльные от Берия, принесли выдержанный коньяк, корзину с фруктами. Вскоре вернулся брат, постучал в дверь, никто не откликнулся. Дежурная сказала, что товарищ Лакоба никуда не выходил. Взломали замок. Нестор Лакоба лежал на ковре без признаков жизни».

Далее следует рассказ о том как из Сухуми примчалась жена Лакобы, настояла на вскрытии и экспертизе и, получив ее данные, вылетела в Москву, к Амаяку На-заретяну, старому товарищу Лакобы. Тот, потрясенный злодейским убийством, отправился к

Молотову, но Вячеслав Михайлович приказал похоронить Лакобу, вдове и сыну назначить пенсию.

Как видим, история вполне в духе дореволюционных «кухаркиных романов» или современных американских исторических мультфильмов. Но и это еще не все:

«Летом 1937 года в Сухуми пришло распоряжение: гроб врага народа Лакобы выбросить из могилы, памятник уничтожить. Накануне этой акции с Кавказского хребта спустилась группа горцев — их было десять отважных. Дождавшись ночной темноты, они подняли прах Нестора Лакобы из могилы и унесли с собой. Быль это или легенда — не знаю...»

То же можно сказать и обо всем опусе г-на Антонова-Овсеенко, который, в полном соответствии с личным примером духовного вождя советской оппозиции товарища Троцкого, врет столь много и так беспардонно уверенно, что ему поневоле веришь...

Пока что достаточно сказать, что все это — воспаленный бред сводящего счеты троцкиста. Лакоба умер от инфаркта. Кстати, с Берия они были дружны до последних дней...

Доказательств какого-либо особого участия Берия в репрессиях, сверх необходимого минимума подписей и санкций, как уже было сказано, никаких нет. Прямых. Есть косвенные. Помните биографию Берия, изданную в 1940 году? Ту самую, которая практически вся посвящена успехам народного хозяйства со множеством цифр и фактов? Там говорится и о репрессиях — но как говорится!

«Относясь нетерпимо к малейшим проявлениям беспечности и благодушия, бичуя безрукость и политическую слепоту отдельных работников, товарищ Л. Берия воспитывает личным примером в массах партийных и непартийных большевиков революционную бдительность, беспредельную преданность

сталинскому Центральному Комитету ВКП(б), великому вождю народов товарищу Сталину

Огромная работа по разоблачению врагов, проделанная товарищем Л. Берия, вскрыла и показала каждому большевику и трудящемуся, как вредили, шпионили, вели свою черную подрывную работу контрреволюционные троцкистско-бухаринские, шпионско-диверсионные, вредительские, террористические организации, действовавшие в Грузии на протяжении ряда лет по директивам соответствующих всесоюзных центров контрреволюционных организаций.

Товарищ Л. Берия ясно показал, что бывшие национал-уклонисты, с 1923 года перешедшие на позиции контрреволюционного троцкизма, никогда не прекращали своей предательской борьбы против партии Ленина — Сталина, против советской власти и составляли большинство руководителей и актив разоблаченных в Грузии злейших врагов народа.

Центральный Комитет КП(б) Грузии, руководимый товарищем Л. Берия, с помощью ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина, проделал большую работу по разоблачению и разгрому троцкистско-правых контрреволюционных организаций, по выкорчевыванию врагов народа и ликвидации последствий вредительства, по перестройке всей партийно-политической работы на основе решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) и исторических указаний товарища Сталина». Все!

Как уже было сказано, биография Берия наполнена цифрами и фактами. Вся — кроме этого куска, содержащего лишь одну пустую риторику. Между тем сведения о процессах 1937 года отнюдь не были секретными. Имена «врагов народа» назывались открыто, их всенародно клеймили на митингах, собраниях и в газетах. Что бы назвать ну хоть одно имя,

хоть одно дело, проведенное при личном участии первого секретаря, тем более, бывшего чекиста? Пусто... Ни автор — авторство приписывают Меркулову — ни сам герой этого опуса, который его, конечно же, предварительно читал и наверняка редактировал, не привели ни одного конкретного факта.

Не следует ли из этого, что на ниве борьбы с «врагами народа» Лаврентию Павловичу похвастаться было абсолютно нечем? А если из этого не следует, то следует из второй части книги, где рассказывается, зачем его перевели в Москву и чем он там занимался.

ЧАСТЬ 2. МОСКВА

ГЛАВА 1

ПОЧЕМУ СТАЛИН ПОСТУПИЛ КАК ПЛОХОЙ КАДРОВИК?

«...Главное его везение — это даже не приближенность к вождю... Главное, что, избирая кадры, Сталин действовал все же логично. Пусть логика этого человека для нас и неприемлема, но логика была. Отобрать молодых, готовых ради него и ради сохранения собственной головы на все, деловых, умных и неразборчивых в средствах. Берия оказался в числе избранных...»

А. Топтыгин. «Неизвестный Берия»

« И все же в 37—38 годах вождь был недоволен работой Ежова и НКВД в целом. Исполнительность и усердие маленького наркома не могли заменить отсутствие профессионализма...»

Н. Рубин. «Лаврентий Берия. Миф и реальность»

«...Выбор явно не случайный. Несомненно, умен, коварен с врагами, молод, образован, властолюбив, тщеславен, инициативен, предан, всем обязан ему, Сталину, жесток, трудолюбив, лишний раз на глаза не лезет, но без совета тоже на рожон не поперет.

Осторожен. Имеет вкус к интриге, на своем, конечно, уровне, аккуратно подобрал команду, которая вроде и дело знает, и хозяина чтит. Не пьяница, как Ежов, Жданов, Булганин. Любит женщин — ну, это не порок, вон уж на что Калинин... Заслуг особых нет? Постарается заработать, это дело наживное. Выдвижение Берия, похоже, было частью широкомасштабного эксперимента...»

А. Топтыгин. «Неизвестный Берия»

И снова предубежденность. Возьмем это перечисление качеств. С одними спорить не приходится, другие, в принципе, могли иметь место. Но на каких основаниях автор пишет, что его герой властолюбив, тщеславен, имеет вкус к интриге, жесток? А про женщин откуда? А все это — из того потока хрущевского черного пиара, который был вылит на Берия после его уничтожения. В самой книге Топтыгина, например, ни одного факта, подтверждающего это, не содержится. Риторика есть, а фактов — увы... Но ведь это «все знают» — так что подтверждать-то?

Что же касается того, что нет особых заслуг... Как — нет? А Грузия?!

В этом-то все и дело. Это только с первого взгляда кажется, что все просто. Что Сталин поставил грузинского Первого секретаря во главе НКВД по следующим причинам:

а) Берия предпринимал умелые шаги по строительству собственной карьеры и преуспел в этом;

б) Сталин, подбирая себе команду, в свою очередь возвысил и приблизил Берия, как подходящего ему человека.

А на самом деле, если вдуматься, то трудно придумать более странное назначение. И если, опять же, вдуматься — то стал ли для Берия переезд в Москву продолжением карьеры?

Почему это назначение — странное? К тому времени Берия — опытный хозяйственник. Он блестяще провел в Грузии экономическую реформу, выведя ее за семь лет из отсталой окраины в число передовых республик. Для Сталина, кто бы что ни говорил, экономика всегда была приоритетным направлением, все остальное — потом. Было бы логично, если бы Берия перевели в Совнарком — для начала министром какой-нибудь важной отрасли, через год-другой зампредом, опыта у него бы хватило, ума — тем более. С опытными и умелыми хозяйственниками было в то время очень плохо, люди, способные организовать производство чего бы то ни было, шли на вес золота, и даже по этой цене их было не найти.

И зампредом он в итоге стал, но через какое министерство?

Берия вдруг ставят на работу, которую он давно оставил и которую давным-давно перерос — в НКВД. Что за странное, варварское обращение с кадрами? Берия в НКВД — да это все равно что микроскопом гвозди забивать! Что, никого больше не было?

Не зря, ох, не зря почти во всех книгах про Берия обходится молчанием его работа в Грузии на посту Первого. Потому что, если не обойти эту тему, если не сделать из него обычного партийного аппаратчика, интригана и карьериста, то сразу становится ясно, что превосходный кадровик Сталин на этот раз поступил как плохой кадровик. Или же... или же мы чего-то не знаем.

И еще один вопрос обходится молчанием всегда и везде: во главе чего Сталин поставил Берия в 1938 году?

Метаморфоза «меча революции»

С руководителями ВЧК — ОГПУ не везло с самого начала Ее создатель и первый председатель Феликс Дзержинский был очень сильным и волевым человеком и вроде бы хорошим организатором. Но он взвалил на себя огромную массу работы (по количеству постов его едва ли можно было с кем-нибудь сравнить) и оставил ВЧК на попечение своих заместителей. Его преемник, Рудольф Менжинский, был тяжело болен и работал, практически не покидая кабинета, да и там почти все время лежал. На то, чтобы в полной мере руководить вверенным ему ведомством, у него просто не хватало сил. И он, опять же, оставил ОГПУ на попечение заместителей.

Но теперь ситуация была другой. Если при Дзержинском все поползновения заговоров начать борьбу за власть и влияние внутри органов парализовались одним лишь взглядом «железного Феликса», едва тот появлялся в своем кабинете, то при куда более интеллигентном Менжинском они, еще при жизни шефа, уже затевали борьбу за его место. Их было несколько — но нас в первую очередь интересует тот, кто победил.

Генрих Ягода еще при Дзержинском стал заместителем председателя ОГПУ по административно-хозяйственной части. Он действительно был хорошим хозяйственником и организатором. При нем тюрьмы и лагеря содержались в образцовом порядке, силами ОГПУ велись стройки союзного значения. Но ведь ЧК не

для того создавалась, чтобы строить каналы! А оперативную работу он знал плохо, и в этом поневоле зависел от тех из своих помощников, кто знал ее хорошо. А также нельзя сказать, чтобы он был сильной и крупной личностью, а это тоже важно.

Язвительный Троцкий характеризовал его так: «Ягода был очень точен, чрезмерно почтителен и совершенно безличен. Худой, с землистым цветом лица (он страдал туберкулезом), с коротко подстриженными усиками, он производил впечатление усердного ничтожества».

Еще хуже было то, что Ягода был непомерно самоуверен и тщеславен. Бывший чекист Михаил Шрейдер, работавший в органах с самой гражданской войны, вспоминал...

Впрочем, перед тем, как перейти к тому, что он вспоминал, надо сделать оговорку по поводу специфики использования мемуаров вообще. Дело это крайне сложное, не зря существует поговорка: «Врет, как очевидец». Кроме второй задачи — рассказать, как все было, — перед их автором стоит и первая, главная — показать себя в наиболее выгодном свете. Если надо — ~ обелить, реабилитировать, представить невинно пострадавшим, изобразить хорошими своих друзей и плохими своих врагов.

Биография автора этих мемуаров такова (она изложена в его собственных воспоминаниях, надо лишь вычленить голые факты): Михаил Шрейдер работал в аппарате ОГПУ. После ссоры с коллегой, по ходу которой он выпустил в него несколько пуль и только чудом не попал, его перевели в МУР. Он оказался в Иванове, потом в Новосибирске, в Алма-Ате (по-видимому, нигде не уживался). Характер имел тот еще — сам вспоминает, как прерывал выступление собственного начальника на собрании ехидными репликами. Затем его арестовали по политическим

обвинениям, как водится, били на допросах. После прихода Берия в органы политические обвинения со Шрейдера были сняты, но на свободу его не выпустили. В 1940 году его осудили на 10 лет за какие-то дела, связанные с его службой в милиции. Таковы факты.

Также из текста мемуаров видно, что автор не чужд склок внутри ОГПУ. Он принадлежал к антиягодинской группировке и, соответственно, Ягоду терпеть не мог. Был приятелем Реденса, который, по его воспоминаниям, ненавидел Берия (по-видимому, было за что!), отсюда соответственное отношение к новому наркомму. Но, вместе с тем, в описаниях того, чему он сам был свидетелем, чрезвычайно точен и дотошен, хотя, возможно, и «подправляет» факты. Так что доверять ему можно чрезвычайно условно. Так почти всегда бывает с воспоминаниями, кроме тех случаев, когда человек напрочь лишен фантазии и просто не в состоянии ничего придумать — вроде Молотова, например, которого просто жаль, когда он пытается что-нибудь присочинить...

Итак, бывший чекист Михаил Шрейдер, работавший в органах с самой гражданской войны, вспоминал о Ягоде.

«...В обращении с подчиненными отличался грубостью, терпеть не мог никаких возражений и далеко не всегда был справедлив, зато обожал подхалимов и любимчиков вроде Фриновского, Погребинского, а позднее — Буланова, выдвигал их на руководящую работу, несмотря на явное подчас несоответствие занимаемой должности. С неугодными же работниками Ягода расправлялся круто, засылая их куда-нибудь в глушь, а то и вовсе увольняя из органов...

Большинству оперативных работников ОГПУ конца 20-х так или иначе становилось известно об устраиваемых на квартире Ягоды шикарных обедах и

ужинах, где он, окруженный своими любимчиками, упивался своей все возрастающей славой...

Помню, как 20 декабря 1927 года, когда отмечалось десятилетие ВЧК — ОГПУ, Ягода с группой приближенных наносил эффектные 10—15-минутные визиты в лучшие рестораны, где были устроены торжественные ужины для сотрудников различных управлений и отделов ОГПУ, причем рестораны были для этого использованы действительно самые лучшие: «Националь», «Гранд-отель», «Савой» и другие. Апофеозом этих визитов в каждом случае было чтение сотрудником особого отдела ОГПУ Семеном Арнольдовым плохоньких виршей с неумным восхвалением Ягоды, где он фигурировал как «великий чекист». Последнее обстоятельство особо интересно, потому что тогда (1927) даже в отношении Сталина никто таких прилагательных не употреблял»²⁵.

В то время Ягода еще не был начальником ОГПУ, а всего лишь первым заместителем. Но борьба за кресло Менжинского развернулась еще при его жизни.

В конце 1929 года, во время ожесточенной борьбы с правым уклоном, разразился скандал. Вот как описывает эти события все тот же Шрейдер. «В конце 1928-го или начале 1929 года Московским комитетом партии было вскрыто дело так называемого „беспринципного блока“ в Сокольническом районе, в котором оказались замешаны Ягода, Дерibas и Трилиссер, а также секретарь Сокольнического РК ВКП(б) Гибер, скромный и честный большевик, втянутый ягодинскими холуями По-гребинским и Фриновским (оба они в то время были помощниками начальника особого отдела Московского военного округа) в пьяные компании, собиравшиеся на частных квартирах, где, как рассказывали, в присутствии посторонних женщин за блинами и водкой решались важные организационные вопросы, включая расстановку кадров»²⁶.

Действительно, блок был чрезвычайно беспринципным, ибо доблестные чекисты в самый разгар кампании по борьбе с правым уклоном пили с правым Гибером. Ну да водка не разбирает, у нее все становятся одного уклона — в 40 градусов. Была у них и уважительная причина: Гибер возглавлял райком партии, к которому относилась Лубянка, и всеильные чекисты по текущим партийным делам зависели от этого маленького чиновника — с таким дружить надо, а дружить иначе они не умели.

Из этих пьянок заместитель Менжинского Трилиссер и попытался сострять политическое дело. Из Московского комитета на Лубянку пришло сердитое письмо, которое обсуждалось на собрании. Там громогласно критиковали Дерибаса, Погребинского и Фриновского, о Ягоде же никто не сказал ни слова. В итоге теплую компанию разогнали: Фриновского отправили в Азербайджан, Погребинского в Башкирию, куда они понесли стиль работы центрального аппарата. Впрочем, пострадал и Трилиссер — его перевели на Дальний Восток.

Вслед за тем последовала кадровая перестановка. Ягоду во главе секретно-оперативного управления ОГПУ сменил матерый чекист Ефим Евдокимов, в прошлом террорист, боевик, перебивавший во всех самых «крутых» партиях — эсеров, анархистов, максималистов, участник Гражданской войны, четырежды орденносец. Во главе Особого отдела (контрразведки) вместо Ягоды теперь был Ян Ольский, польский шляхтич, начинавший карьеру в молодежной организации Пилсудского. На посту второго зампреда ОГПУ и начальника ИНО вместо Трилиссера появился ленинградец Станислав Мессинг, поляк с дореволюционным партийным стажем и чекист с 1917 года. Ягода же остался заместителем, но без

определенных функций, этаким «министром без портфеля».

Ольский и Евдокимов быстро нашли общий язык друг с другом и с Мессингом. Вскоре к ним присоединились начальник административно-организационного управления Иван Воронцов и полпред ОГПУ по Московской области Лев Бельский. Эти пятеро, понимая, что жить Менжинскому осталось недолго, решили, что Ягода — не тот человек, которого они над собой потерпят. Весь аппарат разделился на два лагеря: сторонников Ягоды и «пятерки». — Готовилось новое «потрясение основ», нужен был только повод. А когда желание есть, то повод найти недолго.» В то время как раз шли массовые аресты, связанные с крестьянскими восстаниями, а также аресты среди бывших царских офицеров. Начались они на Украине, под руководством Балицкого. Ягода их поддержал. И тогда «пятерка» обвинила Ягodu и Балицкого в том, что они стряпают «липовые» дела.

Это уже не пьянство с секретарем райкома. На этот раз грохнуло так, что вопрос дошел до Политбюро. Тот же Шрейдер писал: «Как мне потом рассказывал Л. Н. Бельский, Сталин, выслушав его, сказал примерно следующее: „Мы никому не позволим позорить наши органы и клеветать на них. Люди, подписавшие это заявление, склочники, и их пребывание в ОГПУ может принести только вред, так как они не смогут вести должной борьбы с вредителями“».

Ну, что они склочники — в том сомнений нет. Тут самый интересный вопрос какой? Сталин не решал ни одного дела, не изучив его предварительно досконально. Интересно бы знать, кто готовил ему информацию, на основе которой он сделал такой вывод? Проверялись ли дела, кто их проверял и как? И почему он поддержал Ягodu, а не его оппонентов?

Как бы то ни было, поражение «пятерки» было полным. На места разослали специальное письмо за подписью Сталина. В письме говорилось:

«Тт. Мессинг и Бельский отстранены от работы в ОГПУ, тов. Ольский снят с работы в Особом отделе, а т. Евдокимов снят с должности начальника секретно-оперативного Управления с направлением его в Туркестан на должность ПП (полпреда. — Е. П.) на том основании, что: а) эти товарищи вели внутреннюю борьбу против руководства ОГПУ; б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно несоответствующие действительности слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является „дутым“ делом; в) они расшатывали железную дисциплину среди работников ОГПУ».

Это была роковая ошибка главы государства. Возможно, все, сказанное в письме, было правдой — но ведь совершенно ясно, что после такого заявления едва ли кто-либо решится впредь обращаться «наверх» с обвинениями любого рода. Этим письмом ОГПУ фактически получило возможность сделать первый шаг к тому, чтобы стать «государством в государстве».

Второй шаг был сделан в 1932 году, и об этом есть опять свидетельство Шрейдера, который летом этого года занимался делом о массовом хищении спирта на Казанском пороховом заводе. «По делу проходило 39 работников ГПУ Татарии, — пишет он. — Акулов (старый большевик, зам. наркома РКИ, после истории с „пятеркой“ назначенный первым зампредом ОГПУ. — Е. П.), поддерживаемый Менжинским, настаивал, чтобы всех участников хищений и взяточников, состоявших на службе в органах, судили по всей строгости на общих основаниях. Ягода же считал, что это будет позором для органов, а потому всех этих преступников надо тихо, без шума, снять с работы и отправить служить куда-нибудь на периферию, в частности, в лагеря»²⁷.

Естественно, став наркомом, Ягода начал вести именно эту политику. Проштрафившихся, коррумпированных, недобросовестных работников теперь отправляли в глухие углы, куда они несли московский стиль работы, разгоняя заразу из центра по стране. Самых провинившихся отправляли в лагеря, где они, пользуясь неограниченной властью над беззащитными заключенными, постепенно завели те самые порядки, которые были описаны в многочисленных воспоминаниях и которые так до конца и не удалось искоренить. Так, например, часто говорят, что после убийства Кирова руководители Ленинградского ГПУ были репрессированы, но мало кто вспоминает, в чем эти репрессии заключались. Они были не арестованы, а высланы на Дальний Восток, где продолжали работать «по специальности» в системе ГУЛАГа.

Теперь как ОГПУ в целом, так и отдельные его работники находились фактически вне контроля и вне правосудия, что не замедлило сказаться на их работе.

В любых, самых честных и безупречных, органах в любое время существует определенный процент липовых дел. Их количество зависит от двух факторов: от контроля над органами и от личности работников. О контроле мы уже поговорили. Теперь перейдем к личностям.

Что такое типичный чекист того времени? Квалифицированных юристов в органах почти не было, да и образованных людей немного — при том дефиците образования, которое было во всех областях, их не посылали в органы, да они туда и не шли. На всех должностях, снизу до самого верха, было полно малограмотных и полуграмотных выдвиженцев времен революции и Гражданской войны. Так, знаменитый Заковский окончил два класса Либавс-кого училища, Агранов — четыре класса и т. д. Характеры и стиль

работы у них тоже соответствовали тому времени, в которое они начинали. У них было много пассионарности и мало уважения к закону, четкий классовый подход и убежденность, что цель оправдывает средства, а самый дешевый в стране товар — человеческая жизнь.

Это были необразованные, жестокие, беспринципные авантюристы, которым новые порядки были выгодны и которые чем дальше, тем больше задавали тон в органах. Если «внизу» к тому времени было уже немало новичков, то «наверху» как раз и группировались старые сотрудники. Не все были такими, но именно такие были наиболее активны и напористы и в конечном итоге гнули свою линию.

Почувствовав, что существует спрос на политические дела, они начали пристегивать «политику» к банальному воровству, разгильдяйству, вообще к любому делу, которым занимались. Это не значит, что преступлений, связанных с политикой, не было — они были, и в немалом числе. Беда в том, что политическим старались объявить любое преступление. Видя такое положение дел, «наверху» начинали нервничать. А как иначе — дела и сводки, попадавшие на стол членов Политбюро, выглядели внешне безупречно, не было никаких оснований подозревать, что они сфабрикованы. И из их всевозрастающего количества следовало, что в государстве творится что-то странное, какая-то, действительно, «нарастающая классовая борьба».

Чтобы выявить «липу», дела надо было заново расследовать — а на каком основании? На основании того, что кто-либо из членов Политбюро с данным товарищем в Гражданскую в штабном вагоне водку пил? И кто будет этим заниматься — те же органы? И потом, не могут же быть «липовыми» все дела? Тем более что и реальной «политики», как уже говорилось, хватало, а уж после убийства Кирова и всякие сомнения

должны были улетучиться. В общем, предложение увеличивало спрос, а увеличившийся спрос рождал новое предложение.

Лавина

Пока во главе органов оставался Ягода, он сдерживал процесс нарастания «политических» дел, иначе уже после убийства Кирова тот мог бы стать неуправляемым. Тому есть очень простое объяснение. В то время в СССР уже практически оформился заговор против существующего правительства *<Этой теме посвящена книга: Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. М., 1999.>*, в котором участвовал и начальник ОГПУ, и ему была невыгодна излишняя «политизация» чекистской работы. Иначе невзначай, просто от усердия, можно было задеть своих и раскрыть заговор. Однако после ареста Ягоды произошло еще два роковых события, которые, соединившись вместе, и послужили причиной того, что процесс стал неуправляемым.

Первый — это раскрытие заговора военных, за считанные дни до намеченного переворота. Трудно найти что-либо более страшное для любого правительства, чем заговор в войсках. Отчасти потрясенное, отчасти перепуганное и даже приблизительно не представлявшее масштаба угрозы, Политбюро фактически дало органам карт-бланш — с этого момента они могли делать, что хотели. И они принялись выявлять врагов.

Органам же, как всем вместе, так и каждому работнику в отдельности, естественно, выгодно, чтобы масштабы раскрываемого заговора были как можно больше — чем больше «врагов народа», тем больше орденов, премий, повышений по службе и пр. Делать

липовые дела они к тому времени были научены, никаких барьеров по этой части не существовало, бить тоже умели, еще с Гражданской, тем более что новый нарком самолично задавал тон *<Мы здесь говорим только об органах — рассмотрение структуры и механизма репрессий не входит в задачу этой книги.>*.

Вторым роковым событием стало назначение наркомом внутренних дел Николая Ежова.

Знавшие его до того времени люди характеризовали Ежова как человека тихого, скромного и внимательного. Как исполнитель он был идеален. И. М. Москвин, начальник Орграспредотдела ЦК, у которого Ежов одно время работал, характеризовал его так: «Я не знаю более идеального работника, чем Ежов. Вернее, не работника, а исполнителя. Поручив ему что-нибудь, можно не проверять и быть уверенным: он все сделает. У Ежова есть только один, правда, существенный недостаток: не умеет останавливаться. Бывают такие ситуации, когда надо остановиться; Ежов не останавливается. И иногда приходится следить за ним, чтобы вовремя остановить».

Предполагалось, что Ежов, как человек чрезвычайно исполнительный и аккуратный, будет точно проводить политику властей, всецело находясь под влиянием Политбюро. Его назначение на пост наркома было воспринято как признак «оттепели». Кто мог предполагать, что, оказавшись во главе органов, Ежов начнет работать под влиянием не Политбюро, а своего заместителя Фринов-ского? Новый нарком не имел ни малейшего опыта чекистской работы — на кого еще он мог опереться, как не на первого зама, опытного чекиста? И Фринов-ский начал вводить своего наркома в курс дела, как сам его понимал. А остановить Ежова было уже некому...

Фриновский, второй человек в органах, по сути, был больше военным, чем чекистом. В Гражданскую войну он служил в особых отделах ВЧК. Затем, закончив командные курсы, командовал дивизией Дзержинского. С 1933 года был начальником Главного управления пограничной охраны ОГПУ. Сразу же после ухода Ягоды, с ноября 1936 года, стал первым замом наркома внутренних дел. Мы уже встречали его в качестве собутыльника Ягоды.

Человек это был безудержный, жестокий и абсолютно беспринципный. Как вспоминает тот же Шрейдер: «Когда Ежов получил указание свыше об аресте Ягоды и надо было направить кого-нибудь для выполнения этого приказа, первым вызвался бывший ягодинский холуй Фри-новский, с готовностью выкрикнувший: „Я пойду!“ Фри-новский не только возглавил группу работников, ходивших арестовывать Ягodu, но рассказывали, что он первым бросился избивать своего бывшего покровителя».

Аппарат НКВД, с такими привычками и под таким руководством, быстро сделал из неопытного наркома марионетку. С другой стороны, тому новая работа пришлась по душе. Получив неограниченную власть над всецело зависящими от него арестованными, он раскрылся с совершенно неожиданной стороны. Николай Иванович оказался чрезвычайно жестоким человеком, причем свирепость проявлял не столько в интересах дела, сколько из чистого садизма. На допросах зверствовал, самолично бил подсудимых. Он присутствовал при расстреле Ягоды и даже собирал пули, вытасченные из тел расстрелянных лидеров партии.

Как-то раз на банкете у своего приятеля, нашего старого знакомого Станислава Реденса, пьяный Ежов заявил, обращаясь к подчиненным: «Чего вам бояться? Ведь вся власть в наших руках. Кого хотим — казним,

кого хотим — милуем. Вот вы — начальники управлений, а сидите и побаиваетесь какого-нибудь никчемного секретаря обкома. Надо уметь работать. Вы ведь понимаете, что мы — это все. Нужно... чтобы все, начиная от секретаря обкома, под тобой ходили. Ты должен быть самым авторитетным человеком в области»²⁸.

Фактически этими заявлениями Ежов открыто поставил органы над партией и государством. По сути, так оно и было. Оруэлл сыграл с нашим массовым сознанием злую шутку: после него СССР 30-х годов стал казаться гораздо более управляемым, чем он на самом деле был. А реально тогда не было никакого всевластия Сталина — оно появилось лишь после 1938 года, до того же стол заседаний Политбюро был установлен отнюдь не на камне, а качался на штормовых волнах мятежного партийного моря. К середине 1938 года в регионах местное начальство НКВД подмяло под себя партийные органы — кто им мешал завести— дело на любого партначальника, хоть на самого первого секретаря? А от области до страны — один шаг по структурной лестнице.

Неожиданное подтверждение отыскалось в мемуарах Павла Судоплатова. «Полную правду об этих событиях (имеется в виду снятие и арест Ежова. — Е. П.), которая так никогда и не была обнародована, рассказали мне Мамулов и Людвигов, возглавлявшие секретариат Берия, — вместе со мной они сидели во Владимирской тюрьме. Вот как была запущена фальшивка, открывшая дорогу кампании против Ежова и работавших с ним людей. Подстрекаемые Берия, два начальника областных управлений НКВД из Ярославля и Казахстана обратились с письмом к Сталину в октябре 1938 года, клеветнически утверждая, будто в беседах с ними Ежов намекал на предстоящие аресты членов

советского руководства в канун октябрьских торжеств»²⁹.

Может быть, товарищи из Ярославля и Казахстана действительно написали свои письма по наущению Берия — хотя едва ли об этом могли знать его секретари. Но с чего Судоплатов решил, что эти обвинения были клеветнические? «Поплывшие» от власти и безнаказанности чекисты ежовско-фриновской команды уже не могли остановиться, и естественным продолжением всего, что они делали, как раз и был государственный переворот...

Трудно сказать точно, когда в Кремле стали понимать, что происходит. Вероятно, где-то в первой половине 1938 года. Но... понять-то поняли — а что делать-то? К тому времени правительство давно уже стало заложником НКВД. Меч революции превратился во взбесившийся танк, который мчится вперед, давя гусеницами все живое. Его надо было остановить, пока он не уничтожил все вокруг себя. Но как?

Остановить танк можно двумя способами. Во-первых, его можно уничтожить. Но как это сделать технически? Даже если бы Сталин захотел ликвидировать НКВД, у него не было аппарата, чтобы это выполнить — во-первых. Не под пулемет же их поголовно ставить, в самом-то деле? А во-вторых, как только взбесившееся ведомство почуяло бы угрозу, правительство было бы мгновенно уничтожено — в отличие от Сталина, у НКВД аппарат, как раз, имелся.

Второй способ — посадить на водительское место своего человека, причем такого уровня профессионализма, который сможет справиться с управлением. Тут нужен был не просто верный человек, а профессионал высочайшего класса, знающий работу «от» и «до», который и руководить умеет, и имеет опыт практической работы, чтобы ни один следователь не смог навесить наркому лапши на уши. А еще он должен

быть смелым, чтобы не побояться схватиться с монстром, в которого к тому времени превратился наркомат, непьющим, высокоинтеллектуальным и достаточно гордым, чтобы ему запахло было заниматься теми делами, которые там творились. Едва ли у Сталина был большой выбор таких людей. Хорошо, что один нашелся, и тут уж было не до того, чтобы разбирать, какую он должность занимает, как себя на ней проявил и есть ли возможность его лучше использовать.

Кажется, эта версия отвечает на вопрос, заданный в начале главы, — не правда ли?

ГЛАВА 2

КАК БЕРИЯ РЕФОРМИРОВАЛ НАРКОМАТ.

«О преступлениях Берия, связанных с организацией политических репрессий, беззаконием, терроризмом, убийствами, похищениями людей, т. е. о том, в чем Берия действительно виновен, речь не шла вообще...» (Автор имеет в виду заседание Президиума ЦК 26 июня 1953 г. — Е. П.)

А. Сухомлинов. «Кто вы, Лаврентий Берия?»

«...Я ... хочу сказать „не приведи Господь“, чтобы кто-то подумал, что я взялся за перо, дабы оправдать, обелить, реабилитировать, попросту говоря, отмыть от людской крови Лаврентия Берия. Отнюдь! Во-первых, это не моя задача, а во-вторых, это и невозможно, даже если сильно захотеть».

А. Сухомлинов. «Кто вы, Лаврентий Берия?»

Печально, что наши сотрудники спецслужб так изумительно знают историю. Профессиональный юрист, военный прокурор, не знает, при каком из наркомов были организованы политические репрессии. Хоть бы вспомнил, что ли, слова «взять в ежовые рукавицы»...

Итак, чем же занимался Берия в наркомате?

Обуздание.

Первый удар был нанесен грамотно, в самое сердце спрута. Сталин не стал назначать нового наркома, оставляя в неприкосновенности всю систему, как это было с Ежовым. 22 августа 1938 года Берия был назначен первым заместителем наркома на место Фриновского. Таким образом, был сразу захвачен ключевой пост и ликвидирован самый опасный человек в системе. А того, не иначе как в порядке издевки, отправили в наркомат Военно-Морского Флота — вакансий в Совнаркоме после года его хозяйствования было предостаточно. Тот какое-то время «входил в должность», и, поняв, что бесполезно, в марте 1939 года попросил освободить его «ввиду незнания морского дела». Его просьбу удовлетворили, переведя в апреле 1939 года на новое место — тюремные нары.

Следующий шаг был не менее грамотным (интересно, кто придумывал методику — Сталин или Берия?). 29 сентября 1939 года Берия был назначен начальником Главного управления государственной безопасности, сделавшись, таким образом, практически независимым и от Ежова. Если бы он сразу начал стучать кулаком по столу, кричать о соблюдении законов и грозить арестами, ведомство попросту смело бы нового главу госбезопасности. Но он действовал постепенно, так что сначала казалось, что ничего не меняется...

Кстати, он не забыл просьбу своего старого подчиненного — его заместителем стал бывший заведующий промышленно-транспортным отделом ЦК КП(б) Грузии В. Н. Меркулов.

В октябре полным ходом начала работать комиссия Политбюро, которая должна была подготовить проект постановления ЦК, СНК и НКВД «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Председателем комиссии числился все еще Ежов, но чисто номинально — среди ее членов не было ни одного человека наркома. Членами комиссии были Л. П. Берия, прокурор СССР А. Я. Вышинский, председатель Верховного суда А. С. Рычков и Г. М. Маленков, который курировал деятельность административных органов.

Пока работала комиссия, ведомству был нанесен еще один удар — решающий, после которого оно стало беззащитно. В начале ноября Политбюро приняло специальную резолюцию, в которой руководство НКВД было объявлено «политически неблагонадежным». Сразу после этого последовали аресты высших руководителей органов. Теперь можно было спокойно работать — приводить наркомат в порядок.

За то время, пока работала комиссия, последовала смена начальников отделов — большинство новых назначенцев были людьми Берия, которых он вывез из Грузии и которые работали с ним еще в Грузинском ГПУ.

17 ноября было утверждено постановление, над которым работала комиссия. Органы НКВД и прокуратуры лишались права производить массовые аресты и выселения. Теперь все это могло происходить лишь по постановлению суда или с санкции прокурора. Судебные «тройки» ликвидировались, дела передавались на рассмотрение судов. Прокуратуре предстояло заняться проверкой обоснованности арестов — надо думать, она там немало накопала...

В постановлении говорилось: «Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической аген-турно-осведомительской работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о

предоставлении им так называемых „лимитов“ для производства массовых арестов». Кстати, это интереснейший вопрос — кто спускал на места пресловутые «разнарядки» на аресты? Судя по чисто канцелярскому подходу, то была выдумка Ежова: Фриновский бы до такого не додумался, а среди членов Политбюро подобных дураков все-таки не было. Конспиративную работу они знали не понаслышке и понимали, что равно распределенных по стране заговоров не бывает. Другое дело, что процесс так называемых репрессий был сложным, многоуровневым и многоплановым... и все же слабо верится, что Политбюро докатилось до такого идиотизма, тут нужно иметь душу столоначальника. А Ежов как раз таким и был.

«...Как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными...» О да, признание — царица доказательств, как говорил А. Я. Вышинский. Кстати, вот пример цитатного передергивания. Знаете что на самом деле писал Вышинский?

«В достаточно уже отдаленные времена, в эпоху господства в процессе теории так называемых законных (формальных) доказательств, переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являвшейся в те времена чуть ли не единственным процессуальным доказательством, во всяком случае, считавшейся наиболее серьезным доказательством, „царицей доказательств“. ...Этот принцип совершенно неприемлем для советского права и судебной практики...»³⁰ То есть, те кто пустил гулять

эту «дезу», не смогли даже разобраться в достаточно простом тексте и понять, что «царица доказательств» — не признание, а пытка. Ну, а то, что Вышинский был против этой практики, естественно, было выпущено сознательно. Но продолжим читать постановление...

«Совершенно не выполняется требование о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока обвиняемый не признается в совершенных им преступлениях...» Вот вам и разгадка «мгновенных признаний» и «выдерживаний без допросов», которые встречаются в делах того времени.

Берия покушался и на Особое Совещание, но Политбюро не отдало свою любимую игрушку. А то, что он смог сделать — так это максимально уменьшить количество дел, проходящих через этот орган, — в несколько раз.

23 ноября Ежов был вызван на встречу со Сталиным. Встреча длилась четыре часа. О чем они там говорили — конечно же, неизвестно, но результатом беседы стало собственноручное заявление, в котором Ежов просил об отставке. По-видимому, для единообразия стихий, его назначили наркомом водного транспорта. При этом он все еще оставался членом ЦК — правда, ненадолго. На XVIII съезде Сталин подверг Ежова резкой критике, в основном за пьянку и плохую работу. Естественно, о необоснованных арестах слова не было сказано, чтобы, не дай Бог, не внести смуту — перед войной признание Сталина в том, что в возглавляемом им государстве возможны такие вещи, как массовые необоснованные репрессии, а тем более пытки, было совсем ни к чему.

Ежова арестовали в апреле 1939 года и в феврале 1940 года расстреляли вместе с большой группой его сотрудников, среди которых, кстати, был и Реденс. И

едва ли это было потому, что Сталин таким образом избавлялся от неугодного родственника...

Затем началось реформирование наркомата.

Цифры...

Ежов еще занимался речными трамвайчиками, а в НКВД уже начались чистки³¹. За 1939 год из органов были уволены 7372 человека (22,9 % от общей численности). 66,5 % из них — за должностные преступления, контрреволюционную деятельность и по компрометирующим материалам. Руководящих кадров, как и следовало ожидать, чистка коснулась куда более сильно: из 6174 человек было убрано 3830 (62 %).

В 1939 году были приняты на работу 14506 человек (45,1 % всех оперативных сотрудников). При этом подавляющее большинство из них никогда не работало в органах. Большая часть пришла в НКВД по партийному и комсомольскому набору (11 062), 347 — из РККА, 602 — приняты по заявлениям. Какое-то отношение к органам имели лишь те, что были переведены из отделов вне УГБ (1332), выдвинуты из канцелярских и технических сотрудников (1129) и всего 34 — из чекистского запаса.

В центральный аппарат НКВД пришли на работу 3460 человек, из них 3242 — из партийных и комсомольских органов. На ключевые посты Берия поставил своих людей, которые работали с ним еще в ГПУ Грузии.

С образованием в органах было по-прежнему печально. На 1 января 1940 года высшее образование имели всего 2036 чекистов (6,3 %), незаконченное

высшее — 897 (2,8 %, в том числе и сам нарком), среднее — 11 629 (36,2%), низшее — 17601 (54,7%).

Из руководящего оперсостава стаж работы «в органах» меньше года имели 57 человек (9,4 %), от 1 до 3 лет — 184 (30,5 %), от 3 до 6 лет — 43 (7,2 %), выше 6 лет — 319 человек (52,9 %, в том числе и сам нарком).

Из 3573 сотрудников центрального аппарата НКВД 363 человека были моложе 25 лет (10,2 %), возраст от 25 до 35 лет имели 2126 человек (59,5 %) и 1084 сотрудника были старше 35 лет (30,3 %).

Наконец, о национальном составе центрального аппарата. Русских в нем было 3073 человека (84 %), украинцев — 221 (6 %), евреев — 189 (5 %), белорусов — 46 (1,25%), армян — 41 (1,1 %), грузин — 24 (0,7%).

Интересно, что из аппарата практически полностью исчезли поляки и латыши. Очень мало осталось евреев, которых до репрессий было около 40 %. Примерно половина их пострадала от репрессий, вторая половина была убрана в результате кадровых чисток.

Вообще, конечно, евреи — молодцы! Вызывает уважение их умение поставить себя так, что отношение к этому народу оговаривается особо. Ну что ж, оговоримся особо — а заодно по поводу поляков и латышей.

Впрочем, с последними все ясно. Происхождение делало их особенно уязвимыми для «охотников на ведьм», позволяя предъявить естественное обвинение в шпионаже в пользу родной страны, так что с этими «шпионами» расправились в первую очередь. Евреев при Ежове арестовывали на общих основаниях. Те же, что остались (да, впрочем, и те, которых репрессировали) в большинстве своем были еще выдвиненцами времен Гражданской войны, со всеми вытекающими из этого факта последствиями по части безудержности, жестокости и прочих милых качеств. Так что не стоит удивляться, что они попали под

бериевскую чистку, и антисемитизм тут был совершенно ни при чем³².

Кстати, «бериевские репрессии» в органах были не так уж и велики. При Ежове, с 1 октября 1936 года по 15 августа 1938 года, было арестовано 2273 сотрудника органов госбезопасности, из них за «контрреволюционные преступления» — 1862 (могли ведь арестовать и за воровство, и за пьяную драку — чекисты тоже люди...). В 1939 году было арестовано вдвое меньше — 937 человек. Может статься, если бы Ежова не трогать, через полгода-год органы безопасности съели бы себя сами и остановились. Но стоило ли этого дожидаться — ведь был возможен и другой исход...

... И ЭМОЦИИ

...Рясной — человек из команды Хрущева, вывезенный им с Украины, и в этом качестве не должен бы про Берия хорошего слова сказать. В общем-то, и не говорит. Но когда он беседовал с Феликсом Чуевым, он был уже очень стар и то ли проговорился, то ли уже не считал нужным соблюдать прежние договоренности. И вот что он рассказал про первые недели работы Берия в наркомате...

«...Он начал спокойно, не проявляя характера. Постепенно наращивал мощь. Вызывал к себе сотрудников и задавал им только один вопрос:

— Вы работаете здесь уже давно — год или полтора. Кто, на ваш взгляд, ведет здесь себя не по-человечески?

С этого начал. И таким вежливым, участливым тоном расспрашивал, дознавался. Тех, кто вел себя «не

по-человечески», выгонял, арестовывал и расстреливал — вплоть до командного состава...»

Шрейдер тоже кое-что вспоминает. Нет, его книга полна нападок на Берия — товарищи Шрейдера по камере рассказывали ему, как нарком их самолично бил на допросе, и прочие ужасы. Впрочем, эти мемуары четко распадаются на две составляющие: то, что их автору говорили товарищи по работе и по камере, и то, что происходило с ним самим. Так вот: автора мемуаров нарком почему-то пальцем не тронул. Наоборот — два раза он вызывал Шрейдера, и оба раза был абсолютно, стопроцентно корректен, как и все прочие, присутствовавшие на допросах. Вот выдержки из их встреч:

«Подойдя к письменному столу, Берия сел в одно из кресел, стоящих с наружной стороны, напротив друг друга, а затем сказал, повернув голову в мою сторону:

— Садитесь.

Я пересел на указанное кресло.

— Как ваша фамилия? — спросил Берия. — И давно ли сидите?

Назвав себя, я сказал, что сижу почти полгода, а за что — не знаю. При этом от волнения я заикался, и голос у меня дрожал.

— Успокойтесь, — сказал Берия, налил и подал мне стакан воды, а затем, когда я выпил воду, предложил мне папиросу.

Закурив, я стал рассказывать существо дела...» «... Во время возникшей паузы я снова попытался заговорить о своем деле... Но Берия нетерпеливо перебил меня, сказав, что не отвечает за действия врагов, пробравшихся к руководству НКВД, по приказу которых я арестован.

— Гражданин Берия! — сказал я. — Заявляю вам как представителю Сталина, что я ни в чем не виноват, и мое дело является полностью сфальсифицированным,

как и дела многих других арестованных, находящихся в камерах.

— За других не ручайтесь, — сухо оборвал Берия.

— Прошу вашего указания, — продолжал я, — о тщательном расследовании моего дела... Если бы я действительно совершил преступление против моей партии и Родины, то меня следовало бы не расстрелять, а жестоко пытаться и резать на куски. .

— Резать и пытаться вас никто не собирается и бить никто не будет, — пообещал Берия. — Дело расследуем, разберемся; окажетесь виновным — накажем, арестованы по ошибке — освободим, подлечим и восстановим на работе...»

После этой встречи в судьбе Шрейдера произошли некоторые странные события. Около двух месяцев его не вызывали на допрос, потом вызвали к какому-то начальнику, которого он не знал, снова предъявили политические обвинения и отправили в Иваново, по одному из прошлых мест службы. Там опять начались избиения, в результате которых он все-таки подписал признание. Спустя некоторое время он вновь оказался в Москве, в кабинете Берия. Кроме наркома там присутствовало еще человек шесть, в том числе Кобулов, Меркулов и Влодзимирский, и стенографистка.

«Как же это получается? — обращаясь ко мне на „ты“, начал Берия. — Значит, тогда, в Лефортове, ты соврал, отрицая свое участие в контрреволюционной троцкистской деятельности?»

Я ответил, что не врал, но через несколько дней после того, как был у него, один крупный работник аппарата НКВД избил меня и отправил в Иваново, где меня также страшно избивали, будто бы по его, Берия, приказу. Доведенный до отчаяния избиениями, пытками, инсценированными расстрелами и т. п., я вынужден был написать ложные показания, чтобы поскорее быть расстрелянным...

...Берия поговорил о чем-то по-грузински с Кобуловым и еще с каким-то грузином, покачал головой и вдруг неожиданно сказал:

— Ну, а теперь расскажи, кто из аппарата НКВД Московской области приезжал в Иваново, допрашивал и избивал тебя.

Я рассказал о приезде в Иваново Софронова, представившегося мне заместителем начальника следственного отдела центра и приезжавшего по личному распоряжению замнаркомвнудела СССР Журавлева.

Когда я назвал фамилию Журавлева, да еще и с присовокуплением ему должности замнаркомвнудела СССР, которой он никогда не занимал, на лице Берия отразилось явное удовольствие, в первое мгновение непонятное для меня. Берия опять что-то сказал по-грузински, обращаясь к своей свите, а затем, обернувшись к девушке-стенографистке, приказал:

— Пишите все подробно. И что ж, тебя крепко били?

— Если бы не крепко, то я никаких показаний бы не дал, — ответил я.

— Значит, пытали? — полувопросительно-полуувердительно уточнил Берия. И, так как я еще не успел ответить, он повернулся к стенографистке и сказал: — Пишите — пытали! — явно подчеркивая последнее слово.

...Берия ...предложил мне рассказать все, что я знаю о Журавлеве. С готовностью, стараясь не упустить ни малейшей из известных мне подробностей, я стал рассказывать... Наконец, после моего рассказа о том, как Журавлев изобрел пытку под названием «утка», Берия воскликнул:

— Ну и сволочь этот Журавлев! — а затем стал быстро-быстро говорить по-грузински с кем-то из своих приближенных...

...А допрос все продолжался и продолжался. Меня спрашивали о все новых и новых подробностях.

Подумав, я решился и заявил Берия, что знаю о существовании шифровки за подписью Сталина, адресованной всем секретарям крайкомов, обкомов и начальникам НКВД, на основании которой меня били *<Речь идет о шифровке за подписью Сталина, санкционирующей пытки. По-видимому, ежовская фальшивка. Теоретически такая санкция могла быть дана — устно. Однако надо быть клиническим идиотом, чтобы рассылать санкции на применение пыток в качестве шифровки обкомам партии и начальникам областных управлений НКВД, неизбежно нарываясь на утечку информации и жуткий вой во всей мировой прессе.>*.

— Что за чепуха? Откуда ты можешь это знать? — удивился Берия. — Ведь ты же сидишь около года.

Я ответил, что эту телеграмму мне показывал на допросе начальник следственной части Ивановского НКВД Рязанцев.

Берия рассвирепел. Он начал ругаться по-грузински и стал что-то возбужденно и со злобой говорить Кобулову. А затем по-русски спросил про кого-то, взяты ли — эти, на что Кобулов, кивнув утвердительно, сказал: «Взяты!» И снова оба они заговорили по-грузински...

Допрос у Берия продолжался несколько часов. Все, что я рассказывал, стенографистка записывала, и протокол должен был быть огромным... Когда допрос закончился, Берия сказал:

— Ну иди, разберемся. Преступников накажем».

Кстати, через несколько дней Шрейдера вызвали к следователю, и тот выслушал еще раз все, что он говорил на встрече с Берия, и оформил в виде протокола.

В судьбе Шрейдера— отразилась внутренняя борьба в НКВД, между новым наркомом и старым аппаратом.

Оказалось, начальник УНКВД Московской области Журавлев, узнав, что ставится вопрос об освобождении Шрейдера, убедил Берия, что того надо этапировать в Иваново, где на него есть показания. Нарком согласился, и там за арестованного взялись всерьез. Хитрый чекист и опытный оперативник Шрейдер, оговорив собственных следователей и самого Журавлева, добился того, что его вернули в Москву, и снова попал в поле зрения Берия. К тому времени, по видимому, дело о теплой компании ивановских следователей уже шло вовсю, и эти показания прились очень кстати.

Через некоторое время политическое дело против Шрейдера было прекращено. Осужден он был по другой статье, предусматривавшей наказание за преступную халатность и злоупотребление властью. Но это уже к делу не относится...

Так что, как видим, несмотря на душераздирающие описания пыток, о которых автору мемуаров рассказывали соседи по камере, лично со Шрейдером нарком был предельно корректен. Кстати, довольно типичная ситуация для мемуаров: рассказы о жутких зверствах с чужих слов, и никакого собственного опыта по этой части. Это не значит, что при Берия в органах не били — в подобных местах били, бьют и будут бить. И нет никакой гарантии, что в отдельных случаях сам нарком не закрывал на это глаза. Но фальсификация дед и пытки как система, направляемая «сверху», с приходом нового наркома прекратились.

Трудности обуздания.

Даже из воспоминаний Шрейдера видно, что реформирование органов шло трудно, «ежовщина»

сопротивлялась изо всех сил. На самом деле эта система, конечно, была не ежовской, беспредел в ЧК начался еще при Дзержинском и с тех пор в течение двадцати лет так и не заканчивался. В одночасье такую структуру не реформируешь.

В этом смысле очень показательны воспоминания Павла Судоплатова. Если их внимательно читать, то из них видно, как непросто шел этот процесс на Лубянке и как действовал Берия.

Итак, осень 1938 года. В НКВД работает специальная проверочная комиссия ЦК. В воздухе пахнет грозой. Чекисты, напуганные предшествующими репрессиями, притихли и ждут, на кого теперь обрушится карающий меч. В начале ноября 1938 года последовала резолюция Политбюро о политическом недоверии и аресты руководителей. Судоплатов тогда работал в Иностранном отделе.

«Наступил ноябрь, канун октябрьских торжеств, — вспоминает он. — В 4 часа утра меня разбудил настойчивый телефонный звонок: звонил Козлов, начальник секретариата Иностранного отдела. Голос звучал официально, но в нем угадывалось необычайное волнение.

— Павел Анатольевич, — услышал я, — вас срочно вызывает к себе заместитель начальника управления госбезопасности товарищ Меркулов. Машина уже ждет вас. Приезжайте как можно скорее. Только что арестованы Шпигельглаз и Пассов. (Руководители внешней разведки ОГПУ. — Е. П.)

Жена крайне встревожилась. Я решил, что настала моя очередь.

На Лубянке меня встретил сам Козлов и проводил в кабинет Меркулова. Тот приветствовал меня в своей обычной вежливой, спокойной манере и предложил пройти к Лаврентию Павловичу. Нервы мои были напряжены до предела. Я представил, как меня будут

допрашивать о моих связях со Шпигельглазом. Но, как ни поразительно, никакого допроса Берия учинять мне не стал. Весьма официальным тоном он объявил, что Пассов и Шпигель-глаз арестованы за обман партии и что мне надлежит немедленно приступить к исполнению обязанностей начальника Иностранного отдела, то есть, отдела закордонной разведки. Я должен буду докладывать непосредственно ему по всем наиболее срочным вопросам. На это я ответил, что кабинет Пассова опечатан и войти туда я не могу

— Снимите печати немедленно, а на будущее запомните: не морочьте мне голову такой ерундой. Вы не школьник, чтобы задавать детские вопросы".

Через десять минут я уже разбирал документы в сейфе Пассова».

Там Судоплатов нашел представление о собственном награждении орденом Красной Звезды, а также неподписанный приказ о его назначении помощником начальника ИНО.

«Я отнес эти документы Меркулову. Улыбнувшись, он, к моему немалому удивлению, разорвал их прямо у меня на глазах и выкинул в корзину для бумаг, предназначенных к уничтожению. Я молчал, но в душе было чувство обиды — ведь меня представляли к награде за то, что я, действительно рискуя жизнью, выполнил опасное задание. В тот момент я не понимал, насколько мне повезло: если бы был подписан приказ о моем назначении, то я автоматически, согласно Постановлению ЦК ВКП(б), подлежал бы аресту как руководящий оперативный работник аппарата НКВД, которому было выражено политическое недоверие...»

Но самое интересное — то, что было дальше. Начальником ИНО Судоплатов пробыл около месяца. В декабре начальником отдела был назначен Деканозов, несколько позднее — Фитин. Судоплатов же стал заместителем начальника испанского отделения. С

приходом в НКВД новых людей «стариков» значительно понижали в должности — впрочем, некоторые потом снова быстро шли вверх, и Павел Анатольевич в их числе.

Затем у Берия состоялось партсоборание. И тут один из сослуживцев Судоплатова, Гукасов, предложил рассмотреть его «подозрительные связи». Кстати, Павел Анатольевич сам писал, что репрессии в органах были обусловлены не столько каким-то политическим заказом, сколько внутренними счетами и завистью сослуживцев.

Партбюро создало комиссию под руководством другого его близкого знакомого, Гессельберга. Комиссия подготовила соответствующий докЖд, и партбюро приняло решение исключить Судоплатова из партии за «связь с врагами народа» (а у кого, спрашивается, не было этих «связей»), в лучших традициях отстраненного наркома. Решение должно было утверждаться на общем собрании, а пока что Судоплатов приходил на службу и сидел в кабинете, ничего не делая — ждал исключения и неизбежного ареста.

Но собрание все откладывалось и откладывалось, и вот однажды в марте его вызвал Берия.

«Неожиданно для себя я услышал упрек, что последние два месяца я бездельничаю. „Я выполняю приказ, полученный от начальника отделения“, — сказал я. Берия не посчитал нужным как-либо прокомментировать мои слова и приказал сопровождать его на важную, по его словам, встречу».

Они приехали в Кремль к Сталину, и Судоплатов получил новое задание — ликвидировать Троцкого.

Тут мы совершенно четко видим стиль работы Берия. Он не размахивал револьвером, не клеймил никого на собраниях, не грозил стереть всех «ежовцев» в лагерную пыль. Он просто оттягивал собрание (если

не он — то кто?), а потом доверил Судоплатову важнейшее задание, тем самым дав понять, что его лучше не трогать. И процесс осуждения увял сам собой. И, кстати, не сказал ни слова упрека за безделье, прекрасно понимая его состояние.

Показательна также история Петра Зубова, резидента в Праге. В 1938 году президент Чехословакии Бенеш сделал через Зубова предложение Сталину финансировать военный переворот в Югославии. Советское правительство решило, что это выгодно, и отправило группе сербских офицеров-заговорщиков деньги с тем же Зубовым. Однако, встретившись с офицерами, наш разведчик счел их ненадежными авантюристами и деньги не передал. Взбешенный такой самодеятельностью, Сталин приказал арестовать Зубова, В январе 1939 года его арестовали, и он попал в еще не расформированную ежовскую мясорубку.

Кстати, Зубов был старым знакомым многих из бериевской команды, а Кобулов останавливался у него, когда приезжал в Москву. Но, естественно, тут ему помочь никто не мог, против Сталина нет приема...

В одном месте Судоплатов утверждает, что Зубова избивали по приказу Кобулова — и действительно, Кобулов был тогда начальником следственной части НКВД. Но в другом месте он пишет: «В 1946 году, когда министром госбезопасности стал Абакумов, Зубову пришлось срочно выйти в отставку. В свое время именно Абакумов был причастен к делу Зубова и отдавал приказы жестоко избивать его».

Так кто же все-таки приказал бить Петра Зубова?

Но вернемся к Берия и его методам работы. В марте 1939 года Судоплатов предложил использовать Зубова для вербовки полковника Сосновского, начальника польской разведслужбы в Берлине, который в ходе немецко-польской войны попал в руки НКВД и сидел

теперь в тюрьме. Берия согласился. Их посадили в одну камеру, и Зубов успешно завербовал поляка. Затем его использовали для вербовки князя Радзивилла. Потом потихоньку, не афишируя, освободили, и Зубов проработал начальником отделения у Судоплатова до самого 1946 года.

И, на закуску, еще одна история, показывающая, как непросто все было в наркомате даже несколько лет спустя. В. Н. Новиков в годы войны работал в оборонном комплексе, возглавлял производство стрелкового оружия. И вот он в мемуарах рассказывает о своем друге, наркоме внутренних дел Удмуртии М. В. Кузнецове. Пишет о нем только хорошее и, по-видимому, не всегда сам понимает, что пишет. Вот какую историю рассказывает Новиков об этом «милейшем человеке».

«...В те годы человеческая жизнь ценилась очень дешево.

Один раз захожу к М. В. Кузнецову в кабинет. Он один. Сидит, уставившись взглядом в стену.

— Ты что это, Миша, задумался? Он под хмельком. Как будто очнулся после моих слов и махнул безнадежно рукой:

— Видишь, Владимир, у нас порядок: список лиц, приговоренных к расстрелу, посылаем на утверждение в Москву с краткой справкой — за что расстрел. Сейчас получил список обратно — утвержден на 26 человек. Трех человек вычеркнули почему-то, причем ранее никто никого не вычеркивал, а мы их уже расстреляли»³³.

Ну, и кто же дешево ценил человеческую жизнь — Берия, который, не доверяя своим кадрам, требовал на проверку все расстрельные списки — и действительно их проверяли! — или «друг Миша», тот, что сначала расстреливал, а потом отправлял бумажки в Москву?

И что с ними, такими, делать? Самих расстреливать — так ведь всех не перестреляешь!

Первая бериевская реабилитация

Придя в наркомат, Берия занялся не только наведением порядка в тех делах, которые в то время велись, но и в тех, которые были уже окончены.

В этом смысле существует интереснейший документ — отчет заместителя начальника ГУЛАГа А. П. Лепилова. Для начала послушаем риторику. Пересмотр дел в его отчете шел отдельным пунктом (почему-то очень сомнительно, что так было и при прежних наркомах).

«Одной из важнейших функций учетного аппарата ГУЛАГа является проверка законности содержания под стражей осужденных.

Такая проверка имеет своей целью:

а) обеспечение освобождения по истечении срока наказания;

б) реализация определений судебных органов и постановлений Наркомвнудела, выносимых в порядке пересмотра дел об осужденных;

в) представление органам прокурорского надзора данных о сроках незаконного по тем или иным причинам содержания под стражей отдельных лиц.

Эта работа чрезвычайно трудоемка, так как приходится иметь дело со значительным количеством лиц...»³⁴

Дело в том, что реабилитация — процесс непростой. Это только при Хрущеве все проводилось «тройками» — такими же, как и в тридцать седьмом, только с обратным знаком. Выезжала такая «тройка» в лагерь, вызывала зеков, говорила с ними и писала справку. Но

если все проводить по правилам, то каждое дело должно быть проверено, фактически — расследовано заново. Все это требует времени — а время идет, и кадров — а с кадрами плохо (отчасти это, кстати, объясняет, почему Берия на 5 тысяч человек увеличил аппарат НКВД — кроме текущей работы, пришлось заниматься еще и пересмотром огромного количества дел).

Сталину приписывается фраза о том, что смерть одного человека — это трагедия, а смерть тысяч — статистика. Что ж посмотрим как Берия влиял на эту статистику, а потом, умножив ее на единицу, получим количество предотвращенных трагедий.

Согласно справке А. П. Лепилова, за 1939 год из лагерей было освобождено 223 600 человек, а из колоний — 103 800 человек, т. е. всего 327 400 человек, как в связи с окончанием срока заключения, так и по иным причинам. Но сколько и по каким, не указано.

По всей вероятности, освобожденные из колоний не имеют отношения к бериевской реабилитации, так как в колониях содержались осужденные на малые сроки — до 3 лет. По 58-й статье такие сроки предусматривались, в первую очередь, по знаменитой 5810 — контрреволюционная пропаганда и агитация (не ниже шести месяцев), а также за разглашение секретных сведений (до трех лет), недонесение (не ниже шести месяцев), саботаж (не ниже одного года). Но едва ли пересмотр дел стали бы начинать с малых сроков. Они скоро сами по себе закончатся, так чего возиться? Естественно было бы начинать с больших.

За первый квартал 1940 года цифры приведены полностью, и тут уже речь идет только о лагерях. Из 53 778 человек, покинувших лагеря, 9856 человек было освобождено в связи с прекращением дела, и 6592 человека — по пересмотру дела. То есть, всего в порядке реабилитации — 16448 человек.

И снова — вот что значит предубеждение, которое делает человека слепым настолько, что он не видит то, что сам написал в предыдущем абзаце. Алексей Топтыгин пишет: «...число освобожденных к началу войны могло составить от 100 тысяч до 125—130 тысяч человек». И буквально в следующем абзаце: «Вплоть до начала Великой Отечественной войны возвращались из тюрем и лагерей те, кого уже успели записать в покойники. Да, явление это наверняка не было массовым... но воздействие на общественное мнение оно оказывало немалое».

Да что же это такое делается! 600 тысяч посаженных — это «массовое» явление, а 100 тысяч освобожденных — не «массовое»? А какое?

Давайте на основании этих скупых цифр проведем подсчеты — сколько человек могло быть освобождено в результате «первой бериевской реабилитации»? Подсчеты, правда, очень грубые и приблизительные, но все же...

Предположим, что скорость пересмотра дел и приблизительный процент освобождаемых в 1939 и 1940 годах одинаков. Из данных 1940 года мы видим, что число выпущенных в результате проверок дел составляет примерно около трети всех освобождаемых. Значит, в 1939 году должно было быть освобождено около 100—110 тысяч человек. Исключив колонии, получим около 75 тысяч.

Умножив 16500 на четыре, получим примерное число освобожденных в 1940-м — 66 тысяч. Можно прибавить сюда и 1941 год — хотя бы первые пять месяцев. Итого, получается примерно 170—180 тысяч человек.

А всего в 1937—1938 годах было осуждено за контрреволюционные преступления около 630 тысяч, так что в результате нашей прикидки мы получаем, что

до начала войны были освобождены около трети посаженных в годы ежовских репрессий.

Но на самом деле процент еще выше. Во-первых, часть — и мы не знаем, какая, была осуждена на малые сроки. Во-вторых, не все были посажены необоснованно. 58-я статья предполагала самые разные преступления — измена Родине, шпионаж, саботаж в самых разных вариантах. Самая массовая статья в то время была — 58¹°, за болтовню. Может быть, это было жестоко — отправлять в лагеря фрондирующих болтунов, но уж никоим образом не необоснованно. До чего может довести страну болтающая интеллигенция, мы видели на примере 1917-го и начала 90-х годов, и оба раза разгул свободы слова кончался настолько плохо, что невольно закрадывается крамольная мысль — может, лучше бы уж было пересажать всех этих «поборников гласности», зато сохранить державу?

Считаем дальше. Очень-очень грубо мы можем оценить и количество осужденных на малые сроки. Дело в том, что нам известно общее число репрессированных за контрреволюционные преступления в 1937—1938 годах, когда было максимальное количество «дутых» дел. Их было около 630 тысяч.

У нас есть еще одна статистика — число заключенных в лагерях, осужденных за контрреволюционные преступления. Посмотрим «прибыль» за искомые два года. В 1937 году в лагерях было 104 826 «контрреволюционеров». Это те, кто осужден еще до начала «ежовщины». В 1939 году их максимальное число — 454432. Итого, получается, что прибыло около 350 тысяч заключенных. Где же остальные 300 тысяч? Умерли от голода, убиты зверями-конвоирами, заедены «верными Русланами»?

Вот еще цифры — смертность в лагерях. За эти два года умерло около 140 тысяч заключенных. Это очень

большая цифра, и к ней мы еще вернемся, но это не триста тысяч! И потом, это общая смертность, она относится ко всем заключенным — осужденным в годы «ежовщины» и раньше, уголовным и политическим. Она должна была быть относительно равномерной по всем категориям, почему — о том речь впереди...

Сколько было уголовников и бытовиков? Это очень просто подсчитать. В 1939 году всего в лагерях НКВД содержалось примерно 1 млн 320 тысяч человек. Из них «контрреволюционеров» — около 450 тысяч. Самая прямая и элементарная арифметика говорит, что «политические» составляли около трети всех зеков. Будем считать, что и умерло их примерно треть. Это около 48 тысяч человек. Около четверти из них должны составлять те, что были осуждены до 1937 года. Получаем конечную цифру — около 36 тысяч. Теперь прибавим ее к числу «репрессированных». Получается около 386 тысяч. Где еще 250 тысяч человек?

Ответ может быть только один. Они находятся вне системы лагерей — то есть в тюрьмах и колониях. Сводки-то даны только по лагерям! В тюрьмы много не засунешь, да там и мало кого из осужденных содержат. Остается один ответ: около половины «репрессированных» получили малые сроки и находятся в системе исправительно-трудовых колоний, а статистика-то у нас имеется только по лагерям...

А вот теперь-то и посмотрим процент реабилитированных после прихода Берия в наркомат. В лагерях сидят около 400 тысяч осужденных «за политику». Около 200 тысяч освобожденных. Из них примерно 180 тысяч было освобождено — а ведь мы не учитываем тех, кому, например, снизили сроки заключения. Получается, что до начала войны по пересмотру дел была выпущена на свободу почти половина посаженных на длительные сроки «за политику». Это «массовое» явление — или как?

Цифры, повторяюсь, очень-очень грубые, на основании тех данных о системе ГУЛАГа, которые были опубликованы, но оценка тоже дает представление о происходившем. Кстати, неизвестно, закончился ли процесс пересмотра дел с началом войны. Учитывая, что у Берия была привычка доводить начатое до конца, то можно предположить, что процесс и был доведен до конца, и действительно невинные жертвы «ежовщины» были освобождены.

Ведь имелись среди осужденных и не невинные. Были реальные изменники, участники заговора, троцкисты, саботажники, шпионы, члены «параллельной партии». Это первое.

Второе: тут ведь что еще надо учитывать? Возьмем, допустим, какого-нибудь начальника цеха, который по разгильдяйству допустил серьезную аварию, или директора магазина, который проворовался. По обычным временам первого судили бы за преступную халатность, второго—за растрату. Ежовские следователи припаяли обоим «политику» и посадили первого — за саботаж, второго — за подрыв социалистической экономики. В процессе бе-риевского пересмотра политические обвинения сняли. Но халатность, но растрата — они-то остались! Стало быть, никакому освобождению ни тот, ни другой не подлежат, просто из политических преступников они стали уголовными, только-то и делов... Самый близко лежащий пример — судьба того же Шрейдера, политическое дело на которого было прекращено, но он получил десять лет «за преступную халатность и злоупотребление властью» во время работы в милиции. Он сам пишет, что необоснованно, но на самом деле — кто его знает... Что такое милиция в смутное время, мы с вами знаем не понаслышке...

Ужасы ГУЛАГа.

Писатель Николай Кочин, автор романа «Девки», просидел десять лет. Был в Средней Азии, где-то на медных рудниках. Лагерь средний — тысяч двести (большие — миллиона полтора).

Юрий Борея. «Краткий курс истории XX века»

ГУЛАГ (Главное управление лагерей) придумал не Берия и не Ежов. Это нововведение относится еще ко временам Менжинского, а именно к 1930 году. Оно было создано тогда, когда в нем появилась необходимость.

Почему она появилась? До 1930 года число осужденных, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах, было невелико — на 1 января 1930 года их насчитывалось всего 179 тысяч человек. Да и потом оно тоже не так уж увеличилось. На 1 января 1931 года их стало 212 тысяч, еще через год — чуть меньше 269 тысяч. Для такой огромной страны это вообще не цифра. Для такого количества заключенных вполне хватило бы Главного тюремного управления, и незачем заводить особую контору.

Собственно говоря, ГУЛАГ начинался для управления не лагерями, а спецпоселениями, или трудпоселениями, в которые выселяли кулаков в ходе коллективизации. На 1 января 1932 года там числилось 1317 тысяч человек. Это была экономическая работа, отличавшаяся от работы по исполнению наказаний (так это звучит в современной терминологии). Именно ради этих поселков и создавалось новое управление.

Однако, раз создавшись, оно продолжало существовать, вбирая в себя лагеря, и скоро стало значительной экономической силой. Народу там было не так много, как об этом говорят. В самый пик существования ГУЛАГа в лагерях содержалось около полутора миллионов заключенных — не намного

больше, чем теперь в России, при примерном равенстве численности населения. Что же получается — что у нас сейчас тоже репрессии?

К началу массового притока заключенных, осужденных в 1937 году, лагеря, естественно, оказались не готовы. Пока шли дела, пока выносились приговоры, пока заключенных готовили к этапу — пик пополнения лагерей пришелся на 1938 год. Отсюда и пик смертности, которая в 1938 году составила около 90 тысяч человек, или примерно 8 % всех заключенных. Кстати, и описания ужасов голода, невероятной скученности, приведенные в многочисленных воспоминаниях, относятся обычно к началу заключения авторов.

Естественно, так и должно было быть. Ведь репрессий никто не планировал, они получились спонтанно. Стало быть, никто не предупреждал Управление лагерей о том, что надо приготовить дополнительные места, позаботиться о дополнительном продовольствии. Чекистское начальство в пьяном угаре запустило и развалило всю работу, кроме поиска «заговорщиков», и о таких приземленных бытовых вещах оно просто не думало. А сосланные в лагеря при Ягоде, в порядке защиты чести мундира, разгильдяи и коррупционеры не смогли справиться с чрезвычайной ситуацией, а то и просто махнули рукой: а чего их спасать-то, контриков? Чем больше передохнет, тем воздух чище! Особенно пострадали оторванные от большой земли дальние лагеря на севере и востоке.

После прихода Берия в наркомат смертность сразу снизилась более чем в два раза и держалась на таком уровне до начала войны. Она, правда, все равно была примерно в два раза больше, чем в целом по стране (на самом деле, цифра несколько меньше, ибо в исчислении смертности по стране в составе населения учитывались старики, которых в лагерях было мало, и дети, которых

там не было совсем). Надо еще учесть, что данные по разным районам страны все-таки разные и смертность в дальних суровых районах, где были расположены лагеря, была выше, чем средняя. Но не от голода, как у нас принято думать!

И снова цифры³⁵. До войны на одного заключенного в день полагалось 670 г ржаной и пшеничной муки, 56 г крупы, 280 г овощей, 14,3 г мяса, 78 г рыбы, 8 г сахара, 8 г жиров. Мука — это, естественно, хлеб. Учитывая припек, хлеба на день выходило примерно 800 г. 56 г крупы — как хозяйка, могу сказать, что это пристойная порция каши. Остальные цифры переведем в более привычные нам месячные нормы потребления. Умножив их на тридцать, получим в месяц: 8,5 кг овощей, примерно полкило мяса, 2,5 кг рыбы, 250 г сахара, 250 г жиров. Т. е., основу питания составлял хлеб, крупа и овощи. Ну и плюс подсобное хозяйство, лагерьный ларек, какие-то посылки...

Не санаторий, конечно, но и не Освенцим. Иначе быть не могло — ведь эти люди должны были не просто как-то существовать, а работать, причем работать продуктивно. Во время войны, например, на рабочую карточку на Урале, где с продовольствием было не так уж плохо, выдавали те же 800 г хлеба, и люди на таком пайке не только жили, но и по 12 часов в смену работали на производстве.

С медицинским обслуживанием было не хуже, чем на воле. Даже авторы мемуаров вспоминают, что во всех мало-мальски крупных лагерных пунктах был хотя бы фельдшер, а то и врач. Имелись и больницы — кстати, об организации этих самых больниц много пишет Вар-лам Шаламов, который сам работал фельдшером. В лагерях один врач приходился на 750 заключенных, тогда как в той же Грузии — один врач на 806 человек. По довоенным данным, общее число коек в

больницах было 35 тысяч. Кроме того, в лагпунктах имелось 519 амбулаторий и 2174 фельдшерских пункта.

Рабочий день в лагерях был больше, чем на воле, хотя и меньше, чем за двадцать пять лет до того на абсолютном большинстве российских фабрик. Он длился 10 часов, без выходных, за исключением общегосударственных праздников. Работать были обязаны все, кроме нетрудоспособных. Их в 1940 году было 73 тысячи человек — около 5 % всех заключенных. Их содержание обходилось в 144 рубля в месяц.

Конечно, везде было по-разному Во-первых, тюрьма — не воля. А во-вторых, все зависело от бессовестности начальников лагерей и прочих власть имущих. Учитывая, кого туда ссылали, особой совестливости от них ждать не приходилось и, чем дальше от начальства, тем больше цвели махровым цветом воровство и произвол. Но той вседозволенности, что при Ежове, уже не было.

Для пресечения злоупотреблений был придуман простой, но гениальный ход. Обычно письма заключенных сдавались в незапечатанном виде и проверялись лагерной цензурой. Но письма, адресованные наркомун НКВД, Генеральному прокурору, «всесоюзному старосте» Калинину, членам Политбюро и, само собой, Сталину, должны были быть запечатаны, и лагерному начальству категорически запрещалось их вскрывать, под страхом уголовного наказания. Так что зеки всегда имели возможность пожаловаться, если в их содержании были беспорядки.

Могли, конечно, наплевав на все запрещения, и вскрывать письма. Но тут были свои опасности. Во-первых, заключенные переводились из лагеря в лагерь, и не было никакой гарантии, что с нового места не уйдет жалоба в центр. А во-вторых, в НКВД, как и позднее в КГБ, была развита система доносительства. Она, конечно, не достигала уровня творческих союзов,

но была достаточно сильна, чтобы начальник лагеря трижды подумал: а стоит ли нарушать закон?

...Естественно, труд заключенных использовался в первую очередь в тех районах и на тех работах, где был дефицит рабочих рук — в горнодобыче, на лесоповале, на Севере и Дальнем Востоке. Хотя не только. Действительно, по карте ГУЛАГа можно географию изучать. Самый большой лагерь был БАМлаг, трасса Бама (железнодорожное строительство) — на 1 января 1939 года там находилось 262 тысячи человек. Следующим был Сев-востлаг, «солнечный Магадан» (освоение региона, добыча золота и олова) — 138 тысяч человек. Потом Белбалтлаг, Карелия (лесоповал) — 86 тысяч человек. И так далее...

Чем занимался ГУЛАГ?

Его основными отраслями были горнодобывающая промышленность и строительство. Норильский комбинат, «Североникель», Актюбинский (хром), Дзержинский (медь) комбинаты, Волго-строй (Угличская и Рыбинская гидроэлектростанции), строительство гидроэлектростанции под Соликамском, на Верхней Каме. Крупнейший сельскохозяйственный лагерь находился под Карагандой. Было несколько огромных швейных производств — это в женских лагерях. Кстати, что бы ни говорили о том, что репрессии не разбирали ни пола, ни возраста, на то же 1 января 1939 года в лагерях находилось 1180 тысяч мужчин и всего 107 тысяч женщин — менее 10 процентов. Так что сыпется и легенда о «ЧСИР», о женах и дочерях, которых забирали всех подчистую, а также о голодных крестьянках, получавших по 10 лет за

«колоски». Сыпется, как и прочие легенды о том времени.

Отдельно стоит поговорить о «шарашках» — впрочем, о них чуть позже...

Так что, как видим, лагеря, были хотя и сильно не курортом, но и не фабриками смерти. Жили там трудно и не слишком сытно, работали много и тяжело — но в то время все жили трудно и все тяжело работали. Конец 30-х годов отнюдь не был легким временем для советского народа — ни для кого, кроме отдельных элементов. Впрочем, эти отдельные элементы быстро перекочевывали на нары — в те две трети заключенных, которые не были политическими.

Кстати, в завершение темы, об «указниках». В одной из книг, посвященных лагерям (к сожалению, не помню, в какой именно) попались мне проникновенные страницы о заключенных женского лагеря где-то на севере, молоденьких девочках-«указницах», которых за опоздание на работу бросили в лагерный ад. К сведению тех, кто верит подобной «липе»: по пресловутому «указу» от 6 июня 1940 года, самая строгая кара — тюремное заключение от 2 до 4 месяцев — предусматривалась за самовольный уход с места работы (в смысле увольнения, а не прогула). Даже эти люди ни при каких обстоятельствах не могли бы попасть в лагеря, поскольку в эту систему с такими сроками не отправляли. За прогул же без уважительной причины, а также неоднократные опоздания или опоздания больше 20 минут нарушитель дисциплины наказывался исправительно-трудовыми работами по месту работы. То есть он делал все то же, что и раньше, но весь срок из его заработка удерживалось 25 %. Вот и весь ужасный «указ». А пресловутые юные девочки, если они существовали, то были, скорей всего, какими-нибудь воровками, выдававшими себя за «указ-ниц»,

либо автор мемуаров добавил их с чужих слов — для полноты картины «ужасов ГУЛАГа». Бумага — она не краснеет...

«Шарашки»

«Была изобретена особая форма использования специалистов, в чьей лояльности Советская власть могла ^усомниться. Оказалось, что академиков и конструкторов можно использовать не просто на лесоповале или железнодорожном строительстве... Лучше за каждым сидящим у микроскопа или стоящим за кульманом поставить охранника, на окна повесить решетки, а самим творцам за их „преступления“ дать лет по 10—15 строгой изоляции — и пусть себе творят».

А. Топтыгин. «Неизвестный Берия».

Среди арестованных было много людей не только полезных, но и прямо необходимых для страны, в их числе немало ученых, технических специалистов, конструкторов и пр. Донос был самым обычным средством решения споров, сведения счетов и карьерного роста в этой среде. Менее удачливые попадали в «ежовые рукавицы», более удачливые занимали освободившееся место на ученом Олимпе.

Вообще масштаб репрессий в ученой и промышленной среде — особая тема. Кто и при каких обстоятельствах сажал разработчиков военной техники в условиях надвигающейся войны, почему наркомы безропотно «сдавали» их, какую роль в этом сыграли

военные... Вопрос «глупость или измена» тут совсем не риторический, и тема саботажа в армии и оборонном комплексе накануне войны еще ждет своего исследователя.

Но, как бы то ни было, приняв наркомат, Берия столкнулся с фактом: в его ведомстве находились сотни ученых, и использовать их на общих работах — государственное преступление, да и по-человечески жалко...

...Историю конструктора Туполева Серго Берия знал, по-видимому, из двух источников — от отца и от самого Туполева. Вот что он пишет:

«Так называемое „Дело Туполева“ от начала до конца было выдуманно. Отец это понял. Но было признание самого осужденного. Какими способами в тридцать седьмом году получали такие признания, известно...

Когда мой отец вызвал его на беседу, был потрясен. Туполев находился в тяжелейшем физическом и психическом состоянии.

— Я был буквально ошеломлен тем, что говорил мне Лаврентий Павлович, — рассказывал мне позднее сам Туполев. — Откажитесь, сказал, от своего признания. Вас ведь заставили это подписать...

По его же словам, он просто не поверил новому наркому и расценил все это как очередную провокацию НКВД. Он уже отчаялся ждать, что кто-то когда-то попытается разобраться в его судьбе. Три месяца Туполев упорно настаивал на том, что он понес заслуженное наказание за свои преступления. Окончательно, рассказывал мне, поверил отцу лишь тогда, когда услышал:

— Ну, хорошо, ну, не признавайтесь, что вы честный человек... Назовите мне лишь тех людей, которые нужны вам для работы, и скажите, что вам еще нужно.

По приказу отца собрали всех его ведущих сотрудников, осужденных, как и сам Туполев, по таким-же вздорным обвинениям, и создали более-менее приличные условия для работы. Жили эти люди в общежитии, хотя и под охраной, а работали с теми специалистами, которым удалось избежать репрессий».

Так появились «шарашки».

Как теперь модно говорить: почувствуйте себя наркомом!

Перед вами лежит явно дутое дело. Что делать? Писать на нем: «Освободить!», показывая подчиненным пример беззакония обратного свойства? Но вы не имеете права взять и освободить заключенного. Фактически по каждому делу надо провести повторное следствие — а половина следователей только вчера получила удостоверения и не умеет даже толком заполнить протокол, вторую же половину надо проверять и проверять на предмет запачканности кровью. Если речь идет об уже осужденном, надо еще и добиться отмены приговора, а у судебных собственная гордость. А время идет...

Не все так просто, правда?

Почувствуйте себя наркомом!

У вас есть шкаф, в котором шестьсот тысяч дел. Половина из них дутые — а может быть, четверть, а может быть, три четверти. Вы этого не знаете. С кого начать? С ученых? С военных? С собственного, ведомства — работников НКВД? А время идет...

Время идет, ученые, элита, золотой фонд страны, сидят по камерам, дрессируя тараканов, или валят лес, немцы спешно разрабатывают новые танки, самолеты, война все ближе...

Так «шарашки» — это хорошо или плохо?

Надо сказать, сориентировался Берия быстро. Уже 10 января 1939 года он подписывает приказ об организации Особого технического бюро при наркомате внутренних дел и под его руководством. Тематика — чисто военная. В состав бюро входят следующие группы:

- а) группа самолетостроения и авиационных винтов;
- б) группа авиационных моторов и дизелей;
- в) группа военно-морского судостроения;
- г) группа порохов;
- д) группа артиллерии снарядов и взрывателей;
- е) группа броневых сталей;
- ж) группа боевых отравляющих веществ и противохимической защиты;
- з) группа по внедрению в серию авиадизеля АН-1 (при заводе № 82).

Как видим: авиация, военно-морской флот, боеприпасы, химзащита... сколько народу из важнейших оборонных отраслей вместо того, чтобы работать, сидят. Не каждый враг сумеет нанести такой удар.

Но вернемся к Туполеву. Осенью 1938 года его перевели в бывшую трудовую колонию в поселке Болшево, и вскоре последовало задание от Берия: разработать четырехмоторный пикирующий бомбардировщик. Задача была технически невыполнимой, о чем Туполев и сказал наркому. После он рассказывал своим товарищам:

«Мой доклад вызвал у Берия раздражение. Когда я закончил, он взглянул на меня откровенно злобно. Видимо, про ПБ-4 он наговорил Сталину достаточно много, а может быть, и убедил его. Меня это удивляло, из прошлых приемов у Сталина я вынес впечатление, что он в авиации если не разбирается, как конструктор, то все же имеет здравый смысл и точку зрения. Берия сказал, что они со Сталиным разберутся. Сутки я

волновался в одиночке, затем был вызван вновь. „Так вот, мы с товарищем Сталиным еще раз ознакомились с материалами. Решение таково: сейчас и срочно делать двухмоторный. Как только кончите, приступайте к ПБ-4, он нам очень нужен“. Затем между нами состоялся такой диалог:

Берия: Какая у вас скорость?

Я: Шестьсот.

Он: Мало, надо семьсот! Какая дальность?

Я: Две тысячи.

Он: Не годится, надо три тысячи. Какая нагрузка?

Я: Три тонны.

Он: Мало. Надо четыре. Все! (Обращаясь к Давыдову): Прикажите военным составить требования к двухмоторному пикировщику. Параметры, заявленные гражданином Туполевым, уточните в духе моих указаний».

Тут, конечно, много вопросов. У кого родилась идея четырехмоторного пикировщика? Что это за материалы, с которыми знакомились Берия со Сталиным?

Вскоре Туполева и его группу перевели из Болшева в Москву, в здание конструкторского отдела сектора опытного самолетостроения ЦАГИ. Кроме них, там работали группы Петлякова и Мясищева. В этой «шарашке» родились такие самолеты, как пикировщик Пе-2, дальний высотный бомбардировщик ДВБ-1, Ту-2. Работали над ними как заключенные, так и вольные специалисты. Особым пунктом в приказе об организации «шарашек» говорилось: «Особое техническое бюро привлекает для работы в фуппах вольнонаемных специалистов, в первую очередь, из числа молодых специалистов». Это зсобое попечение о молодых было всегда характерно для Берия.

...Между тем дела арестованных конструкторов двигались своим загадочным путем. 28 мая 1940 года Туполеву объявили приговор — 15 лет лагерей. 2 июня

10 лет получил Петляков. Примерно в течение двух недель все их работники узнали свои приговоры — от 5 до 15 лет.

Через полтора месяца — 25 июля — Петляков был амнистирован по ходатайству НКВД, подписанному Берия, и в январе 1941 года уже удостоен Сталинской премии. Вместе с ним были освобождены еще 18 человек, в том числе и конструктор Мясищев.

Летом 1940 года вышел на свободу и Туполев, а с ним еще 32 человека. Большая часть остальных была освобождена в 1943 году, и остальные получали свободу с 1944 по 1948 годы. По-видимому, через амнистию провести все это было проще...

«Туполев, Королев, Мясищев, Минц, многие другие люди, ставшие жертвами репрессий, рассказывали мне о роли моего отца в освобождении советских ученых... и до моего ареста, и позднее, когда отца уже не было в живых, — говорит Серго Берия. — Какая нужда была этим людям что-то приукрашивать? Они считали, что их спас мой отец. Двuruшничать передо мной в той обстановке им не было никакого смысла. Напротив, их заставляли давать показания на отца...

Возьмите любое «дело» тех лет. В каждом непременно найдете визу наркома, другого ответственного работника. Скажем, если ученый был из наркомата авиационной промышленности, резолюцию накладывал нарком этой отрасли. Знаю, что единственным человеком, не завизировавшим своей подписью ни один подобный документ, был Серго Орджоникидзе...

Никто не может опровергнуть такой факт: во время войны в тех отраслях, которыми руководил Берия, не было ни одного ареста, ни одного снятия с должности... И совсем не потому, что не пытались это делать. Пытались.

Но отец санкции не давал, требуя у органов реального обоснования обвинения. Другие поступали иначе. Когда с такими предложениями приходили к Ворошилову, тот подписывал тут же или сам садился писать... И не он, к сожалению, один.

— Дайте мне факты, что этот ученый действительно сотрудничает с разведкой, а не рассказывайте, что он английский шпион, — говорил отец...

Почитайте материалы Пленума ЦК, где его обвиняли в том, что он прикрывал политически не преданных людей. Такие обвинения звучали и раньше, но отец был последователен:

— То, что этот ученый считает, что мы сволочи, это его личное дело, но ведь работает он честно?

Эти принципы он исповедовал на протяжении всей жизни...»

Легенда о молчащей разведке.

Берия в докладной Сталину от 21 июня 1941 года писал: «Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня „дезой“ о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это нападение начнется завтра. То же радировал и генерал-майор В. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на берлинскую агентуру». А вот резолюция Берия на документе, датированная 21 июня 1941 года: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют

панику. Секретных сотрудников „Ястреба“, „Кармен“, „Верного“ за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией. Остальных строго предупредить»,

П. Ивашутин. «Докладывала точно» 36

Эта история относится к разряду тех, которые «все знают», К сожалению, по этой причине мало кто задумывается о ее достоверности.

Тут можно привести родственную историю. Вот уже сорок лет «все знают» о том, что Рихард Зорге буквально до последних дней слал в Центр радиogramму за радиogramмой, предупреждая о близящемся нападении Германии. «Война начнется 22 июня!» — кто не читал об этом отчаянном вопле в эфир советского разведчика. И лишь в последние годы, когда были опубликованы его подлинные радиogramмы, стало ясно, что всех этих предупреждений... просто не было! Их в середине 60-х годов, пользуясь конъюнктурой, выдумали журналисты.

Так и тут: еще вопрос — существуют ли эти надписи на донесениях, да и сами донесения? Дело в том, что публикации последних лет неопровержимо доказывают: нападение Германии на СССР не только не было неожиданным, но войска пограничных округов за несколько дней до 22 июня получили приказы о соответствующей подготовке к нападению. Так что этих надписей просто быть не могло — это либо легенда, либо фальшивка. Деканозов же был одним из людей Берия, которому нарком доверял и который по этой причине был расстрелян в 1953 году, как один из членов его команды.

За два года, проведенных у власти в НКВД, Ежов сумел почти полностью разгромить внешнюю разведку. Ее работники, так же как латыши и поляки, были особенно уязвимы для чекистов-инквизиторов. За это время из 450 сотрудников ИНО было репрессировано 275 человек — около 60 %, в том числе и те, кто работал за границей. Если кто из заграничных работников уцелел, то лишь из-за самоотверженности сидевших в Центре — те, уже видя над головой занесенный меч, берегли и прятали зафанработников, особенно нелегалов, «золотой запас» любой разведки.

В этом смысле показательна история все с тем же Рихардом Зорге — хотя этот разведчик и «проходил» по другому ведомству, но принцип везде был тот же. В 1940 году он, до того семь лет проработавший в Японии, попросил об «отпуске». Ему уже почти разрешили приехать в Москву, но тут начальник ИНО НКВД Фитин сообщил: «По нашим данным, немецкий журналист Зорге Рихард является немецким шпионом. Поэтому после пересечения государственной границы СССР сразу же будет советскими органами арестован». Спасибо Фитину — естественно, после такого предупреждения руководство Разведуправления тут же передумало отзывать Зорге из Японии³⁷.

Это оперативника, худо-бедно, можно научить за год-два. Нелегалы воспитываются годами, а разведывательные сети создаются десятилетиями. Часто бывает так, что все нити, ведущие к агентам, находятся в руках резидента — в этом случае с его потерей разведка теряет всю сеть. Результатом ежовских усилий было, например, то, что в 1938 году в течение 127 дней Политбюро не получило ни одного донесения из ИНО НКВД. Некому было эти донесения посылать, и некому было их принимать. Уже за одно это — разгром внешней разведки — Николай Иванович, по законам того времени, заслуживал высшей меры по

статье 581а или 58м (измена родине или контрреволюционный саботаж).

Получив наркомат, Берия поставил во главе внешней разведки одного из своих старейших соратников. В. Г. Деканозов в 1918 году работал в большевистском подполье в Баку, затем, с 1921 года, в АзЧК, и неотрывно следовал за Берия из АзЧК в Грузинское, а потом в Закавказское ГПУ, оттуда — в ЦК КП Грузии. В мае 1939 года он был переведен в другой наркомат — назначен зам. наркома по иностранным делам, а в конце 1940 года направлен на самый «горячий» участок дипломатической работы — послом в Германию. Так что судите сами — мог ли Берия на его донесении написать такую резолюцию?

После перевода Деканозова на дипломатическую работу Берия идет на рискованный шаг. Подобно тому, как сам он, не имея практически никакого опыта чекистской работы, был назначен начальником секретно-оперативного отдела Ч К, он ставит во главе внешней разведки 33-летнего Павла Фитина, который пришел в органы всего-навсего в марте 1938 года по партийному набору. Правда, он имел высшее образование. Хотя это и был всего лишь институт механизации и электрификации сельского хозяйства, но все же не семь классов и два коридора. В разведке без образования делать нечего, это работа для интеллектуалов.

Берия в выборе не ошибся — Фитин действительно с порученным ему делом справился. Вскоре в центральном аппарате работало 692 человека, за границей — 242 разведчика. Это не так мало, как может показаться по сравнению с числом начальства, ведь кадровый разведчик — это лишь верхушка сети, на каждого из них замыкается сложная система агентов..

В июле 1938 года, практически сразу же после назначения Берия, Павел Судоплатов, вернувшись из

Парижа, где он блестяще провел ликвидацию одного из главарей украинских националистов Коновальца, был вызван к новому наркому и полностью отчитался о своей командировке.

«Из вопросов Берия, — пишет он, — мне стало ясно, что это высококомпетентный в вопросах разведывательной работы и диверсий человек. Позднее я понял: Берия задавал свои вопросы для того, чтобы лучше понять, каким образом я смог вписаться в западную жизнь.

Особенное впечатление на Берия произвела весьма простая на первый взгляд процедура приобретения железнодорожных сезонных билетов, позволивших мне беспрепятственно путешествовать по всей Западной Европе. Помню, как он интересовался техникой продажи железнодорожных билетов для пассажиров на внутренних линиях и на зарубежных маршрутах. В Голландии, Бельгии и Франции пассажиры, ехавшие в другие страны, подходили к кассиру по одному — и только после звонка дежурного. Мы предположили, что это делалось с определенной целью, а именно: позволить кассиру лучше запомнить тех, кто приобретал билеты. Далее Берия поинтересовался, обратил ли я внимание на количество выходов, включая и запасной, на явочной квартире, которая находилась в пригороде Парижа. Его немало удивило, что я этого не сделал, поскольку слишком устал. Из этого я заключил, что Берия обладал опытом работы в подполье, приобретенным в Закавказском Ч К.

Одет он был, помнится, в весьма скромный костюм. Мне показалось странным, что рукава рубашки, кстати, довольно хорошего качества, закатаны... Будучи близоруким, Берия носил пенсне, что делало его похожим на скромного совслужащего. Вероятно, подумал я, он специально выбрал для себя этот образ: в Москве его никто не знает, и люди, естественно, при

встрече не фиксируют свое внимание на столь ординарной внешности, что даст ему возможность, посещая явочные квартиры для бесед с агентами, оставаться неузнанным. Нужно помнить, что в те годы некоторые из явочных квартир в Москве, содержащихся НКВД, находились в коммуналках. Позднее я узнал: первое, что сделал Берия, став заместителем Ежова, это переключил на себя связи с наиболее ценной агентурой, ранее находившейся в контакте с руководителями ведущих отделов и управлений НКВД, которые подверглись репрессиям...»

А вот и еще конкретный случай. В сентябре 1940 года в Германию для восстановления связи с одним из лучших агентов НКВД Вилли Леманом отправляется разведчик Коротков. И Берия, не полагаясь на Фитина, самолично инструктирует Короткова подробнейшим образом. «Никаких специальных заданий „Бройтенбаху“ давать не следует, а нужно брать пока все, что находится в непосредственных его возможностях и, кроме того, то, что будет знать о работе разных разведок против СССР, в виде документов, не подлежащих возврату, и личных докладов источника»³⁸. Чтобы в полной мере оценить, насколько грамотны эти указания и как Берия бережет Лемана, надо знать, сколько агентов были погублены именно тем, что Центр давал им задания, не соответствующие их возможностям.

К началу войны разведка работала на полную мощность. В Союз шел поток самых разных сведений, часто противоречащих друг другу. Но нелепо было бы думать, что у Берия не хватило бы интеллекта разобраться в этом информационном хаосе и создать из него стройную картину. Кстати, еще раз: публикации последних лет неопровержимо доказывают: то, что

война застала советское руководство врасплох — брехня. Именно так: коротко и грубо.

8 апреля 1941 года НКВД был разделен на два наркомата: собственно НКВД и НКГБ. Впрочем, новый наркомат возглавил все тот же верный ставленник, «второе я» Берия — Меркулов. Это тоже опытнейший чекист, кстати, успевший до революции закончить университет и, как и Деканозов, прошедший со своим начальником весь путь от АзЧК до Москвы. Так что разделение, наверняка, во многом было чисто номинальным. Естественно, Меркулов во всех затруднительных случаях советовался с Берия, а тот имел всю нужную ему информацию и полное влияние на дела нового наркомата. Да и разделение, кстати, было непродолжительным: уже 20 июля наркоматы объединились вновь, и Меркулов опять стал заместителем Берия.

ГЛАВА 3. НА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ.

Война с Германией, не снимая ни одной из задач, стоявших перед НКВД, прибавила к ним множество новых — в действующей армии, в тылу, за линией фронта. И наркомат Берия оказался одной из немногих государственных структур, готовых к решению этих задач. Ни разу не пришлось читать или слышать о том, что война застала НКВД врасплох. Вот только, говоря об успехах как ведомства, так и других участков, которыми занимался его нарком, предпочитают не вспоминать, кто стоял во главе. Пограничники были сами по себе молодцы, партизанское движение организовывали секретари райкомов, танки и винтовки изготавливались исключительно благодаря мужеству работников заводов, и т. п. А человек, обязанный всем этим руководить, по-видимому, тратил все свое время на интриги, поиск девочек да размышления, кого бы еще расстрелять...

Войска НКВД держат удар

В истории войны много пишут о мужестве пограничников, которые приняли на себя первый удар врага, героически сражались и организовано, с минимальными потерями отходили и вырывались из окружения либо создавали партизанские отряды. Но почему-то в этих рассказах молчаливо обходится тот факт, что пограничные войска относились к ведомству НКВД.

«Пограничные войска вступили в бой первыми, ни одна пограничная часть не отошла, — пишет Серго Берия. — На западной границе эти части сдерживали противника от 8 до 16 часов, на юге — до двух недель. Здесь не только мужество и героизм, но и уровень военной подготовки. И сам собой отпадает вопрос, зачем пограничникам на заставах артиллерия. Гаубиц, как пишут, там не было, а противотанковые орудия заставы имели. На этом перед войной настоял отец, прекрасно понимая, что с винтовкой наперевес на танк не пойдешь. А гаубичные полки были приданы погранотрядам. И это тоже сыграло свою положительную роль в первых боях. Армейская артиллерия, к сожалению, не сработала...»

Кстати, оснащение погранзастав противотанковыми орудиями — еще одно, хоть и маленькое, но доказательство того, что война не была неожиданной, к ней готовили, а сам Берия ни в коей мере не мог писать на докладных те резолюции, которые приписывает ему начальник ГРУ Ивашутин.

...На фронте сражались и дивизии внутренних войск, а уже 19 июня началось формирование пятнадцати стрелковых дивизий НКВД. Это была своего рода гвардия первых месяцев войны. Да, но откуда чекисты брали столько бойцов?

До войны у наркомата имелись свои войска, а во время войны их как бы «рассредоточили». Так, в приказе Берия от 29 июня 1941 года сказано: «На формирование указанных выше дивизий выделить из кадров войск НКВД по 1000 человек рядового и младшего командного состава и по 500 человек начальствующего состава на каждую дивизию. На остальной состав дать заявки в Генеральный штаб Красной армии на призыв из запаса всех категорий военнослужащих».

Войска НКВД, из кадров которых создавали костяк новых дивизий, — это, в основном, как раз и есть пограничники. Их в новых дивизиях было более 15 тысяч. Через месяц после приказа новые части уже вступили в бой. «Героизм и прекрасная боевая выучка различных подразделений войск НКВД, — пишет А. Топтыгин, — начиная от пограничников и до конвойных частей, свидетельствует о том, что нарком Л. П. Берия действительно уделял самое серьезное внимание проблемам формирования и обучения войск, подбору и умелому использованию командного состава (и не с началом войны, а значительно раньше. — Е. П.). Народный комиссариат обороны во главе со Сталиным, особенно на первом этапе войны, видели во внутренних войсках резерв, который направлялся на наиболее угрожаемые направления, выполняя функции общевойсковых формирований»³⁹.

В обороне Москвы участвовало четыре дивизии, две бригады и отдельные части войск НКВД. 17 октября, в самое отчаянное время, когда враг стоял в нескольких километрах от столицы, а в самом городе создавались линии обороны по окружной железной дороге, Садовому и Бульварному кольцу, был сформирован истребительный мотострелковый полк НКВД, подобравший всех, кого только было можно — бойцов истребительных батальонов, добровольцев с московских заводов, из Промакадемии, аппарата Совнаркома и пр. Полк не только участвовал в обороне, но и забрасывал в тыл врага диверсионно-разведывательные группы. Так же отчаянно сражались войска НКВД и под Ленинградом, защищая город и охраняя коммуникации.

Интересный штрих промелькнул в воспоминаниях Серго Берия. «Уже после войны Георгий Константинович (Жуков. — Е. П.) рассказывал мне о поездках на фронт. Нередко, в места прорывов, они

выезжали вместе с моим отцом. А ситуации, как вспоминали оба, бывали критические. Например, прорвутся немцы на том или ином участке обороны, а перед ними никого и ничего. Случалось и так...»

Выходит, что нарком внутренних дел и на фронт ездил, хотя ни в коей мере не был обязан это делать. Кстати, осенью 1941 года на фронте бывал и Сталин, но, поскольку это не обставлялось никакими особыми церемониями, выставленным по дорогам оцеплением и эскортом из сотни танков, то об этом никто и не знал.

Приехал — уехал. А уж о личной храбрости Сталина до-статочро известно из многих воспоминаний.

Впрочем, и в личной храбрости Берия сомневаться не приходится. В 20-е годы среди кавказских чекистов трусов не было — не то время и не то место. Учитывая количество добровольцев, среди населения страны тоже было достаточно мужественных людей. И, если полстраны было на фронте, то почему бы не поехать туда и наркому?

Чем еще занимался наркомат в годы войны? Во время обороны Москвы в составе НКВД был создан Штаб охраны Московской зоны обороны. В его задачи входили: само собой, борьба с вражеской агентурой, шпионами и диверсантами, а кроме того, порядок на дорогах, контроль за службой регулировки движения, обеспечение фронтов ВЧ-связью. Даже это — ведь со связью в Красной армии сказать что было плохо — значит ничего не сказать. Ну, и кому еще это дело поручить?

Хорошо работали органы НКВД и в самой столице — впрочем, как и в других городах. Крупные диверсии в годы войны были редкостью, тем более в Москве, да и в Ленинграде тоже...

Когда наша армия перешла в наступление, внутренние войска начали заниматься своим делом.

Так, в освобожденных городах из них должны были формироваться гарнизоны на смену армейским. Занимались они, кроме обычных для гарнизонов дел, еще и «зачистками». На освобожденной территории кого только не было — отставшие от своих группы немцев, диверсанты, бандиты, оставленные немцами агенты, полицаи, дезертиры... Причем новобранцев Берия в эти войска не направлял, не то что при развитом социализме или демократии, когда мальчишек посылали в Афганистан и в Чечню. Туда направлялись бойцы войск НКВД, имевшие срок службы не менее года, поскольку там было, пожалуй, иной раз потруднее, чем на фронте... По этому поводу есть хорошая книга — В. Богомолов, «Момент истины».

История войск НКВД изучена мало и, в общем-то, входит в задачу данной книги ровно в той мере, которая необходима, чтобы показать: эту работу Берия, как и все, что ему поручали, делал хорошо. И неудивительно: он сам прошел путь от разведчика до наркома, занимался подобной работой еще в 20-е годы на Кавказе и знал ее «от» и «до». Да и к делу подходил добросовестно, хотя не любил всякой романтики, вроде того, насколько виновен человек, сидящий в тюрьме, если он нужен для дела...

Сказки о заградотрядах.

Эта рота наступала по болоту,
А потом ей приказали и она пошла назад.
Эту роту расстрелял из пулемета
Свой же заградительный отряд.

Из песни.

Кто не слышал о чекистских «заградительных отрядах», которые стояли в тылу наших войск и расстреливали отступающих? Это одна из козырных карт в обвинениях «зверств режима». Хотя такие отряды существовали со времен древнего мира. Да и тот пулемет на грузовике, с помощью которого останавливали бегущих красногвардейцев в дни обороны Баку — чем не заград-отряд? Нечто подобное было и во время Великой Отечественной войны. Вот только чекисты здесь совершенно ни при чем.

В феврале 1941 года НКВД, как известно, претерпел очередное преобразование. Он был разделен на НКВД и НКГБ, а военная контрразведка передана наркоматам обороны и ВМФ, и стала в их составе Третьими управлениями НКО и НКВМФ. Контрразведка и породила заградотряды, которые были организованы в соответствии с директивой № 35523 от 27 июня 1941 года. Согласно этой директиве, перед ними ставились задачи:

- «а) задержания дезертиров;
- б) задержания всего подозрительного элемента, проникшего на линию фронта;
- в) предварительного расследования, производимого оперативными работниками органов Третьего управления НКО (1—2 дня) с последующей передачей материала вместе с задержанными по подсудности»⁴⁰.

А за день до того, 26 июня 1941 года, все оставшиеся не при деле войска НКВД, оказавшиеся в зоне боевых действий, — конвойные, железнодорожная охрана, охрана промышленных предприятий — передавались в подчинение начальникам охраны войскового тыла. Из них формировались войска НКВД по охране тыла. Чем они занимались? «Начальники охраны войскового тыла, — говорится в этом приказе, — выполняют обязанности по наведению порядка в

войсковом тылу, очищению тыловых дорог от беженцев, обеспечению подвоза и эвакуации, обеспечению бесперебойной работы связи». Кстати, тот факт, что этот приказ появился уже 26 июня, говорит о том, что война не застала НКВД врасплох — в наркомате к ней готовились заблаговременно, и после 22 июня просто повернули переключатель: «мирный режим» — «военный режим».

В июле 1941 года происходит объединение НКВД и НКГБ, а 17 июля 1941 года постановлением Государственного Комитета Обороны контрразведка снова переходит в подчинение НКВД, став особыми отделами. Вместе с ней в подчинение НКВД перешли и заградотряды. Приказом от 19 июля 1941 года при особых отделах дивизий и корпусов были сформированы отдельные стрелковые взводы, при особых отделах армий — отдельные стрелковые роты, при особых отделах фронтов — отдельные стрелковые батальоны. Они были укомплектованы личным составом войск НКВД.

Про особистов существует отдельная сказка. Конечно, особисты бывали разные — впрочем, как и их жертвы. Но в целом, по инструкции, задачи у них были следующие:

«Особые отделы дивизии, корпуса, армии в борьбе с дезертирами, трусами и паникерами осуществляют следующие мероприятия:

а) организуют службу заграждения путём выставления засад, постов и дозоров на войсковых дорогах, дорогах движения беженцев и других путях движения, с тем чтобы исключить возможность какого бы то ни было просачивания военнослужащих, самовольно оставивших боевые позиции;

б) тщательно проверяют каждого задержанного командира и красноармейца с целью выявления дезертиров, трусов и паникеров, бежавших с поля боя;

в) всех установленных дезертиров немедленно арестовывают и ведут следствие для предания их суду военного трибунала. Следствие заканчивать в течение 12-часового срока;

г) всех отставших от части военнослужащих организовывают повзводно (поротно) и под командой проверенных командиров в сопровождении представителя особого отдела направляют в штаб соответствующей дивизии;

д) в особо исключительных случаях, когда обстановка требует принятия решительных мер для немедленного восстановления порядка на фронте, начальнику особого отдела представляется право расстрела дезертиров на месте. О каждом таком случае начальник особого отдела доносит в особый отдел армии и фронта;

е) приводят в исполнение приговор военного трибунала на месте, а в необходимых случаях перед строем;

ж) ведут количественный учет всех задержанных и направленных в части и персональный учет всех арестованных и осужденных;

з) ежедневно доносят в особый отдел армии и особый отдел фронта о количестве задержанных, арестованных, осужденных, а также о количестве переданных в части командиров, красноармейцев и материальной части»⁴¹.

Масштаб производимых особистами «репрессий» можно определить из докладной записки, поданной 10 октября 1941 года заместителем начальника Особых отделов Мильштейном. О результатах работы его ведомства на десяти фронтах он докладывал: «Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано

249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла — 407 395 военнослужащих».

Что же их — всех расстреляли? Да ничуть не бывало! «Из числа задержанных Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт».

Кто же эти арестованные Особыми отделами 25 878 человек? «Шпионов — 1505; диверсантов — 308; изменников — 2621; трусов и паникеров — 2643; распространителей провокационных слухов — 3987; самострелыци-ков — 1671; других — 4371»⁴². Но даже из этих людей расстреляли меньше половины: 10 201 человек. И это на десяти фронтах с 22 июня по 10 октября 1941 года. Где же тут «лютующие чекисты»?

Что же касается тех заградотрядов, которые из песни — то это совсем другая история.

Эти заградительные отряды, которые с пулеметами, были созданы в сентябре 1941 года по предложению командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта А. И. Ерёменко. 5 сентября Ставка Верховного Главнокомандующего издала соответствующую директиву, адресованную Еременко:

«Ставка ознакомилась с Вашей докладной запиской и разрешает Вам создать заградительные отряды в тех дивизиях, которые зарекомендовали себя как неустойчивые. Цель заградительных отрядов — не допускать самовольного отхода частей, а в случае бегства остановить, применяя при необходимости оружие»⁴³.

А неделю спустя, 12 сентября, другой директивой Ставки приказано было создавать заградотряды уже на всех фронтах. Там говорилось:

«Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало

панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: „Нас окружили!“ и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах. Если бы командиры и комиссары таких дивизий были на высоте своей задачи, паникерские и враждебные элементы не могли бы взять верх в дивизии. Но беда в том, что твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много.

В целях предупреждения указанных выше нежелательных явлений на фронте Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд из надежных бойцов, численностью не более батальона (в расчете по 1 роте на стрелковый полк), подчинённый командиру дивизии и имеющий в своем распоряжении кроме обычного вооружения средства передвижения в виде фузовиков и несколько танков или бронемашин.

2. Задачами заградительного отряда считать прямую помощь комсоставу в поддержании и установлении твердой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия, ликвидацию инициаторов паники и бегства, поддержку честных и боевых элементов дивизии, не подверженных панике, но увлекаемых общим бегством»⁴⁴.

То есть как видим, это совсем другие заградотряды армейские, укомплектованные обычными солдатами, а не бойцами войск НКВД, и права у них гораздо более широкие, чем у отрядов НКВД, которым позволялось

расстреливать дезертиров лишь в исключительных случаях, и о каждом таком случае надо было особо доносить по начальству. Они существовали все время отступления советских войск, были расформированы, когда наша армия перешла в наступление, и вновь появились на свет летом 1942 года, когда немцы прорвались к Волге, после знаменитого приказа Сталина № 227. С той разницей, что теперь во главе этих отрядов ставили особистов.

Впрочем, слухи о зверствах и этих отрядов очень сильно преувеличены. Так, 14 августа 1942 года Особый отдел НКВД Сталинградского фронта сообщал в Управление особых отделов НКВД СССР:

«На основании приказа № 227 сформировано три армейских заградотряда, каждый по 200 человек. Указанные отряды полностью вооружены винтовками, автоматами и ручными пулеметами.

Начальниками отрядов назначены оперативные работники особых отделов.

Указанными заградотрядами и заградбатальонами на 7.8.42 г. по частям и соединениям на участках армии задержано 363 человека, из которых: 93 чел. вышли из окружения, 146 — отстали от своих частей, 52 — потеряли свои части, 12 — пришли из плена, 54 — бежали с поля боя, 2 — с сомнительными ранениями.

В результате тщательной проверки: 187 человек направлены в свои подразделения, 43 — в отдел укомплектования, 73 — в спецдагерь НКВД, 27 — в штрафные роты, 2 — на медицинскую комиссию, 6 чел. — арестовано и... 24 чел. расстреляно перед строем»⁴⁵.

Всего с 1 августа по 15 октября 1942 года заградотрядами было задержано 140755 военнослужащих. Из них арестовано 3980 человек, расстреляно 1189 человек, направлено в штрафные роты 2776 человек, штрафные батальоны 185 человек,

возвращено в свои части и на пересыльные пункты 131 094 человека⁴⁶.

Так что, как видим, все тот же уровень преувеличений, что и с репрессиями, и с лагерями...

Диверсанты.

В первый же день войны — приказы подоспели несколько позже, но работа началась уже 22 июня — в НКВД была сформирована так называемая Особая группа с задачей: организовать разведывательно-диверсионную работу в тылу немецкой армии. Возглавил группу Павел Судоплатов, среди его помощников были такие легендарные «ликвидаторы», как Эйтингон и Серебрянский. Зарубежной разведкой по-прежнему руководил Фитин, а эта группа была совершенно новым подразделением.

НКВД испытывал острейшую нехватку кадров. Тогда Судоплатов и Эйтингон предложили освободить из тюрем и лагерей арестованных сотрудников госбезопасности. Берия подошел к делу просто. Как вспоминает Судоплатов, «циничность Берия, простота в решении людских судеб ясно проявилась в его реакции на наше предложение».

Не иначе как он приказал их расстрелять, а Судоплатова с Эйтингоном пригрозил стереть в лагерную пыль, если они еще хоть раз заявят, что не могут справиться без «врагов народа»? Нет, тут была циничность особого рода.

«Берия совершенно не интересовало, виновны или невиновны те, кого мы рекомендовали для работы. Он задал один-единственный вопрос:

— Вы уверены, что они нам нужны?

— Совершенно уверен, — ответил я.

— Тогда свяжитесь с Кобуловым, пусть освободит. И немедленно их используйте».

А я-то всегда думала, что цинизм — это расстрелять без вины, а освободить, не разбирая вины, — это что-то другое...

Задачи Особой группы были столь же разнообразные, сколь и сложные. Сюда входила разведработа в тылу врага, заброска разведывательно-диверсионных групп, проведение радиоигр, организация партизанской войны. По поводу первых трех пунктов все вроде бы ясно, а последний нуждается в особых комментариях.

В знаменитом в свое время фильме «Секретарь райкома» и множестве ему подобных в качестве организатора партизанских отрядов выступают партийные работники, либо же отряды появляются сами собой и сразу начинают наводить ужас на немцев. На самом деле это, конечно, было не так, поскольку, при всем желании сражаться, партизаны не имели навыков конспиративной и диверсионной работы, не имели оружия и снаряжения. Без помощи Центра и связи с ним они могли, в лучшем случае, громить вражеские обозы и склады, что, конечно же, нервировало немцев, но особого урона им не наносило. Тем более что против партизан и подпольщиков выступали опытные профессионалы.

Однако почти сразу с началом оккупации организацией партизанского движения занялась разведка, как армейская, так и чекистская, и постепенно из находившихся в немецком тылу партизанских отрядов стала формироваться целая диверсионная армия — ничего подобного история войн еще не знала. А не знала ничего подобного история войн именно потому, что эта работа не была пущена на самотек. На всех уровнях — от штабов партизанского движения до лесных землянок — было много чекистов.

Серьезные операции — ликвидации высокопоставленных немцев, крупные террористические акты, а особенно диверсии на коммуникациях — в абсолютном большинстве организовывали и проводили профессионалы из НКВД или Разведуправления Красной армии.

С первых же дней войны была создана Отдельная мотострелковая бригада особого назначения — легендарный ОМСБОН. Коминтерн призвал эмигрантов, находившихся на территории СССР, вступить в ее ряды.

«Бригада формировалась в первые дни войны на стадионе „Динамо“, — пишет Павел Судоплатов. — Под своим началом мы имели более двадцати пяти тысяч солдат и командиров, из них две тысячи иностранцев — немцев, австрийцев, испанцев, американцев, китайцев, поляков, чехов, болгар, румын. В нашем распоряжении находились лучшие советские спортсмены, в том числе чемпионы по боксу и легкой атлетике — они стали основой диверсионных формирований, забрасывавшихся в тыл врага... Во взаимодействии с районными местными организациями мы начали засылать партизанские формирования в тыл к немцам, включая в их состав опытных офицеров — разведчиков и радистов... В тыл врага было направлено более двух тысяч оперативных групп общей численностью пятнадцать тысяч человек... Подразделения 4-го управления и особой мотострелковой бригады особого назначения уничтожили 157 тысяч немецких солдат и офицеров, 87 высокопоставленных немецких чиновников, разоблачили и обезвредили 2045 агентурных групп противника».

«Оперативными группами», или, иначе, разведывательно-диверсионными отрядами, командовали далеко не «секретари райкомов», а такие люди, как, например, знаменитый диверсант Станислав Ваупшасов. Свой боевой путь он начал еще в

Гражданскую, был партизаном в Западной Белоруссии в 1921—1924 годах, затем пограничником, воевал в Испании и в Финляндии. В ОМС-БОНе он официально был заместителем комбата, а реально — командиром разведывательно-диверсионного отряда.

«Ядро бригады составили чекисты и пограничники, — вспоминает Ваупшасов. — ЦК партии направил к нам 1,5 тыс. коммунистов, почти столько же комсомольцев прислал ЦК ВЛКСМ. Среди пришедших в бригаду студентов и преподавателей Института физкультуры находились многие известные спортсмены... Наряду с молодыми парнями и ветеранами предыдущих войн в бригаде служили 500 девушек-радивистов...»

Потом Ваупшасов возглавил разведывательно-диверсионный отряд, состоявший из опытных диверсантов, а также командиров, которые в случае надобности могли бы организовать и возглавить партизанский отряд. Эта спецгруппа стала партизанским отрядом «Мстители», действовавшим на территории Минской области. О деятельности другого подобного отряда написал свою знаменитую книгу «Сильные духом» ее командир Дмитрий Медведев.

Отдельной строкой стоят операции на коммуникациях. Мне приходилось встречать даже такие мнения — что вся история с партизанским движением была затеяна ради «рельсовой войны», остальные действия партизанских отрядов и групп не очень-то интересовали Центр.

Одно из «оборонных сооружений» России — это ее огромные расстояния. Но если Наполеон, например, мог дойти до Москвы, снабжаясь всем необходимым по окрестным деревням и имениям, то немецкой армии в этом смысле было труднее. Слишком многое приходилось везти из Германии. Оружие, боеприпасы, танки (танк не может идти на фронт своим ходом — не

позволит ресурс двигателя, да и расход топлива огромный, а топливо в Германии было в дефиците), бензин, запчасти и многое, многое другое. Немецкий тыл в Германии с немецким фронтом в России связывало всего несколько тоненьких ниточек русских железных дорог длиной в тысячи километров. И на каждом километре из этой тысячи могла стоять партизанская мина. Взрывались станции, мосты, эшелоны, разбирались пути.

А всего в немецком тылу во время войны действовало 2222 опергруппы органов НКВД — НКГБ, из них около 600 вошло в состав партизанских отрядов, уничтожившие 229 тысяч фашистов, взорвавшие 2852 эшелона и 1326 шоссейных и железнодорожных мостов.

Однако, если прочитать об этих операциях в истории Великой Отечественной войны, о Берия там ни слова!

ГУЛАГ.

Так же просто, как к судьбам арестованных чекистов, Берия подошел и к решению судьбы заключенных в тюрьмах и лагерях на тех территориях, которым угрожала оккупация. Нет, он отнюдь не велел всех их расстрелять, как можно бы подумать, исходя из писаний «перестроечных авторов».

22 июня 1941 года 27 областей, краев и прочих территориальных единиц были объявлены на военном положении. Во всех были тюрьмы и во многих — лагеря. Всего в этой зоне находилось 27 лагерей и 210 колоний, не считая тюрем, общая численность заключенных составляла 750 тысяч человек. Что делать с ними? Врагу оставлять, чтобы тому легче было вербовать шпионов и полицаяев?

В первую очередь было принято решение «разгрузить» тюрьмы, колонии и лагеря, освободив всех, осужденных за маловажные преступления: нарушение дисциплины, кражи на производстве, хулиганство, а также беременных женщин и женщин с детьми, стариков, инвалидов, имевших небольшой остаток срока. Соответствующий Указ был принят Президиумом Верховного Совета уже 12 июля, спустя десять дней после начала войны. Оставшихся серьезных преступников с большими сроками, рецидивистов, осужденных за «контрреволюционные преступления», то есть политических, приказано эвакуировать.

И лишь третьей мерой, а не первой, как утверждают, стал расстрел. Сколько людей было расстреляно? 27 июня Берия и Меркулов попросили санкции Сталина на расстрел 775 государственных преступников, содержащихся в Москве, а также во Владимирской и Орловских тюрьмах. Еще 1282 человека набралось в остальных «угрожаемых» районах. И это все.

Однако враг наступал быстро, далеко не везде успевали провести эвакуацию, и в тюрьмах расстреляли больше — по данным НКВД, 9817 человек. Кроме того, по ходу эвакуации было расстреляно: при подавлении бунта заключенных — 674 человека и конвоем в пути — 769 человек.

Несмотря на военное время, которое «все спишет», с теми, кто позволял себе бессудные расправы, разговор был короткий. С 22 июня по 31 декабря за превышение власти, в том числе и за незаконные расстрелы, к уголовной ответственности было привлечено 227 работников НКВД. Большинство из них отправились на фронт, но 19 человек получили высшую меру.

Естественно, начало войны сказалось и на положении заключенных. Сразу ужесточился режим лагерей, была запрещена переписка с волей. Однако везде говорят о другом — о массовых расстрелах и голодных смертях тысяч людей.

Есть в статистике лагерей одна странная цифра, которой там не должно, по идее, быть — это смертность заключенных в годы войны. В 1940 году она была 3,3 %, в 1941 году — 6,93 %. А в 1942 и 1943 годах вдруг взлетела до 20 %⁴⁷. Эти цифры связывают с резким уменьшением норм питания — но ведь не до блокадных же пайков уменьшили эти нормы! Тем более, что 20 % — это средняя цифра. О смертности от голода в сельхозла-герях едва ли приходится говорить, и, кстати, в нормальных по климату районах лагеря обычно имели свое подсобное хозяйство. Много пишут о голоде на Колыме, но пишут и другое — что как раз Колыма во время войны снабжалась лучше, чем страна в целом, поскольку туда прямым ходом шли американские поставки. Кстати, и в воспоминаниях заключенных приходилось читать о белом хлебе и тушенке, которые выдавались во время войны. Могли страдать от голода северные лагеря, но чтобы в среднем по ГУЛАГу смертность доходила до блокадной...

И тут вступает еще одно соображение. Ведь начальники лагерей лично отвечали за жизнь заключенных. Дело тут не в особом гуманизме бериевского НКВД, равно как и не в особом садизме, а в жесткой целесообразности. Зеки в лагерях ведь не на нарах припухали — они работали, причем в важнейших отраслях народного хозяйства — угледобыче, золотодобыче, лесоповале, строительстве железных дорог и т. д. Чтобы . работать, они должны быть живы и хотя бы относительно сыты. 20 % — это уровень блокадного Ленинграда. Если 20 % заключенных

умирали от голода, то ведь и остальные едва ли могли бы нормально работать! Житель блокадного Ленинграда мог стоять у станка, да, но лес валить он бы не смог, хоть ты ему пистолет ко лбу приставь! И любой начальник лагеря, допустивший такое снижение выработки, через небольшой срок уже сам бы шагал в строю в лагерном бушлате! Нет, что-то с этими цифрами не так.

А вот другие данные. 24 января 1942 года Берия подписал сердитый циркуляр, в котором говорилось: «Имеющимися в НКВД СССР материалами устанавливается, что в ряде лагерей и колоний за последнее время резко ухудшилось состояние быта и содержания заключенных.

В результате среди заключенных распространены вшивость, простудные заболевания. Происходит резкое увеличение числа больных, слабосильных, истощенных, в бараках грязно, отсутствует регулярное мытье заключенных, санитарное обслуживание поставлено плохо. Начальники лагерей и колоний пытаются объяснить ухудшение содержания лагерей и колоний трудностями с продовольствием и вещевым снабжением... Неудовлетворительное содержание быта заключенных объясняется, прежде всего, плохой работой аппаратов лагерей, нет должной дисциплины и ответственности. Приказы НКВД СССР преступно нарушаются. В ряде лагерей и колоний имеют место пьянство части лагерных работников, связь с заключенными, воровство продуктов питания и продовольствия»⁴⁸. Мол, вы, ребята, там думаете, что будете воровать и ничего не делать, а война все спишет. Не надейтесь!

И что же — начальники лагерей ответили на этот циркуляр двадцатипроцентной смертностью? Позвольте не поверить! Кстати, Алексей Топтыгин приводит другой показатель смертности среди заключенных в

1942 году — 5,4 %. Да и нормы питания уменьшились не в два или в три раза, а всего на 30 процентов.

Да, но откуда же взялись эти двадцать процентов умерших? И почему из-за них никого не расстреляли?

Впрочем, есть одно предположение, которое эту несообразность объясняет. Может быть, это просто другая статистика? Ведь в какие годы произошло увеличение смертности? Началось оно в 1941 и продолжилось в 1942 и 1943 годах, а потом вернулось к прежним цифрам.

Помните, есть такая песня у Высоцкого? «Все срока уже закончены, а у лагерных ворот, что крест-накрест заколочены, надпись: „Все ушли на фронт“». Это, конечно, преувеличение, всех на фронт не отправляли. Но известно, что из бывших заключенных комплектовали целые воинские части.

Трудно сказать, как обстояло дело со штрафбатами, отправлялись ли туда бывшие заключенные, и если да, то какие именно — может быть, одни лишь «политические», или рецидивисты воевали там, наравне с дезертирами и солдатами-правонарушителями.

Есть среди военных мемуаров одна милая, почти детская книжечка. Называется она: «Чижик ~ птичка с характером». Ее автор, Валентина Чудакова, во время войны была командиром пулеметного взвода в Сибирской дивизии. Так вот, как она пишет мимоходом, в ее подчинении был «спецконтингент», то есть бывшие заключенные. Это был никакой не штрафбат, обычная воинская часть, обычным образом участвовавшая в боевых действиях, без какого бы то ни было особого режима. Воевали в ней бывшие бытовики и уголовники, посаженные за воровство, хулиганство, были даже убийцы. Один из ее пулеметчиков убил вора на своих таежных ловушках, другой — жену по пьяному делу... Так вот, к чему я веду: убитые бойцы этих частей — штрафбатов, воинских частей со «спецконтингентом» —

статистика их потерь по какому ведомству шла? Ведь их никто не освобождал, и, будучи «командированными» на фронт (кстати, любопытно, что в лагерях «выносные» производства назывались «командировками»), они вполне могли числиться за своим ведомством, ГУЛАГом. В этом случае, действительно, может быть такая статистика смертности, за которую никто никому голову не снимет. Конечно это нелогично — учитывать погибших на войне не по военному, а по лагерному ведомству — но где логика и где бюрократия!

Прикинем: всего за время войны ГУЛАГ передал действующей армии 975 тысяч человек, а умершими за два года — 1942 и 1943 — числятся соответственно 249 и 167 тысяч человек. Если мы откинем 5 % умерших естественной смертью — то есть, одну четверть от числа умерших, то получим около 300 тысяч человек. В общем-то, это похоже на боевые потери, учитывая, что воевали бывшие зеки, в основном, все-таки в штрафбатах...

Серго.

Раньше других я должен
Сына вперед послать

К Симонов «Сын артиллериста».

Члены советского правительства, да и самого Политбюро, не прятали своих детей от фронта. Начиная с самого Сталина, у которого все три сына — двое родных и приемный — воевали в действующей армии. Яков и Артем Сергеев были артиллеристами, Василий —

летчиком. Летчиками были и сыновья Микояна, Тимур Фрунзе, Леонид Хрущев и многие другие.

Однако даже на этом фоне сын Берия выделяется из общего ряда.

. Когда началась война, Серго было неполных семнадцать лет, однако он, как и многие другие подростки, сразу же отправился в райком комсомола, добровольцем. По идее, такого бойца должны были тут же отправить домой, как и прочих допризывников. Однако он успел заполнить анкету, где указал, что владеет немецким языком и является радиолюбителем. Это меняло дело, потому что параллельно с мобилизацией шел набор в разведшколы, и там уже были совсем другие критерии.

Им заинтересовались и, естественно, обратили внимание на фамилию. Берия, как сами понимаете — это не Иванов, фамилия приметная, да и отчество совпадает. Серго ответил, что не имеет никакого отношения к наркому, ему не поверили, он настаивал и добился того, что его все же зачислили в разведшколу.

Едва ли можно поверить, что, обнаружив такого кандидата в диверсанты, те, кто набирал бойцов в разведшколы — а занимались этим в первые дни войны люди из ведомства НКВД, — не связались с наркомом. Наверняка связались, и наверняка получили соответствующий ответ, а уж потом зачислили.

Как отнеслись к поступку сына родители? Отец взялся за ремень, а мать стала у двери: «Не пуцу!»? Серго вспоминает:

«С. Б. Дома, за обедом, отец одобрил мое решение.

Корр. Доложили?

С. Б. Разумеется. И мама не возражала: «Война — такое дело, что стыдно прятаться за юбку»».

Так что сын Берия оказался в ведомстве своего отца и под его «покровительством». Покровительство это было такого рода, что парень попал на самый опасный участок работы. Лаврентий Берия знал, как никто, что отправляет единственного сына почти на верную смерть — и хорошо, если всего лишь на смерть...

После нескольких месяцев подготовки, окончив разведшколу под Москвой, Серго получил звание лейтенанта и стал радистом. Как он рассказывает в своей книге, в ноябре его включили в состав разведгруппы, и в конце месяца направили в район Пенемюнде, в Германию, где находился ракетный центр фон Брауна. Их группа должна была добывать данные об испытаниях нового оружия. По сути, они были смертниками — ничтожно малое число участников диверсионных групп, выброшенных в немецкий тыл в 1941 году, возвращались обратно или доживали до Победы, а уж про радистов и говорить нечего. Однако Серго повезло. Вот что он рассказывает о своем боевом пути:

«С. Б. Мы вылетели к намеченной цели на петляковской машине. Внизу простиралось окутанное туманом Балтийское море: даже на бреющем полете ничего нельзя было рассмотреть, поэтому выброситься нам не разрешили. Через три-четыре дня мы предприняли вторую попытку. Целый час кружили над заданным районом, но вновь последовал приказ о возвращении назад: оказывается, произошел провал явки. В конце концов, послали нас туда довольно сложным путем — через иранский Курдистан, где уже были налажены контакты. Из Ирана нам предстояло попасть в Турцию, а оттуда, с помощью курдов, переправиться в Германию. По ходу операции не все получилось, как было задумано, и лишь одному из нас удалось добраться до цели...

Корр. Сколько длилась ваша «одиссея»?

С. Б. Около трех месяцев. После ухода нашего товарища мы остались вдвоем, но вскоре к нам присоединилась группа курдов и персов из десяти человек.

Корр. Вы были радистом?

С. Б. Исключительно. Место, откуда я передавал шифровки, дважды бомбили самолеты без опознавательных знаков. Было предположение, что англичане вышибали нас из этого района как конкурентов.

Корр. Каков был характер передаваемой вами информации?

С. Б. Наша группа установила почти всю сеть немецкой агентуры в Иране. Непосредственно разведкой я не занимался, но добытые товарищами данные шли в центр через меня: я одновременно и шифровал, и передавал. Мы с ребятами переживали, что в боевых операциях не участвуем, так как не понимали сути выполняемой работы. Все разъяснилось во время Тегеранской конференции, когда наши специалисты во всем Иране чувствовали себя как дома...»49

В армии Серго прослужил до октября 1942 года, сначала в составе разведгруппы, потом у генерала Штеменко. В октябре 1942 года в войска поступил приказ наркома обороны — то есть Сталина — откомандировать на учебу в военные академии офицеров-фронтовиков — по сто человек с фронта. Казалось бы, разведчику, да еще сыну Берия, естественно было бы пойти на разведывательный факультет, но Серго хотел стать военным инженером, заниматься радиолокацией. Он был направлен на учебу в Ленинградскую военную академию связи. Шел второй год блокады, и, хотя такого голода, как первой зимой, уже не было, но Ленинград по-прежнему оставался фронтовым городом.

Во время учебы Серго несколько раз отзывали по личному указанию Сталина для выполнения правительственных заданий. Об одном из них он вспоминает:

«После выполнения первого задания Сталин часто интересовался мной, вызывал, вел беседы на различные темы. Чувствовалось, что он собирается использовать меня для какой-то цели. Параллельно он держал в поле зрения еще нескольких молодых людей, с которыми я вроде бы случайно встречался у него. Однажды меня отозвали из академии и вместе с теми „случайными“ знакомыми послали в Тегеран. Там нам пришлось устанавливать подслушивающую аппаратуру в апартаментах Черчилля и Рузвельта. Круглосуточно прослушивались и записывались все беседы, которые они вели. Были, конечно, люди, которые лучше меня владели английским языком, но Иосиф Виссарионович решил, что тут надо иметь своего человека. Каждое утро, прежде чем выйти на новый раунд переговоров, он получал текст всех закулисных раздумий своих многоопытных союзников. Читая переводы подслушанных бесед, Сталин, бывало, вызывал меня и спрашивал: „Ну какая тебе здесь слышится интонация — будет настаивать Черчилль (или Рузвельт) на своем или сможет уступить?“ Он хотел знать не только содержание, но и акценты в намерениях тогдашних „друзей“...».

В том же качестве Серго присутствовал и на Ялтинской конференции.

Забегая вперед, чтобы не возвращаться к этой теме:

в 1947 году Серго с отличием окончил академию и был направлен в знаменитый КБ-1, где работал над созданием ракетных систем. К 1953 году он был уже доктором наук, лауреатом Государственной премии. Впоследствии, правда, его лишили этих званий,

утверждая, что диссертация была написана не им. Может быть, и так... хотя слабо верится в то, что сын такого отца пошел бы на подлог, а отец, направивший сына на самый опасный участок работы, ему бы это позволил. Дураком быть Серго не в кого, а наука знает и других столь же молодых докторов и лауреатов. Его лишили званий на основании материалов следствия, на котором Серго не сдал отца, но сдал себя, не став защищаться от этих обвинений. Какая ему разница — он ждал смерти...

Снова на Кавказе.

Когда немцы были под Москвой, Берия случалось бывать на фронте. Еще раз принять непосредственное участие в военных делах ему пришлось в дни битвы за Кавказ.

25 июля 1942 года немецкая группа армий «А» начала наступление на юге, чтобы уничтожить советские войска южнее Ростова и прорваться на Кавказ, к грозненской и бакинской нефти. В течение первых трех недель наступления они вышли к предгорьям Большого Кавказского хребта. Хотя немцы и не смогли уничтожить наши части Южного фронта, однако серьезного сопротивления они не встречали. Ситуация стремительно выходила из-под контроля.

«Боевые действия Берия в Великой Отечественной войне фактически ограничиваются двумя его поездками в качестве члена ГКО на Кавказ в августе 1942 — марте следующего года. Архивы свидетельствуют: здесь он от имени Сталина нагонял страх на военных работников, снимал ему неугодных людей, расстреливал. Сопровождали его в тех поездках Кобулов, Мамулов,

Милытейн, Пияшев, Цанава, Рухадзе, Влодзимирский, Каранадзе, Какучая, его собственный сын. Досталось Тюленеву, Сергацкову, другим военачальникам».

Дмитрий Волкогонов. «Триумф и трагедия»

Нотка осуждения слышится даже в том, что Берия-де всего два раза на фронт ездил. А с какой стати ему мотаться по фронтам, когда в том не было необходимости? Возникла — поехал.

Берия летел на Кавказ как представитель Ставки. Прошло всего четыре года с того времени, как он уехал из Закавказья, его там помнили, обстановку и специфику Кавказа он знал, как никто в Москве. Поэтому ничуть не удивительно, что в августе — сентябре 1942 года, когда над этим регионом нависла нешуточная угроза, он вместе с полковником Штеменко, который отвечал за кавказское направление в Генштабе, отправился туда, чтобы лично разобраться в ситуации и сделать все, что можно, для обороны.

Кстати, Серго на самом деле ездил тогда на Кавказ, но не с Берия, а с полковником Штеменко, которого сопровождал в качестве радиста. Возможно, тот выбрал именно этого из своих подчиненных потому, что хотел сделать приятное Берия — а что тут, собственно, плохого, если отец и сын лишний раз увидятся?

Правда, потом, когда Штеменко писал мемуары, он «запамятовал», с кем летал тогда на фронт. Надо думать, если бы не короткая память, ему было бы гораздо труднее издать свои воспоминания, ведь Берия приказано было вычеркнуть из советской истории.

Ну, зато Серго все помнил.

...Они летели на личном самолете Берия. За несколько часов до отлета нарком распорядился собрать с разных фронтов и отправить на Кавказ офицеров-грузин. Наркомат у него был так выдрессирован, что уже с ними в самолете летело несколько человек. По другому его приказу на Кавказ,

также по воздуху, перебросили несколько пограничных частей по главе с генерал-полковником Масленниковым — в 1953 году, когда начнут «потрошить» НКВД, он застрелится, чтобы избежать хрущевского следствия и «суда».

До Тбилиси добирались через Среднюю Азию, Красноводск и Баку — памятные места! Неподалеку от Баку самолет загорелся, однако летчик сумел сбить пламя, и катастрофы не произошло.

Серго Берия был в курсе всего, что происходило в штабе, — его радиостанция находилась в соседней комнате, он зашифровывал и передавал в Москву донесения, ну и, конечно, все видел и слышал. Так что рассказывал о происходившем он не со слов отца, а по собственным впечатлениям. Думаю, лучше просто дать ему слово, как свидетелю.

«Еще в Москве отец договорился со Сталиным, что части, которые в свое время были направлены в Иран, в противовес англичанам (сразу же после начала войны Черчилль предложил ввести для защиты Кавказа английские войска. Сталин отказался, объяснив на Политбюро свою позицию так: „Мы их потом оттуда не выведем“). Тогда же две армии, дислоцированные ранее на Кавказе, были по его приказу введены в сопредельный Иран), будут возвращены в Союз и использованы для обороны Кавказа. Отдельные противотанковые мобильные соединения из состава „иранских“ частей должны были прибыть на место дней через десять, но это время надо было продержаться. Сил же для настоящей обороны, повторяю, было явно мало.

Первоочередной задачей отец считал закрытие перевалов. Их сразу же перекрыли пограничные части и горнострелковая дивизия. Привлекли альпинистов-студентов Института физкультуры. Словом, какой-то заслон врагу был, наконец, поставлен...»50

Затем Берия предложил остроумный способ оттянуть время. По его предложению были сформированы небольшие группы снайперов, вооруженных только что появившимися бесшумными снайперскими винтовками и инфракрасными прицелами. У этих групп была особая задача.

«Фронтовики отлично помнят, что немцы всегда работали по шаблону: прежде чем какое-то подразделение выдвигалось вперед, непременно впереди шла армейская разведка. В ее состав входило несколько старших офицеров — артиллерист, сапер, танкист, летчик. Кроме них, радист и, конечно же, охранение. Так было и здесь. Ни одна танковая колонна не выдвигалась без тщательной разведки, поддерживающей связь с воздухом. Как только намечался контакт с противником, охранение вступало в бой, а затем уже подходили танки.

Решили шаблонные действия противника использовать. Всего за сутки было устроено в местах вероятного продвижения гитлеровцев около 500 засад. Принцип их действия в дальнейшем был такой. Метров за 100—150 офицерская разведка выбивалась, а без нее немцы вперед не шли. В те дни удалось человек 30 из состава таких групп взять в плен. Всего, насколько помню, таким образом армия Клейста потеряла до двух с половиной тысяч офицеров. Мы же выиграли дней пять-шесть.

Лишь оправившись от растерянности, немецкое командование пустило танки. Но было уже поздно — начали подходить некоторые части, выведенные из Ирана, в этот район были переброшены несколько десятков танков, полученных от англичан.

Численный перевес все еще оставался за противником, но темп наступления был сорван. Немцы

завязли в боях и только под Моздоком потеряли сотню машин.

Все эти две недели, пока немцы не были остановлены и обстановка не стабилизировалась, отец находился там. И лишь когда убедился, что оборона надежна, уехал в Новороссийск. Впоследствии Северо-Кавказскую группу войск во главе с заместителем отца генералом Масленниковым немцы немного потеснили, но до Владикавказа, как планировали, так и не дошли»⁵¹.

О том же периоде рассказывает и Павел Судоплатов, который тоже был на Кавказе. В августе 1942 года Берия приказал ему за 24 часа найти и экипировать 150 альпинистов, и, как только приказ был выполнен, Судоплатов тут же вместе с ним и Меркуловым вылетел на место.

«Было решено, что наше специальное подразделение попытается блокировать горные дороги и остановить продвижение частей отборных альпийских стрелков противника.

Сразу после нас в Тбилиси прибыла группа опытных партизанских командиров и десантников, руководимая одним из моих заместителей, полковником Михаилом Орловым. Они не дали немцам вторгнуться в Кабардино-Балкарию и нанесли им тяжелые потери перед началом готовящегося наступления. В то же время альпинисты взорвали цистерны с нефтью и уничтожили находившиеся в горах моторизованные части немецкой пехоты.

Наши собственные потери были также велики, потому что альпинисты зачастую были недостаточно подготовлены в военном отношении. Их преимущество было в профессионализме, знании горной местности, а также активной поддержке со стороны горцев. Только в Чечне местное население не оказывало им помощи...»⁵².

Что касается волгогоновских «репрессий», то о них Серго Берия тоже упоминает. Кое-кто был «репрессирован», правда не расстрелян, а всего лишь лишился должности. Речь идет о командовании Южного фронта, который к тому времени находился в критической ситуации.

«Штаб фронта полностью утратил управление войсками и был деморализован, — пишет он. — По согласованию со Ставкой И ГКО отец тут же освободил от должности командующего фронтом Семена Буденного и члена Военного совета Лазаря Кагановича, еще целый ряд людей, повинных в развале обороны...

Я видел Буденного, находящегося, как мне показалось, в состоянии прострации. Когда отец приехал к нему, тот начал убеждать: «Незачем эти мандариновые рожи защищать, надо уходить!» Отец, хотя и знал, что как военачальник представлял собой маршал Буденный, был поражен. Командующий фронтом не мог внятно объяснить, где какие части находятся, кто ими командует. Когда он докладывал отцу об обстановке, тот сразу понял, что больше говорить не о чем. Прервав разговор, отец начал вызывать к себе командиров всех рангов и выяснять, что же там происходит в действительности.

На моих глазах делали карту боевых действий, а маршал Буденный сидел в сторонке с отсутствующим взглядом. Мне показалось, что он вообще толком не понимает, о чем идет речь...»

О том, что творилось на фронте, говорит еще один штрих. «Помню один разговор, состоявшийся... в штабе Южного фронта сразу же по приезде. Отец поинтересовался соотношением сил воюющих сторон. Тут и выяснилось, что бойцов вполне достаточно, но... во втором эшелоне. Просочились, доложили, из первого. Что ж, на войне всякое бывает, но где же командиры? Словом, кое-кому досталось крепко, но порядок

навели». Призрак Бакинской коммуны отступил от Кавказских гор.

Так что у Кагановича была причина десять лет спустя клеймить Берия позором на пленуме ЦК.

Что же дальше делал Берия? «Обсудив ситуацию, отец по согласованию с Москвой принял решение о создании двух отдельных армий. Единый фронт в том виде, в каком он был до этого, себя не оправдал. Командующими армиями тогда же отец назначил двух молодых командиров. Оба, насколько я тогда понял, произвели на него хорошее впечатление своей компетентностью и решительностью. Речь — о Константине Николаевиче Леселидзе, будущем генерал-полковнике, Герое Советского Союза. Второй выдвиженец отца — Андрей Антонович Гречко»⁵³.

В общем, можно ли сказать, что именно благодаря действиям Берия удалось отстоять Кавказ и не допустить немцев не только к мандариновым рощам, но и к бакинской нефти — судите сами.

Кстати, операция закончилась курьезом. Берия, естественно, ожидала благодарность, а вот Меркулов, его заместитель, получил от Сталина выговор за то, что во время минирования нефтепромыслов, буквально под носом у наступавших немцев, находился там, подвергая опасности свою жизнь, и, более того, рискуя попасть в плен. Меркулову досталось от Сталина, а Судоплатову — от Берия — зачем он это допустил. А попробуй не допусти... Берия за неоправданный риск не попало ни от кого — а он ведь тоже не в тылу отсиживался...

Кстати, напоследок еще один нюанс. Судоплатов был хорошим разведчиком, но мало понимал в чисто военных вопросах и как-то раз заявил об этом на штабном совещании. И... получил втык от начальства. Берия сказал ему: «Надо серьезно изучать военные вопросы, товарищ Судоплатов. Не следует говорить, что вы некомпетентны...»

Он-то когда успевал?

ГКО.

К началу войны Берия был уже не только наркомом внутренних дел. 21 марта 1941 года его назначают заместителем председателя Совнаркома. В этом качестве он занимается не одним лишь НКВД, но обязан курировать и другие области. И, конечно же, избирает для себя промышленность.

Страна предельно возможными темпами готовится к войне, в том числе и организационно. В военное время власть должна быть в одних руках, никакое разделение властей тут неуместно, и 7 мая 1941 года Сталин становится председателем Совнаркома СССР. Берия, его заместителю, поручено, кроме собственного, курировать наркоматы лесной, угольной и нефтяной промышленности и наркомат цветной металлургии — важнейшие оборонные отрасли. После начала войны к ним прибавляется еще и черная металлургия. Но вскоре все изменилось.

30 июня, через неделю после начала войны, был учрежден чрезвычайный орган власти — Государственный Комитет Обороны. В его руках сосредотачивалась вся полнота власти в стране. Председателем ГК стал Сталин. А кто входил туда, помимо него?

В выпущенных после 1953 года учебниках истории самого разного ранга из списка членов ГКО незаметно изъяли Берия. Более того, например, в краткой истории Второй мировой войны образца 1985 (!) года, в указателе имен, приведенном в конце книги, где присутствуют такие персоны, как Овидий и Шандор Петефи, Берия нет совсем. Получается, что к этой войне

он не имел ни малейшего отношения. Интересно, как он это сумел и кто ему позволил, когда вся страна воюет, заниматься неизвестно какой ерундой. Неудивительно при такой забывчивости историков, что люди полагали, будто у него было время самолично лупить на допросах арестованных и насилловать многочисленных школьников.

На самом деле уже 30 июня Берия стал членом Государственного Комитета Обороны. Их всего-то было пять человек: Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Ворошилов. И трое уполномоченных: Вознесенский, Микоян и Каганович. Но очень скоро война стала вносить коррективы. Берия, в частности, постепенно «выжимал» других из самых важных оборонных областей. Но это не потому, что другие плохо справлялись, это потому, конечно, что он интриговал... Вот только зачем ему столько лишней головной боли — брать на себя самые трудные и «провальные» участки работы?

4 февраля 1942 года Берия стал, вместо Вознесенского, курировать производство вооружений и минометов, 2 февраля — еще и боеприпасов. Взамен Вознесенский получил нефть, черную и цветную металлургию. Однако уже в июле 1941 года В. Н. Новиков, бывший замнаркома вооружений (наркомом во время войны был Д.Ф.Устинов), после начала войны переведенный в Москву, вспоминает такую сцену:

«Помнится, в конце июля 1941 г. Берия проводил совещание. Мы с Д. Ф. Устиновым были приглашены по поводу необходимости резкого увеличения выпуска винтовок. Сидели от Берия сбоку, шагах в семи-восьми. Производил он впечатление человека решительного. Лицо широкое, бритое, холеное с бледным оттенком, очки-пенсне. Волосы темные, лысина. На руках кольца *«Что касается этих колец, то Серго Берия очень удивлялся: его отец не только никогда не носил колец,*

но и вообще не интересовался, как он выглядит и во что одет>. По виду национальность понять трудно.

Вопрос к нам:

— Товарищ Устинов, когда вы по Ижевску выйдете на выпуск пяти тысяч винтовок в сутки?

Дмитрий Федорович попросил, чтобы по этому вопросу доложил его заместитель — Новиков, который еще недавно был директором этого завода и меньше месяца как переведен в Москву.

Я встал и доложил, что для достижения такого уровня потребуется не менее семи-восьми месяцев, так как сейчас выпускают порядка двух тысяч винтовок в сутки.

Берия нахмурился:

— Что же вы, товарищ Новиков, не знаете, что на фронте одних убивают или ранят, а другие ждут освободившиеся винтовки, а вы — семь месяцев... Это не годится, надо уложиться в три месяца. Вы завод знаете, кто еще может нам помочь?

Я ответил, что при любых условиях уложиться в назначенный срок невозможно...»

И что же сделал «злодей Берия»? Пригрозил стереть саботажника в лагерную пыль? Ничуть не бывало.

«...Создали комиссию из двух заместителей председателя Госплана В. В. Кузнецова и П. И. Кирпичникова — и меня. Срок — два дня. Дать предложения, как выйти на пять тысяч винтовок в сутки за три месяца.

Сидели мы двое суток, почти не уезжая домой. Говорили с заводами, с главком и так далее, придумать ничего не могли. Кузнецов и Кирпичников склонялись согласиться с трехмесячным сроком. Я отказался подписать бумагу, ссылаясь на нереальность такого решения. Документ ушел с пометкой «т. Новиков от подписи отказался».

Опять мы на докладе у Берия, опять полный кабинет народа, включая наркомов не только оборонных отраслей, но и других.

Дошла очередь до нашего вопроса. Берия читает бумагу. Обращаясь к Кузнецову, спрашивает, почему нет подписи Новикова?

Василий Васильевич отвечает, что Новиков считает сроки нереальными.

Тогда Берия ко мне довольно сердито:

— Какой срок ставить, товарищ Новиков? Я еще раз подтвердил, что минимальный срок — это семь с натяжкой месяцев. Берия сплюнул в сторону, выругался и сказал:

— Принять предложение Новикова.

На этом инцидент был исчерпан».

Правда, к этому эпизоду Новиков присовокупляет еще и объяснение.

«Я как-то у товарищей поинтересовался: „Почему же Берия принял мое предложение при другом мнении авторитетных членов комиссии!“ Мне разъяснили, что он смертельно боится обмануть Сталина, который многое прощает, но обмана — никогда».

Правда, точно так же вел себя в подобных ситуациях и Сталин. А он, интересно, кого боялся?

На самом деле Берия ведет себя как любой хороший хозяйственник, прекрасно знающий, что зачастую «нереальные» сроки на поверку оказываются реальными и понимающий тот предел, за которым давить на подчиненного уже не имеет смысла. Поражает совсем другое. Во-первых, полное отсутствие у Новикова — в конце июля 1941 года, в ситуации, когда нерву у всех были на пределе и чуть что, могли обвинить в саботаже и расстрелять, — так вот, поражает полное отсутствие страха перед всемогущим «наркомом страха». Создается впечатление, что Новиков прекрасно знает: он имеет дело с

компетентным человеком, способным разобраться, где саботаж или неумение, а где техническая невозможность. То есть, что значит: «создается впечатление»? Разумеется, он прекрасно это знал, потому и не боялся.

Кстати, тот же Новиков пишет, что после того, как они оказались под кураторством Берия, аресты заводских работников практически прекратились. Что, кстати, опять же косвенно говорит о том, что промышленностью Берия занимался гораздо больше и внимательнее, чем собственным наркоматом, коль скоро ему приходилось защищать своих заводчан от своих же чекистов. Защищал он их и от Комиссии партийного контроля, и от партийных органов. Вот, например, какой случай произошел с Новиковым.

Как-то раз первый заместитель наркома В. М. Рябиков проездом остановился на один день в Ижевске. Новиков тоже был там. День был воскресный, и они с местным начальством решили отметить встречу. А в одной из комнат дома, где все это происходило, находился представитель КПК. Его не пригласили, и он, по-видимому, обиделся и написал в родное ведомство донос. Дней через десять Рябикова и Новикова вызывают к зам. председателя КПК Шкирятову: за «пьянку во время войны» оба получили по выговору. Обиженные — что же, раз война, так уже и выпить нельзя? — они пишут заявление председателю КПК Андрееву: мол, нас оклеветали. Их снова зовут к Шкирятову: «Что же, для вас — решение ЦК — ложь и клевета?» С испугу те попросили заявления обратно — не отдали. А через две недели ожидания неприятностей внезапно прислали новые решения, где уже объявленные выговоры снимали.

И что же оказалось? Оказалось, что, узнав об этой истории, Берия не поленился, позвонил в Ижевск наркому внутренних дел Удмуртии и попросил

разобраться, как там было на самом деле. Получив доклад наркома, позвонил Андрееву, заявил, что историю работники КПК исказили, что он все проверил и считает: выговоры нужно снять. Ненормативная лексика, надо думать, была у него внутри в большом количестве, но наружу не прорвалась.

Вскоре в руках Берия оказалось и производство танков. Нарком танкостроения Малышев никак не мог увеличить их выпуск и жаловался, что ГКО ему мало помогает.

Тогда произошла история, отдаленно напоминающая банкет в турецком посольстве. По воспоминаниям Микояна, как-то у Сталина обсуждался вопрос производства танков, и Сталин поинтересовался у Берия, как именно Молотов осуществляет руководство отраслью.

«Он не имеет связи с заводами, оперативно не руководит, не вникает в дела производства, а когда вопросы ставят Малышев или другие, Молотов созывает большое совещание, часами обсуждают вопрос и формируют какое-либо решение. В этих решениях мало пользы, а на деле он отнимает время у тех, кто непосредственно должен заниматься оперативными вопросами, — говорит Берия, — так что вместо пользы получается вред».

В общем, подсидел Вячеслава Михайловича коварный Лаврентий Павлович, жестоко обидел и отобрал у него танковое производство. И, что удивительно, положение там сразу же резко изменилось. «Берия, пользуясь властью, оказал Малышеву всю необходимую помощь за счет других наркоматов. И здесь его успеху способствовало то, что к этому времени заработали заводы, эвакуированные за Урал. Производство танков резко выросло и скоро превысило их производство в Германии и оккупированных ею странах».

Ну конечно же, у бедного Молотова власти совсем не было. Да и к успеху отрасли Берия отношения не имеет — просто заводы заработали, так надо понимать... Только почему-то это «ни при чем» все повторялось и повторялось...

Спрашивал Берия с подведомственных ему руководителей жестко, зато и опекал буквально, как нянька. Вспоминает все тот же В. И. Новиков.

«...В особо острых ситуациях звонил прямо Берия. Если его не было на месте, видимо, ему сразу докладывали и он, не дожидаясь повторного вызова, перезванивал сам, задавая вопрос: „Ну, в чем там дело?“. Если я отвечал, что угля осталось на сутки, прошу помочь, он обычно отвечал: „Ладно, что-нибудь придумаем“. Или говорил: „Вот, даю трубку Вахрушеву (нарком угольной промышленности), расскажи ему, пусть принимает меры“. Власть у Берия была большая, и часто маршруты из Кузбасса, направленные в Казань, где были авиационные заводы, он поворачивал в Ижевск. Известно, что через некоторое время, видимо, дело дошло до Маленкова, который опекал авиацию, и поезда с углем шли до Казани под особой военной охраной».

Кстати, угольную промышленность тогда курировал «финансовый гений» Вознесенский...

Результаты работы Берия на посту члена ГКО лучше всего видны из цифр. Если 22 июня немцы имели 47 тысяч орудий и минометов против наших 36 тысяч, то уже к 1 ноября 1942 года их количество сравнялось, а к 1 января 1944 года у нас уже было 89 тысяч против немецких 54,5 тысяч. Ижевские оружейники, которые в начале войны торговались с Берия по поводу 5 тысяч винтовок, в 1943 году выпускали по 12 тысяч винтовок в сутки. С 1942 по 1944 годы СССР выпускал примерно по 2 тысячи танков в месяц, намного опередив Германию.

Именно тогда Берия начал сотрудничать с Б. Л. Ванниковым, который с конца 30-х годов руководил производством вооружений. Ванников был человеком неудобным, постоянно спорил с замнаркома обороны маршалом Куликом, и в итоге был арестован и приговорен к расстрелу. Находясь в камере смертников, он в начале войны пишет Сталину докладную записку с рекомендациями — как усилить производство вооружений, и прямо из камеры попадает на прием к Сталину. (Интересно бы узнать, сыграл ли тут какую-либо роль Лаврентий Павлович?) В результате Ванников становится наркомом боеприпасов и пребывает в этом качестве до 20 августа 1945 года, когда Берия берет его с собой в Спецкомитет, сделав начальником Первого главного управления. В 1953 году Ванников ничем не смог помочь Берия, но сделал все, чтобы спасти его сына...

...30 сентября 1943 года, в самый разгар войны, за работу в качестве члена ГКО Берия получает звание Героя Социалистического Труда. 11 мая 1944 года он становится председателем Оперативного Бюро ГКО и заместителем председателя Комитета. 9 июня 1949 года получает звание маршала.

Фактически к 1945 году Берия становится вторым после Сталина человеком в стране...

ГЛАВА 4

КОГДА БЕРИЯ РУГАЛСЯ МАТОМ.

Вот что интересно: после 1953 года многие говорили и писали о высокомерии, заносчивости, хамстве Берия. Однако те, кто работал с ним лично, вспоминают несколько иное. Так, Павел Судоплатов, едва начав рассказ о первой встрече с новым наркомом, тут же пишет:

«Берия хорошо говорил по-русски с небольшим грузинским акцентом и по отношению ко мне вел себя предельно вежливо». Собственно, и те, кто с ним работал, и даже те, кто бывал у него на допросах, говорят одно и то же: вежлив, корректен, хотя и суховат, исключительно деловой человек.

Однако «вежлив» не значит «флегматичен». В воспоминаниях иной раз встречаются рассказы о том, каков Берия бывал, когда выходил из себя, когда его, что называется, «доставали». Они такие «вкусные», что хочется привести их целиком, лишь с незначительными сокращениями.

Первые две истории рассказывает Павел Судоплатов. Дело было, по-видимому, в 1939 году или, может быть, в начале 1940-го. По крайней мере, уже после оккупации Польши немцами. В город Черновцы, неподалеку от польской границы, с достаточно серьезным поручением по линии разведки отправились из Москвы капитан Адамович и еще один сотрудник, Вильям Фишер, впоследствии известный под именем Рудольфа Абея. В то время Первым на Украине был Хрущев, а наркомом внутренних дел — Серов. Украинские деятели были недовольны, что для работы на их территории прислали людей из Москвы: мол, мы что, сами не справимся? И вот что было дальше:

«...После того, как Адамович был принят Серовым... и договорился о материально-технической базе, необходимой для обучения агентов, он неожиданно исчез. Не найдя его, Серов изругал Фишера и доложил об исчезновении Адамовича Хрущеву. Фишер же, хотя и был сотрудником группы, не догадывался о бюрократических интригах и полагал, что если он доложил о двухдневном отсутствии Адамовича начальнику местного НКВД, то ему незачем докладывать также и мне в Москву. Можете себе представить мое состояние, когда я был вызван в кабинет к Берия, который приказал доложить о том, как проходит операция Адамовича. Он был в ярости, когда я не мог сообщить ничего, кроме информации недельной давности.

Зазвонил телефон. Это был Хрущев. Он начал возмущаться, попрекать Берия тем, что к нему на Украину засылают некомпетентных людей и изменников, вмешивающихся в работу украинского НКВД. По его словам, местные кадры в состоянии провести сами всю необходимую работу.

— Этот ваш Адамович — негодяй! — прокричал он в трубку. — Он, по нашим данным, бежал к немцам.

Линия правительственной связи давала возможность и мне слышать его сердитые слова. Берия явно не хотелось в моем присутствии отвечать в той же грубой манере, и он по возможности мягко сказал:

— Никита Сергеевич, тут у меня майор Судоплатов, заместитель начальника нашей разведки. За операцию Адамовича отвечает лично он. На любые ваши вопросы вы можете получить ответ у него.

Взяв трубку, я начал объяснять, что Адамович компетентный работник, хорошо знает Польшу. Но Хрущев не стал слушать моих объяснений и оборвал меня. Он был убежден, что Адамович у немцев и его следует немедленно найти или выкрасть. Далее он

заявил, что сломает мою карьеру, если я буду продолжать упорствовать, покрывая таких бандитов... В сердцах он швырнул трубку, не дожидаясь моего ответа...

Реакция Берия была сдержанно официальной.

— Через два дня, — отчеканил он, — Адамович должен быть найден — живой или мертвый. Если он жив, его следует тут же доставить в Москву. В случае невыполнения указания члена Политбюро вы будете нести всю ответственность за последствия, с учетом ваших прошлых связей с врагами народа в бывшем руководстве разведорганов...».

Прервемся, чтобы спросить: ну и кто тут хам? Вообще чем дальше знакомишься с деятельностью дражайшего Никиты Сергеевича, тем больше берет сожаление: ведь репрессии подобрали столько партчиновников самого разного ранга — ну почему они промахнулись по Хрущеву?! Может быть, и не сидела бы наша страна в такой глубокой луже, в какой она сидит сейчас, если бы не это трагическое непопадание... Это не преувеличение, и дело не только в хамстве, но об этом впереди. А пока продолжим историю с капитаном Адамовичем, которая дальше развивалась так, что уже и Берия «прорвало»...

«Я вышел из кабинета с тяжелым чувством. Через десять минут мой телефон начал трезвонить, не переставая. Контрразведка, погранвойска, начальники райотделов украинского и белорусского НКВД — все требовали фотографии Адамовича. По личному указанию Берия начался всесоюзный розыск. Прошло два дня, но на след Адамовича напасть так и не удалось. Я понимал, что мне фозят крупные неприятности. В последний момент, однако, я решил позвонить проживавшей в Москве жене Адамовича. По сведениям, которыми я располагал, в ее поведении не

было замечено ничего подозрительного. Как бы между прочим я осведомился, когда она в последний раз разговаривала со своим мужем. К моему удивлению, она поблагодарила меня за этот звонок и сказала, что ее муж два последних дня находится дома — у него сотрясение мозга, и врачи из поликлиники НКВД запретили ему вставать с постели в течение по крайней мере нескольких дней. Я тут же позвонил генералу Новикову, начальнику медслужбы НКВД, и он подтвердил, что все так и есть на самом деле.

Надо ли описывать испытанное мной облегчение? Докладывая Берия, как обычно, в конце дня, я сообщил, что Адамович находится в Москве.

— Под арестом? — спросил Берия.

— Нет, — ответил я и начал объяснять ситуацию. Мы был в кабинете одни. Он грубо оборвал меня, употребляя слова, которых я никак не ожидал от члена Политбюро. Разъяренный, он описывал круги по своему огромному кабинету, выкрикивая ругательства в адрес меня и Адамовича, называя нас болванами, безответственными молокососами, компрометирующими НКВД в глазах партийного руководства (а что — это не так? — Е. П.).

— Почему вы молчите? — уставился он на меня, неожиданно прервав свою тираду.

Я ответил, что у меня страшная головная боль.

— Тогда немедленно, сейчас же, — бросил Берия, — отправляйтесь домой.

Прежде чем уйти, я заполнил ордер на арест Адамовича и зашел к Меркулову, который должен был его подписать. Однако, когда я объяснил ему, в чем дело, он рассмеялся мне в лицо и порвал бумагу на моих глазах. В этот момент головная боль стала совсем невыносимой, и офицер медслужбы отвез меня домой. На следующее утро позвонил секретарь Берия, он был предельно краток и деловит — нарком приказал

оставаться дома три дня и лечиться, добавив, что хозяин посылает мне лимоны, полученные из Грузии.

Расследование показало: Адамович, напившись на вокзале в Черновцах, в туалетной комнате ввязался в драку и получил сотрясение мозга. В этом состоянии он сумел сесть на московский поезд, забыв проинформировать Фишера о своем отъезде (а кроме того, еще и потерял фотографии наших агентов у немцев, которые потом, к счастью, нашли на вокзале. — Е. И.) ...Дело кончилось тем, что Адамовича уволили из НКВД и назначили сперва заместителем министра иностранных дел Узбекистана, а затем и министром...».

Ну, и как тут обойтись без мата, с такими работничками? Один, напившись и подравшись на вокзале, тихонько сидит дома, даже не думая известить родное ведомство, пока вся страна стоит на ушах, разыскивая его. Другой два дня не догадывается позвонить ему домой... Однако, в отличие от Хрущева, который, разумеется, и не подумал извиниться, Берия, доведя своего подчиненного до мигрени, потом сделал жест, который иначе, как извинение, расценить нельзя. Кстати, что касается фруктов... это вообще для него характерно. У Берия в кабинете на столе стояла ваза с фруктами. Когда он только пришел в НКВД и расследовал то, что наворотил в органах его предшественник, он, отправляя невинно арестованных людей после допроса в камеру (ведь все, что они говорили, предстояло еще проверять и проверять, а им все это время оставаться в тюрьме), давал им с собой фрукты: яблоки, апельсины... И в этот момент сухой и жесткий нарком оборачивался какой-то на удивление трогательной, человеческой стороной.

...А вот вторая история, когда Берия вышел из себя, и опять после общения с Хрущевым. Снова рассказывает Павел Судоплатов.

Примерно в то же время, незадолго до войны, Серов завел роман с известной польской оперной певицей Бан-дровска-Турской и объявил, что завербовал ее. Вскоре та с его помощью уехала за границу, в Румынию, и наотрез отказалась встречаться там с нашим резидентом. Сотрудники украинского НКВД тут же написали донос Хрущеву и Берия о том, что Серов заводит любовные истории под видом работы. Того срочно вызвали в Москву.

«Мне довелось быть в кабинете Берия в тот момент, когда он предложил Серову объяснить свои действия и ответить на обвинения в его адрес, — пишет Судоплатов. — Серов сказал, что на роман с Бандровска-Турской он получил разрешение от самого Хрущева, и это было вызвано оперативными требованиями. Берия разрешил ему позвонить из своего кабинета Хрущеву, но как только тот услышал, откуда Серов звонит, он тут же начал ругаться:

— Ты, сукин сын, — кричал он в трубку, — захотел втянуть меня в свои любовные делишки, чтобы отмазаться? Передай трубку товарищу Берия!

Мне было слышно, как Хрущев обратился к Берия со словами:

— Лаврентий Павлович! Делайте все, что хотите, с этим желторотым птенцом, только что выпорхнувшим из военной академии. У него нет никакого опыта в серьезных делах. Если сочтете возможным, оставляйте его на прежней работе. Нет — наказывайте как положено. Только не впутывайте меня в это дело и в ваши игры с украинскими эмигрантами.

Берия начал ругать Серова почем зря, грозясь уволить из органов с позором, называя мелким бабником, всячески оскорбляя и унижая. Честно говоря, мне было неловко находиться в кабинете во время этой гневной тирады. Затем Берия неожиданно предложил Серову обсудить со мной, как можно выпутаться из этой

неприятной истории...». И ведь не уволил и не посадил. Серов при Берия сделал в органах очень неплохую карьеру, практически все время, пока тот работал в НКВД, был то его заместителем, то заместителем Меркулова, так что из неприятной истории он, по-видимому, выпутался без особых последствий — кроме бериевских матюков.

Показательно, что обе истории, когда Берия выходил из себя, были спровоцированы общением с Хрущевым. Никита Сергеевич вообще создавал массу проблем. Судоплатов рассказывает, как он, например, отклонил кандидатуру капитана Прокопюка, ветерана гражданской войны в Испании и отличного чекиста, которого Судоплатов рекомендовал на пост начальника отделения украинского НКВД, отвечавшего за подготовку к партизанской войне. Хрущев тут же позвонил Берия, возражая против этого назначения, поскольку брат Прокопюка был в 1938 году расстрелян как «враг народа». В итоге Судоплатов и Круглов получили втык от Берия за то, что послали на Украину человека компетентного, но неприемлемого для местного партийного руководства.

«Здесь мне хотелось бы сказать о том, кого Хрущев считал „приемлемым“, — продолжает Судоплатов. — Это Успенский, которого Хрущев ранее взял с собой на Украину в качестве главы НКВД. В Москве он возглавлял управление НКВД по городу и области и работал непосредственно под началом Хрущева. На Украине Успенский в 1938 году проводил репрессии, в результате которых из членов старого состава ЦК КПУ — более 100 человек — лишь троих не арестовали.

Успенский, как только прибыл в Киев, вызвал к себе сотрудников аппарата и заявил, что не допустит либерализма, мягкотелости и длинных рассуждений, как в синагоге. Кто не хочет работать с ним, может подавать заявление... Успенский несет ответственность

за массовые пытки и репрессии, а что касается Хрущева, то он был одним из немногих членов Политбюро, кто лично участвовал вместе с Успенским в допросах арестованных».

В 1938 году, когда репрессии добрались до чекистов, Успенский попытался бежать за границу, инсценировав самоубийство, как будто бы он утонул. Поскольку тело не обнаружили, то объявили розыск и, в конце концов, его нашли.

«С тех пор, как только речь заходила об использовании кого-либо из офицеров украинского НКВД, наше руководство тут же ссылалось на дело Успенского, напоминая слова, сказанные в этой связи Хрущевым:

— Никому из тех, кто с ним работал, доверять нельзя».

Отмазывались, стало быть, от украинских кадров, и понятно, почему. Даже в этих отрывках видна редкая склочность и подлость этой публики, при том, что НКВД было в этом отношении далеко не собранием ангелов.

Нет, но Хрущев-то каков! Послушайте-ка...

«Во время допроса Успенский показал, что они с Хрущевым были близки, дружили домами, и всячески старался всех убедить, что был всего лишь послушным солдатом партии. Поведение Успенского сыграло роковую роль в судьбе его жены — ее арестовали через три дня после того, как он сдался властям. Приговоренная к расстрелу за помощь мужу в организации побега, она подала прошение о помиловании, и тут, как рассказывал мне Круглое, вмешался Хрущев: он рекомендовал Президиуму Верховного Совета отклонить ее просьбу о помиловании...».

Комментировать надо? В. качестве резюме Судоплатов пишет:

«Берия был весьма груб в обращении с высокопоставленными чиновниками, но с рядовыми сотрудниками, как правило, разговаривал вежливо. Позднее мне пришлось убедиться, что руководители того времени позволяли себе грубость лишь по отношению к руководящему составу, а с простыми людьми члены Политбюро вели себя подчеркнуто вежливо».

Ну и на закуску, еще одна «грубость по отношению к руководящему составу». Из воспоминаний все того же Новикова:

Весной 1942 года в Ижевске появился генерал-лейтенант госбезопасности Ткаченко. Он заявил, что приехал по личному поручению Лаврентия Павловича, наблюдать за ходом производства пулемета «максим». Изыскания знакомых Новикова принесли следующую информацию: генерал раньше работал в Литве, перестарался, там расстреляли невинных людей, поэтому сейчас он пока без должности. В общем, приятного мало...

Несколько дней генерал ходил хвостом за Новиковым, и вот как-то раз после совещания Ткаченко сказал, что хочет поговорить наедине. Достал из кармана бумажку и зачитал следующую докладную.

«Товарищу Берия Лаврентию Павловичу. На Ижевском заводе, где производится пулемет „максим“, мною выявлены вредители: начальник цеха № 5 Викторов А. П. и начальник цеха № 8 Афанасьев Л. В. Их работа приводит к срыву программы, поэтому прошу Вашего согласия их репрессировать. Кроме того, директор этого завода Дубовой — очень слабый работник. Я прошу Вашего указания его от работы освободить, а директором завода назначить Сысоева П. А., ныне работающего главным механиком на Ижевском машиностроительном заводе. Прошу также указать

товарищу Новикову, чтобы он больше уделял внимания производству пулеметов „максим“. Ткаченко».

Дальше рассказывает Новиков.

«Я постарался быть спокойным, но внутри у меня все клокотало.

— Во-первых, — говорю, — вы ничего не понимаете в производстве, поэтому ткнули пальцем в небо и нашли вредителей там, где их нет. Начальники цехов, которых вы назвали, еще совсем молодые ребята, у них есть промашки, но не по их вине, а по нашей, так как мы им не совсем ритмично подаем заготовки для деталей, но это дело выправляется, и никакого срыва программы я не предвижу. Что касается директора Дубового, то он работает добросовестно, но вам же ясно, что я его подменяю в эти тяжелые дни. И если надо освободить от работы, по вашему мнению, директора, так это надо освободить меня.

Что касается Сысоева, то он работник очень хороший, но на том заводе в десять раз нужнее, чем здесь, так как он отвечает за работу двенадцати тысяч станков. Другого такого главного механика в короткий срок не найти.

Так что, с моей точки зрения, вы товарища Берия дезинформируете и пишете, простите меня за грубость, чистую чушь.

Ткаченко сложил бумажку, положил в карман и куда-то уехал».

Было это часа в три-четыре дня. Новиков занимался текущими делами. Думал, конечно, о том, что там этот чудака на букву «м» отправил в Москву, но опять же, обратите внимание, как он разговаривал с проверяющим — генерала-чекиста он совершенно не боялся.

Вот что было дальше.

«Уже после трех часов ночи раздается звонок по ВЧ.

— Новиков?

— Да!

— Здравствуй, говорит Берия. Кто у тебя эти начальники цехов... как их... Виктор и Афанасьев?

Я объяснил, что это очень хорошие товарищи, молодые, работают с энтузиазмом, программу выполняют. Я к ним никаких претензий не имею.

— А как Дубовой работает?

Я сказал, что очень старается, а я у него хорошая подмога, во всяком случае, все делаю, чтобы на заводе все было нормально.

— А кто такой Сысоев?

Я объяснил важность фигуры главного механика на таком гиганте, как завод № 14.

— Слушай, а где Ткаченко?

В этот момент Ткаченко появляется в дверях.

Я отвечаю:

— Он куда-то уходил, а сейчас вот появился в дверях.

— Дай ему трубку.

Ткаченко берет трубку. Дальше слышу через каждые три-четыре слова такой мат, что... Короче, смысл сводился к следующему: «Я зачем тебя, сволочь такая, посылал к Новикову — шпионить за ним или помогать ему? За твою телеграмму ты, такая-то б..., подлежишь расстрелу. Я до тебя доберусь. Не тем делом ты занялся, я тебя помогать послал, а ты чем занимаешься? По привычке кляузы разводишь на хороших работников? Расстреляю».

Ткаченко стоит не бледный, а синий и-только бормочет бесконечно: «Слушаюсь, товарищ нарком».

Затем Берия бросил трубку. Такого «воспитания» я в жизни не слышал ни раньше, ни позднее. После этого случая Ткаченко ко мне не появлялся примерно дней десять. А вскоре и совсем уехал куда-то».

И, несколько ниже, Новиков со вздохом добавляет:

«После войны „шефство“ Берия над нами закончилось. И снова посыпались аресты...».

В органах опять возобладали непотопляемые Ткачен-ки. И имя им легион.

...Еще о стиле работы Берия. Юрий Мухин придумал для читателей, на основании воспоминаний управделами Совмина Я. Е. Чадаева, остроумный ребус. Приведем его и мы:

«Чадаев... характеризует Берия так: „Все существо Лаврентия Берия было отравлено желчью, а жизнь наполнена злобой, завистью, низменными инстинктами и глумлением над зависимыми от него людьми“.

И точно так же характеризует Л. П. Берия абсолютно каждый. Вот, скажем, министр нефтяной промышленности, а впоследствии председатель 1ьсплана СССР Н. К. Байбаков жаловался на Берия на июльском 1953 г. Пленуме ЦК КПСС:

«Достаточно сказать, что мы попадали к нему в кабинет 5—6 раз в год, за истекшие полгода я был у него всего 2 раза по одному и тому же поручению. Надо сказать, что мы и сами не горели желанием попадаться ему на глаза (смех), так как знали, что из кабинета выйдем шатающимися или разбитыми...»

Попробуем подтвердить эти характеристики конкретными фактами того, как Берия издевался над подчиненными, как они выходили из его кабинета разбитыми, что должно было особенно мерзко выглядеть на фоне остальных заместителей Сталина, которых Чадаев характеризует так:

«Вознесенский в моей памяти остался как энергичный, принципиальный и компетентный руководитель. Это был человек с широким кругозором, деятельный, вдумчивый, сочетающий аналитический ум и дальновидность крупного политического деятеля» —

это о тогдашнем председателе Госплана, известной «жертве сталинизма».

О Молотове: «Он обладал хорошим качеством привлекать к себе людей, заражать их своим энтузиазмом. Иногда шуткой заставлял делать больше, чем приказанием».

Нам остается только эти характеристики проверить.

В аппарате Совмина была масса мелких чиновников, над которыми удобнее всего «глумиться», если ты, заместитель Сталина, скот. Как же вели себя трое заместителей по отношению к этим людям? Поскольку Чадаев сам является одним из них, то он автоматически, сам того не замечая, на данный вопрос тоже отвечает. Но мы проведем эксперимент над собой. Возьмем этих троих замов Сталина: В. М. Молотова, Л. П. Берия и Н. А. Вознесенского, и пока обозначим их буквами А, Б и В. Выпишем из воспоминаний Чадаева их отношение к безответным клеркам Совмина.

А. «...имел самый большой и квалифицированный секретариат, подобранный из опытных работников Госплана и наркоматов... стремился по всякому поводу представлять работников к правительственным наградам».

Б. «...был скуп на похвалу... как бы хорошо ни была выполнена работа, считал это само собой разумеющимся... в требованиях резок, не стеснялся в выражениях, даже оскорблениях». Пример разговора с работниками аппарата Совмина: «Ишь распоясались! Ноги на стол! Безобразия! Подняли головы и поглядывают, словно одичавшие псы!»

В. «Идя к нему на прием, никто из сотрудников не был уверен, что все пройдет гладко, что вдруг он внезапно не вскипит, не обрушит на собеседника едкого сарказма, злой издевательской реплики... была привычка начинать разговор с придирки к чему-нибудь... считал себя после Сталина самым умным

человеком... Наркомы не любили его за резкий вспыльчивый характер, нанесенные им оскорбления, унижающие достоинство человека, и как-то обходили стороной кабинет заместителя главы правительства».

Итак, попробуйте по степени глумления над чиновниками Совмина догадаться, кто из этих А, Б, В, кто? Трудно?

Наверное, вы решите по характеристикам, данным Чадаевым и Байбаковым, что Л. П. Берия — это В. Недаром же даже наркомы боялись к нему ходить. Нет, вы ошиблись. В—это Вознесенский. «Жертва сталинизма».

Тогда, возможно, вы решите, что Берия — это Б. Нет, вы опять ошиблись. Б — это Молотов. Шутник.

Да, Берия — это А. Именно он, а не председатель Госплана Вознесенский имел в своем аппарате в Совмине самых квалифицированных работников Госплана.

И, надо думать, потому, что нещадно глумился над ними — представлял к правительственным наградам»...

В общем-то из приведенных историй уже виден стиль работы Берия. Лучше всех об этом сказал Серго Берия, который хорошо знал своего отца.

«Нередко пишут, что он всегда окружал себя людьми, лично преданными ему. Еще одна ложь. Главным критерием для моего отца всегда было дело. Знает и любит человек свое дело — значит, подходит. Болтун и бездарность — таких не надо. Эти принципы он исповедовал до последних дней жизни, и, как я не раз убеждался, чутье на талантливых и одержимых людей отца никогда не подводило. Так было и с военными, и с учеными, и с разведчиками...»54

ГЛАВА 5

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЛАВРЕНТИЯ БЕРИЯ.

Если до 6 августа 1945 года еще уместны были рассуждения о том, кто в советской верхушке самый толковый и надежный, лучший организатор и руководитель, то после этой даты подобные споры просто несерьезны. Ибо после того, как американцы взорвали атомную бомбу над Хиросимой, можно было совершенно точно определить: самым-самым является тот, кому поручено курировать разработку атомного оружия.

Официальная история атомной бомбы

...В мае 1942 года лейтенант инженерных войск Георгий Флеров написал Сталину письмо. Служба на военном аэродроме располагала к размышлениям, и он, в мирной жизни ученый-физик, обратил внимание на то, что в западной прессе, начиная с 1940 года, исчезли публикации по урановой проблеме. Естественно, прекратить разрабатывать такое перспективное направление ученые не могли, стало быть, эта тема перешла в разряд засекреченных. Флеров сделал вывод, что прекращение публикаций означало начало работ по созданию атомного оружия.

Эти сведения совпадали и с данными разведки. К тому времени в сейфах обеих разведок, военной и политической, накопилось немало материалов по урановой проблеме. Нам передавали информацию работавший в Англии немецкий физик-теоретик Клаус Фукс, секретарь одного из британских министров Джон

Кэр-нкросс, Бруно Понтекорво, итальянский ученый-эмигрант, работающий в США у Энрико Ферми, который строил первый в мире ядерный реактор.

Ценнейшие сведения лежали в сейфах мертвым грузом, ибо руководители разведки могли самое большее оценить их, но не разобраться и, тем более, как-то использовать. В марте 1942 года Сталину был представлен письменный доклад от НКВД. Он не был подписан Берия, так как нарком не посчитал возможным подписать столь сложный технический доклад. Но уже тот факт, что Берия, получив эти материалы и не будучи физиком, умел их хотя бы оценить, говорит о незаурядном интеллекте.

В мае 1942 года Сталину устно доложил по той же теме Кафтанов, научный консультант ГКО. Вождь прошелся по кабинету и сказал: «Нужно делать».

Впрочем, судя по тому, что заниматься атомной бомбой поручили Молотову, дело это не попало в разряд первоочередных, да и не могло попасть — шла война, и было не до того, чтобы активно разрабатывать оружие далекого будущего. Вячеслав Михайлович вел дело не спеша, вразвалочку. Он проконсультировался с учеными, все подготовил — на одно это ушло три месяца. 28 сентября Сталин подписал распоряжение ГКО «Об организации работ по урану». Затем начались консультации с учеными, поиск руководителей проекта.

Молотов впоследствии вспоминал: «Чекисты дали мне список надежных физиков, на которых можно было положиться, и я выбирал. Вызвал Капицу к себе, академика. Он сказал, что мы к этому не готовы и атомная бомба — оружие не этой войны, дело будущего. Спрашивали Иоффе — он тоже как-то неясно к этому отнесся. Короче, был у меня самый молодой и никому еще не известный Курчатов, ему не давали ходу. Я его вызвал, поговорил, он произвел на меня хорошее впечатление. Но он сказал, что у него еще много

неясностей. Тогда я решил ему дать материалы нашей разведки... Курчатов несколько дней сидел в Кремле, у меня, над этими материалами».

Попросту говоря, именитые ученые отказались от этой работы, у них были другие интересы и другие темы, а молодой Курчатов, которого собратья по научному миру всячески «задвигали», согласился. Ему дали некоторые материалы разведки, пока что те, что были получены из Англии, и уже по ним молодой физик написал заключение: «Вся совокупность сведений и материала указывает на техническую возможность решения всей проблемы урана в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, незнакомые с ходом работ по этой проблеме за границей».

10 марта 1943 года в АН СССР был создан институт атомной энергии, под условным названием «Лаборатория № 2». Начальником «лаборатории» стал Курчатов. Теперь он получил доступ ко всем материалам, в том числе и полученным из США, куда к тому времени переместились все работы над бомбой. Естественно, это были не радиограммы агентов, а формулы, схемы, описания, и все это на английском языке — всего около 3 тысяч листов.

Объем информации был огромен, причем по самым разным аспектам проблемы, так что поневоле пришлось допустить к ним и других ведущих ученых проекта: сначала Иоффе, Алиханова и Кикоина, чуть позднее Хари-тона и Щелкина. Берия сопротивлялся расширению круга «посвященных», как мог, но поневоле приходилось уступить. Риск был громадным и увеличивался с каждым допущенным к секретам человеком: если бы кто-нибудь из них проболтался и информация пошла дальше — а в академических кругах она гуляла очень легко — то американская

контрразведка без труда смогла бы вычислить источники информации.

Скажете, это не так просто? Тогда вот пример из воспоминаний Павла Судоплатова, который лично знакомил ученых с данными разведки. «Кикоин, прочитав доклад о первой ядерной цепной реакции, был необычайно возбужден и, хотя я не сказал ему, кто осуществил ее, немедленно отреагировал: „Это работа Ферми. Он единственный в мире ученый, способный сотворить такое чудо“. Я вынужден был показать им некоторые материалы в оригинале на английском языке. Чтобы не раскрывать конкретных источников информации, я закрыл ладонью ту часть документа, где стояли подписи и перечислялись источники. Ученые взволнованно сказали: „Послушайте, Павел Анатольевич, вы слишком наивны. Мы знаем, кто в мире физики на что способен. Вы дайте нам ваши материалы, а мы скажем, кто их авторы“. Иоффе тут же по другим материалам назвал автора — Фриша. Я немедленно доложил об этом Берия и получил разрешение раскрывать Иоффе, Курчатову, Кикоину и Алиханову источники информации». И представляете себе, что могло бы случиться, если бы кто-нибудь из них проболтался?

Берия пока что участвовал в проекте в той мере, в какой этим занимался его наркомат. Работа велась следующим образом: ученые знакомились с предоставленной информацией, формулировали вопросы, которые их интересовали, вопросы посылались агентам, от агентов вновь поступали донесения и т. п. Это, конечно, довольно упрощенная схема, поскольку, в общем-то, что удавалось добыть, то и хорошо. Кстати, допущенные к разведсекретам физики поневоле становились «научными гениями», ибо, не имея возможности сказать кому бы то ни было о том, что

информация украдена у американцев, они вынуждены были выдавать ее за собственные научные прозрения.

Однако имелась одна проблема, с которой справиться оказалось потруднее, чем с научными разработками. В СССР практически не было урана — то есть в стране-то он, вероятно, имелся где-нибудь в недрах земли, но до войны никто не занимался его поисками и разработками. В распоряжении «Лаборатории № 2» было всего несколько килограммов этого вещества, а потребность исчислялась тоннами.

Разведанные месторождения урана у нас были — в Средней Азии и на Колыме. В декабре 1944 года ГКО принимает решение — создать в горах Таджикистана ура-нодобывающее предприятие — Комбинат № 6. Но его когда еще построят — а пока что руду добывали вручную и вывозили по горным тропам на ишаках. Но советские войска уже входили в Европу, где все было намного цивилизованней.

В Европе имелись урановые рудники — в Болгарии, Чехословакии и Восточной Германии, но нам достались только болгарские. Рудники в Чехословакии и Германии были разрушены американской авиацией, равно как и завод по производству чистого урана. Разрушать эти объекты не было ни малейшей военной необходимости, это явно сделали для того, чтобы те не достались русским.

Сразу же после высадки союзников в Европе американцы сформировали особую группу, в задачу которой входил захват на немецкой территории и вывоз в США всего, что имело отношение к урану — как оборудования, так и людей. Наши разворачивались медленнее. Разведка доложила о том, что где-то на немецкой территории находятся несколько десятков тонн вывезенного из Бельгии оксида урана. Туда командировали нескольких физиков: Харитона,

Кикоина, Арцимовича — искать все, что может пригодиться в их работе. И они стали искать этот уран.

«С помощью командира воинских частей западного района советской зоны нам удалось выяснить, что уран находится на кожевенном заводе города Нейштадт-Глеве, — вспоминал Харитон. — Там нам помогли найти цех, часть которого была беспорядочно завалена небольшими бочками. Как выяснилось, общее количество урана превышало 100 тонн. Бочки были погружены на колонну грузовиков и отправлены на ближайшую железнодорожную станцию. Впоследствии И. В. Курчатов сказал мне, что этот уран позволил примерно на год раньше запустить урановый реактор для производства плутония».

В Берлине обнаружился профессор Николаус Риль, ускользнувший от американцев, главный эксперт по производству чистого урана в Германии. Профессор родился и вырос в России и охотно согласился поехать в СССР для работы по урановой теме — и то сказать, что ему было делать в разоренной Германии? Кроме него, наши сумели заключить контракты еще с двумя группами немецких ученых. Одну возглавил лауреат Нобелевской премии Густав Герц, другую — Манфред фон Арденне. А всего в советском атомном проекте работало около 300 немцев⁵⁵.

Работа над атомной бомбой шла в почти не воюющей Англии и абсолютно не воюющих США полным ходом. Если кто и мог предполагать, против кого готовится это оружие, так это Сталин, который вообще был человеком, не склонным к иллюзиям. Но и он, возможно, разделял мнение ученых, что атомное оружие никогда не будет применено на практике. Все иллюзии рухнули 6 августа 1945 года.

Подлинная история советской атомной бомбы?

«Роль Берия в атомном проекте к этому времени была незначительной, так как внешняя разведка перешла в конце 1943 года во вновь созданное управление при выделенном из НКВД новом Наркомате государственной безопасности... Берия остался главой НКГБ и управлял теперь милицией и ГУЛАГом».

Ж. Медведев. «Сталин и атомная бомба».

Да, только не надо забывать, что, кроме этого, Берия был еще заместителем председателя ГКО и председателем Оперативного бюро ГКО, то есть фактически вторым после Сталина человеком в стране и первым во всей практической работе. Так что этот проект никак не мог его обойти. Но почему именно Берия в 1945 году стал во главе всех работ, связанных с атомной бомбой?

Кстати, Молотов — да, он был назначен главным в урановых делах. Но его заместителем-то стал Берия! А вот об этом не пишут. Судоплатов утверждает, что его функция была — обеспечивать военных и ученых разведывательной информацией. Но Судоплатов и не мог утверждать ничего другого, ибо ничего другого ему было знать не положено.

Но есть в этом деле свидетельство человека, который, с одной стороны, пристрастен, но, с другой, с ним нельзя не считаться, поскольку ему очень многое известно. Это Серго Берия, причастный к работе Спецкомитета дважды: как сын Берия и как участник проекта, разработчик оружия. Уже после войны он постепенно, от разных людей, узнал не только историю,

но и предысторию создания атомной бомбы. Он пишет, что его отец имел с самого начала гораздо большее влияние на разработку атомного оружия, чем принято думать.

Впрочем, нечто подобное ведь было и со стрелковым оружием: официально Берия курировал его производство лишь с февраля 1942 года, но, по воспоминаниям Новикова, беседовал с ним о пяти тысячах винтовок в сутки уже в июле 1941-го. Вполне может быть, что партаппаратчик Молотов был лишь номинальным руководителем — другое дело, что он никогда бы этого не рассказал.

«Мало кто знает, что даже тогда, в тридцатые. Народный комиссариат внутренних дел не был чисто карательной организацией, — пишет Серго. — Специалисты высочайшей квалификации занимались здесь всей группой вопросов, так или иначе связанных с военной техникой, да и не только с военной. Соответствующие службы НКВД интересовали транспорт, авиация, промышленность, экономика — словом, абсолютно все, что было необходимо для оценки стратегических возможностей нападения на СССР той или иной державы. Этой оценкой в широком смысле наша разведка и занималась».

С другой стороны, и советские физики занимались атомной проблемой еще до войны. Сотрудники Института химической физики Я. Зельдович и Ю. Харитон провели расчеты по цепной реакции деления урана в реакторе, а также рассчитали условия возникновения ядерного взрыва и оценили его разрушительную силу. Г. Флеров и Л. Русинов тоже проводили важные эксперименты. Но все это были

научные работы, а между научными работами и техническими разработками — дистанция огромного размера. В первую очередь это деньги, деньги и еще раз деньги. В то время в Союзе лучше было и не заикаться о том, чтобы начать серьезную работу над атомной бомбой — все средства шли на подготовку к надвигающейся войне.

Но вернемся к Берия. То, что дальше пишет Серго, если это удастся подтвердить документами, является сенсацией, совсем по-иному бросающей свет на всю историю атомных проектов в СССР.

«Первая комиссия, которая рассматривала реальность и необходимость атомного проекта, была создана по инициативе моего отца. Как человек, руководивший стратегической разведкой, он располагал той информацией, с которой все и началось.

Возглавлял эту комиссию Молотов, в ее состав входили Иоффе, Капица, другие видные советские ученые.

Разговор был предметный — отец представил убедительные разведданные, полученные к тому времени из Германии, Франции, Англии. Тем не менее, проект был отклонен. Комиссия признала, правда, что теоретически проблема существует, но практически реализация такого проекта требует десятилетий. Следовательно, не время, да еще при нависшей угрозе войны, вкладывать средства в то, что в обозримом будущем не обещает отдачу...

Но разведка свое дело делала — отец организовал сбор данных из западных стран, причем любых данных, связанных с этой проблемой. Еще тогда он убеждал:

— Нельзя допустить, чтобы Германия получила такое оружие раньше нас.

В начале 1940 года отец повторно обращается в Центральный Комитет партии и к Сталину с

предложением начать работы по атомному оружию... К этому времени и наши, и западные ученые уже не сомневались, что такой проект реализуем... Отец докладывал в ЦК и Сталину, что уран из Чехословакии не экспортируется, так как полностью уходит на исследовательские работы в Германию.

Все запасы тяжелой воды в Европе немцы также пытаются захватить. Помешали французы — почти весь запас тяжелой воды попал к Жолио-Кюри. По всей вероятности, эти разведанные поступали тогда из Франции.

И самое интересное, что тогда же разведка сообщила, что из Африки тайно переправляется в Америку запас обогащенного урана.

Аналитикам не составило особого труда сделать соответствующие выводы — работы за границей переходят в инженерную стадию... Отец предлагал хотя бы не в полном объеме, но развернуть такие работы и в СССР».

Но Серго сообщает и еще более сенсационные подробности. Сейчас общеизвестно, что созданием атомной бомбы в США руководил американский физик немецкого происхождения Роберт Оппенгеймер. А незадолго до войны в доме Берия появился странный гость.

«Сам я, не догадываясь об этом, прикоснулся к тайне будущего оружия в конце 1939 года. В это время у нас в доме появился молодой человек. Так как он говорил по-английски, я считал, что он англичанин. Жил он у нас недели две.

Отец его не представлял, просто сказал, что это молодой ученый, Роберт, который приехал для ознакомления с рядом вопросов. Никаких разговоров больше не было.

Роберт оказался довольно высоким, худощавым человеком лет тридцати, с характерным лицом. С

достаточной степенью вероятности можно было судить об его еврейском происхождении. А кто он и откуда, можно было только гадать.

Роберт знал немецкий, но проще ему было говорить по-английски. Язык я знал, поэтому проблем в общении у нас не возникало. К тому же отец попросил меня в те дни, когда Роберт никуда не уезжает, тоже оставаться дома и не ходить в школу. С тобой ему будет не так скучно, сказал отец.

Наш гость много читал, а когда заканчивал работу, охотно расспрашивал меня, как и чему учат в советских школах, что сейчас по физике проходим, что по математике, химии. Показал мне ряд приемов быстрого счета. Я понял, что этот человек имеет какое-то отношение к технике.

— Рассказывай обо всем, что его интересует, но сам не расспрашивай ни о чем, — говорил отец.

Так мы и общались. Роберт расспрашивал — я отвечал. Отец вообще никогда не рассказывал в те годы о людях, которые становились гостями в нашем доме.

Уж не помню точно, то ли в конце сорок второго или в самом начале сорок третьего, как-то за столом — помню, были Ванников, нарком боеприпасов, Устинов, нарком вооружения — зашел разговор о новом оружии. Речь шла о том, что американцы форсируют какие-то разработки, связанные с бомбой колоссальной разрушительной силы. Говорили о ядерной реакции и прочих вещах. Тогда и услышал я, что работы эти возглавляет в Америке Роберт Оппенгеймер.

Я приехал накануне из академии, где учился, от предмета разговора был далек, а когда гости разошлись, поинтересовался у отца:

— Помнишь, у нас несколько лет назад гостил Роберт...

Фамилию Оппенгеймер отец мне тогда не назвал, ответил коротко:

— Не забыл? Он приезжал к нам для того, чтобы предложить реализовать этот проект, о котором ты слышал. Сейчас работает в Америке...

Я спросил тогда у отца, помогает ли он нам сейчас. Отец ответил, что теперь такой возможности нет, но и без него есть немало людей, которые нам помогают».

Остается добавить, что в годы «охоты на ведьм» Роберту Оппенгеймеру были запрещены любые работы, связанные с государственными секретами, за его коммунистические симпатии.

Действительно, Берия — кодовая фигура эпохи! Где ни копни — и история тут же начинает поворачиваться совсем другой стороной...

Продолжим читать книгу Серго Берия.

«В сорок втором, когда полным ходом шла работа по созданию атомной бомбы в Америке, где были собраны научные кадры из Италии, Германии, Франции, Англии, отец вновь обратился к Сталину: „Больше ждать нельзя“...

И, наконец, дело сдвинулось с мертвой точки. Пусть и в нешироком объеме, но работы все-таки развернули. Было создано Главное управление по реализации уранового проекта... Возглавил новое управление Борис Львович Ванников... А подчинили это управление моему отцу».

Серго — единственный, кто упоминает об этом Главном управлении, остальные пишут только о «Лаборатории № 2». Но ведь наука — это всего несколько процентов, когда речь идет о таком колоссальном проекте. Остальное — рудники, производственные мощности, строительство, кадры, квартиры, пайки — этим-то кто занимался? Завхоз

лаборатории? Раз была начата работа, то непременно должна была существовать и подобная структура, так, сказать, «исполнительный комитет». Ее просто не могло не быть.

Вот теперь все связывается. Берия был замом Молотова не только «по разведке», но и по всем промышленным, инженерным, строительным и пр. делам. Вячеславу Михайловичу оставалось лишь «общее руководство» — в данном контексте совершенно неизвестно, что это такое. Не иначе как для солидности и представительства — Молотова-то во всем мире знали, а кто знал Берия?

А вот во что уж совершенно не верится — так это в то, что Молотов способен был выбрать руководителя атомного проекта. Извините, не та это фигура. Молотов был чистопородным партаппаратчиком, без какого-либо особого тяготения к промышленности и к технике, а тем более к науке. Все его воспоминания заполнены борьбой между левыми и правыми уклонами, дипломатией и пр., но в них нет почти ничего о промышленности и науке. А между тем для того, чтобы так грамотно отобрать ученых, задействованных в проекте, нужно было понимать в том, как проводятся научные исследования, уметь разбираться, кто из ученых чего стоит и будут ли они работать. Это умел Сталин, который вообще любил науку и технику, и это умел Берия, который тоже любил науку и технику и к тому времени уже имел опыт организации подобных исследований — в первую очередь потому, что непосредственно курировал «шарашки». Но каким образом Молотов мог организовать такое снайперское попадание?

Серго Берия: «Отец искал того единственного человека, который мог бы возглавить научную сторону столь сложного дела. Переговорил с доброй полусотней кандидатов и остановил свой выбор на Курчатове. И

академик Иоффе, и другие своими рекомендациями отцу тогда, безусловно, помогли.

С этим предложением отец пришел к Сталину Иосиф Виссарионович внимательно выслушал и сказал:

— Ну что ж, Курчатов так Курчатов. Раз вы считаете, что этот человек необходим, то пожалуйста.

Самое любопытное, что тогда же Сталин предупредил отца:

— Знай только, что Курчатов встретит очень сильное сопротивление маститых ученых...

И отец понял, что параллельно, по каким-то своим каналам, Сталин уже навел соответствующие справки о крупных ученых...»

Так Игорь Курчатов, которому тогда едва исполнилось сорок лет, стал руководителем атомного проекта. Впрочем, уже в декабре 1943 года, по указанию Сталина, он был избран действительным членом Академии наук, так что реноме было соблюдено: во главе крупнейшего проекта стоял академик.

Берия и в дальнейшем ставил на молодых. Он прекрасно знал, что науку делают молодые ученые, а пожилые академики ее только организуют. «Отец имел довольно полную информацию о всех молодых людях, успевших так или иначе проявить себя в тех областях, которые были связаны, в частности, с обороной страны. Понятно, что сам отец не ездил по институтам и университетам, этим занимались другие люди. Были созданы специальные группы, которые целенаправленно занимались подбором научных кадров, в том числе и для ядерного проекта... Помнится, такой важной работой активно занимался академик Тамм, физик-теоретик академик Фокк и другие...».

Любопытна история с Сахаровым, который проявил себя как серьезный ученый, еще будучи студентом. Маститых ученых, отбиривших научные кадры, он не

заинтересовал — слишком был неудобен и слишком оригинально мыслил, а это в науке не приветствуется, все должно протекать в рамках «научного руководства». Однако Берия откуда-то получил достаточно подробные материалы о Сахарове и пригласил его на беседу.

«Разговор был откровенный.

— Как думаете, почему наши ученые не воспринимают ваши идеи? — спросил отец.

Сахаров откровенно рассказал, что думает по этому поводу.

Независимость, неординарность мышления отцу импонировали всегда. Он пригласил молодых расчетчиков-теоретиков и попросил ознакомиться с теми идеями, которые с жаром отстаивал университетский студент. Мнение их было единодушным:

— Лаврентий Павлович, он ведь только студент, но почти готовый ученый.

— Тогда так, — сказал отец. — Помогите ему. Пусть заканчивает учебу, свои расчеты и забирайте его к себе. Пусть занимается вашей темой.

И довольно быстро, попав в группу расчетчиков-теоретиков, людей довольно молодых, Сахаров ее и возглавил».

А вот чего не терпел Берия, и что ему позднее поставили в вину, так это пресловутое «партийное руководство». О том есть множество свидетельств — да весь июльский пленум об этом просто кричит! И Серго тоже пишет:

«Юрий Жданов с товарищами громил кибернетику, а страна выпускала для „оборонки“ эти крайне необходимые нам машины (имеются в виду электронно-вычислительные машины. — Е.Щ. Их болтовня нам не мешала, потому что к таким серьезным вещам, как

ядерный, ракетный проекты, партийных работников и близко не подпускали».

Итак, перед нами альтернативная история атомного проекта, заслуживающая самого серьезного внимания. Серго, безусловно, если и пристрастный, то чрезвычайно информированный человек в том, что касается вклада в атомный проект его отца, и с его свидетельствами нельзя не считаться...

...Итак, работы над проектом шли, хотя и не особенно торопливо, но в условиях войны страна и не могла позволить себе пойти на такие громадные расходы, как непосредственное создание атомной бомбы. Союзники в этой работе ушли далеко вперед. 16 июля 1945 года на полигоне Аламогордо был произведен первый взрыв атомной бомбы. 24 июля, во время работы Потсдамской конференции, президент США сообщил Сталину о том, что у них есть новое оружие, невероятное по разрушительной силе. Оба — и Черчилль, и Трумэн, были удивлены, что Сталин никак не отреагировал на это сообщение, и решили, что советский руководитель просто не понял, о чем речь. «Совершенно очевидно, что в его тяжелых трудах и заботах атомной бомбе не было места», — писал впоследствии Черчилль.

Какой реакции он ожидал, Черчилль тоже пишет. «Ничто не помешало бы ему сказать: „Благодарю вас за то, что вы сообщили мне о своей новой бомбе. Я, конечно, не обладаю специальными техническими знаниями. Могу ли я направить своего эксперта в области этой ядерной науки для встречи с вашим экспертом завтра утром?“».

На самом деле Сталин не отреагировал на сообщение американского президента совсем по другой причине — он уже обо всем знал. У Берия имелись не только сообщения об испытаниях — Меркулов, нарком

госбезопасности, знал о них еще за две недели до срока, но и первые полученные американцами результаты. В общении экспертов, естественно, тоже не было нужды — если бы союзники знали, сколько информации получил СССР об этом их проекте!

Но до советской бомбы было еще далеко. Берия оценил минимальный срок реализации проекта в два года, что на поверку оказалось чистой утопией.

И даже тогда никто не думал, что это так важно. Лишь 6 августа 1945 года США продемонстрировали, что эта тема куда важнее и ближе к нам, чем можно было подумать.

Атомная бомба — вопрос выживания.

И началась гонка. Сталин забросил все дела. С 12 по 16 августа он безвылазно сидел на даче, совещаясь с руководителями уранового проекта, лишь на несколько часов приезжая в Кремль.

20 августа 1945 года Сталин подписал Постановление ГКО о создании Специального Комитета с чрезвычайными и невероятно широкими полномочиями и неограниченным финансированием. В него вошли председатель Госплана Н. А. Вознесенский, член ГКО Г. М. Маленков, нарком боеприпасов Б. Л. Ванников и его заместитель В. А. Махнев, физики И. В. Курчатов и П. Л. Капица, заместитель наркома внутренних дел по строительству А. П. Завенягин, и нарком химической промышленности М. Г. Первухин. Исполнительным органом при Комитете стало Первое главное управление (ПГУ), начальником которого был назначен все тот же Ванников. А руководителем всей работы стал Берия. Теперь до самого конца жизни эта

работа стала для него главной. А новогодним подарком Лаврентию Павловичу, преподнесенным 29 декабря 1945 года, стало освобождение от поста министра внутренних дел.

На стороне американцев были огромные деньги и нерастраченные силы невоювавшей и неплохо нажившейся на войне страны. В разоренном СССР лишних денег не было, да и нелишних — тоже, но на нашей стороне была система, традиционная для России система государства-армии, позволявшая достичь многого не с помощью денег, а за счет организации и мобилизации ресурсов.

...В первую очередь Берия забрал к себе в комитет собственные выдрессированные им структуры — Главное управление лагерей промышленного строительства и Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий. В первом насчитывалось 103 тысячи заключенных, во втором — 190 тысяч. К проекту были подключены также военно-строительные части МВД. Командовал всей этой машиной Завенягин. Для сравнения: в американском атомном проекте участвовало 125 тысяч человек, а у нас к 1950 году в системе Спецкомитета было задействовано 700 тысяч человек⁵⁶. Это позволило сразу набрать невероятный темп.

Первый реактор начали строить в ста километрах севернее Челябинска — этот объект назвали Челябинск-40. В 1947 году к нему присоединились еще три: Свердловск-44 и Свердловск-45 и Арзамас-16, в котором непосредственно и делали бомбы. Людей вполне хватало. По-прежнему не хватало урана.

Впрочем, и здесь положение стало меняться. Уже в 1946 году были найдены месторождения урана на территории СССР — в Таджикистане, а также на Колыме, где был создан еще и обогатительный

комбинат, поскольку руду приходилось вывозить самолетами.

Разговоры о том, что все эти люди, строители и шахтеры, были впоследствии уничтожены, совершенно ни на чем не основаны — абсолютное их большинство не имело ни малейшего представления, чем они на самом деле занимаются. Даже до последнего времени работники урановых рудников в Таджикистане считали, что добывают свинцовую руду — им-то что, лишь бы деньги платили...

Работы были развернуты громадные, но, тем не менее, минимальный срок, названный Берия — два года — прошел, а бомбы все не было.

...А время торопило. Разведка работала превосходно, и постепенно перед советским правительством начал вырисовываться масштаб угрозы. Вскоре стало совершенно точно известно, против кого теперь направлено острие ядерного клинка.

Но до советской бомбы было еще далеко. Берия оценил минимальный срок реализации проекта в два года, что на поверку оказалось чистой утопией.

И даже тогда никто не думал, что это так важно. Лишь 6 августа 1945 года США продемонстрировали, что эта тема куда важнее и ближе к нам, чем можно было подумать.

Поворот в отношениях между вчерашними союзниками начался еще летом 1945 года. А уже 14 сентября американская делегация под руководством М. Колмера, посетившая Москву, заговорила с советским правительством в новом тоне. Американцы вели переговоры со Сталиным по поводу предоставления СССР займа, и в обмен на экономическую помощь делегация выдвинула целый список требований. Советский Союз должен был сообщить, какая доля его производства идет на вооружение, предоставить

американцам важнейшие данные об отечественной экономике и дать возможность проверить точность этих данных.

Далее, Советский Союз должен был взять на себя обязательство не оказывать политической помощи Восточной Европе и сообщить содержание торговых договоров с этими странами. Как в СССР, так и в странах Восточной Европы, находящихся под его контролем, должна быть гарантирована защита американской собственности, право распространять американские книги, журналы, газеты и кинофильмы. Наконец, американцы настаивали на выводе советских оккупационных войск из Восточной Европы. Право, можно было подумать, что СССР и США были не союзниками в войне, а противниками, и Америка победила.

Естественно, Сталин, несмотря на тяжелейшее экономическое положение страны, от займа на таких условиях отказался.

А 5 января 1946 года президент Трумэн писал госсекретарю Бирнсу: «Если России не показать железный кулак и не говорить с ней жестким языком, то неизбежна новая война. Русские понимают лишь один язык — „сколько у вас дивизий?“». Письмо заканчивалось следующей фразой: «Я устал ублажать Советы»⁵⁷.

5 марта 1946 года Трумэн сопровождал английского экс-премьера Черчилля в Фултон, где последний произнес свою знаменитую речь о «железном занавесе». «Холодная война» была официально объявлена.

Политический разрыв сопровождался и соответствующими военными приготовлениями. Уже 4 сентября 1945 года, то есть на следующий день после официального окончания Второй мировой войны, в США был подписан Меморандум 329, который ставил перед

американскими военными следующую задачу: «Отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории»⁵⁸. В приложении определялись критерии для отбора городов, предложенных Объединенным разведывательным комитетом. Цели для бомбардировок отбирались с учетом:

- 1) производственных мощностей, особенно производства самолетов и другого вооружения;
- 2) наличия государственных и административных учреждений;
- 3) наличия научно-технических учреждений.

В списке советских городов, которые должны были разделить судьбу Хиросимы, были Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск и Ярославль — в то время в них проживало 13 миллионов человек. Планировалось также уничтожение Транссибирской магистрали.

Если к августу 1945 года американцы располагали всего лишь двумя атомными бомбами, использованными против Японии, то уже к концу этого года в их арсенале находилось почти 200 таких бомб.

Причем речь шла не об обороне от возможной «советской агрессии», а о нападении. В 1945 году комитет начальников штабов в своем секретном докладе рекомендовал напасть на СССР, причем с применением атомного оружия, не только в случае агрессии нашей страны, но и в том случае, если успехи Советского Союза в области экономики и науки указывали бы на то, что он имеет возможность «в конечном итоге напасть на США или создать оборону против нашего нападения»⁵⁹. Не слабо, да?

Далее процесс развивался и дополнялся. К середине 1948 года был составлен план «Чариотир». Согласно ему, в первые тридцать дней планировалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов, в том числе 8 атомных бомб на Москву и 7 бомб — на Ленинград. На втором этапе, который должен был продлиться еще два года, предполагалось сбросить на СССР еще 200 атомных и 250 тысяч тонн обычных бомб. Не успел год закончиться, как по американским штабам был разослан новый план «Флитвуд». Противостояние двух сверхдержав нарастало, и оперативный план САК ЕВП 1-49, представленный комитету начальников штабов главнокомандующим американскими ВВС 21 декабря 1948 года, исходил уже из того, что война с Советским Союзом начнется до 1 апреля 1949 года. Американцев тоже поджимало время: по их расчетам, СССР создаст свою атомную бомбу не ранее 1952-1955 годов, но советский министр иностранных дел Молотов уже в 1947 году во всеуслышание заявил, что атомное оружие не является тайной для Советов. Вот и гадай: блеф это или на самом деле так оно и есть...

Если не все в точности, то хотя бы приблизительное содержание этих планов становилось известно советскому правительству и, естественно, не прибавляло бодрости.

...Наконец, десять килограммов плутония, необходимых для создания атомной бомбы, были накоплены. Первое испытание советской атомной бомбы прошло, вопреки всем западным прогнозам, 20 августа 1949 года под Семипалатинском в Казахстане.

Серго Берия тоже присутствовал на полигоне — уже тогда он был конструктором оборонной техники, хотя, скорее всего, просто попросился на испытания, пользуясь высоким родством. А что тут, собственно, плохого?

В своей книге он пишет:

«Михаил Первухин... в своих воспоминаниях, написанных еще в конце шестидесятых годов и опубликованных лишь недавно, утверждал, что „в случае неудачи нам бы пришлось понести суровое наказание за неуспех“. „Конечно, мы все ходили под страхом“, — вторил ему Ефим Славский, в те годы первый директор атомного комбината... (Впрочем, надо учитывать тот факт, что ни тот, ни другой не были репрессированы при Хрущеве, а условием этого обычно были вполне определенные вещи. Никита Сергеевич во главу угла ставил личную преданность и ненависть к его личным врагам. — Е. П.) В других источниках прямо говорится, что Лаврентий Павлович приехал на полигон с двумя списками сотрудников — один был наградной, другой, в случае неудачи, для ареста... (Ну, а это вообще глупость полнейшая — если посадить разработчиков, то откуда тогда брать последующую удачу? А дураком Берия не был. — Е. П.) Баек на этот счет ходит, действительно, много... Дописались даже до того, что отец был после взрыва в дурном настроении, потому что не успел первым доложить об удачных испытаниях Сталину.

Реакцию своего отца я помню прекрасно. Все было совершенно иначе. Сразу же после взрыва отец и Курчатов обнялись и расцеловались. Помню, отец сказал тогда: «Слава Богу, что у нас все нормально получилось...» Дело в том, что в любой группе ученых есть противники. Так было и здесь. Сталину постоянно писали, докладывали, что вероятность взрыва крайне мала. Американцы, мол, несколько попыток сделали, прежде чем что-то получилось...

Не было и в помине никаких списков, а если кто-то и утверждает, что ученые боялись отца, пусть останется это на его совести. Отношения были совершенно иными... Когда Курчатова заставляли дать показания на

отца и написать, что Берия всячески мешал созданию первой советской атомной бомбы, Игорь Васильевич сказал прямо: «Если бы не он, Берия, бомбы бы не было». Произошло это уже после июня 1953 года, когда ведущих ученых вызывали к Хрущеву и Маленкову и требовали:

«Дайте показания на Берия! Партии необходимо показать его злодейскую роль». Но ученые на это не пошли, а тронуть их не решился даже Хрущев. Как ни был неумен новый лидер СССР, он понимал, что его положение в мире зависит во многом от их работы...

Естественно, первым об успехе испытаний Сталину доложил Берия — сообщение ушло в Москву прямо с полигона».

Большая группа участников проекта получила тогда высокие награды. Восемь ведущих ученых: Курчатов, Флеров, Харитон, Хлопин, Щелкин, Доллежал, Бочвар и немецкий физик Николаус Риль стали Героями Социалистического Труда. Всем им подарили дачи под Москвой и машины «Победа», а Курчатов получил «ЗИС». Все были удостоены Сталинских премий. Героями Соц-труда стали Ванников и его заместитель Первухин, а также восемь генералов из МВД.

Все это позволит впоследствии управделами Совмина М. Т. Помазневу заявить на июльском Пленуме 1953 года: «По линии Спецкомитета имело место задабривание министров и других руководящих работников и заигрывание с ними. Большинство министров оборонной промышленности и машиностроения получили по несколько орденов и стали лауреатами Сталинских премий. Много наград давалось строителям... Аппарат Спецкомитета не в меру отмечался наградами...»

Мол, подкупал Лаврентий Павлович своих подчиненных. Что же он себя-то забыл? Этому тоже

есть объяснение.

«Берия, глава Спецкомитета, получил лишь орден Ленина. Он оказался во втором длинном списке всех тех, которые „принимали участие“ в строительстве объектов атомной промышленности. Этим обидным для Берия решением Сталин хотел, очевидно, подчеркнуть, что главная заслуга в организации всех работ по проблеме № 1 принадлежит не Берия, а самому Сталину».

Ж. Медведев. «Сталин и атомная бомба».

А может быть, это Берия, подписывавший представления на участников проекта, так оценил свой вклад?

В то время было не модно награждать самих себя, и даже Сталин категорически отказался от Золотой Звезды Героя, которой его пытались наградить в 1945 году. А кто больше него заслуживал самой высокой награды?

«Человеческий фактор»

Ученые — народ непростой. Большею частью они темпераментны, обидчивы, амбициозны, склонны абсолютизировать свое дело и его значение в жизни человечества. Не все, конечно, но многие. Теоретики — это вообще особый разговор, о них даже среди физиков ходит множество анекдотов, а простому смертному логику теоретика иной раз и понять невозможно.

Легенда о «безграмотном руководстве Берия» имела начало в знаменитом письме академика Капицы Сталину. Петр Леонидович с самого начала относился к работе над атомной бомбой скептически. Говоря по-простому, он не хотел заниматься этой проблемой. Почувствовав, что увязает в ней, Капица отправил Сталину два письма. Первое — 3 октября 1945 года, в котором он просил освободить его от всей работы в СНК, кроме Академии наук. Сталин это письмо попросту «не заметил». Тогда последовало второе, с нападками на Спецкомитет и на Берия.

«Хоть и тяжеловато будет, но, во всяком случае, попробовать надо скоро и дешево создать АБ, — пишет ученый. — Но не таким путем, как мы идем сейчас — он совсем безалаберен и без плана. Его главные недостатки: во-первых, он не использует наши организационные возможности, а во-вторых, он шаблонен».

Ну, что касается организационных возможностей — тут Петр Леонидович прав •— организационно проект находился в самом начале. Что же до шаблонности, то... и тут он прав! Ему, как ученому, хотелось решить проблему каким-то совершенно своим путем, как до него никто не решал. Не зря же говорят, что наука — это удовлетворение собственного любопытства за счет государства. Но заказчику, оплачивавшему счета — стране, правительству и, в частности Спецкомитету, было на оригинальность подхода решительнейшим образом наплевать. Ему нужна была бомба в максимально короткие сроки, самым простым и быстрым способом достижения этого было повторение американского пути» и Берия всеми способами толкал ученых на этот путь, а Курчатов послушно следовал его указаниям. Ну, и как мог стерпеть такое Петр Леонидович? Какой-то там Берия, чиновник — да что он понимает в науке?! Курчатов — да кто он такой? Тоже

мне, академик — все знают, что его Сталин академиком назначил. И вообще, какой ученый смирится с тем, что работа идет не по его схеме?

Досталось, естественно, руководству. «Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Спецкомитете как сверхчеловеки. Особенно товарищ Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это не плохо, но за ним первую скрипку все же должен играть ученый... У товарища Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и знать партитуру. С этим у Берия слабо. Я лично думаю, что товарищ Берия справился бы со своей задачей, если бы отдал больше времени и сил. Он очень энергичен, прекрасно и быстро ориентируется, хорошо отличает главное от второстепенного, поэтому зря времени не тратит, у него безусловно есть вкус к научным вопросам, он их хорошо схватывает, точно формулирует свои решения».

В итоге Петр Леонидович предложил Лаврентию Павловичу поучиться физике в его институте. Не совсем понятно, зачем Берия физика, когда есть Курчатов, ну да ладно. Но, по-видимому, все же эти два характера схлестнулись всерьез.

«С товарищем Берия отношение у меня все хуже и хуже, — пишет Капица, — и он, несомненно, будет доволен моим уходом. Работать с таким настроением я не умею. Я ведь с самого начала просил не привлекать меня к этому делу, так как заранее предполагал, во что оно у нас выльется...».

Это письмо обошло множество изданий, как несомненный «компромат» на Берия, хотя не совсем ясно, какой это «компромат» — ну не сошлись люди характерами, и все тут. Обычные, в общем-то, для научного мира разборки.

Через две недели после своего эпохального письма Капица был действительно освобожден от всех работ,

связанных с проектом. Никаких иных последствий для него не было, никто его не трогал. Однако почти через год, 17 августа 1946 года, Петр Леонидович был распоряжением Сталина внезапно лишен всех своих государственных и научных постов, в том числе и поста директора созданного им института физических проблем. Этот случай любят приводить в качестве примера какой-то особой злопамятности Сталина — надо же, столько выжидал...

На самом деле все было немножко иначе. Просто институт Капицы срочно понадобился для работ над водородной бомбой. Во-первых, его предполагалось несколько переориентировать, с чем директор уж точно бы не согласился, и вышел бы еще один скандал, а во-вторых, теперь этим институтом не мог руководить ученый, не задействованный в проекте. Ну и, возможно, когда речь зашла о Капице, Сталин сказал что-нибудь вроде: раз уважаемый академик не хотел помочь государству, когда его об этом попросили, то почему государство должно обеспечивать его работой и прочими благами? Вполне в духе времени и, кстати, традиционный для России подход...

Лишь девять лет спустя, когда работы над бомбой были в основном закончены, Капица смог снова вернуться к своей работе.

Самую суть конфликта, даже не касаясь его, прояснил Павел Судоплатов. «Оппенгеймер напоминает мне в значительной мере наших ученых академического типа, — пишет он, — Вернадского, Капицу, Сахарова. Они всегда стремились сохранить собственное лицо, стремились жить в мире, созданном их воображением, с иллюзией независимости... А для Курчатова в научной работе главными всегда были интересы государства. Он был менее упрям и более зависим от властей, чем Капица и Иоффе... Правительство стремилось любой ценой ускорить испытание первой атомной бомбы, и

Курчатов пошел по пути копирования американского ядерного устройства. Вместе с тем не прекращалась параллельная работа над созданием бомбы советской конструкции. Она была взорвана в 1951 году...».

Это, кажется, единственный случай, когда кто-либо из ученых был недоволен Берия. Даже странно, недовольства должно быть больше. В отличие от ученых, склонных абсолютизировать свою науку, мышление Берия было комплексным, он видел проблему со многих сторон, чем иной раз удивлял физиков.

Так, например, Сахаров, будущий знаменитый академик (к сожалению, знаменитый не своим делом, а тем, что полез не в свое дело), как-то спросил Берия:

«— Почему наши новые разработки идут так медленно? Почему мы все время отстаем от США и других стран, проигрывая техническое соревнование?»

Ответ был для ученого неожиданным:

— Потому что у нас нет производственно-опытной базы. Все висит на одной «Электросиле». А у американцев сотни фирм с мощной базой».

«Такой ответ мне был, конечно, не интересен», — признается Сахаров.

А чего он, собственно, ждал?

Но любопытнее всего то, что было дальше. «Он подал мне руку, — пишет Сахаров. — Она была пухлая, чуть влажная и мертвенно холодная. Только в этот момент я понял, что говорю с глазу на глаз со страшным человеком. До этого мне это не приходило в голову, и я держался совершенно свободно».

Рискну предположить: то, что он разговаривал со «страшным человеком», Андрей Дмитриевич понял не в конце разговора, а тогда, когда писал мемуары. Да и вообще соотношение действительности и ее преломления в сознании физика-теоретика, наделенного необходимым для его работы феерическим воображением, — совершенно особый вопрос. Чего

стоит другой пассаж из воспоминаний Сахарова: «На одном из совещаний летом 1952 года... Берия, отчитывая Н. И. Павлова, одного из генералов МГБ... встал и произнес примерно следующее: „Мы, большевики, когда хотим что-то сделать, закрываем глаза на все остальное (говоря это, Берия зажмурился и его лицо стало еще более страшным). Вы, Павлов, потеряли большевистскую остроту! Сейчас мы не будем вас наказывать, мы надеемся, что вы исправите ошибку, но имейте в виду, у нас в турме места много“.

Берия говорил твердо «турма» вместо тюрьма. Это звучало жутковато...»

Звучит, и вправду, жутковато, но... но Берия, разглагольствующий о «большевистской остроте»! Может, Андрей Дмитриевич его с Кагановичем перепутал?

...Здесь, как и в ГКО, Берия опекал «своих» ученых и инженеров. Так, например, с самого начала работы и до ее конца Спецкомитет был «зоной, свободной от арестов». Ни Абакумов, ни кто-либо еще не решались связываться с Берией — себе дороже. Все ученые, работавшие в проекте, были обеспечены жильем, дачами, хорошим питанием и медицинской помощью, пользовались спецраспределителями. С другой стороны, их квартиры прослушивались — но без последствий. Даже к академику Ландау, который ругательски ругал советский строй, называя его фашизмом, а себя рабом, не было предпринято никаких оргвыводов. Пусть себе болтает, лишь бы работал...

Разные бывали ситуации. Вспоминает Павел Судоплатов:

«Я получил сообщение, что младший брат Кикоина по наивности поделился своими сомнениями о мудрости руководства с коллегой, а тот немедленно сообщил об этом оперативному работнику, у которого был на

связи...». То есть, говоря обычными словами, младший брат физика, задействованного в проекте, что-то сказал про Сталина, а его коллега оказался стукачом. Таковы были нравы в научной среде — а еще удивляются, почему в 1937 году их столько пострадало... Но продолжим:

«Когда я об этом проинформировал Берия, он приказал мне вызвать Кикоина и сказать ему, чтобы он воздействовал на своего брата. Я решил не вызывать Кикоина, поехал к нему в лабораторию и рассказал о „шалостях“ его младшего брата. Кикоин обещал поговорить с ним. Их объяснение было зафиксировано оперативной техникой прослушивания, установленной в квартирах ведущих ученых-атомщиков».

Более того, на следующий день Берия еще и приехал в лабораторию, чтобы успокоить физика — мол, все с его братом будет в порядке, не только самим ученым, но и их родственникам гарантирована абсолютная безопасность.

Серго Берия рассказывает историю посерьезней.

Один из основных ученых проекта, Юлий Харитон, в свое время работал в Англии и, естественно, по ведомству МГБ проходил как «английский шпион».

«В свое время Юлия Борисовича дважды пытались отстранить от работ, связанных с созданием ядерного оружия, и даже обвиняли в шпионаже. Были люди, которые с самого начала не хотели, чтобы Харитон занимался научной деятельностью... К счастью, тогда все обошлось, и академик Харитон продолжил работу. А спустя несколько лет, отец к тому времени уже не имел и косвенного отношения к органам безопасности, его вызвал Сталин:

— Это материалы на Харитона... Убеждают меня, что английский шпион... Что скажешь?

Не берусь точно утверждать, кто именно возглавлял тогда госбезопасность — Абакумов или Игнатъев, — но «дело» было состряпано в этом ведомстве. Материалы на Харитона были собраны и представлены Сталину. А коль ядерный проект курировал отец, Сталин вызвал его.

Отец хорошо помнил предыдущие попытки «убрать» Харитона и не особенно удивился, что вновь зашел разговор о его работе на английскую разведку

— Все люди, которые работают над этим проектом, — сказал отец, — отобраны лично мною. Я готов отвечать за действия каждого из них. Не за симпатии и антипатии к советскому строю, а за действия. Эти люди работают и будут честно работать над проектом, который нам поручен.

Разговор происходил в кабинете Сталина, дело на академика Харитона лежало на столе Иосифа Виссарионовича, и можно только догадываться, что там было написано.

— А насчет Харитона могу сказать следующее, — доложил отец. — Человек это абсолютно честный, абсолютно преданный тому делу, над которым работает, и на подлость, уверен, никогда не пойдет.

Отец изложил свое мнение в письменной форме и отдал бумагу Сталину Иосиф Виссарионович положил ее в сейф:

— Вот и хорошо, будешь отвечать, если что...

— Я головой отвечаю за весь проект, а не только за Харитона, — ответил отец.

Бумага, написанная отцом, так и осталась у Сталина». Этот случай был не единственным. Таким вот способом создавалась «зона, свободная от арестов». Кстати, по поводу репрессий: когда речь шла о людях, занимающих достаточно высокие посты, то на их арест требовалось согласие вышестоящего начальника. Если

бы все наркомы вели себя, как Берия, то никаких «шарашек» бы не понадобилось...

Академик Андроник Петросьянц оставил воспоминания, где подробно характеризовал Берия как руководителя проекта.

«Среди всех членов Политбюро и других высших руководителей страны Берия оказался наиболее подготовленным в вопросах технической политики и техники. Все это я знал не понаслышке, а по личным контактам с ним, по многим техническим вопросам, касавшихся танкостроительной и ядерной тематики. В интересах исторической справедливости нельзя не сказать, что Берия, этот страшный человек, руководитель карательного органа нашей страны, сумел полностью оправдать доверие Сталина, использовав весь научный потенциал ученых ядерной науки и техники, имевшийся в нашей стране. Он придал всем работам по ядерной проблеме необходимые размах, широту действий и динамизм.

Он обладал огромной энергией и работоспособностью, был организатором, умеющим доводить всякое начатое им дело до конца. Часто выезжал на объекты, знакомился с ходом и результатами работ, всегда оказывал необходимую помощь и в то же время резко и строго расправлялся с нерадивыми исполнителями, невзирая на их чины и положение. В процессе создания первой советской ядерной бомбы его роль в полном смысле была неизмеримой...».

После уничтожения Берия Спецкомитет был ликвидирован уже 26 июня 1953 года, а его аппарат передан во вновь образованное министерство среднего машиностроения СССР. Казалось бы — какая разница? Но разница была — и существенная. Дело в том, что к тому времени отношение Берия к своему ведомству несколько изменилось. Об этом рассказал на памятном

июльском Пленуме ЦК член комитета, а ныне замминистра среднего машиностроения А. П. Завенягин.

«Берия слыл организатором, а в действительности был отчаянным бюрократором... Американцы строят новые большие заводы по производству взрывчатых атомных веществ. Тратят на это огромные средства. Когда мы ставили вопрос о новом строительстве, Берия нам говорил:

«К черту, вы тратите много денег, укладывайтесь в пятилетку». Мы не могли с этим мириться, государство не может мириться. Берия же повторял нам: «К черту, укладывайтесь в утвержденные цифры»».

Что означал этот выпад? А означал он очень простую вещь. В самом начале работы над бомбой, когда шла невероятная гонка, для ПГУ Спецкомитета был установлен особый финансовый режим — неограниченное финансирование, оплата всех смет «по произведенным затратам». Но задача была выполнена, гонка на выживание закончилась, а строители и все прочие по-прежнему хотели тратить деньги, не считая. Берия же этому воспротивился. ЦК пресек его «вражескую деятельность», так что оборонка, как и раньше, могла тратить столько денег, сколько хочет. Люди старшего поколения хорошо помнят результат — оборонная промышленность становилась все более раздутой и неэффективной, пока не превратилась в чудовищную «черную дыру», куда со свистом улетали миллиарды. В этой ситуации американцы приняли совершенно грамотное решение и стали изматывать СССР гонкой вооружений. И измотали.

И все же созданная Берия гигантская структура была настолько мощной, что продержалась до самого начала перестройки и выжила даже после ударов, нанесенных экономической реформой. Юрий Мухин пишет: «Чем бы ни занимался Берия, он всегда строил».

И надо сказать, что не только строил, но и умел это делать...

ГЛАВА 6

СТО ДНЕЙ ЛАВРЕНТИЯ БЕРИЯ

Сталин и Берия: последние дни

«...Берия приехал на дачу Сталина утром 2 марта, как только ему сообщили о том, что у вождя случился инсульт. Сразу же, утром, появились врачи, к вечеру — еще одна бригада, светила медицины. Впрочем, с самого начала было ясно и приговор медиков не оставлял надежды — помочь было нельзя».

«Как только Сталин свалился, Берия в открытую стал пылать злобой против него. И ругал его, и издевался над ним. Просто невозможно было его слушать! Интересно впрочем, что как только Сталин пришел в чувство и дал понять, что может выздороветь, Берия бросился к нему, встал на колени, схватил его руку и начал ее целовать. Когда же Сталин опять потерял сознание и закрыл глаза, Берия поднялся на ноги и плюнул на пол».

Н. Хрущев. Воспоминания.

*** * ***

«Только один человек вел себя неприлично — это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были — честолюбие,

жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался в этот ответственный момент, как бы не перехитрить и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного, — отец иногда открывал глаза... Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза, он желал и тут быть "самым верным, самым преданным" — каковым он изо всех сил старался казаться отцу и в чем, к сожалению, слишком долго преуспевал...»

«...Когда все было кончено, он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества:

«Хрусталеv! Машину!»»

С. Аллилуева. «Двадцать писем к другу».

Ну, что касается Хрущева, тут все ясно. С мемуарами же Светланы Аллилуевой дело иметь непросто. В них слишком большое место занимает демонстрация ненависти к Берия, чтобы это было просто так. С другой стороны, должна же она была как-то оплатить свою безбедную жизнь после смерти отца и право выехать за границу.

А вот незаинтересованные свидетели — в первую очередь, врачи — рассказывают совсем иное.

Вспоминает профессор Мясников:

«Консилиум был прерван появлением Берия и Маленкова... Берия обратился к нам со словами о постигшем партию и наш народ несчастье и выразил уверенность, что мы сделаем все, что в силах медицины и т. д. „Имейте в виду, — сказал он, — что партия и

правительство вам абсолютно доверяют, и все, что найдете нужным предпринимать, с нашей стороны не встретит ничего, кроме полного согласия и помощи“».

Другой врач, В. Неговский: «У меня не сложилось впечатления, что Берия был очень возбужден, как вспоминает Светлана Аллилуева. Да, начальствующий тон, но ничего другого сказать не могу. В отношении меня был корректен, вежлив, ничего мне не приказывал. Даже поддерживал: „Находите нужным, делайте!“»

И еще один момент, пронзительный и трагический, мелькнул в мемуарах Шепилова. Утром 4 марта Сталину вроде бы стало легче, и он даже начал приходить в себя.

И тогда, заметив проблески сознания, Берия опустился на колени и поцеловал руку Сталина.

Именно Берия прекратил реанимационные мероприятия, когда стало ясно, что Сталин мертв. Врач Г. Чеснокова вспоминала: «Мы делали массаж больше часа, когда стало ясно, что сердце завести уже не удастся. Искусственное дыхание делать было нельзя, при кровоизлиянии в мозг это строжайше запрещено. Наконец, ко мне подошел Берия, сказал: „Хватит!“ Глаза у Сталина были широко раскрыты. Мы видели, что он умер, что уже не дышит. И прекратили делать массаж».

Что же касается той облетевшей все издания фразы, которая даже стала названием фильма... Как-то раз я провела эксперимент: за столом, в большой компании рассказала эту историю и попросила дать психологическое обоснование: почему сразу после смерти самый близкий к умершему человек, который любил его и почитал, не говоря никому ни слова,

выходит из комнаты, вызывает машину и уезжает. Версии были самые разные, но все согласились на той, которую высказала она из присутствующих женщин: «Может быть, он изо всех сил старается не заплакать?»

...Мы пока отметим, никак не комментируя, тот факт, что после смерти Сталина все решилось мгновенно. Новые назначения разыграли как по нотам — когда только успели все обсудить и обо всем договориться?

5 марта в 20.00 открылось совместное заседание пленума ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета. За какие-то сорок минут были проведены основные назначения. Берия выдвинул Маленкова на пост председателя Совета Министров, тот тут же огласил список своих первых заместителей — Берия, Молотов, Булганин, Каганович. Кроме того, Берия снова стал во главе МВД, теперь вновь объединенного с МГБ в одно ведомство.

На все про все ему было отпущено судьбой сто двенадцать дней. Есть такое понятие: «сто дней» государственного деятеля — это срок, за который он должен предъявить государству свои намерения и возможности. Не более того, ибо больше за сто дней не успеть. Итак, что же сделал Берия за свои сто дней?

Вторая бериевская реабилитация

В третий раз за свою жизнь Берия оказался в МВД. Теперь он повел себя там как хозяин. Уже 13 марта создается следственная группа по пересмотру дел: по «делу врачей», по делу арестованных бывших сотрудников МГБ, которых обвинили в создании сионистской организации, по делу бывших работников управления военного министерства СССР, обвиненных

во вредительстве, по «мингрельскому делу». Руководство работой групп было возложено на Круглова, Кобулова и Гоглидзе. Дела должны были быть пересмотрены в двухнедельный срок.

В тот же день появился приказ о создании комиссии по рассмотрению дел о выселении граждан из Грузии, произведенном МГБ Грузии (забегая вперед, можно сказать что именно МВД Грузии снабдило следствие по «делу Берия» крайне сомнительными документами о его причастности к репрессиям). 18 марта — еще один пересмотр дела, на сей раз это было «дело об авиапроме», по которому в 1946 году контрразведкой СМЕРШ были арестованы нарком авиационной промышленности Ша-хурин, командующий ВВС маршал Новиков и многие другие. И снова срок — двенадцать дней.

Первые результаты последовали 3 апреля, когда, с подачи Берия, появилось постановление Президиума ЦК о фальсификации «дела врачей» и реабилитации арестованных, а также о привлечении к уголовной ответственности фальсификаторов. А вот дальше он сделал то, чего ему так и не простили соратники: 4 апреля сообщение МВД об этом было опубликовано в «Правде», а 6 апреля там же появилась передовая статья «Советская социалистическая законность неприкосновенна».

10 апреля последовало постановление «О фальсификации дела в так называемой мингрельской группе».

17 апреля — реабилитация «героев» дела управления военного министерства, 6 июня — отмена приговора по «делу авиапрома».

Еще один приказ датирован 4 апреля. Его хотелось бы привести полностью.

«Министерством внутренних дел установлено, что в следственной работе органов МГБ имели место

грубейшие извращения советских законов, аресты невинных советских граждан, разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных способов пыток — жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер и др.

По указанию руководства б. Министерства государственной безопасности СССР избиения арестованных проводились в оборудованных для этой цели помещениях в Лефортовской и внутренней тюрьмах и поручались особой группе специально выделенных лиц, из числа тюремных работников, с применением всевозможных орудий пыток.

Такие изуверские «методы допроса» приводили к тому, что многие из невинно арестованных доводились следователями до состояния упадка физических сил, моральной депрессии, а отдельные из них до потери человеческого облика.

Пользуясь таким состоянием арестованных, следователи-фальсификаторы подсовывали им заблаговременно сфабрикованные «признания» об антисоветской и шпионско-террористической работе.

Подобные порочные методы ведения следствия направляли усилия оперативного состава на ложный путь, а внимание органов государственной безопасности отвлекалось от борьбы с действительными врагами советского государства.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Категорически запретить в органах МВД применение к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия; в

производстве следствия строго соблюдать нормы уголовно-процессуального кодекса.

2. Ликвидировать в Лефортовской и внутренней тюрьмах организованные руководством б. МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия, посредством которых осуществлялись пытки — уничтожить.

3. С настоящим приказом ознакомить весь оперативный состав органов МВД и предупредить, что впредь за нарушение советской законности будут привлекаться к строжайшей ответственности, вплоть до предания суду, не только непосредственные виновники, но и их руководители».

Что за нарушение приказа придется отвечать — в этом никто не сомневался. Берия уже за подобные дела и сажал, и стрелял.

Затем новый нарком снова замахнулся на Особые совещания. Этот внесудебный орган появился в 1934 году. Тогда он был несколько ужесточенным аналогом царских Особых совещаний и имел право приговаривать к ссылке, высылке и заключению в лагеря на срок до 5 лет, а также высылке за границу иностранных подданных. Однако в 1937 году Особое совещание получило новые права — выносить приговоры вплоть до высшей меры.

Берия уже дважды ставил вопрос об их ликвидации — в конце 1938-го и в октябре 1945 года, и оба раза потерпел неудачу. В третий раз он вышел с этим предложением 15 июня 1953 года. Тогда этот вопрос решить не успели. В сентябре 1953 года Особые совещания были ликвидированы, и честь их уничтожения досталась «освободителю» Хрущеву.

Берия приписывают и еще одно обращение к Маленкову — самую знаменитую после «дела врачей» записку «О привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в убийстве С. М. Михоэлса и В. И.

Голубева», которые якобы были убиты в 1948 году в Минске по приказу Сталина. Сейчас об этом деле много известно. Разбираться с ним — не тема данной книги, можно сказать лишь одно: феноменальная глупость всей этой истории (несколько позднее мы рассмотрим дело об убийстве Бовкун-Луганца и его жены — по уровню бредовости они примерно равнозначны), а также нетипичный для Берия рыхлый и многословный стиль записки дает все основания думать, что Берия записки не писал и что это — позднейшая фальшивка. Зачем она понадобилась — о том другой разговор...

Новости ГУЛАГа.

Берия не любил бросать деньги на ветер. И, едва придя в МВД, он принялся всерьез разбираться с хозяйственным механизмом ГУЛАГа. Первым делом он решил избавиться от тех проектов, которые были явно не нужны ни сегодня, ни завтра.

Сметная стоимость объектов капитального строительства, которое вел ГУЛАГ, составляла около 105 млрд рублей. Берия предложил прекратить или «заморозить» объекты общей сметной стоимостью 49,2 млрд. О том, что это были за объекты, пишет Алексей Топтыгин:

«Из гидротехнических сооружений:

— Главный Туркменский канал (его потом все же построили и, получив копеечную прибыль в виде низкосортного хлопка и небольшого количества риса, обрели экологическую катастрофу, связанную с исчезновением Аральского моря);

— Самотечный канал Волга — Урал (проект не реализован);

— Волго-Балтийский водный путь (проект был реализован, но далеко не в том объеме, как предполагалось);

— многочисленные железнодорожные, автомобильные дороги, тоннели.

Из них самым затратным и технически неосуществимым был тоннельный переход под Татарским проливом и железная дорога Чун — Салехард — Игарка, одновременно прекращалось строительство ряда промышленных предприятий — Кировского химического завода и двух заводов искусственного жидкого топлива»⁶⁰.

Что любопытно: при том, что сметная стоимость прекращаемых объектов составляла около половины общей, утвержденный план работ на 1953 год на них составлял от общего всего около 25%. То есть, работа там и там шла ни шатко, ни валко, и это были явно не первоочередные стройки — так зачем их продолжать?

Но это было только начало. Берия принялся за ликвидацию ГУЛАГа как хозяйственной единицы. Уже 17 марта он написал Маленкову записку о передаче хозяйственных организаций МВД в ведение других министерств. Так, Министерству металлургической промышленности переходили «Дальстрой», «Главзолото», Норильский комбинат цветных и редких металлов и пр., и таким же образом все объекты расписывались по соответствующим министерствам. Заключенных же, охрану, собственно лагеря предполагалось передать министерству юстиции. Они осудили, они пусть и разбираются.

В ведении МВД оставались особо опасные преступники: шпионы, диверсанты, террористы, политзаключенные, военные преступники и бывшие военнопленные, которые содержались в тюрьмах и особых лагерях — их МВД Минюсту не передавало.

К 16 июня Берия подготовил проект положения о Министерстве внутренних дел, где не было места никакой хозяйственной деятельности — только непосредственные задачи, входящие в круг обязанностей спецслужб, и некоторые специальные, такие, как охрана границ, организация местной ПВО, архивное дело, надзор за противопожарной охраной и т. п.

Но самой широко известной мерой Берия, относившейся к ГУЛАГу, стала знаменитая «бериевская амнистия».

«Алексей Иванович Аджубей в своей книге приоткрыл краешек завесы тайны над мотивами упреждающего удара Хрущева. Оказывается, Берия придумал хитрый ход с амнистией после смерти Сталина. Она касалась больших групп заключенных. Берия беспокоило, что он уже не был властен автоматически продлевать сроки заключения тем, кто был отправлен в лагеря в годы массовых репрессий и свое отбыл. Они возвращались по домам и требовали восстановления справедливости. А Берия было крайне необходимо вновь отправить в ссылку неугодных, задержать оставшихся там. Тогда-то и начали выпускать уголовников и рецидивистов. Они тут же принялись за старое. Недовольство и нестабильность могли дать Берия шанс снова вернуться к прежним методам».

Ага! «Кабы реки и озера слились в озеро одно...» и т.д. Именно с этой целью он амнистию и проводил — чтобы наводнить страну рецидивистами и под это дело снова посадить «жертвы тридцать седьмого года». Можно подумать, что весь тогдашний мир вертелся

вокруг этих «верных ленинцев», и второму человеку в стране, кроме как злоумышлять на них, заняться было абсолютно нечем.

Ужас бериевской амнистии очень убедительно показан в замечательном перестроечном фильме «Холодное лето 53-го». Жаль только, что авторы не потрудились прочесть текст Указа, где черным по белому указан контингент: освободить осужденных на срок до 5 лет, женщин, имеющих детей до 10 лет, беременных, несовершеннолетних, пожилых, больных. А также сократить срок наполовину тем, кто осужден на срок выше 5 лет, кроме тех, кто осужден за контрреволюционную деятельность, бандитизм, умышленные убийства, крупные хищения. Так что все эти с таким тщанием показанные в фильме уголовные хари на свободу не должны были выйти ни при каком раскладе.

Амнистии, по прикидке, подлежало около миллиона человек из двух с половиной миллионов осужденных. На свободу вышло несколько больше — миллион двести тысяч. Берия просто-напросто разгружал лагеря. Эти люди все равно скоро бы вышли на волю, а ведь каждый день, проведенный в лагере, отдаляет человека от нормальной жизни и приближает к миру тех, кто показан в вышеназванном фильме. Естественно, вслед за бериевской амнистией — впрочем, как и за любой другой, последовал всплеск преступности, который был быстро сведен на нет органами МВД, и те, кто не хотел жить честно, вернулись туда, откуда только что вышли.

Куда менее известна другая мера, направленная на предотвращение рецидивов и «привязанная» к амнистии. Дело в том, что в СССР существовали значительные паспортные ограничения для освободившихся заключенных, были режимные

местности, где они не могли прописаться. В своей записке в Президиум ЦК Берия пишет:

«В настоящее время в Советском Союзе паспортные ограничения распространены на 340 режимных городов, местностей, железнодорожных узлов, а также на пограничную зону вдоль всей границы страны шириной от 15 до 200 километров, на Дальнем Востоке до 500 и более километров. При этом Закарпатская, Калининградская и Сахалинская области, Приморский и Хабаровский края, в том числе Камчатка, полностью объявлены режимными местностями.

Таким образом, если взглянуть на карту СССР, то можно видеть, что вся страна пестрит режимными городами и различными запретными зонами, где запрещено проживать гражданам, имеющим судимость и отбывшим наказание.

При существующем положении граждане, отбывшие наказание в местах заключения или ссылки и искупившие тем самым свою вину перед обществом, продолжают испытывать лишения и обречены на мытарство. При выдаче или обмене таким гражданам паспортов в них делается запись о паспортном ограничении и они лишаются права вернуться в город, где у них есть семья, не могут устроиться на жительство в большинстве промышленных и культурных центров, так как жить им там не разрешают и на работу не берут...

За последние 10 лет по судимости получили паспортные ограничения 3 млн 900 тысяч граждан (из них только за один 1952 год 275 286 человек), которые после отбытия наказания не могут возвратиться в режимные местности, чтобы устроиться на работу или соединиться со своими семьями.

В течение 1948—1952 годов по всем городам страны выявлено 5 млн 591 тысяча человек, нарушивших

паспортный режим...

Существующая вдоль границы Советского Союза режимная зона, которая простирается на сотни километров, в особенности на Дальнем Востоке, не имеет практического значения для охраны границы. Больше того, режим и паспортные ограничения, введенные в этих районах, тормозят их экономическое развитие...

Следует отметить, что такой практики паспортных ограничений не существует ни в одной стране. Во многих капиталистических странах — в США, Англии, Канаде, Финляндии и Швеции — у населения паспортов вообще не имеется, о судимости никаких отметок в личных документах граждан не делается...

Министерство внутренних дел СССР считает необходимым упразднить существующие паспортные ограничения в городах и местностях Советского Союза, а также режимную зону вдоль границы СССР, как не вызывающиеся необходимостью...»

Уже 20 мая соответствующим постановлением паспортные ограничения были отменены.

Так на самом деле происходила знаменитая амнистия.

«Крутое» решение национального вопроса.

Слово «крутое» здесь употребляется не в смысле «силовое», а в смысле «неожиданное», крутой поворот. Берия не боялся радикальных преобразований, это видно даже по его грузинскому опыту. И столь же неожиданным и смелым он был и на общероссийском поприще.

К 1953 году большим местом советской внутренней политики были национальные проблемы в областях, присоединенных к СССР в 1940 году. В первую очередь это касалось Западной Украины и Литвы, где существовало мощнейшее националистическое подполье: ОУНов-цы на Украине, «лесные братья» в Прибалтике. К тому времени с ними вели борьбу уже около семи лет, с определенным успехом — но этот успех слишком дорого стоил, поскольку был во многом построен на репрессиях против мирного населения. Отчасти они были оправданы, потому что в их основе лежала необходимость лишить бандитов их социальной базы. Но Берия предложил другое решение, совершенно неожиданное для традиционного партийного сознания.

26 мая 1953 года Президиум ЦК КПСС на основании материалов, предоставленных Берия, принимает два постановления по национальным вопросам: «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украины» и «О положении в Литовской ССР». Оба они были секретными и доведены только до сведения Президиума ЦК и руководства республик.

«ЦК КПСС отмечает, что политическое положение в западных областях Украины продолжает оставаться неудовлетворительным.

Слабая работа местных партийных органов, а также недостаточное руководство со стороны ЦК КП Украины привели к тому, что среди значительной части населения существует недовольство проводимыми на месте хозяйственными политическими и культурными мероприятиями.

До сих пор не принимаются эффективные меры по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, которые получают низкие доходы, что в свою очередь снижает материальное благосостояние колхозников. При этом —налоговая система в деревне осуществляется неправильно, без учета экономического

состояния колхозов и сельского населения. О недовольстве среди местного населения свидетельствуют многочисленные письма жителей западных областей Украины. Только за три месяца 1953 года военной цензурой конфисковано около 195 тысяч писем, адресованных за границу из западных областей Украины, в которых содержатся отрицательные высказывания о действиях местных органов власти.

Серьезное недовольство населения западных областей Украины вызывают имеющиеся там факты грубого искривления ленинско-сталинской национальной политики. В руководящем партийном активе кадры работников из западных украинцев составляют незначительную часть, а почти все руководящие посты в партийных и советских органах заняты работниками, командированными из восточных областей УССР и из других республик Советского Союза. Так, например, из 311 руководящих работников областных, городских и районных партийных органов западных областей Украины только 18 человек из западноукраинского населения.

Особенно болезненно воспринимается населением Западной Украины огульное недоверие к местным кадрам из числа интеллигенции. Например: из 1718 профессоров и преподавателей 12 высших учебных заведений города Львова к числу западноукраинской интеллигенции принадлежат только 320 человек, в составе директоров этих учебных заведений нет ни одного уроженца Западной Украины, а в числе 25 заместителей директоров только один является западным украинцем.

Нужно признать ненормальным явлением преподавание подавляющего большинства дисциплин в высших учебных заведениях Западной Украины на русском языке. Фактический перевод преподавания в западноукраинских вузах на русский язык широко

используют враждебные элементы, называя это мероприятие политикой русификации...

...ЦК КП Украины и обкомы партии до сих пор не могут понять, что борьбу с националистическим подпольем нельзя вести только путем массовых репрессий и чекистско-войсковых операций, что бестолковое применение репрессий лишь вызывает недовольство населения и наносит вред делу борьбы с буржуазными националистами.

С 1944 по 1952 гг. в западных областях Украины подверглось разным видам репрессии до 500 тысяч человек, в том числе арестовано более 134 тысяч человек. Убито более 153 тысяч человек, выслано навечно из пределов УССР более 203 тысяч человек. О явной неудовлетворительности проводимых мер борьбы с буржуазно-националистическим подпольем говорит тот факт, что около 8000 человек из молодежи, подлежащей набору в ремесленные училища и школы ФЗО, перешло на нелегальное положение...

Все это говорит о явном неблагополучии дел в западных областях Украины...».

Все эти данные собрал и подготовил Берия и его ведомство. Что в этой записке замечательного — так это комплексный подход к проблеме: и экономика, и политика, и управление. Такими же комплексными являются и предлагаемые меры, которые были безропотно приняты Президиумом ЦК и отражены в постановлении.

«1. Признать неудовлетворительным руководство ЦК КП Украины и Совета Министров УССР западными областями Украины.

2. Снять т. Мельникова Л. Г. с поста первого секретаря ЦК КП Украины как не обеспечившего руководства и отозвать его в распоряжение ЦК КПСС.

3. Рекомендовать первым секретарем ЦК КП Украины тов. Кириченко А. И., нынешнего второго

секретаря ЦК КП Украины...

5. Рекомендовать тов. Корнейчука А. Е. на пост первого заместителя председателя Совета Министров Украинской ССР..

7. Обязать ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей решительно покончить с извращениями ленинско-сталинской национальной политики нашей партии, с порочной практикой выдвижения на руководящую партийную и советскую работу в западных областях Украины преимущественно работников из других областей УССР и других республик Советского Союза, а также с недооценкой политического значения преподавания в вузах Западной Украины на украинском языке, серьезно улучшив дело подготовки и переподготовки кадров и смелее выдвигая работников из населения Западной Украины на руководящие посты...

8. Обязать ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей УССР бережно относиться к сохранению и использованию кадров западноукраинской интеллигенции... смелее выдвигать ее лучших представителей на руководящие посты в учебных заведениях, а также в научных, культурных и других учреждениях.

9. Обеспечить наличие в руководящем составе ЦК КП Украины и в Правительстве Украинкой ССР работников из западных украинцев.

10. Признать необходимым, в целях дальнейшего хозяйственного укрепления колхозов, развития их общественного хозяйства и повышения материального благосостояния колхозного крестьянства западных областей УССР, провести снижение норм по государственным поставкам сельскохозяйственных продуктов и обязательным денежным платежам, прежде всего для колхозов горных и предгорных районов...

11. Обязать ЦК КП Украины, Совет Министров УССР и обкомы партии западных областей покончить с администрированием в работе, решительно пресекая произвол и беззаконие, чинимые отдельными работниками в отношении населения, и широко развернуть массовую политическую и агитационно-разъяснительную работу.

12. ...При осуществлении необходимых карательных мер в отношении действительных врагов советской власти не допускать перегибов, вызывающих справедливое недовольство широких слоев населения...»

Несмотря на секретность постановления, в п. 13 предписывалось провести в ближайшее время пленумы обкомов и горкомов на Украине и обсудить там постановление. Срок выполнения всего комплекса мер — шесть месяцев.

Одновременно было принято и постановление по Литве. Содержалось в нем примерно то же самое, с той разницей, что ничего не говорилось об экономическом положении колхозов, зато было уделено внимание католической церкви, в том смысле, что надо не репрессии против духовенства проводить, а вести агитационную работу. И меры были мягче, без замены руководства республики. Зато обязали перевести делопроизводство на литовский язык, а в районах с польским населением — на польский. То есть, как видим, Берия положение в каждой республике изучал особо и делал особые выводы. Эти две записки, которые легли в основу «национальных» постановлений, обнаруживают у их автора незаурядный ум и талант именно государственного человека.

Что же партия — возмутилась? Да ничуть не бывало! Это уже потом Берия обвинили в потворстве националистическим элементам, и эти постановления были отменены. А пока что процесс продолжался, и,

несмотря на то, что самое жесткое, «украинское» постановление было камнем в огород Хрущева, чьей вотчиной была Украина, следующие четыре постановления — сначала по Белоруссии и Латвии, а потом по Эстонии и Молдавии — готовил уже Никита Сергеевич. Это потом он от этих инициатив открестился, а тогда был с Берия в одной упряжке. Потом все это отменили... и в результате хрущевской и постхрущевской колониальной политики мы сейчас имеем то, что имеем.

Кстати, с этими постановлениями связаны некоторые забавные эпизоды из жизни МВД. Так, назначенный Берия министром внутренних дел Украины Мешик на заседании ЦК КП Украины демонстративно обратился к собравшимся по-украински, порекомендовав шокированным русским учить украинский язык. А вновь назначенный министр внутренних дел Литвы, несколько перестаравшись, отправил донесение на литовском языке в Москву, где эта бумага стала «китайской грамотой», ибо в центральном аппарате литовского, естественно, никто не знал...

На новом поприще.

Внешней политикой Берия раньше заниматься не приходилось. Тем не менее, он успел и здесь проявить некие инициативы.

Болевой точкой отношений СССР со странами из советской «зоны влияния» были Югославия и ГДР, хотя и по разным причинам Югославия была страной, где у власти находились коммунисты, но иной ориентации, чем в Советском Союзе.

Если в Польше, Восточной Германии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании коммунисты сталинского толка, в конце концов, одержали полную победу, то в Югославии победного шествия сталинизма не произошло. Во время войны, когда генеральный секретарь югославской компартии Иосип Броз Тито был руководителем партизанского движения, он поддерживал самые тесные и дружеские связи с ВКП(б) и советским правительством. Однако после войны положение изменилось. Югославский лидер повел независимую от Москвы политику, и дело кончилось открытым разрывом.

Конфликт между Сталиным и Тито начался в 1948 году, когда последний отказался поддержать идею создания федерации Болгарии и Югославии. У него был собственный план создания Балканской федерации. После этого из Югославии были отозваны советские военные советники, а на состоявшемся в июне 1948 года в Бухаресте заседании Информбюро (преемник распущенного в 1943 году Коминтерна) Жданов огласил доклад «О положении в КП Югославии», куда лично Сталиным было вписано:

«Всю ответственность за создавшееся положение несут Тито, Кардель, Джилас и Ранкович. Их методы — из арсенала троцкизма. Политика в городе и деревне — неправильна. В компартии нетерпим такой позорный, чисто турецкий террористический режим. С таким режимом должно быть покончено».

Есть даже сведения, хотя и не слишком достоверные, что МГБ по приказу Сталина готовило покушение на Тито — но поскольку план этого покушения отличался редкостным идиотизмом (предполагалось, что советский «ликвидатор» во время аудиенции у Тито распылит в помещении бактерии легочной чумы) — то это скорее всего одна из

многочисленных сказок о «страшных чекистах-киллерах».

Как бы то ни было, в 1953 году отношения между странами продолжали оставаться такими же напряженными, как и раньше, и термин «фашиствующая клика Тито» по-прежнему присутствовал в советских энциклопедиях и словарях.

Когда в СССР сменилась власть, маршал Тито заявил в интервью: «Мы в Югославии были бы счастливы, если бы наступил такой день, когда они признали бы, что допустили ошибку в отношении нашей страны. Нас бы это обрадовало. Мы будем ждать, мы посмотрим...»

И в самом деле, 6 июня 1953 года Совет Министров СССР и Президиум ЦК КПСС предложили Югославии обменяться послами, постепенно начали снимать ограничения на передвижение персонала посольств, заговорили о возобновлении экономических и культурных связей.

Большую роль в этой перемене курса сыграл Берия. В частности, он направил в Белград своего представителя полковника Федосеева и написал письмо югославскому министру внутренних дел Ранковичу с предложением негласной встречи. Позднее на пленуме это письмо представили, как деятельность Берия за спиной советского правительства: что это за конспиративные встречи такие, о которых никто не знает? Учитывая уровень вранья новой команды (о том, как и сколько эти деятели вралли — в третьей части книги), думаю, что всё они прекрасно знали, просто надо было найти побольше обвинений, вот и это письмо сюда приплюсовали.

Другой болевой точкой была Восточная Германия. Здесь все было с точностью до наоборот. У власти в этой стране стоял коммунист левацкого толка Вальтер Ульбрихт, который взял курс на ускоренное построение

социализма так, как его понимали советские «революционеры» 20-х годов, без учета изменившегося положения в мире и специфики страны. Начали они с репрессий, продолжили созданием колхозов и завершили приоритетным развитием предприятий группы «А» (тяжелая промышленность) в ущерб развитию предприятий группы «Б» (предметы потребления). Это можно было проделывать в предвоенной России, но немцы ведь — не русские и к такому положению дел не привыкли. С их привычкой к высокому уровню потребления считался даже Гитлер.

В довершение всего 28 мая правительство ГДР объявило о повышении норм выработки, в результате чего падала заработная плата рабочих. Немцы ответили на инициативу властей традиционным для себя способом — забастовками. В воздухе запахло грозой.

Несколько раньше, в апреле — мае 1953 года, положение ГДР не раз обсуждалось на заседаниях как Президиума Совмина, так и ЦК ЦКСС. Люди там были опытные, и революционную активность масс предчувствовали нутром 27 мая, на заседании Президиума Совмина, Берия представил проект решения по Восточной Германии. Была создана комиссия в составе Маленкова, Молотова, Берия, Хрущева и Булганина, которой предстояло в трехдневный срок обсудить и доработать проект решения, исходя из того что «основной причиной неблагоприятного положения в ГДР является ошибочный в нынешних условиях курс на строительство социализма». Предлагалось отказаться от курса на строительство социализма и создание колхозов. Все члены комиссии согласились с проектом решения, кроме твердолобого большевика Молотова, который добавил к словам «строительство социализма» слово «ускоренное», тем самым изменив смысл постановления. Тем не менее, вот оно — и, право кто бы

мог подумать, что читать правительственное постановление может быть так же интересно, как и обычный текст:

«В результате проводимой неправильной политической линии в Германской Демократической Республике создалось весьма неблагоприятное политическое и экономическое положение.

Среди широких масс населения, в том числе среди рабочих, крестьян и интеллигенции, существует серьезное недовольство проводимыми в ГДР политическими и хозяйственными мероприятиями. Это находит наиболее явное выражение в бегстве жителей ГДР в Западную Германию. Так, с января 1951 г. по апрель 1953 г. бежало в Западную Германию 447 тысяч человек, в том числе только за четыре месяца 1953 года — свыше 120 тысяч человек. Значительную часть бежавших составляют трудовые элементы...

Главной причиной создавшегося положения нужно признать то, что в соответствии с решением второй конференции СЕПГ, одобренным Политбюро ЦК ВКП(б), неправильно был взят курс на ускоренное строительство социализма в Восточной Германии, без наличия необходимых для этого реальных как внутренних, так и международных предпосылок (напоминаю, что слово «ускоренное» внес Молотов. — Е. 77.). Проводимые в связи с этим социально-экономические мероприятия, как-то:

— форсирование развития тяжелой промышленности, не обеспеченной к тому же сырьем, резкое ограничение частной инициативы, задевающее интересы широкого круга некрупных собственников как в городе, так и в деревне, и лишение продовольственных карточек всех частных предпринимателей и лиц свободной профессии, особенно — поспешное создание хозяйственных кооперативов при отсутствии необходимой для этого

почвы в деревне, привели к серьезным затруднениям в области снабжения населения промышленными и продовольственными товарами, к резкому падению курса марки, к разорению большого количества мелких собственников-ремесленников, кустарей и др. и настроило значительные слои населения против существующей власти. Дело дошло до того, что в настоящее время более 500 тысяч гектаров земли брошено и запущено, а бережливые немецкие крестьяне, обычно крепко привязанные к своему клочку земли, массами стали бросать землю, свое хозяйство и перебираться в Западную Германию».

В общем, немецкие власти пересчитали все ловушки на пути к социализму, в которых побывал Советский Союз, и не учли ни одной из наших ошибок. Для исправления положения предполагался большой и всесторонний список мер, что опять-таки выдает авторство Берия: комплексный подход — это его узнаваемый стиль решения вопросов.

«1. Признать неправильным в нынешних условиях курс на форсирование строительства социализма в ГДР, взятый СЕПГ и одобренный Политбюро ЦК ВКП(б) в решении от 8 июля 1952 года.

2. В целях оздоровления политической обстановки в ГДР и укрепления нашей позиции как в самой Германии, — так и в вопросе о Германии в международном плане, а также обеспечения и расширения базы массового движения за создание единой демократической, миролюбивой, независимой Германии рекомендовать руководству СЕПГ и правительству ГДР проведение следующих мероприятий:

а) прекратить искусственное насаждение сельскохозяйственных производственных кооперативов, не оправдавших себя на практике и вызывающих недовольство среди крестьянства.

Тщательно проверить все существующие сельскохозяйственные производственные кооперативы, и те из них, которые созданы на недобровольных началах, а также те, которые показали себя нежизненными, распустить... Иметь в виду, что в нынешних условиях в ГДР более или менее жизненной может быть лишь такая простейшая форма производственного кооперирования крестьян, как товарищества по совместной обработке земли, без обобществления средств производства... (Узнаете подход — точно такой же был в Грузии в 1932 году. Меры другие, а подход — тот же самый. — Е. П.);

б) укрепить существующие и по мере возможности создавать новые машинопрокатные станции. Помимо помощи товариществам по совместной обработке земли машинопрокатные станции должны обслуживать и индивидуальные крестьянские хозяйства на арендных началах;

в) отказаться от политики вытеснения среднего и мелкого капитала как преждевременной меры. В целях оживления экономической жизни республики признать целесообразным широкое привлечение частного капитала в различных отраслях мелкой и кустарной промышленности, сельском хозяйстве, а также в области торговли, не допуская при этом его концентрации в крупных размерах. (Узнаете? Это нэп. Но Берия пошел и дальше ленинского нэпа. — Е. П.).

При распределении материальных ресурсов предусматривать выделение частным предприятиям сырья, топлива, электроэнергии, а также предоставление кредитов. Пересмотреть существующую систему налогообложения частных предпринимателей, фактически убивающую у них стимул к участию в хозяйственной жизни, в сторону смягчения налогового пресса. Восстановить частным предпринимателям, а также лицам свободных

профессий, снабжение по продовольственным карточкам;

г) пересмотреть пятилетний план развития народного хозяйства ГДР в сторону сокращения чрезмерно напряженных темпов развития тяжелой промышленности и резкого увеличения производства товаров массового потребления, а также полного обеспечения населения продовольствием с тем, чтобы в ближайший период можно было ликвидировать карточную систему снабжения продовольственными товарами;

д) провести необходимые мероприятия по оздоровлению финансовой системы и по сокращению административных и специальных расходов, а также по укреплению и повышению курса марки ГДР;

е) принять меры к укреплению законности и обеспечению демократических прав граждан, отказаться от жестких карательных мер, не вызываемых необходимостью. Пересмотреть дела репрессированных граждан с тем, чтобы были освобождены лица, привлеченные к ответственности без достаточных оснований. Под этим углом зрения внести соответствующие изменения в уголовное законодательство;

ж) считать одной из важнейших задач СЕПГ широкое развертывание политической работы среди всех слоев населения, решительно искореняя элементы голого администрирования. Добиться такого положения, чтобы мероприятия правительства были понятны народу и встречали поддержку среди самого населения.

Особое внимание уделить политической работе среди интеллигенции, с тем, чтобы обеспечить поворот основных масс интеллигенции в сторону активного участия в проведении мероприятий по укреплению существующего строя».

Если и были раньше какие-либо сомнения в том, были ли Берия или не был «отцом репрессий», хотя бы в Грузии, — то после чтения этого списка мер какие сомнения могут оставаться? Здесь явно обобщен грузинский опыт, и, значит, все эти ужасные рассказы про замученных поэтов — попросту вранье. Если кто их и замучил, то не Берия, а товарищи, подобные Ульбрихту. Но читаем дальше:

«В настоящее время и на ближайший период в центре внимания широких масс германского народа как в ГДР, так и в Западной Германии необходимо поставить задачи политической борьбы за восстановление национального единства Германии (выделено мной. — Е. П.) и за заключение мирного договора... считать неправильной проводившуюся в последнее время пропаганду необходимости перехода ГДР к социализму, которая толкает партийные организации СЕПГ к недопустимо упрощенным и торопливым шагам как в политической, так и в экономической областях. Считать вместе с тем необходимым значительно поднять роль блока демократических партий и организаций, а также Национального фронта демократической Германии в государственной и общественной жизни ГДР. (То есть в переводе на общечеловеческий язык это значит: хватит насиловать народ, переходите к политической борьбе и там доказывайте, чего вы стоите! — Е. П.)

Решительно покончить с голым администрированием в отношении духовенства, прекратить вредную практику грубого вмешательства властей в дела церкви. Отменить все мероприятия, задевающие непосредственные интересы церкви и духовенства, как-то: конфискацию церковных благотворительных учреждений (богаделен и приютов), отбирание местными властями запущенных церковных земель, лишение церкви установленной дотации и т. д.

Прекратить притеснение рядовых участников молодежной религиозной организации «Юнге Гемайнде», перенеся центр тяжести на политическую работу среди них... Основной формой антирелигиозной пропаганды следует признать широкое распространение среди населения научных и политических знаний...

3. Признать необходимым оказание ГДР экономической помощи со стороны Советского Союза, особенно в области продовольственного снабжения.

4. ...Принять меры к тому, чтобы пребывание советских оккупационных войск как можно меньше задевало непосредственные интересы гражданского населения, в частности, освободить все занятые советскими войсками помещения учебных заведений, больниц и культурных учреждений...

б. Учитывая, что в настоящее время главной задачей является борьба за объединение Германии на демократических и миролюбивых началах (выделено мной — Е. П.), СЕПГ и КПГ, как знаменосцы борьбы за национальные чаяния и интересы германского народа, должны обеспечить проведение гибкой тактики (далее речь идет о международной деятельности германского правительства — Е. П.)».

Потом и это поставят ему в вину припомнят и то, как он ратовал за объединенную Германию — пусть лучше она будет не социалистической, зато миролюбивой, и выступал против строительства социализма.

Видите теперь, какого государственного деятеля мы потеряли!

Да, если бы Берия в том роковом июне остался жив, мы бы жили сейчас совсем в другой стране, да, возможно, и в несколько другом мире. Но время не повернешь вспять и не скажешь: «Лаврентий Павлович, будьте осторожны, вас хотят убить!»

...Получив новые руководящие указания, Вальтер Ульбрихт возмутился. 16 июня профсоюзная газета, «Трибуна» опубликовала статью, в которой, ссылаясь на «немецких стахановцев», всячески приветствовала повышение норм. На следующий день берлинские рабочие вышли на улицы. У здания правительства ГДР восставшие дрались с полицейскими. Всего в этих событиях участвовало не менее 250 тысяч человек, бастовало 110 предприятий, почти в 150 городах проходили демонстрации. 17 июня на улицах появились советские танки. Толпа встречала их ревом и оскорблениями, в солдат летели камни...

Сразу же после начала беспорядков в Берлин отправились люди Берия — начальник военной контрразведки Гоглидзе, заместитель начальника контрольной инспекции МВД Амаяк Кобулов, начальник немецкого отдела разведки, полковник Зоя Рыбкина. 18 июня в Германию отправился сам Берия. Сразу после его отъезда обратно в СССР, 26 июня, состоялся Пленум ЦК СЕПГ, на котором был упразднен пост генерального секретаря партии, то есть в Германии, по советскому образцу вводилось коллегиальное руководство. Ульбрихт стал всего лишь одним из членов Политбюро и первым заместителем премьер-министра.

А в июле, уже после уничтожения Берия, состоялся еще один пленум. На нем убрали от руководства министра госбезопасности Вильгельма Цайсера, главного редактора «Нойес Дойчланд» Рудольфа Хернштадта и заместителя председателя Совета Министров и куратора внешней разведки ГДР Антона Аккермана, как «агентов Берия в германском правительстве». Их выгнали сначала из Политбюро потом из ЦК, а в 1954 году и из партии. На июньском пленуме говорили о справедливом недовольстве рабочих, а на июльском — «контрреволюционном

путче» и «фашистской провокации», инспирированной Берия и его прихвостнями.

Лавры «миротворца» по отношению к Югославии в 1955 году получил Хрущев. Честь «лучшего друга немецкого народа» досталась Горбачеву. А человеку, который задумывал и начинал реабилитацию невинно репрессированных, боролся за подлинные национальные автономии, за демократические инициативы в международной политике — этому человеку достались пуля и всемирный позор.

Когда Берия погиб, ему едва исполнилось 54 года. Сталину 54 года было в 1933 году, и он едва подходил к делам, за которые впоследствии был признан великим. Впереди была беспрецедентная индустриализация, большая часть возрождения страны, впереди была победа над Гитлером. Что было впереди у Берия, какой была бы страна, если бы он остался жив, и в каком мире мы бы сейчас жили — про это не может сказать никто...

ЧАСТЬ 3. КРЕМЛЕВСКИЙ ДЕТЕКТИВ.

По узости нашего мышления мы даже не в силах уразуметь, в чем, собственно, состоит разница между политическим деянием и уголовным, тем более что их и впрямь легко спутать...

*Е. Лукин. «Алая аура
протопарторга»*

ГЛАВА 1

ДЕНЬ «Х».

В два часа дня в танковой дивизии — обед. Если, конечно, нет войны. Но если нет войны, то в 14.00 личный состав рассаживается с мисками на травке или за столами в столовой — как получится. И вот в это самое время командиру танкового соединения звонит министр обороны и, ничего не объясняя, приказывает: срочно поднимать по тревоге три танковых полка, четвертый оставить в резерве в полной боевой готовности, загружаться боеприпасами под самую завязку и войти в столиц. Три полка — это 270 танков.

Один полк стал на господствующей над столицей высотой, приготовившись к обстрелу, другой перекрыл подступы, третий — взял под контроль вокзал, почту, телефон, резиденцию правительства.

В то же время и такие же действия по приказу того же министра обороны произвела мотострелковая дивизия. Соединение реактивных бомбардировщиков получило приказ — приготовиться бомбить резиденцию правительства, находящуюся в центре столицы. Единственный, кто отказался выполнить приказ, — начальник этого соединения, который объяснил, что, если он отбомбится по правительственной резиденции, то заодно снесет и город. После этого от него отстали. Но две другие авиадивизии были все же изготовлены к бою. На самолеты установили вооружение для стрельбы по наземным целям.

Базировавшийся неподалеку от столицы артиллерийский полк, наоборот, получил задание развернуть батареи на огневых позициях и изготовиться к стрельбе по воздушным целям. На

выезде на шоссе им перекрыла дорогу мчавшаяся к столице колонна танков. Что это? Где это?

Происходило это, допустим, в некоей условной стране, в условное время, во второй половине XX века. Это столпотворение было поднято по приказу руководителя политической партии, ярого консерватора, действовавшего «в связке» с министром обороны, для нейтрализации, то есть ареста, вице-преьера страны, лидера «нового курса» в государственной политике. Вице-премьер был арестован, предан суду по явно сфабрикованным обвинениям и приговорен к смертной казни. По другим данным, он был убит на месте. Его противник свернул начатые несколько месяцев назад конституционные преобразования и установил в стране открытую диктатуру своей партии.

Итак, если очистить эту историю от конкретных имен и дат, изложить ее «условно», обнажив голые факты, то современному человеку с его наметанным глазом совершенно ясно, что перед нами — сценарий государственного переворота. Причем переворота экстремистского толка, куда жестче и круче, чем, скажем, чилийский путч генерала Пиночета, ибо путчисты не останавливаются ни перед чем, они готовы ради своей победы даже стереть с лица земли собственную столицу с многомиллионным населением. До тех пор бомбить столицу собственного государства приказывал, кажется, только генерал Франко.

Так это или нет? Если да, то тогда 26 июня 1953 года в СССР произошел путч. Если нет — то что это такое было? Все тихо, мирно, и вдруг — танки на улицах?

В любом случае, 26 июня произошло нечто такое, что одни из посвященных в тайну начинают врать и путать, а другие — пугаются и замолкают, причем такие, в общем-то, не пугливые люди, как Молотов и

Каганович. Чтобы понять, что это было, кто с кем расправился и почему, вернемся снова в тот роковой для нашей страны день...

Что произошло 26 марта 1953 года?

Предысторию событий подробно излагает в своих воспоминаниях Хрущев. Оказывается, все дело было в давным-давно расстрелянном нарком здравоохранения, а может и не нарком, и давным-давно прошедшем пленуме ЦК, состоявшемся не то в 1938-м, не то в 1939 году. Этот самый нарком, которого Хрущев нежно называл «Гришей Каминским», выступил на этом давно прошедшем пленуме со страшным разоблачением Берия...

«Это был очень уважаемый товарищ с дореволюционным партийным стажем... Это был очень прямой, очень искренний человек. Я бы сказал, что у него была святая партийность и правдивость. Он выступил и сказал:

— Все выступают и все говорят, что знают о других. Я тоже хотел бы сказать, чтобы в партии было известно. Когда я работал в Баку (он работал секретарем Бакинского горкома партии в первые годы советской власти, еще при жизни Ленина. — Н. Х.), то ходили упорные слухи, что Берия во время оккупации Баку английскими войсками, когда было создано мусаватистское правительство, работал в органах контрразведки мусаватистов, а муса-ватистская контрразведка работала под руководством английской контрразведки. Таким образом, говорили, что Берия в то время являлся агентом английской разведки через мусаватистскую контрразведку.

Он кончил. Никто не выступил с опровержением или с разъяснением. Даже Берия не выступал ни с какой справкой. Однако сейчас же после заседания Центрального Комитета Гриши Каминского уже не было, он был арестован и бесследно исчез...»

И вот эту уже тридцать лет как протухшую новость Никита Сергеевич вдруг вспомнил и принес членам Президиума ЦК с тревожным восклицанием: надо срочно разобраться!

Впрочем, к этим его соображениям примешивались и какие-то смутные опасения по поводу чего-то там... Пересказывать Хрущева — дело неблагодарное, он растекается мыслью не то что по дереву, а по всему лесу.

Лучше пусть сам говорит...

В своих воспоминаниях о событиях, которые предшествовали этому памятному дню, сначала он долго рассказывает о вопросах, по которым Президиум был не согласен с Берия: про национальные кадры, о Германии (стыдливо умолчав, что незадолго до того все они дружно подписывали соответствующие постановления), о каких-то там дачах, которые то ли были, то ли нет, и т. д. Причем, по его собственным словам, «в этих предложениях не все было неправильно», просто «Берия преследовал другие цели». Какие — не говорит. Потом вдруг, ни с того ни с сего, обсуждая эти вопросы с Маленковым, Хрущев начинает трубить тревогу:

«Тут уж я Маленкову говорил:

— Слушай, товарищ Маленков, неужели ты не видишь, куда дело клонится? Мы идем к катастрофе. Берия ножи подобрал.

Маленков мне тогда ответил:

— Ну, а что делать? Я вижу это, но что делать? Я говорю:

— Надо сопротивляться. Хотя бы в такой форме. Ты же видишь, что вопросы, которые ставит Берия, часто имеют антипартийную направленность. Надо не принимать их, а возражать против этого».

Как говорится, кто бы спорил. Не нравится — возражайте, еще больше не нравится — снимайте с поста. Так всегда делается, и товарищи из Политбюро были в этом смысле далеко не овечки. Но Хрущеву удобнее изобразить их запуганными до полной бессловесности, так что даже возразить Берия было для них подвигом.

Однако попробовали — и получилось!

«Я сейчас не помню, какие вопросы стояли, потому что много лет прошло. На заседании аргументирование выступили „против“ по этим вопросам. Другие нас поддержали, и эти вопросы не были приняты. Так было сделано на нескольких заседаниях, и только после этого Маленков обрел надежду и уверенность, что, оказывается, с Берия можно бороться партийными методами и оказывать свое влияние на решение вопросов или отвергать предложения...»

Какое все-таки, счастье, что, когда Хрущев диктовал свои мемуары, он был уже в отставке, рядом не было многочисленных референтов и консультантов, и никто не мешал ему говорить, что в голову взбредет. Потом все эти тексты были облагорожены многочисленными писателями, которые их причесали, извлекли рациональное зерно, перевели в обычные формулы. А тут самый цимес-то в натуральном, неприкрашенном изложении!

Итак, что было дальше?

«Мы видели, что Берия форсирует события. Берия уже чувствовал себя над членами Президиума, он

важничал и даже демонстрировал свое превосходство. Мы переживали очень опасный момент. Я считал, что нужно действовать. Я сказал Маленкову, что надо поговорить с членами Президиума. Видимо, на заседании этого не получится, а надо с глазу на глаз с каждым переговорить и узнать их мнение по коренному вопросу отношений в Президиуме и их отношение к Берия...»

Дальше он на многих страницах описывает, как «разговаривал» с членами Президиума и кто как себя вел.

Булганин, оказывается, к тому времени уже «стоял на партийных позициях и правильно понимал опасность» — только по-прежнему непонятно, какую. Маленков тоже быстро согласился. Ворошилов праздновал труса, громко восхвалял Берия, но в конце концов согласился, обнял уговаривавшего его Маленкова, поцеловал и заплакал.

Молотов тоже сразу согласился.

«Очень правильно, что вы поднимаете этот вопрос. Я полностью согласен и поддерживаю вас. Ну, а дальше что вы хотите делать, к чему это должно привести?»

— Прежде всего нужно освободить его от обязанностей члена Президиума — заместителя председателя Совета Министров и от поста министра внутренних дел.

Молотов сказал, что этого недостаточно.

— Берия очень опасен, поэтому я считаю, что надо, так сказать, идти на более крайние меры. Я говорю:

— Может быть, задержать его для следствия?

Я говорил «задержать», потому что у нас прямых криминальных обвинений к нему не было. Я мог думать, что он был агентом мусаватистов, но это говорил Каминский, а факты эти никем не проверялись, и я не слышал, чтобы было какое-то разбирательство этого дела. Правда это или неправда, но я верил Каминскому,

потому что это был порядочный партийный человек. Все-таки это было только заявление на пленуме, а не проверенный факт (да и заявление-то было всего лишь о том, что «ходят слухи»! — Е. П.). В отношении его провокационного поведения все основывалось на интуиции, а по таким интуитивным мотивам человека арестовывать невозможно. Поэтому я и говорил, что его надо задержать для проверки...»

Ага, вот и Гриша Каминский появился! Только зачем задерживать Берия для проверки — ведь среди них был человек, который мог в точности просветить всех по поводу этой истории. Уж кто-кто, а Микоян-то знал все. Впрочем, это если действительно хочется разобраться с Гришей, тогда надо спрашивать у Микояна, а если Гриша здесь играет роль фигового листочка, прикрывающего подлинные мотивы, то спрашивать как раз и не нужно. Кстати, по Хрущеву, с Микояном о Грише и не говорили.

«Позиция Микояна была такая: товарищ Берия действительно имеет отрицательные качества, но он не безнадежный, он в коллективе может работать. Это была совершенно особая позиция, которую никто не занимал...»

А как же Гриша?

Да ладно. Бог с ним, с Гришей, лучше скажите — вы что-нибудь поняли? Так собирались они арестовать Берия или только снять его со всех постов — и езжай на дачу, сажай себе огурцы. А если собирались, то за что? За то, что он не может работать в их коллективе? Или за то, что вступил в партию ради карьеры? Даже при Ежове, в самый разгул репрессий, требовалось, как минимум, участие в правотроцкистском блоке и шпионаж. А теперь что же получается: десяток человек договорились, что кто-то им не подходит, вызвали команду, и все в порядке?

«...Мы условились, как я говорил, что соберется заседание Президиума Совета Министров, но пригласили туда всех членов Президиума ЦК. Маленков должен был открыть не заседание Президиума Совета Министров, а заседание президиума ЦК партии...

...Когда Маленков открыл заседание, он сразу поставил вопрос:

— Давайте обсудим партийные вопросы. Есть такие вопросы, которые необходимо обсудить немедленно.

Все согласились.

Я, как мы заранее условились, попросил слова у председательствующего Маленкова и предложил обсудить вопрос о товарище Берия. Берия сидел от меня справа.

Он сразу же востроился, взял меня за руку, посмотрел на меня и говорит:

— Что ты, Никита? Что ты мелешь? Я говорю:

— Вот ты и послушай. Я об этом как раз и хочу рассказать.

Вот о чем я рассказал. Начал я с судьбы Гриши Каминского... У меня все время в голове бродила мысль о том, что вот такое заявление сделал Каминский и никто не дал объяснения — правильно или неправильно он говорил, было это или не было. Потом я указал на последние шаги Берия уже после смерти Сталина...»

Дальше он перечисляет все, в чем был не согласен с Берия, — про национальные республики, про Германию и т.д.

«...Я закончил словами:

— В результате действий Берия у меня сложилось впечатление, что он не коммунист, что он карьерист, что он пролез в партию из карьеристских побуждений. Он ведет себя вызывающе, недопустимо. Невероятно, чтобы честный коммунист мог так вести себя в партии...

...Потом остальные выступали...

...Когда все высказались, Маленков, как председатель, должен был подвести итог и сформулировать постановление. Он, видимо, растерялся, заседание оборвалось на последнем ораторе. Получилась пауза.

Я вижу, что такое дело, и попросил Маленкова, чтобы он мне предоставил слово для предложения. Как мы и условились с товарищами, я предложил поставить на пленуме ЦК вопрос об освобождении Берия от обязанностей заместителя председателя Совета Министров, от поста министра внутренних дел и, в общем, от всех государственных постов, которые он занимал.

Маленков все еще пребывал в растерянности. Он даже, по-моему, не поставил мое предложение на голосование, а нажал секретную кнопку и вызвал военных, как мы условились. Первым зашел Жуков. За ним — Москаленко и другие генералы. С ними были один или два полковника...»

Ага, значит, в соседней комнате уже сидела команда. Не сами же собой они по маленковскому звонку материализовались. То есть, по Хрущеву, дело было так: президиум ЦК сговорился между собой, основываясь на каких-то смутных слухах и хрущевской интуиции, взять и вот так по-простому арестовать второе лицо в государстве, подготовился к этому, отобрал команду из верных военных, договорился с ними обо всем, даже об условном сигнале. Берия высказали все претензии и, даже не выслушав — а вдруг он сумеет объясниться! — отправили в тюрьму. Лихо!

«...Почему мы привлекли к этому делу военных? Высказывались соображения, что если мы решили задержать Берия и провести следствие, то не вызовет ли Берия чекистов, нашу охрану, которая была подчинена ему, и не прикажет ли нас самих арестовать

? Мы совершенно были бы бессильны, потому что в Кремле находилось довольно большое количество вооруженных и подготовленных людей. Поэтому и решено было привлечь военных.

Вначале мы поручили арест Берия товарищу Москаленко с пятью генералами. Он и его товарищи должны были быть вооружены, и их должен был провезти с оружием в Кремль Булганин. Накануне заседания к группе Москаленко присоединился маршал Жуков и еще несколько человек.

Одним словом, в кабинет вошло не пять, а человек десять или больше.

Маленков мягко так говорит, обращаясь к Жукову:

— Предлагаю вам, как Председатель Совета Министров СССР, задержать Берия. Жуков скомандовал Берия:

— Руки вверх!

Москаленко и другие даже обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на какую-то провокацию. Берия рванулся к своему портфелю, который лежал у него за спиной на подоконнике. Я Берия схватил за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием, если оно лежало в портфеле.

Потом проверили — никакого оружия у него с собой не было ни в портфеле, ни в карманах. Он просто сделал рефлекторное такое движение.

Берия сейчас же взяли под стражу и поместили в здании Совета Министров рядом с кабинетом Маленкова...»62.

Итак, мы видим, что с самого начала узкое место — мотивация. За что? О заговоре Хрущев не говорит ни слова, у него есть лишь какое-то интуитивное ощущение, что Берия может их арестовать и что-то вроде бы готовит. И этот человек, который и соврать-то самостоятельно не может, стал главой государства!

Неудивительно, что спустя всего десять лет руководимая им страна оказалась в глубочайшей луже...

Ну да ладно. Мы не об этом. Мы пытаемся разобраться — что же произошло 26 июня 1953 года.

Следующий рассказчик — маршал Жуков. Тут прошу читателя набраться терпения — рассказ будет довольно длинным.

«...Меня вызвал Булганин — тогда он был министром обороны — и сказал:

— Садись, Георгий Константинович.

Он был возбужден, даже не сразу поздоровался, только потом подал руку, однако не извиняясь.

Помолчали. Затем Булганин, ничего не говоря по существу дела, сказал:

— Поедем в Кремль, есть срочное дело.

Поехали. Вошли в зал, где обычно проходят заседания Президиума ЦК партии.

Потом я узнал, что в тот день было назначено заседание Совета Министров. И министры, действительно, были в сборе. На заседании информацию должен был делать Берия. И он готовился.

Я оглянулся. В зале находились Маленков, Молотов, Микоян, другие члены Президиума. Берия не было.

Первым заговорил Маленков — о том, что Берия хочет захватить власть. Что мне поручается вместе со своими товарищами арестовать его.

Потом стал говорить Хрущев... Микоян лишь подавал реплики. Говорили об угрозе, которую создает Берия, пытаясь захватить власть в свои руки.

— Сможешь выполнить эту рискованную операцию?

— Смогу — отвечаю я.

Знали, что у меня к Берия давняя неприязнь, перешедшая во вражду. У нас еще при Сталине не раз были стычки. Достаточно сказать, что Абакумов и Берия

хотели в свое время меня арестовать... Берия нашептывал Сталину, но последний ему прямо сказал: «Не верю. Мужественный полководец, патриот и — предатель. Не верю. Кончайте с этой грязной затеей». Поймите после этого, что я охотно взялся его арестовать. За дело.

Решено было так. Лица из личной охраны членов Президиума находились в Кремле, недалеко от кабинета, где собрались члены Президиума. Арестовать личную охрану самого Берия поручили Серову. А мне нужно было арестовать Берия.

Маленков сказал, как это будет сделано. Заседание Совета Министров будет отменено, министры отпущены по домам. Вместо этого он откроет заседание Президиума.

Я вместе с Москаленко, Неделиным, Батицким и адъютантом Москаленко должен сидеть в отдельной комнате и ждать, пока раздадутся два звонка из зала заседания в эту комнату.

Меня предупредили, что Берия физически сильный, знает приемы «джиу-джитсу» (рукопашной схватки).

— Ничего, справлюсь, нам тоже силы не занимать.

Уходим. Сидим в этой комнате. Проходит час. Никаких звонков. Я уже встревожился. Уж не произошло ли там что без нас, не перехитрил ли всех Берия, этот изощренный интриган, пользовавшийся доверием Сталина?

Немного погодя (было это в первом часу дня) раздается один звонок, второй. Я поднимаюсь первым...

Идем в зал. Берия сидит за столом в центре. Мои генералы обходят стол, как бы намереваясь сесть у стены. Я подхожу к Берия сзади, командую:

— Встать! Вы арестованы.

Не успел Берия встать, как я заломил ему руки назад и, приподняв, эдак встряхнул. Гляжу на него — бледный-пребледный. И онемел.

Ведем его через комнату отдыха в другую, что ведет через запасной ход. Тут сделали ему генеральный обыск.

Да, забыл. В момент, когда Берия поднялся и я заломил ему руки, тут же скользнул по бедрам, чтобы проверить, нет ли пистолета. У нас на всех был только один пистолет. Второй взяли уж не помню у кого. Нам же не говорили, зачем вызывают в Кремль. Поэтому приехали невооруженными. Но и Берия, оказывается, не взял пистолета. Когда Берия встал, я смахнул его набитый бумагами портфель, и он покатился по длинному полированному столу.

Итак, посадили в эту комнату.

Держали до 10 часов вечера, а потом на ЗИСе положили сзади, в ногах сиденья, укутали ковром и вывезли из Кремля. Это затем сделали, чтобы охрана, находившаяся в его руках, не заподозрила, кто в машине.

Вез его Москаленко. Берия был определен на гауптвахту, вернее, в тюрьму Московского военного округа. Там находился и во время следствия, и во время суда, там его и расстреляли»⁶³.

Итак, говоря коротко, что произошло? Первому заместителю министра обороны предложили арестовать одно из первых лиц государства. Но должны же были объяснить, за что? Тут уже ни слова про Гришу Каминского, а лишь о том, какую угрозу создает Берия. А какую, кстати, угрозу? Как именно он пытается захватить власть? Впрочем, как бы то ни было с властью, все равно арест, по мнению Георгия Константиновича, будет «за дело», ибо подлец Берия пытался арестовать его самого, маршала Жукова, да и вообще у них плохие отношения. Правда, если Берия и хотел его арестовать, то, по-видимому, законными методами, а не просто схватить за шиворот на

заседании Политбюро... И, кстати, когда хотел? Не во время же войны, а после войны он уже к арестам отношения не имел. Ну да не генеральское это дело — законы разбирать. Генеральское дело — выполнять приказы. Министр приказал, Жуков выполнил.

Еще один свидетель — генерал Москаленко. Этот всю честь активных действий приписывает себе, а Жуков, мол, рядом стоял. Впрочем, это неважно, кто стоял рядом. Важно то, что Москаленко явно глупее Жукова и о большем проговаривается. Итак...

«...В 9 часов утра мне позвонил по телефону АТС Кремля Хрущев Н. С. Поздоровавшись, он спросил:

— Имеются в вашем окружении близкие вам люди и преданные нашей партии так, как вы преданы ей? Подумав, я ответил:

— Такие люди имеются, и партии они преданы беззаветно. После этого Хрущев сказал чтобы я взял этих людей с собой и приезжал с ними в Кремль.

Тут же он добавил, чтобы я взял с собой планы ПВО и карты, а также захватил сигары. Я ответил, что заберу с собой все перечисленное, однако курить бросил еще на войне, в 1944 году. Хрущев засмеялся и сказал, что сигары могут потребоваться не те, которые я имею в виду. Только тогда я догадался, что надо взять с собой оружие. Намек Хрущева на то, что надо взять с собой оружие, навел меня на мысль, что предстоит выполнить какое-то важное задание Президиума ЦК КПСС...»

Так, а это уже очень интересно. Стало быть, в описываемое время Советская Армия подчинялась Президиуму ЦК КПСС? А Хрущев, надо понимать, по примеру Сталина, не иначе как Верховный Главнокомандующий.

Правда, потом Москаленко спохватывается и пишет, что ему позвонил еще и Булганин, вызвал к себе, и уже

от него генерал получил формальный приказ. Причем Булганин сказал, что вызвал его потому, что ему позвонил Хрущев. Это важно — Москаленко, сам не понимая, что делает, выдает расклад сил в антибериевской группировке.

Кстати, интересны имена людей, которых он взял с собой. Их надо бы назвать — они еще будут фигурировать в этой истории.

«Нажатием кнопки электрического сигнала я тут же вызвал офицера для особых поручений майора Юферева В. И., начальника штаба генерал-майора Баксова А. И., начальника Политуправления полковника Зуба И. Г. и сказал им: надо ехать в Кремль, взяв с собой оружие, но так как его ни у кого не было, то я вызвал коменданта штаба майора Хижняка М. Г. и приказал ему принести и выдать пистолеты и патроны. Так как группа была маленькая, то я позвонил начальнику штаба ВВС (бывшему начальнику штаба Московского округа ПВО) генерал-майору Батицкому П. Ф. и предложил ему прибыть ко мне, имея с собой оружие».

Что было потом?

«И вот часов в одиннадцать дня 26 июня мы по предложению Булганина Н. А. сели в его машину и поехали в Кремль. Его машина имела правительственные сигналы и не подлежала проверке при въезде в Кремль...»

А вот теперь — внимание! Очень интересно!

«Вслед за нами на другой машине подъехали Жуков Г. К., Брежнев Л. И., Шатилов, Неделин, Гетман и Пронин А. М.»

Думаю, не надо объяснять, почему это очень интересно?

«Всех нас Булганин провел в комнату ожидания при кабинете Маленкова, затем оставил нас и ушел в кабинет к Маленкову.

Через несколько минут вышли к нам Хрущев, Булганин, Маленков и Молотов. Они начали нам рассказывать, что Берия в последнее время нагло ведет себя по отношению к членам Президиума ЦК, шпионит за ними, подслушивает телефонные разговоры, следит за ними, кто куда ездит и т. д. (То есть, надо понимать, не Берия, а МВД? — Е. П.) Они информировали нас, что сейчас будет заседание Президиума ЦК, а потом по условленному сигналу, переданному через помощника Маленкова — Суханова, нам нужно войти в кабинет и арестовать Берия...»64

Дальше мы цитировать Москаленко не будем, там уже идет описание самого ареста, не сильно отличающееся от описания Жукова.

В 1988 году появились воспоминания еще одного участника событий — полковника Зуба. У него своя версия, тоже весьма любопытная. Во многих подробностях, которые забыть невозможно, она не совпадает с рассказом Москаленко...

«26 июня 1953 года Иван Григорьевич находился на своей служебной даче в Филях, когда его порученец майор Мартынов сообщил, что приказано прибыть к министру обороны. При этом необходимо непременно иметь при себе личное оружие, без кобуры, в кармане.

— Ты ничего не путаешь? — озадаченно переспросил Зуб Мартынова. — К министру и с пистолетом?

— Именно так передал указание адъютант Булганина. Слово в слово. Выезжайте, вас ждут.

Действительно, Булганин ждал полковника Зуба. По крайней мере, в кабинет министра обороны его провели незамедлительно...»65

Поговорив с Булганиным, Зуб вышел в приемную, где и встретился с Москаленко и другими членами группы. Затем они поехали в Кремль, где и арестовали Берия. Но вот что совершенно замечательно — так это обстоятельства ареста. Их вызвали звонком, они с трех сторон подошли к Берия, и вот что было потом:

«Когда все успокоились, Маленков сказал:

— Товарищи, я предлагаю еще раз рассмотреть вопрос о Берия.

То есть, до этого разговор уже был. Все согласились. Тогда Маленков продолжил:

— Он такой аферист, так опасен, что может наделать черт знает чего. Поэтому я предлагаю арестовать его немедленно».

Ну и как вам мотивация?

Что еще поражает в истории ареста Берия — так это невероятное мужество наших генералов, которые по устному приказу членов Президиума пошли на такой шаг, как арест одного из первых лиц государства. Да ведь если что получится не так, то Хрущев с Булганиным от всего отопрутся, а Жукову с Москаленко припишут попытку государственного переворота и поставят к стенке! Неужели они этого не понимают? Нет уж, чего-чего, а этого они не понимать не могут, такие вещи понимают даже двадцатилетние лейтенанты и в серьезных случаях требуют письменный приказ. Тогда почему же они так действуют? Ну, то, что они из высоких побуждений стремятся, рискуя жизнью, избавить страну от кровавого тирана — эту версию оставим, как говорят американцы, людям с интеллектом зрителей телешоу. Вопрос-то реальный.

Почему они идут на такой риск?

...Есть у нас и еще один свидетель. Странный свидетель. Потому что Вячеслав Михайлович Молотов в своих беседах с Феликсом Чуевым обнаруживает превосходную память, ясные и резкие оценки. Например, события ночи с 21 на 22 июня 1941 года он по памяти восстанавливает до мелочей. И вдруг, едва дело доходит до 26 июня, начинает путаться и мямлить, что, в общем-то, совсем не в духе Молотова.

«...Перед этим была подготовлена работа. Все-таки Хрущев тут был очень активным и хорошим организатором... Он вызвал меня в ЦК, я пришел. „Насчет Берия хочу поговорить. Нельзя ему доверять“.

Я говорю: Я уж вполне поддерживаю, что его надо снять, исключить из состава Политбюро....

...И уже перед самым заседанием мы уговорились, что его мало исключить из состава Политбюро, а надо арестовать».

Ну, это мы уже слышали... Но за что, за что?!

«Хрущев как секретарь тогда выполнял обязанности Первого секретаря, но еще не был Первым секретарем, он был организатором всего этого дела. Почему? Он сидел в ЦК. И ему прислали информацию, видимо, такого рода, что что-то Берия готовит. А у него были воинские части. Помимо аппарата... Дивизия была МВД...»

Надо прочитать книгу Чуева, чтобы увидеть, насколько это нетипично: если уж Молотов, что-то знает, то он знает! Он говорит ясно и определенно. А тут: Хрущеву, видимо, прислали какую-то информацию, что-то там такое Берия готовит... Что ж получается: он голосовал за арест члена Политбюро, даже не зная, в чем дело? Просто потому, что ему Хрущев сказал? Да кто такой этот Хрущев? Кем он был, когда Молотов уже сидел одесную от Сталина?

И вот теперь смотрите, как этот человек описывает заседание, где решался для всех них вопрос жизни и смерти.

«Кто первый взял слово, я уже не помню. Я тоже в числе первых выступал, может, я даже первый, а может, и второй... Были и другие вопросы, какие, я сейчас точно не могу вспомнить. Может быть, с этого началось. Начали с этого вопроса вне очереди, а вероятно, кто-то поставил вопрос: просто надо обсудить Берия...

Берия говорил, защищался, прения же были. Выступал:

«Конечно, у меня были ошибки, но прошу, чтобы не исключали из партии...»»

Единственное, кажется, что он запомнил четко, так это пресловутую кнопку.

Чтобы понять, насколько это нетипично для Молотова, возьмем другие его воспоминания. Так, по поводу какой-то поездки начала 20-х годов у них с Феликсом Чуевым состоялся такой диалог:

«Ф. Чуев. О чем говорили в машине, не помните?

— О какой-то книжке прочитанной. На шоссе, возле Всехсвятского, лопнула шина. Мы вышли из машины у деревни. Подошли несколько крестьян. Каменева они узнали, потому что он был председатель Московского Совета... Начали с ним разговор. А на Ленина и на меня не обратили никакого внимания...»

Вот такой на самом деле уровень воспоминаний Молотова. А тут что же: может быть, первый выступал, а может, второй... Может, был в повестке дня вопрос, а может, предложил кто-то, а кто — не помню...

Ой, сильно что-то не так с этим заседанием! Ой не так!

Итак, как видим, в основу расправы над Берия положены пока что всего лишь смутные опасения да

хрущевская интуиция. Но вот, наконец, мы добрались и до заговора. В книге Владимира Карпова «Маршал Жуков. Опала» приводятся воспоминания еще одного участника событий. Это Дмитрий Суханов, бывший помощник Маленкова. Как оказалось, заговор все-таки был. И даже два.

«Первый готовил Берия на 26 июня, намереваясь с помощью его охраны, приставленной к членам Президиума ЦК, всех их арестовать после просмотра спектакля в Большом театре (об этом коллективном просмотре было принято решение) и после театра всех привезти на Лубянку, ну, а дальше предъявить им соответствующие обвинения. И Берия захватывает всю власть в стране».

А затем идет совершенно иное развитие событий — аж дух захватывает!

«...Об этом его намерении знали и поддерживали Хрущев и Булганин, с которыми у Берия были очень доверительные отношения.

Дошла информация о замысле Берия и до Маленкова. Он вызвал Хрущева и Булганина к себе в кабинет (по телефону говорить не стал, опасаясь подслушивания) и прямо им заявил, что знает и о заговоре Берия и об их в нем участии. Хрущев и Булганин думали, что они теперь из кабинета Маленкова не выйдут, а их выведет охрана, которая подготовлена в приемной. Но Маленков в смутное время после смерти Сталина не хотел осложнять обстановку в руководстве партии. Главное было обезвредить Берия. И он заявил Хрущеву и Булганину, — что они могут искупить свою вину перед партией и жизнь свою сохранить только активным участием в аресте Берия. Оба поклялись быть верными партии. После этого и как бы для проверки его преданности, Маленков поручил Булганину провезти подобранных Жуковым военных в Кремль на своей машине, т. к. у них нет пропусков...»

Что же, получается, что заговорщики съели друг друга? Нет, не стоит обольщаться, девяносто девять из ста, что Суханов таким образом мстит Хрущеву за то, что тот впоследствии грубо отпихнул от власти его босса, только и всего... Да и за себя мстит — его ведь при Хрущеве посадили, только не за «политику», а за то, что присвоил облигации одного из арестованных в надежде, что того посадят «с конфискацией» — а дело это спустя несколько лет вскрылось.

Итак, заседание идет, военные сидят в кабинете Суханова, ждут сигнала.

«А в кабинете Маленкова произошло следующее. Неожиданно Маленков предложил изменить повестку заседания и рассмотреть вопрос о Берия, который хотел совершить государственный переворот.

Маленков поставил на голосование:

— Кто за арест Берия?

Голосовали «за» — Первухин и Сабуров. Против — Молотов, Ворошилов, Каганович. Воздержались — Хрущев, Булганин, Микоян.

Молотов обрушился на Маленкова с обвинением в произволе. Вот в этот момент Маленков нажал кнопку вызова. И вошли военные во главе с Жуковым...

Маленков повторил предложение об аресте Берия. Теперь, при военных, все проголосовали «за». Маленков приказал Жукову арестовать Берия, что маршал и выполнил, подняв Берия с кресла и завернув ему руки за спину.

Прежде чем увести Берия в комнату отдыха, чтобы ничего не знала его охрана, ожидавшая в приемной, Жуков спросил Маленкова: «Может быть, арестовать и членов Президиума ЦК, бывших в сговоре с Берия?» Маленков не принял предложения маршала Жукова, не хотел, чтобы его обвинили в диктаторстве. Это был крупный политический просчет Маленкова, за который

он позднее поплатился. А маршал Жуков обрел врага в лице В. С. Хрущева...

Главной фигурой и решающей силой при аресте Берия был маршал Жуков, при нем, вторично голосуя, никто не осмелился даже воздержаться, все стали «за»»66.

А вот это — самая интересная фраза из всех. Без военных по поводу ареста разворачиваются дебаты, а при них никто «не осмеливается» даже проголосовать против абсолютно незаконного решения. Вместе с танковыми полками, которые к тому времени уже полным ходом мчались к столице, мы получаем классический сценарий путча. Правительство под пронзительным взглядом генералов принимает то решение, которое от него требуют. И то, что все это организует Предсовмина, ничего не меняет. Когда в октябре 1993 года в России был расстрелян парламент, то во главе этого действия вообще стоял президент, но суть — она не изменилась. Можно спорить, являются ли такие действия государственным переворотом, ибо переворот — это когда меняется государственный строй. Да но... но когда одна часть власти в обход всех и всяческих законов учиняет расправу над другой ее частью, это безусловно значит, что строй изменился. Из конституционного он превратился в неконституционный. А то, что потом конституционность была восстановлена — это уже совсем другая история...

Вообще по поводу нарушений и восстановлении конституционного строя мне часто приходит на память эпизод из романа Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан». Там нехороший заговорщик положил топор под компас, так что корабль, который шел к западному побережью Америки, в сильный шторм, незаметно для капитана, обогнул мыс Горн и вышел в Атлантический океан. Потом топор был вытасчен, и корабль пошел

правильным курсом — но уже совсем к другому континенту.

...Итак, вот воспоминания основных свидетелей происшедшего. Это уже потом, стараниями писателей и журналистов, все это оформилось в то, что мы теперь читаем. А чистая, небогатая словесная руда именно такова.

По утверждению этих людей и их сторонников, у них были смутные опасения, что Берия замыслил государственный переворот. Могло ли это быть? Конечно, могло. Есть ли хоть какие-то данные, хоть какие-то доказательства этих замыслов, хоть какие-то основания, найденные перед арестом или постфактум, или много лет спустя? Об этом мы поговорим в свое время. Но тогда у них таких доказательств не было, иначе уж непременно бы кто-нибудь об этом вспомнил.

***Лист следствия по делу о заседании Президиума
ЦК. Следователь — Ю. Мухин.***

История ареста Берия столь несуразна, что даже Н. Рубин, который, в общем-то, пересчитал почти все ловушки бериевского жизнеописания, сказал о ней следующее: «Принято считать, что если об одном и том же событии двое рассказывают по-разному — значит, один из них лжет. Если же разные версии одних и тех же событий предлагают сразу несколько человек, это будто бы означает, что правду говорит кто-то один, а остальные лгут. А, собственно, почему мы так считаем? Разве не может быть так, что по каким-либо причинам лгут все, причем лгут именно для того, чтобы скрыть правду?»

Юрий Мухин в книге «Убийство Сталина и Берия» провел расследование событий того дня, попросту

сопоставив показания. Не он первый этим занимался, делал это, например, В. Карпов в книге о маршале Жукове — сопоставил рассказы своего героя об этом дне и нашел уйму несовпадений, но никак это не откомментировал и выводов не сделал. А Мухин сделал...

«...Рассмотрим воспоминания об аресте Берия, которые оставили Н. С. Хрущев, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, К. С. Москаленко, Г. К. Жуков и Д. Н. Суханов — помощник председателя Совмина СССР Г. М. Маленкова.

1. На заседании какого коллективного органа власти был арестован Берия?

Члены Правительства и одновременно члены Президиума ЦК КПСС *<Высший орган управления партией, преемник Политбюро.>* Молотов и Каганович, казалось бы, должны были разбираться и помнить, где они тогда находились. Но Хрущев довольно быстро (в 1957 году) отправил их на пенсию, а Феликс Чуев заставил их вспоминать эти события только после 1985 года. И они, судя по всему, вспоминали не хрущевские, а сталинские порядки проведения Политбюро, когда материалы уголовных дел на членов ЦК обязательно рассматривались этим высшим руководящим органом страны. Поэтому оба безапелляционно заявили, что Берия был арестован на заседании Президиума ЦК (Политбюро): "На Политбюро его забирали (Молотов), «На заседании Политбюро дело было» (Каганович).

Хрущев, который любил эту легенду рассказывать иностранным делегациям, тоже сначала сообщил, что Берия был арестован на заседании Президиума ЦК, но потом, видимо, умные люди ему пояснили, что он постоянно сознается в преступлении, предусмотренном ст. 115 УК «Незаконное задержание». Кто такие члены Президиума ЦК, чтобы задерживать первого заместителя Совета Министров СССР, назначенного на

должность парламентом страны — Верховным Советом? И к моменту надиктовывания мемуаров Хрущев поменял место ареста Берия: «Мы условились, как я говорил, что соберется заседание Президиума Совета Министров, но пригласили туда всех членов Президиума ЦК». Теперь уже Берия арестовывала не партия, а Правительство СССР. Однако ни сам Хрущев, ни хотя бы один мемуарист не вспомнил в связи с этим арестом имени ни единого члена Президиума Совмина, который бы присутствовал на этом заседании. И после никто из членов Президиума Совмина в мемуарах о таком заседании тоже не написал.

Вывод: врут!

2. Кто приказал военным арестовать Берия и кто возглавил военных?

Г. К. Жуков, естественно, уверяет, что возглавлял группу военных он, а Москаленко ему дали для количества и чтобы было кому с пистолетом стоять. Москаленко уверяет, что группу возглавил он, а Жукова взял с собой для количества и как «свадебного генерала». Это, надо сказать, довольно странно для военных, которые немедленно и автоматически определяют, кто из них старший: кто будет давать команды, а кто — исполнять.

Жуков в первоначальном варианте сообщал, что задание на арест Берия ему дал Хрущев, но потом, видимо, и Жукову подсказали, что он не имел права покушаться на свободу зампреда Совмина по приказу Секретаря ЦК. И в окончательной редакции воспоминаний Жуков поменял ориентацию — теперь уже команду на арест ему дает Маленков (глава Правительства СССР) на заседании Президиума Совмина.

С Москаленко дело интереснее, поскольку это непосредственный участник убийства Берия и он, действительно, получал официальный приказ на его

арест и неофициальный — на убийство. Поэтому у него все логично — он опирается на реальные события, но не связанные с арестом Берия на Президиуме. По его воспоминаниям, он получил приказ от Хрущева, инструкции — от министра обороны Булганина, а затем этот приказ ему подтвердили лично Маленков, Булганин, Молотов и Хрущев, которые для этого вышли к нему и его людям из зала заседания Президиума ЦК.

Но наиболее оригинальную версию этой легенды дал Суханов, который, как помощник главы страны, должен был организовывать техническую сторону вопроса. Он утверждает, что в «заговоре Берия» участвовали и Хрущев с Булганиным. Поэтому Маленков (глава Правительства), давая в своем кабинете приказ Жукову на подготовку ареста Берия, рассказал ему об измене и этих лиц, и Жуков был готов вместе с Берия арестовать и Хрущева с Булганиным.

Вывод: врут!

3. Давали ли Берия слово для объяснений?

Хрущев это категорически отрицает. Он даже акцентирует, что когда выступили все, то Маленков растерялся и не вызывал военных, тогда Хрущев снова был вынужден взять слово и говорить, пока Маленков не догадался нажать на кнопку

А Молотов с Кагановичем, которым, видимо, и в голову не пришло, что можно вот так, не выслушав, осудить товарища, утверждают, что Берия выступал и оправдывался. Но что именно Берия говорил, ни Молотов, ни Каганович не сообщают, и это естественно — ведь самого этого заседания с Берия не было. (Поэтому-то Хрущев, часто рассказывая эту историю, и не дает в ней Берия слова, чтобы не нарываться на вопрос, о чем именно Берия говорил.)

Вывод: врут!

4. Где военные ждали сигнала об аресте Берия?

И Жуков, и Хрущев, хорошо знавшие расположение кабинета Сталина, в котором, по легенде, шло заседание, расположили группу военных для захвата Берия в самом удобном для этого месте — в комнате помощника Сталина Поскребышева, которая имела дверь прямо в кабинет, минуя приемную. Поэтому военные вместе с Москаленко, по их версии, ждали сигнала там.

Но Москаленко был не вхож ранее в этот кабинет, а знал обычные кабинеты, которые имеют только приемные и комнаты отдыха. Поэтому в своей легенде Москаленко разместил группу захвата (вместе с Жуковым) в приемной, и она там тряслась от страха в окружении телохранителей Берия. «За это время каждый из нас пережил, передумал многое. В приемной все время находились человек 15—17 людей в штатской и военной одежде. Это порученцы и лица охраняющие и прикрепленные. А больше всего это люди от Берия», — пишет он.

Вывод: врут!

5. В котором часу был арестован Берия? Как вы понимаете, по легенде военные долго ждали сигнала и поэтому не могли не поглядывать на часы. Москаленко: «Примерно через час, то есть в 13.00, 26 июня 1953 г...» Жуков: "Немного погодя (было это в первом часу дня) раздался звонок, второй. Я поднимаюсь первым... " Суханов: "Заседание началось в 14.00 26 июня 1953 г. Военные ждали условного сигнала... Ждали больше часа. И вот раздалось два звонка ".

Если мы учтем, что по легенде Москаленко военные приехали в Кремль в 11.00, то ждать сигнала на арест, по версии Жукова, им пришлось около часа, по Москаленко — 2 часа, по Суханову — более 4-х.

Вывод: врут!

6. Где именно арестовали Берия?

К началу своего публичного озвучивания это место определилось всеми более-менее одинаково — Берия арестовали, когда он сидел вместе со всеми за столом Президиума ЦК. Зайдя с тыла, как коршун, бросился на него храбрец Жуков: "Я подхожу к Берия сзади, команду: «Встать! Вы арестованы». Не успел Берия встать, как я заломил ему руки назад и, приподняв, эдак встряхнул ". Москаленко: «Все обнажили оружие. Я направил его прямо на Берия и приказал ему поднять руки вверх». После этого Хрущев, который, по легенде, сидел рядом с Берия, рассказывал эту историю не менее красочно, но по-другому Первому секретарю ЦК КП Узбекистана Н. А. Мухитдинову посчастливилось одному из первых услышать эту легенду из уст Хрущева, и вначале она выглядела так: "Как осуществлялась операция? В назначенное время члены Президиума ЦК вошли в зал заседаний. Когда одним из последних вошел и сел на свое место Берия, его охрана, прикрепленные помощники, были тут же изолированы, эти помещения заполнили сотрудники спецгруппы во главе с К. С. Москаленко. В этот же момент были заменены посты охраны на этажах и в Кремле.

Маленков открыл заседание Президиума и объявил:
— Давайте рассмотрим вопрос по товарищу Берия, — и дал слово Хрущеву. Тот прямо, открыто изложил суть дела. Когда Берия начал решительно опровергать сказанное, к обвинениям подключились и другие. Уяснив до конца степень опасности, Берия протянул руку к портфелю, лежавшему на столе. В эту секунду Никита Сергеевич быстро отобрал портфель, заявив: «Шалишь, Лаврентий!» (Это штафирка-то Хрущев отобрал портфель у старого чекиста? Ха-ха! — Е.П.) Там оказался пистолет. После острых перепалок Маленков объявил:

— Давайте созовем Пленум и там все до конца обсудим.

Все, кроме Берия, согласились. Когда Берия выходил из зала заседания, прямо у дверей его арестовали и увезли".

Как видите, в этом варианте отсутствует Жуков, но зато присутствует пистолет в портфеле Берия. В последующих вариантах легенды Жуков появился, но пистолет из портфеля вдруг исчез.

Вывод: врут!

7. Что произошло с охраной Берия и Кремля?

Выше вы уже обратили внимание на неувязку: по Москаленко, военные ждали сигнала в приемной вместе с охранниками Берия, а по раннему Хрущеву, именно Москаленко эту охрану и разоружил. По позднему Жукову: «Арестовать личную охрану поручили Серову» (заместителю Берия в МВД). А по окончательному Москаленко, с устранением охраны дело обстояло так:

«В ночь с 26 на 27 июня, примерно около 24 часов, с помощью Суханова (помощника Маленкова) я вызвал пять легковых машин ЗИС-110 с правительственными сигналами и послал их в штаб Московского округа ПВО на ул. Кирова. К этому времени по моему распоряжению было подготовлено 30 офицеров-коммунистов штаба округа под командованием начальника оперативного управления полковника т. Ерастова. Все они были 'вооружены и привезены в Кремль без проверки на пяти машинах и, как только прибыли, сразу же заменили охрану в Кремле внутри здания, где под охраной находился Берия. После этого, окруженный охраной, Берия был выведен наружу и усажен в машину ЗИС-110 на среднее сиденье. Там же сели сопровождавшие его вооруженные Батицкий, Баксов, Зуб и Юферев. Сам я сел в эту машину спереди, рядом с шофером. На другой машине были посажены шесть из прибывших офицеров из ПВО. Двумя этими машинами мы проехали без остановки через Спасские ворота и повезли Берия на гарнизонную гауптвахту г. Москвы...». (А где же ковер,

в который, по маршалу Жукову, заворачивали Берия? Жаль ковра, красивый, эффектный номер! — Е. П.)

Вывод: все врут!

8. А было ли это пресловутое заседание Президиума ЦК и Совмина, на котором якобы был арестован Берия?

С давних времен заседания высших органов страны и партии стенографируются и протоколируются. Если такое совместное заседание действительно имело место 26 июня 1953 г., то в архивах двух ведомств сразу — в ЦК КПСС и Совмина — должны сохраниться протоколы этого заседания с решением об аресте Берия и о возбуждении против него дела. Но ни в одном архиве таких протоколов нет!

Более того, решение «Об организации следствия по делу о преступных антинародных и антигосударственных действиях Берия» принято на заседании президиума ЦК только 29 июня.

Вывод: все врут!

Думаю, что дальше анализ легенды об аресте Берия нет смысла продолжать. Ни в каких даже основополагающих деталях, которые невозможно забыть, она в показаниях «участников» не стыкуется. Все стараются доказать, что Берия был арестован, но каждый врет об этом по-своему»⁶⁷.

Несостоявшееся заседание.

В архиве Маленкова нашелся один весьма интересный документ. Это черновик заседания Президиума, назначенного на 26 июня. Вот что он гласит.

К РЕШЕНИЮ ВОПРОСА О БЕРИЯ Протокол № 10 от 26 июня 1953 г.

Враги хотели поставить органы МВД над партией и правительством.

Задача состоит в том, чтобы органы МВД поставить на службу партии и правительству, взять эти органы под контроль партии (курсив мой. — Е. Л.).

Враги хотели в преступных целях использовать органы МВД.

Задача состоит в том, чтобы устранить всякую возможность повторения подобных преступлений.

Органы МВД занимают такое место в системе государственного аппарата, где имеется наибольшая возможность злоупотребить властью.

Задача состоит в том, чтобы не допустить злоупотребления властью.

(Большая перестройка; исправление методов; агентура; внедрять партийность.)

Комитет —

внутр. взоры на врагов друзей защищать

вне — разведку наладить

МВД — задача — (лагери долж. провер...).

1. Факты — Укр., Литва, Латв. Нужны ли эти меропр. Что получилось, как стали понимать? МВД поправлял партию и правит. ЦК — на второй план.

2. Пост Мин. вн. дел у т. Б. — он с этого поста контролир. парт. и пр. Это чревато большими опасностями, если вовремя, теперь же не поправить.

3. Неправильно и др.

Суд — подг.

Особ. совещ.

факты

венгер. вопр. — Мы заранее не сговаривались (Еще подчеркнито!)

Герм. — чекиста послать? руков. послать?

Правильно ли это — нет!

Надо вовремя поправить. — Подавление коллектива.
Какая же это коллективн.

Безапелляционность — покончить.

4. Разобщенность, с оглядкой.

Письмо о Молотове?

Настраиваемся друг на друга!

Нужен — монолитн. кол(лектив) и он есть!

5. Как исправить:

а) МВД — пост дать другому (Кр(углов) + ЦК.
Управл. охраны — ЦК

С утра до вечера не шагне без контроля! наша
охрана — у каждого в отд., тому, кого охр. (без доносов)

Мы при т. Ст. недов. (возможно, имеется в виду, что
при Сталине не пользовались таким недоверием. — Е.
П.) Орг. подслушав. — ЦК — контроль Т. (товарищи. — Е.
П.) не увере, кто и кого подслуш.?

б) От поста зама (председателя Совета
Министров. — Е. П.) — освободить назнач. мин. нефт. пр.

в) Спец. Комит. — в Минист. Сабуров и Хруничев.
(Имеется в виду преобразование атомного комитета в
соответствующее министерство и назначение туда
новых руководителей. — Е. П.)

г) президиум ЦК — по крупн. вопр. реш. — за подп.
секр, Преде?

было реш.

Кто хочет обсудить...»68.

Теперь надо объяснить, о чем тут идет речь.

Надеюсь, суть претензий к Берия из этой записки
ясна и комментарии не требует. Меры тоже ясны. От
поста министра внутренних дел освободить в любом
случае. Если будет вести себя смирно и признает свои
ошибки, то этим и ограничиться, если же «не проявит
понимания», то снять и с должности зампреда Совмина,
а также председателя специального комитета и

отправить на пост министра нефтяной промышленности. О том, что последние меры условны, говорит маленький знак вопроса перед пунктом б). То есть, размах репрессивных мер по отношению к Берия зависел от того, как он будет вести себя на заседании. И если, как вспоминает Молотов, он «признал свои ошибки», то должен был потерять только МВД, но не свободу и не жизнь. Как же тогда вышло с арестом? Что там на самом деле произошло, на этом Политбюро? И, что бы там ни произошло, Маленков, автор черновика, получается, к подготовке ареста Берия непричастен, если явился на заседание с этой бумажкой в портфеле?

Это первый пласт размышлений, которые вызывает сей документ. Но на самом деле он куда более глубок, чем видно на первый взгляд. И вопрос об МВД ставился не совсем в такой плоскости, как кажется.

Для сравнения вернемся в 1938 год. В октябре 1938 года начала работу комиссия Политбюро, которая должна была подготовить проект постановления ЦК, СНК и НКВД «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» — оно было утверждено Политбюро 17 ноября, и соответственно, в свои сроки было утверждено Совнаркомом и НКВД. Зачем это делалось? Неужели Политбюро не могло само повелеть сделать то, что надо?

В том-то и дело, что не могло! К тому времени уже действовала Конституция 1936 года, но даже и без нее в официальной структуре власти Политбюро было никем, и звать его никак. Просто руководящий орган политической партии, без каких бы то ни было властных полномочий. Да, мы знаем, что партия в то время руководила всем, но механизм этого руководства был достаточно хитер, он действовал не через властные структуры, а опосредованно, через членство. Самые значимые люди в стране входили в Политбюро и

обязаны были выполнять его постановления в порядке партийной дисциплины. Поэтому-то и принималось совместное постановление Политбюро и тех, кто имел власть в том ведомстве, которого касался решаемый вопрос. Кстати, и Хрущев, когда это понял, изменил свою версию событий 26 июня, присовокупив сюда еще и Президиум Совмина. Но про черновик, по-видимому, попросту забыли. Дело в том, что, если вопрос рассматривался на заседании, то по нему выносилась резолюция, а черновик уничтожался. Его наличие в архиве Маленкова доказывает то, что этот вопрос 26 июня не рассматривался. Вот и проворонили улику.

А улика это серьезная. На основании этого документа (соответствующие места выделены курсивом) членам Президиума ЦК, в принципе, можно вынести обвинение, караемое по пресловутой ст. 58 в самой страшной ее части — 581, измена родине. Там, правда, нет статьи о государственном перевороте, но насчет приговора можно не сомневаться. Обвинение это гласит: попытка, в ущерб Конституции, подчинить Президиуму ЦК, то есть высшему органу политической партии, Министерства внутренних дел. Выражаясь современным языком, это говорит о намерениях вместо конституционного установить в СССР внеконституционную диктатуру одной политической партии.

Это, конечно, шутка — хотя, в определенное время и при определенных обстоятельствах, такие шуточки могли привести их героев к стенке. При Сталине за такими нюансами следили очень тщательно — раз Конституция есть, она должны выполняться. Пусть ритуально, но выполняться. Что же, получается, что эти претенденты на высшую власть даже таких простых вещей не понимали?

Впрочем, что они вообще понимали, они показали в последующие десять лет! У Стругацких в романе

«Трудно быть богом» есть такой замечательный персонаж — сановник при королевском дворе дон Рэба, нечто вроде кардинала Ришелье. И этого Рэбу все считали хитрым интриганом. А он только изображал хитрого интригана, а на самом деле был глуп и примитивен. Так же и в этом деле. Потому что чем дальше, тем больше стала обнаруживаться феноменальная глупость всей этой компании. По поводу чего у меня было множество споров с самыми разными людьми, которые наперебой доказывали, что люди, стоящие у власти, не могут быть так глупы! Ну просто не могут, и все!

А если могут?

Впрочем, не будем спешить. Вернемся к пресловутому черновику. Судя по тому, что черновик оказался в архиве Маленкова, либо заседание не состоялось, либо этот вопрос на нем не обсуждался. Но ведь он обсуждался! Об этом говорят участники заседания. А потом, в черновике ведь нет ни слова об аресте! С чего вдруг — собирались в худшем случае сделать министром нефтяной промышленности, а вместо этого решили арестовать?

Да еще договорились об этом заблаговременно. Выходит, Маленков — а он, между прочим, Предсовмина — ничего не знал?

Но может быть и другая версия появления этого черновика. Дело в том, что странное этот текст производит впечатление. Сначала идут длинные гладкие фразы, стилистически выверенные, без сокращений, и при этом совершенно дежурные, которые опытный партчиновник без всяких записей произнесет. И вдруг текст становится сбивчивым, конспективным, слова сокращаются. Вся существенная часть документа изложена кое-как, словно бы в страшной спешке. Фразы стилистически разные. Рядом с вполне грамотной — о том, что МВД поправлял партию

и правительство, — стоит возмущенный выкрик: ЦК — на второй план! Такое ощущение, что над Маленковым буквально нависает несколько человек и он записывает то, что ему наперебой говорят. Проекта резолюции здесь также нет, хотя обычно он готовился заранее.

Все настолько наспех, что, скорее всего, вышеупомянутый черновик писался утром 26 июня, непосредственно перед заседанием. То есть он был экспромтом.

Так, словно перед самым заседанием, некто — и мы еще поймем, кто именно — сказал: «Товарищи, сколько же можно! Положение сложилось недопустимое, Берия черт знает что себе позволяет! Знаете что? Сегодняшнее дело подождет, давайте-ка лучше обсудим вот что...»

Но с чего вдруг? Что, вопрос так наболел, что и дня не подождать, чтобы решить его нормальным путем? А это смотря какой вопрос! О заговоре Берия, думаю, можно забыть. Но ведь заседание было назначено заранее, и у него должна была быть нормальная, официальная, заранее обговоренная повестка дня.

О чем должна была идти речь на заседании Президиума ЦК 26 июня?

А вот об этом сведений нигде нет!

Так что же на самом деле произошло 26 июня?

Юрий Мухин предполагает, что Берия под каким-либо предлогом заманили куда-нибудь, например, в штаб ПВО, и там убили. Впрочем, трудно представить себе, чтобы предельно занятый Берия вдруг изменил свои планы и отправился куда-то в штаб ПВО, если он

туда изначально не собирался. А куда он, кстати, собирался?

Кто мог об этом знать?

В первую очередь об этом могли знать жена и сын. И вот что вспоминает Серго Берия.

«26 июня 1953 года отец находился на даче. Я уехал раньше, где-то около восьми, и через час был в Кремле. (Кабинет отца располагался в противоположном здании.) В четыре часа дня мы должны были доложить отцу о подготовке к проведению ядерного взрыва... (Дальше рассказывается о подготовке к докладу, совместно с другими конструкторами, у Б. Л. Ванникова. — Е. П.) Часов в двенадцать ко мне подходит сотрудник из секретариата Ванникова и приглашает к телефону: звонил дважды Герой Советского Союза Амет-Хан, испытывавший самолеты с моим оборудованием. „Серго, — кричал он в трубку, — я тебе одну страшную вестъ сообщу, но держись! Ваш дом окружен войсками, а твой отец, по всей вероятности, убит. Я уже выслал машину к кремлевским воротам, садись в нее и поезжай на аэродром. Я готов переправить тебя куда-нибудь, пока еще не поздно!“

Я начал звонить в секретариат отца. Телефоны молчали. Наверное, их успели отключить. Не брал никто трубку и на даче, и в квартире. Связь отсутствовала всюду... Тогда я обратился к Ванникову. Выслушав меня, он тоже принялся звонить, но уже по своим каналам. В тот день, по предложению отца, было назначено расширенное заседание Президиума ЦК... (Дальше мы часть фразы пока выпустим, потом я ее приведу. — Е. П.) Ванников установил, что заседание отменено и происходит что-то непонятное...

...Борис Львович (Ванников. — Е. П.), чтобы меня одного не схватили, поехал вместе со мной на городскую квартиру, расположенную на Садовом

кольце. Район в самом деле был оцеплен военными, и нас долго не пропускали во двор, пока Ванников снова не позвонил Хрущеву. Наконец, после его разрешения, нас пропустили, что и подтверждало его причастность к происходящему. Стена со стороны комнаты моего отца была выщерблена пулями крупнокалиберных пулеметов, окна разбиты, двери выбиты.

Пока я все это отчаянно рассматривал, ко мне подбежал один из охранников и говорит: «Серго, только что из помещения вынесли кого-то на носилках, накрытых брезентом».

Охранника срочно позвали, и я не успел спросить у него, находился ли отец дома во время обстрела»⁶⁹.

Скорее всего, так оно и было. Именно так — тупо, грубо, нелепо. Этими чертами отмечены все действия убийц Берия — и «Танки-шоу» в центре столицы, и пресловутый Пленум ЦК, о котором еще пойдет речь, и «суд», и все прочее.

...Еще пара штрихов, доказывающих, что Берия был убит. Из воспоминаний Серго: «После всего, что произошло *<Уже много лет спустя.>*, Анастас Иванович (Микоян. — Е. П.) разыскал меня в Москве у дочери и долго твердил о своей непричастности к гибели отца... Я тогда не мог знать содержания его выступления на Пленуме, поэтому принял за истину слова Микояна. Правда, некоторые сомнения в искренности этих клятв заронила мне в душу реплика, как бы случайно оброненная им: «Эх, дорогой Серго, о чем угодно можно говорить, когда человека уже нет в живых!..» Только спустя десятки лет я понял подтекст микояновской реплики»⁷⁰.

И снова слово Ю. Мухину.

«Я позвонил последнему оставшемуся в живых члену тогдашнего ЦК Н. К. Байбакову. В

ходе разговора по техническим вопросам я спросил его, помнит ли он июльский 1953 г. Пленум ЦК? Когда Николай Константинович его вспомнил (ему 90 лет), я неожиданно задал ему вопрос: „Знали ли вы на Пленуме, что Берия уже убит?“

Он быстро ответил: «Нет, я тогда ничего не знал, — но затем, после заминки, сказал: — Но факт в том, что он оказался убитым»»⁷¹.

Можно еще и еще доказывать, что Берия был не арестован, а убит. Но стоит ли?

...Да, но все это как-то уж слишком грубо и непрофессионально. Если так уж надо было ликвидировать Берия, неужели обязательно было затевать стрельбу в центре Москвы? Есть же и другие способы... да хоть авиакатастрофа, чем плохо?

Тому есть одно объяснение: у них не было времени обставить все прилично. Это был, как уже говорилось, экспромт. Они спешили, причем так спешили, и опасность была так велика, что им было уже все равно, как убрать Берия. Да хоть в самом деле Москву бомбить — лишь бы убрать!

Да, но почему?

А вот теперь вернемся к выпущенной фразе из воспоминаний Серго. «В тот день, по предложению отца, было назначено расширенное заседание Президиума ЦК, на котором планировалось обсудить деятельность министра государственной безопасности СССР С. Игнатьева и его заместителя М. Рюмина с целью установления их личной вины в фабрикации ряда дел: мингрельского, ленинградского и т. п. ...». Он настолько не придавал этому факту значения, что даже не включил его в свою книгу, ограничившись упоминанием в

интервью, то есть о какой-то подтасовке не может быть и речи. Случайно вспомнил и случайно сказал.

А из других источников известно, что накануне, 25 июня, едва вернувшись из Германии, где он был 10 дней, Берия просил у Маленкова санкции на арест Игнатьева.

При чем тут это? Чушь какая-то...

Давайте пока не будет никак это комментировать. Просто запомним: на этом заседании Президиума Берия должен был говорить о бывшем министре госбезопасности Игнатьеве и, по всей видимости, получить санкцию на его арест.

ГЛАВА 2

В ЧЕМ БЕРИЯ ПРОВИНИЛСЯ ПЕРЕД ПАРТИЕЙ?

Итак, похоже, что это на самом деле правда: 26 июня 1953 года в Москве было совершено одно из политических «убийств века». Без суда и следствия был убит вице-премьер и министр внутренних дел СССР Л. П. Берия. По масштабу и последствиям для своей страны (надеюсь, после того, как мы внимательно рассмотрели биографию Берия, это очевидно) это убийство может быть сопоставлено, например, с убийством Сальвадора Альенде, и оно уж куда более значительно повлияло на мировую историю, чем, скажем, убийство в Мексике Льва Троцкого, о котором так много и громко кричат. Сей факт оставался незамеченным почти пятьдесят лет — по двум причинам.

Во-первых, ему не придали значения, потому что тремя месяцами раньше умер Сталин, и огромность его смерти заслонила все остальные события, что дало возможность историкам списать смерть Берия на верхушечные разборки. А во-вторых, сразу же после убийства была поставлена колоссальная по интенсивности дымовая завеса. Она продержалась полвека, и надо было измениться государственному строю, чтобы часть — только часть! — документов, связанных с этой историей, стала достоянием гласности. И, будучи не передаваемой из уст в уста, а увиденной своими глазами...

День «Х» (продолжение).

Попробуем дальше реконструировать события. Теперь мы практически точно знаем время убийства. На него указывают три независимых источника — Жуков, Москаленко и Серго Берия. Все они называют один и тот же промежуток времени: между 12 и 13 часами дня. Версию Суханова можно не принимать в расчет, ибо Берия в Кремль не приезжал, и тот его не видел.

Впрочем, можно и еще уточнить. Вспомним, Москаленко по поводу времени говорит: «Примерно через час, то есть в 13.00, 26 июня 1953 г. ...» Жуков: «Немного погодя (было это в первом часу дня) раздался звонок, второй. Я поднимаюсь первым...». То есть оба бессознательно оперируют промежутком времени, привязанным к 12 часам дня. Если заседания не было, то откуда взялось это время? Подсознание — великая вещь! По-видимому, примерно тогда все и произошло.

В 14 часов войска, находившиеся на учениях, получили приказ двигаться к столице. По той же хрущевской версии, это было сделано, чтобы нейтрализовать выступление войск НКВД. В таком случае это феноменально по глупости, ибо танками, артиллерией и авиацией невозможно вести бои в городе, если этот город нельзя разрушать. (Можно ли было Хрущеву и компании разрушить собственную столицу — надеюсь, вопрос риторический. То есть, конечно, кто их знает... но после этого акта потребовалось бы установить диктатуру такой степени жесткости, на какую у них элементарно не хватило бы сил. Ну не было среди них ни Ленина, ни Троцкого!) Потому что засевший в окне человек с противотанковым ружьем может легко превратить танк в факел, и если в ответ не будет снесена огнем вся улица, то возле следующего дома запылает следующий танк. Что же касается решения проблемы уличных боев с помощью бомбежки... Вот уж доподлинно: есть город — есть проблема, нет города — нет проблемы...

Да и не та структура НКВД, на которую можно воздействовать таким способом. Зачем ей вообще пускать в ход войска? Там в то время были одни из лучших ликвидаторов в мире: пройдут тихо, незаметно оставят десяток трупов — и никаких следов.

Кроме того, если бы заговор в НКВД на самом деле существовал, то у них уж точно были бы приняты меры на случай ареста или исчезновения руководителя, и ликвидация Берия не уничтожила бы заговор, а активизировала. (Этого, кстати, боялся Сталин, когда в 1937 году громили армейских заговорщиков — тогда он, действительно, по жердочке прошел *<Подробно об этом в книге: Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. М., 1999. >*.)

Есть и еще один аргумент в пользу того, что абсолютно ничего Берия не готовил. Если бы заговор на самом деле существовал, то они не пошли бы в театр 27 июня, а сидели в надежном месте под охраной! Но они пошли слушать оперу «Декабристы», а значит, ничего не боялись. Не боялись же потому, что никакой опасности не было.

Итак, заговора не было, и устроители «Танки-шоу» прекрасно об этом знали. Поэтому приказ должен был быть именно таким, каким он был, ибо у него имелось единственное назначение: запомниться как можно большему количеству людей. Чтобы спустя какой-то срок можно было сказать: «Мы направили в столицу танки, чтобы нейтрализовать возможные действия войск НКВД» и, таким образом, сделать арест Берия не совсем необоснованным в глазах если не юристов, то хотя бы широких партийных масс — беспартийные для этих «детей семнадцатого года» были вообще не люди. Юристы у них на следующий день имелись уже свои, из породы «чего прикажут», что же касается всего прочего

населения, то для быдла есть политруки и газета «Правда».

Итак, будем считать временем убийства 12 часов дня. Время начала «боевых действий» — 14 часов. Что же происходило в промежутке?

Этого мы не знаем. Но можем предположить, что могло, по логике вещей, произойти.

Когда должно было начаться заседание Президиума ЦК? В двенадцать Берия, по всей видимости, находился еще дома. В четыре у него была встреча с сыном. В два часа началось «Танки-шоу». Получаем примерное время начала заседания — 12.30—14 часов. Возможно, устроители всего этого дела попросили товарищей собраться немножко пораньше, чтобы обсудить предполагаемое изменение повестки дня. И вот, когда все собрались, один из членов Президиума сообщил остальным, что Лаврентий Берия убит.

Естественно, при этом была изложена некая легенда. Например, в одной из ранних версий «ареста Берия» присутствует то, что у него имелся в портфеле пистолет. А также то, что всех членов Президиума предполагалось арестовать в театре на представлении оперы «Декабристы», куда они должны были пойти 27 июня, на следующий день. На основе этого можно предположить, что легенда могла звучать, например, так:

Один-два из членов Президиума получили информацию о том, что Берия и верные ему люди из НКВД устроили заговор с целью всех их арестовать и уничтожить. Возможно, как раз 27 числа, в театре. Поскольку времени практически не оставалось, эти члены Президиума сами, не вынося вопрос на заседание, «посоветовались» с верными военными, и

они все вместе приняли решение: арестовать Берия и доставить в Кремль, «на суд товарищей».

Поскольку в деле были задействованы военные, то, скорее всего, одним из этих «членов Президиума» был Булганин. Второй и сам не отрицается, на всех углах кричит о своем участии, рассказывает кому попало, и даже пишет мемуары. Арестовать Берия вызвались два генерала, которые, взяв с собой нескольких верных офицеров, отправились к «заговорщику». Но, когда Берия попытались арестовать, он открыл портфель и выхватил пистолет, и был убит при сопротивлении аресту. (Кстати, с какого перепугу старый чекист носил пистолет в портфеле? Что, у него карманов не было?)

В этом случае на Президиум должен был прибыть кто-либо из военных — рассказать, как дело было. Кто — мы тоже можем вычислить, да тут и вычислять не надо, они и не отрицают, сами рассказывают, что там были. Это маршал Жуков и генерал Москаленко. Вероятно, им-то и принадлежит идея об использовании армии *<Любопытно, что летом 1944 года, когда состоялось покушение на Адольфа Гитлера, по плану заговорщиков, сразу же вслед за убийством фюрера предполагалось ввести танки в Берлин. Их даже ввели, но, узнав о неудаче покушения, тут же вывели обратно.>*

Более того, возможно, по легенде, информацию получил и принял решение об аресте не член Президиума, докладывавший обо всем, а, допустим, тот же маршал Жуков. Это не суть, как конкретно выглядела легенда. Важно, что члены Президиума оказались перед фактом: один из них, заместитель председателя Совмина и министр внутренних дел, убит при попытке ареста, и с этим надо что-то делать, как-то прятать концы.

А может быть, все было еще проще, и сухановская версия о том, что все стали «за» после появления военных, тоже имеет в себе некий первичный слой правды. На Политбюро просто пришли несколько военных, числом от двух до десяти. Возможно, как вспоминает Маленков, две группы по пять-шесть человек. Членам Президиума вкратце объяснили, что произошло, и ненавязчиво предложили присоединиться. Берия, по причине некоторых свойств его характера, они не любили, а даже если кто и относился к нему хорошо, то ведь ему-то уже все равно, а жить хочется всем. Народ это был безынициативный, привыкший прятаться за спину сильного лидера, и теперь они безропотно пошли за другим сильным лидером. Тем более что тот был заинтересован в сохранении того порядка вещей, к которому они привыкли, а Берия покушался этот порядок вещей поломать.

Скорее всего, тогда-то и был составлен пресловутый черновик, носящий на себе следы страшной спешки и «коллективности», как будто Маленкову со всех сторон кричат:

«И это напиши! И это! А про спецкомитет — не забыл?»

Потом подлинный черновик плана заседания был уничтожен и заменен этим — потому-то он и сохранился в архиве, а вовсе не по недомыслию «чистильщиков».

Итак, посреди бела дня в столице, без суда и следствия, убит вице-премьер и министр внутренних дел, второе лицо в государстве, и с этим надо что-то делать. Решено было сообщить всем, что он арестован за «антипартийную и антигосударственную» деятельность. И начали прятать концы.

В отличие от «заговорщика» Берия, у Хрущева была команда, такая же беспринципная, как и ее лидер, так что он сумел кое-что организовать. По официальной

версии, сначала Берия поместили на московской гарнизонной гауптвахте, и лишь на следующий день перевели в тот самый знаменитый бункер, где он и содержался до суда. Зачем это сделали? Почему не в тюрьму? Боялись, что «заговорщики» его освободят? Но ведь остальных арестованных по этому делу держали в тюрьме и не боялись, что их кто-то отобьет у тюремщиков.

Да все проще: арестанта, поименованного Берия, держали в бункере затем, чтобы его никто не мог увидеть. Точнее, видели-то его многие, но не из тех, кто хорошо знал Берия в лицо.

Если о пребывании Берия в бункере сохранилось множество воспоминаний очевидцев, то о его суточном пребывании на гауптвахте не вспомнил никто. Зато с этими сутками связана одна интересная история.

Утром 27 июня на гауптвахту приехали оба заместителя Берия — С.Н. Круглов (МВД) и И.А. Серов (госбезопасность), со вполне естественным желанием — увидеть своего начальника и, возможно, его допросить, на что они имели непреложное право. Москаленко их туда не пустил. Тогда, зная, что вечером все власть имущие будут в театре, они поехали, туда. Там же был и Москаленко. Дальше, по воспоминаниям последнего, произошло следующее:

«Во время антракта в особой комнате Большого театра собрался весь состав Президиума ЦК. Серов и Круглов доложили, что я и мои товарищи неправильно обращаемся с Берия, порядок содержания его неверный, что я не хочу сам с ними вести следствие и т.д.

Дали слово мне. Я сказал: я не юрист и не чекист, как правильно и как неправильно обращаться с Берия, я не знаю. Я воин и коммунист. Вы мне сказали, что Берия — враг нашей партии и народа. Поэтому все мы, в том числе и я, относимся к нему как к врагу. Но мы ничего

плохого к нему не допускаем. Если я в чем и не прав, подскажите, и я исправлю. Выступили Маленков и Хрущев и сказали, что действия т. Москаленко правильны, Президиум их одобряет, и тут же сказали, что следствие будет вести вновь назначенный Генеральный прокурор т. Р. А. Руденко в присутствии т. Москаленко...

После этого Серов и Круглов вышли, а мне предложили сесть за стол и выпить рюмку вина за хорошую, успешную и, как сказал Маленков, чистую работу»⁷².

Тут интереснее всего что? Предложение Маленкова выпить за «чистую работу». В чем она заключалась? Ну как же: работа была выполнена одна — успешно отфутболены представители органов внутренних дел. Да, но почему бы им не дать увидеть Берия — ведь он уже арестован, что плохого может быть в том, что замы с ним встретятся? Объяснение могло быть только одно: никакого Берия на гауптвахте не было...

Однако долго такое положение продолжаться не могло. Рано или поздно Берия надо быть «предъявить народу». Да занимать гауптвахту нельзя, она нужна для дела, а когда начнется дело, там будет слишком много посторонних глаз. Впрочем, долго там его «держат» и не предполагалось. Это было временное укрытие для призрака наркома, на первое время, день-два, пока что-нибудь придумается.

На следующий день его «переводят» в бункер при штабе МВО. Это подземное помещение — центр боевого управления и бомбоубежище одновременно. Во двор, где находился бункер, загнали четыре танка: три стали по углам двора, один перегородил арку. Поставили караул из офицеров охраны штаба МВО.

А вот теперь смотрите... А. Сухомлинов пишет: «Штаб округа — место, конечно, историческое, но для содержания подследственных непригодное, да и навыков у военных в этом деле не было никаких. Во всяком случае, при заполнении анкеты арестованного Берия, которое производил следователь прокуратуры СССР Цареградский, в штабе даже не смогли сфотографировать его, Берия, как положено — в анфас и профиль. Ограничились комическим фото штабного фотографа. Дактилоскопирование, т. е. получение образцов отпечатков пальцев, — обязательная процедура в МВД при аресте — также не производилось». Ну, а у следователя прокуратуры Цареградского, заполнявшего анкету, что — тоже «нет навыков»? Он-то почему всего этого не проделал?

Читаем А. Сухомлинова дальше:

«Машинистка военного совета и ветеран штаба МВО Екатерина Алексеевна Козлова рассказывает, что на все время нахождения Берия в бункере передвижение по территории внутреннего двора штаба было сначала запрещено, а потом ограничено. Начальник штаба округа генерал-полковник С. Иванов приказал закрасить белой краской все окна на первом и втором этажах, чтобы никто не видел, как водят Берия.

Сопровождал его всегда полковник Юферов с охраной. Он практически каждый день водил Берия на допросы. Екатерина Алексеевна Козлова вспоминает, что многие офицеры в своих кабинетах тайком отчищали краску с окон, чтобы посмотреть на Берия. Интересно было.

Она, Е. А. Козлова, этого, правда, не делала, поскольку сама работала в том же главном корпусе, куда приводили Берия. Несколько раз видела его в коридоре и запомнила, что он всегда был в шляпе, горло замотано шарфом, а осенью и зимой 1953 года на нем было черное пальто.

Для работы с Берия на следствии в штабе МВО выделили кабинет члена военного совета генерал-лейтенанта Пронина. На допросы, как вспоминает Екатерина Алексеевна, часто приезжал сам генеральный прокурор Руденко в сопровождении своих работников и машинисток прокуратуры. Все документы они печатали и размножали сами, без участия машинисток...»73.

...Почему-то при первом же слове о том, что в бункере содержался не Берия, а его двойник, сразу начинаются крики о безудержной фантазии. А, собственно, почему? Использование двойников — достаточно распространенная практика. Достаточно вспомнить Древний Египет — у фараона всегда были двойники, и не по одному, а по несколько. Да и позднее этот прием время от времени применялся. Официальные двойники были даже у Ельцина. Естественно, заменить человека двойником так, чтобы при личном общении никто ничего не заметил, невозможно. При одном условии: если вокруг те, кто его знает. А в бункере штаба МВО даже идентичности не требовалось, достаточно лишь определенного внешнего сходства.

Итак, что же мы имеем в результате милицейской деятельности военных? Процедура регистрации арестованного не проведена. Нет фотографии человека, сидящего в штабном бункере, одно лишь «комическое

фото» штабного фотографа, не анфас и в профиль, как положено, а в 3/4, Так что эти фотографии нельзя сличить с фото Берия даже наложением. Что, штабному фотографу никогда и никого не приходилось снимать на документы?

Впрочем, вклеить нужное фото — проблем нет, взяли из семейного альбома и вклеили. Человек на фото похож на Берия, однако странно похож — как будто бы то же лицо, но лет на десять моложе. Лицо подтянутое, щеки, у реального Берия лежащие на плечах, куда-то делись... А фото в профиль, по-видимому, в альбоме не нашлось. Это, знаете ли, мало популярный ракурс...

Далее: нет отпечатков пальцев человека, сидящего в бункере. Ну, это «для истории», чтобы никто и никогда не мог сличить отпечатков, на случай если «пальчики» Берия где-то существуют.

Содержат арестованного не в системе МВД, где Берия видел и знает в лицо, наверное, каждый, а в штабе МВО.

Работникам штаба, конечно, всем «интересно», но они-то Берия в лицо не знают, ведь телевидения тогда не было, а по газетным фото кого-либо опознать... Впрочем, на случай, если среди работников штаба попадется кто-то, кто его видел, окна закрасили краской, арестованный же ходит по коридорам всегда в шляпе и в шарфе, хотя идти-то всего ничего. Допрашивают его специально отобранные следователи, а приезжающие с Руденко машинистки и прочие делопроизводители тоже наверняка не видели реального Берия в лицо.

Давайте действительно не будем доказывать то, что в бункере штаба сидел двойник. Поставим вопрос иначе. Существует хотя бы одно доказательство того, что человек, содержащийся в бункере, и был министр внутренних дел СССР Лаврентий Павлович Берия?

Суд высшей власти.

Ой, какой интересный документ был опубликован в конце 90-х годов. Называется он «Постановление президиума ЦК КПСС „Об организации следствия по делу о преступных антипартийных действиях Берия“».

Документ краток.

«1. Ведение следствия по делу Берия поручить Генеральному Прокурору СССР.

2. Обязать т. Руденко в суточный срок подобрать соответствующий следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС, и немедленно приступить, с учетом данных на заседании Президиума ЦК указаний, к выявлению и расследованию фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берия через его окружение (Кобулов Б., Кобулов А., Мешик, Саркисов, Гоглидзе, Шария и др.), а также к расследованию вопросов, связанных со снятием т. Строкача»⁷⁴.

Почему этот документ так интересен? Нет, не своим содержанием (кроме последней фразы), а самим фактом своего существования. Во-первых, формально он доказывает, что в СССР произошел государственный переворот. Это уже не полувнятная записка Маленкова, это настоящий официальный документ, имеющий номер — П12/П от 29 июня 1953 г. В котором черным по белому записано, что с этих пор ЦК КПСС является высшим органом, имеющим всю полноту власти в СССР. Потому что иначе можно спросить: а с какой стати ЦК политической партии дает распоряжения генеральному прокурору?

Начиналась новая эпоха в истории страны — эпоха, приведшая ее к деградации, распаду и позору.

Чем Берия провинился перед партией?

Дайте ему высказаться, это полезно знать!
Он выбалтывает то, о чем другие молчат!

Николай Островский «Как закалялась сталь»

2 июля вопрос о Берия был представлен на суд нового высшего органа Страны Советов — на Пленум ЦК КПСС.

Тут ведь надо что еще учитывать? Мы сейчас рассматриваем события того времени через призму времен «развитого социализма», когда партия действительно была высшей властью в государстве. И все настолько к этому привыкли и настолько начитались учебников брежневских времен, что даже мысли не возникает: а всегда ли так было? Между тем этот вопрос еще ждет своего исследователя.

Нет, до первой половины 30-х годов, скорее всего, было именно так. Но потом в стране начались какие-то непонятные процессы. В 1936 году была принята новая Конституция, и после этого съезд партии не собирался 13 лет. Да, была война, но в Гражданскую-то съезды проводились! Да и Политбюро собиралось все реже и реже. В верхах встречались те же люди, но теперь на заседаниях иных, конституционных органов.

Это, кстати, признал в своем докладе и сам Маленков, открытым текстом.

«А все ли у нас благополучно, товарищи, в деле соблюдения выработанных великим Лениным норм

большевистских принципов руководства? Нет, не все. Больше того, у нас накопились за многие годы значительные ненормальности. Сошлюсь, например, на то, что у нас годами не собирался Пленум ЦК, у нас последние годы Политбюро перестало нормально функционировать как высший партийный орган в период между пленумами ЦК. Я не говорю уж о том, что XIX съезд партии у нас собрался спустя 13 лет после XVIII съезда...»

Да, если опрокинуть «развитой социализм» в прошлое, то, конечно, все в нашей истории понятно. Но если этого не делать, то надо признать, что послевоенные годы — вообще «темные годы» советской истории. Процессы, происходившие тогда, скрыты за семью замками архивов и семью завесами дезинформации. Ясно одно — после войны партия далеко не имела такого значения, как раньше. И ее аппарату это не могло нравиться...

Но вернемся к пленуму 75.

Естественно, за что на самом деле расправились с Берия, мы из его материалов не узнаем. А вот что имели против него товарищи по партии — узнать легко и просто, они сами об этом постоянно говорят. Так в чем же заключалась «антипартийная и антигосударственная деятельность» Берия? С докладом по этой теме выступил Председатель Совмина Маленков. И какие же «ужасные факты» он привел?

Главное обвинение было выдвинуто в самом начале. Но мы, для драматического эффекта, приведем его в конце. Давайте лучше посмотрим, в чем еще, кроме приведенного Маленковым в начале доклада жуткого антигосударственного деяния, обвинялся на этом пленуме «злодей эпохи» Лаврентий Берия.

После главного в докладе Маленкова шли стандартные «ужасные» обвинения — о попытке

нормализовать отношения с Югославией, о том, что ратовал за единую Германию, что амнистию провел чрезмерно, что водородную бомбу взорвал без санкции «сверху». Все это мы уже проходили. Но разве за это арестовывают и сажают?

Ладно, поехали дальше. После доклада начались прения, где «дорогие товарищи» уже от себя предъявляли обвинения. Запевалой стал Хрущев. Вот кусочки из его выступления — это стенограмма, снова небогатая словесная руда.

«Берия был большим интриганом при жизни товарища Сталина. Это ловкий человек, способный, он очень, я бы сказал, крепко впился своими грязными лапами и ловко навязывал другой раз свое мнение товарищу Сталину... Ловкость, нахальство и наглость — это основные качества Берия...».

У Н. С. Хрущева есть одна особенность, с которой я столкнулась при работе над книгой «Сталин. Второе убийство». Сличая воспоминания о Сталине его и других людей, я убедилась: тому, что он говорит, верить нельзя. То есть не то чтобы он временами искажал факты или что-то придумывал — нет, нельзя верить ни одному его слову, это просто какой-то параллельный мир, не имеющий ничего общего с реальностью. Кому хочется, может, например, взять книгу «Сталин в жизни» и проверить, кому лень — поверьте мне на слово, я эту работу проделала. А вот теперь посмотрите — сколько устоявшихся мнений сформировано, полагаясь на слова только одного этого человека.

«Я говорю, вот моя тревога: после смерти Сталина Берия будет всеми способами рваться к посту министра внутренних дел. Зачем ему этот пост? Этот пост ему нужен для того, чтобы захватить такие позиции в государстве, с тем, чтобы через свою разведку установить шпионаж за членами Политбюро, подслушивать, следить, создавать дела, интриговать...»

Еще одно обвинение:

«Он мне один раз звонит и говорит: „Знаете, у вас работник административного отдела позвонил Кобулову и спрашивает его, как дела идут. Это невозможно. Я член Президиума ЦК, и вроде какая-то тень наводится, кто-то вызывает моего первого заместителя, а не меня“.

Одним словом, этим самым он ставит вопрос, что ни в ЦК не вызывать, ни в обкомы не вызывать, а это значит освободить от всякого партийного контроля органы МВД для произвола».

Так, ужасный грех: не позволял партийным проверяльщикам таскать к себе на ковер своих подчиненных. Интересно, а кто это любит? Ляпнет Кобулов, не привычный вращаться в кремлевских сферах, что-нибудь не то, а Берия потом разбираться... Впрочем, деяние явно антипартийное: ЦК хочет сунуть нос в дела МВД, а его — по носу, по носу!

А вот и совершенно жуткое обвинение.

«Помните, тогда Ракоши сказал: я бы хотел знать, что решается в Совете Министров и что в ЦК, какое разграничение должно быть... Надо более рельефно выявить решение вопросов. Берия тогда пренебрежительно сказал: что ЦК, пусть Совмин решает, ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой... Значит, он исключает руководящую роль партии...»

Ого, на что замахнулся!

А вот блестящий образчик хрущевской логики. Он имеет лишь косвенное отношение к делу, но он такой

вкусный, что просто нельзя не привести.

«Интересна такая вещь: он сам многим возмущался, что делалось в МВД или в госбезопасности. Интересно, с какими предложениями вошел он в Президиум. Мы еще их не обсудили, не успели, решили раньше его посадить, а потом обсудить. (Браво!!! — Е. П.) Он внес предложение, что нужно ликвидировать Особое совещание при МВД. Действительно, это позорное дело. Что такое Особое совещание? Это значит, что Берия арестовывает, допрашивает, и Берия судит...

Почему это нужно было Берия? Потому что, имея Особое совещание в своих руках, он на любого человека имел право. Он сам говорил: я могу любого человека заставить, что он скажет, что имеет прямую связь с английским королем или королевой, сам подпишет. И он это делал...»

Так чего, все-таки, добивался Берия — отмены Особого совещания или же, наоборот, Хрущев отменял, а Берия за него обеими руками цеплялся?

Надо бы заканчивать читать Хрущева, не один он был на этом пленуме, но просто невозможно оторваться! Еще перл:

«Товарищи, вы знаете, что несколько лет как поручено товарищу Маленкову наблюдать за сельским хозяйством. Берия демонстрирует внешнюю свою дружбу, неразлучную, неразрывную с товарищем Маленковым, гробя сельское хозяйство, доведя до последней степени это хозяйство. Дальше терпеть нельзя: молока нет, мяса мало. Объявили переход от социализма к коммунизму, а муку не продаем».

Сельское хозяйство-то к Берия каким боком?

«Это делалось для того, чтобы свалить, а потом добраться до власти, потом объявить амнистию, выступить с ворами и рецидивистами, чтобы сказали:

вот Берия спасает. Он делал так, чтобы народ подкупить. Дешевая демагогия».

Вы что-нибудь понимаете?

Молотов начал с каких-то чисто процедурных, аппаратных вещей — кто кого где выдвигает, кто какие подписи ставит. Он аппаратчик, его еще в 20-е годы прозвали «каменной задницей», ему так и положено. Но у Вячеслава Михайловича есть одно замечательное свойство — полное отсутствие фантазии. И хотел бы соврать, да не может...

«У нас ненормальность зашла и дальше. У нас установилась старая, древняя традиция, что все вопросы международной политики, МИДа и прочие решаются в Политбюро. Теперь перенесли в Президиум Совета Министров... Если мы дорожим партией и понимаем, что такое наша партия большевиков, ленинская партия, вождями которой были Ленин и Сталин и останутся ее духовными вождями, то по этому пути долго идти не могли».

Говорите, Вячеслав Михайлович, говорите, говорите!

«Тут впервые раздалась речь Берия — что нам этот социализм в Германии, какой там социализм, была бы буржуазная Германия, только бы миролюбивая... Не может советский человек говорить против того, чтобы держать курс на строительство социализма в ГДР...»

Вскоре Берия у Молотова стал прямо-таки равносильен Сталину.

«С тех пор как Берия приехал в Москву, атмосфера испортилась: пленумы перестали собирать, съезд затянулся на 13 лет... Это началось после 18 съезда, как раз после приезда Берия в Москву. Переворота он не сделал, но все, что можно делать, он делал. Он отравлял атмосферу, он интриговал...»

И снова почему-то о сельском хозяйстве:

«У нас нетерпимое положение в сельском хозяйстве, особенно в животноводстве, овощеводстве, по самым необходимым вещам. Тут правильно говорили товарищи о том, что нам не только не помогал такой человек, как Берия, в исправлении и улучшении экономической работы, он мешал, он тормозил, он всячески препятствовал выправить это дело».

Ну, как они «выправляли», общеизвестно. Именно в результате деятельности этой команды Россия, европейская житница, начала ввозить хлеб. Но Берия-то тут при чем?

Ладно, идем дальше. Булганин, министр обороны. «Еще при жизни товарища Сталина Берия вел себя очень подозрительно. На глазах у нас, мы видели его, он вел себя грубо, нахально, нагло, пренебрегая коллективом, пренебрегая товарищами, интригуя перед товарищем Сталиным... После смерти товарища Сталина он не только продолжил эту линию на разобщение коллектива, на дискредитацию, но, как вы видите, повел себя еще более нагло... Несмотря на то, что мы терпели его в своей среде, больше того, как правильно говорили, относились с видимым уважением, на деле же было совершенно другое...»

Ну прямо сказка про «Тараканище»! Если он такой мерзавец, то какого же... вы относились к нему «с видимым уважением?». И не стыдно в подобном во всеуслышание признаваться?

Слово Кагановичу. Его беспокоит обстановка внутри Президиума ЦК.

«После смерти Сталина этот человек... распоясался. Никого не опасаясь, он с заднего плана вышел на передний план, он начал действовать с открытым забралом, он начал нахально и нагло подавлять с каждым днем...»

В чем же заключалась эта наглость? А вот и пример:

«И он все более и более наглел, наглел до того, что, когда приняли решение ЦК по вопросу об Украине, не было там в решении о том, чтобы записку Берия прикладывать, не было об этом в протоколе. Он звонит Маленкову и Хрущеву и настойчиво требует, почему не записано, что утвердить записку Берия, приложив к протоколу, и разослать всем членам Президиума... Ну, тогда тоже казалось, что не стоит из-за этого устраивать споры, разногласия, потому что с ним приходилось говорить на высоких тонах...»

Что правда, то правда — Лаврентий Павлович не обладал христианским терпением. Впрочем, его можно понять. У какого человека дела хватит терпения на таких вот коллег?

И снова сельское хозяйство! Далось оно им... Ага, кажется, пошли факты... они доказывали, что нужно поднять цены на картофель — Берия против. Естественно, ради популярности... А вот теперь пошло интересное...

«Например, на Урале сельское хозяйство в трудном положении, потому что области там промышленные... Например, в Свердловской области 11% сельского населения... Надо размещать механизацию высокую или делать баланс — рассматривать рабочую силу, чтоб сельское хозяйство не подрывалось, чтобы на Урал не завозить сельскохозяйственные продукты, чтобы Урал сам себя прокармливал... Этого Берия не понимал».

Я тоже, по правде сказать, не понимаю. Почему Урал должен кормить себя сам, если в стране существуют сельскохозяйственные районы? И зачем нужны сельскохозяйственные районы, если промышленные должны кормить себя сами? Не иначе как заводы строить, чтобы каждый уезд снабжал себя всем, от иголок до тракторов...

А вот Каганович вытащил из рукава козырного короля:

«Начал он атаку на партию с атаки на Сталина. То, что меня потрясло и поразило, это когда он на другой день после смерти Сталина, когда еще Сталин лежал в Колонном зале, фактически он устроил переворот, свергнул мертвого Сталина, он стал мутить, пакостить, то рассказывал, что Сталин и против него, Берия, шел. Он нам, группе людей, говорил: Сталин не знал, если бы меня попробовал арестовать, то чекисты устроили бы восстание. Говорил?

Голоса из президиума. Говорил.

Каганович. ...Он изображал Сталина самыми неприятными, оскорбительными словами...». (Что, хуже, чем Хрущев на XX съезде? — Е. П.)

Странно, что Хрущев об этом разговоре не упомянул. Не знал? Или Каганович это только сейчас придумал?

Пусть-ка он еще поговорит:

«Партия для нас выше всего. Никому не позволено, когда этот подлец говорит: ЦК — кадры и пропаганда. Не политическое руководство, не руководство всей жизнью, как мы, большевики, понимаем. Но это не значит, что ЦК должен заменять Совет Министров, обком — облисполком и т. д., но мы должны концентрировать политическое руководство...».

Для тех, кто уже забыл или никогда не знал, что такое социализм, поясняю. Говоря, что ЦК не должен подменять Совмин, Лазарь Моисеевич имеет в виду, что ЦК будет руководить, то есть следить, вмешиваться и указывать, а Совмин — отвечать за результаты работы. А вы думаете, Берия партию не любил, потому что ему цвет партбилета не нравился?

Вот Багиров, старый товарищ, первый начальник:

«Берия — этот хамелеон, злейший враг нашей партии, нашего народа — был настолько хитер и ловок, что я лично, зная его на протяжении тридцати с лишним лет до разоблачения Президиумом

Центрального Комитета, не мог его раскусить, выявить его настоящее вражеское нутро...». А ведь золотые слова говорит: до тех пор, пока Президиум не вышел на трибуну и не вылил на Берия всю эту бочку грязи, никто ничего и не подозревал. И что обидней всего — он, как и все, Берия поливал, а его все равно расстреляли. Как в том грубом анекдоте: за что же дерьмо-то ел?

Но вот и до сельского хозяйства наконец добрались.

«Два года тому назад, в 1950 году, было принято решение партии и правительства по расширению производства хлеба, главным образом пшеницы, в Закавказских республиках. Теперь, в связи с пересмотром ряда решений, которые не имели и не имеют для советских республик, краев и областей актуального значения. Совет Министров решил этот вопрос пересмотреть и принял решение. Вдруг ни с того ни с сего звонит в Баку Берия: я готовлю— материал, чтобы пересмотреть этот вопрос. Выходит, не партия готовит, не Совет Министров, не руководство партии, а он готовит...»

Поясню, о чем речь. В мае 1950 года Совмин принял постановление, в соответствии с которым в течение 4—5 лет закавказские республики должны были начать полностью обеспечивать себя хлебом. Если кто читал внимательно о работе Берия на посту Первого секретаря в Закавказье, тот помнит: земли там мало, и сеять хлеб бессмысленно. Республику все равно не прокормишь, а сельское хозяйство угробишь. И вот эти ... (кто там в Политбюро отвечал за сельское хозяйство?) выносят такое вот бредовое постановление. Через три года, в марте 1953 года, его отменяют. Кто отменил? Да уж, наверное, не Маленков, у которого картошка не растет...

Ну, теперь наконец ясно, как именно Берия саботировал гениальные начинания партии в области сельского хозяйства. Он не позволил насытить страну

закавказским и уральским хлебом. Вот муки-то и нет... А если чайные плантации распахать и засеять пшеницей, то-то вся страна сыта будет!

А вот и Микоян, старый бакинец. Что он скажет? Микоян, министр внутренней и внешней торговли, приводит конкретику. Наконец-то! А то уже голова кругом идет от заклинаний.

«Когда надо было подписать соглашение о торговых поставках с Чехословакией на 1953 год, то полгода шли переговоры. Министерство, которое я возглавляю, вошло с решением дать несколько меньшие поставки, пойти навстречу чехам, которые говорили, что не могли выполнить договор, который был подписан несколько лет назад... У нас было многолетнее соглашение о поставках. Правда, может быть, поставки могли идти несколько лучше, но дело не в этом. А Берия взбесился, как-то узнав об этом долголетнем соглашении. Долголетнее соглашение предусматривало поставку 800 штук дизелей нефтяных по 500 сил каждый... Это сумасшедшая цифра. Когда-то товарищи включили по ошибке в заявку это количество. Министерство проверило и выяснило, что нефтяникам столько не нужно, что нужно только 400... Наше министерство. Госплан совместно с нефтяниками включили 400 штук. Он тогда говорит, что многолетним договором предусматривалась 800, а Микоян предлагает 400. На каком основании такое разложение, такая поблажка чехам и так далее...»

Но что любопытно, дальше он проговаривается о причинах срыва поставок.

«Не нужно столько, чехи не могут освоить. Это еще новая, трудная сейчас задача для них, они еще не владеют заводами, много сволочей у них на заводах».

Говоря общечеловеческим языком, дело вот в чем. В Чехословакии на заводах бардак, работу организовать не могут, а вместо поставок по договору слезно

жалуются русским партнерам на трудности бытия. Вообще-то в таких случаях принято платить неустойку. А Микоян ласково соглашается: конечно-конечно, мы все понимаем, давайте сколько сможете, да нам столько и не нужно... Неудивительно, что Берия «взбесился» — нефть-то нужна! Да и дурной пример — позволять торговым партнерам нарушать соглашения.

Вот еще пример, пожалуй что и покруче.

«Президиум Совета Министров обсуждал вопрос об Индии. Индусы играют между нами и американцами. Они обратились к нам, чтобы мы, русские, дали им некоторое количество зерна, около 300 тыс. тонн, и за это они будут давать свои товары. Президиум ЦК сказал — хорошо бы, если бы не отказать индусам, чтобы уменьшить влияние американцев и выбить почву у тех врагов советского народа, которые имеются в Индии. Поручили Молотову и мне такой проект составить. Мы подготовили. Мы нашли зерно из экспортных ресурсов, за счет снятия продажи другим капиталистическим странам, чтобы это зерно продать индусам, имея в виду политически более выгодное дело. Внесли предложение. Он говорит — нельзя принимать, неизвестно, откуда это зерно идет. Я говорю, что это подсчитано, это в пределах экспортного фонда. А он говорит — может быть, тогда экспорт нужно сократить, кто баланс проверял?.. И только когда Берия арестовали, нам удалось провести это решение».

Ага! И Берия еще виноват, что в СССР муки не было! «Это был такой дезорганизатор, особенно в последнее время, что совершенно нельзя было спокойно работать... Я часто по своим делам советуюсь с товарищем Маленковым... Меня товарищ Маленков спрашивает, каких промтоваров не хватает стране. Я ему отвечаю: самое главное — не хватает хороших тканей для мужских и женских костюмов, не хватает

хороших сорочек, а с остальным обойдемся... Или взять улов сельдей. Улов у нас в два раза больше, а в продаже сельдей меньше, чем при царе. При царе на 280 тысяч импортировалось взамен хлеба. Нажимаем, нажимаем, а рыбпром больше не дает...»

Ну сельдка-то тут при чем?!!!

Все! Больше не могу это читать, никакой выдержки не хватает. Да и смысла нет продолжать. Из вышеизложенного, по-моему, совершенно ясно, что против Берия имела партия. Непонятно другое: что против него имеют «прорабы перестройки»?

Ведь что же это получается! Получается, что не Бухарин с Троцким, не их любимец Тухачевский, а Берия должен быть в числе первых героев нового времени! Бухарин призывал прижать к ногтю кулака, Троцкий был вообще такой революционер, что и Ленину не снилось, Тухачевский крестьян пачками расстреливал. А Берия — мало того, что реабилитировал невинно посаженных, явившись предтечей «Мемориала», так теперь еще он, выходит, и борец с партократией, поскольку не позволял партноменклатуре вмешиваться в сферы своей деятельности. Это вам не Солженицына на машинке перепечатывать да на митингах орать, это дело настоящее! И за это дело, он получается, еще и поплатился жизнью!

Впрочем, жизнью он поплатился, есть такие подозрения, все-таки за другое...

Этот загадочный Строкач.

Ну вот мы и дошли до главного обвинения, которое, как козырного короля, сразу же выложил на стол Маленков (козырной туз был выложен 26 июня).

Приводим его дословно.

«Несколько дней назад т. Строкач — начальник МВД Львовской области — сообщил в ЦК КПСС следующее.

"В апреле с. г. министр внутренних дел Украины Мешик дал мне как начальнику областного Управления МВД по Львовской области указание собрать и донести в МВД УССР сведения о национальном составе руководящих кадров партийных органов, начиная от парторганизаций колхозов, предприятий и до обкома партии включительно. Одновременно Мешик предложил сообщить о недостатках работы партийных органов в колхозах, на предприятиях, в учебных заведениях, среди интеллигенции и среди молодежи...

Считая такие указания неправильными, так как органы МВД не должны и не имеют права проверять работу партийных органов, я позвонил по ВЧ лично Мешику и проверил, действительно ли он дал такое указание. Мешик подтвердил, что это его указание, и потребовал ускорить исполнение. Думая, что Мешик по ошибке или по неопытности дал такое указание, я пытался убедить его, что собирать такие сведения о работе партийных органов через органы МВД недопустимо. Мешик обрушился на меня с ругательством и с большим раздражением сказал так: "Тебе вообще наших чекистских секретных заданий нельзя поручать, ты сейчас же пойдешь в обком и доложишь о них секретарю, но знай, что это задание тов. Берия и с выполнением его тянуть нельзя, потрудитесь выполнить его сегодня же ". Я не поверил Мешику, что это задание исходит от т. Берия, так как считаю, что т. Берия как член Президиума ЦК КПСС в любое время может такие данные получить в ЦК КПСС или в ЦК КП Украины.

Руководствуясь своим партийным долгом, я доложил секретарю обкома партии т. Сердюку о полученном мною от т. Мешика таком явно неправильном указании.

В тот же день вечером мне во Львов позвонил т. Берия и сказал дословно следующее: «Что вы там делаете, вы ничего не понимаете, зачем вы пошли в обком партии и рассказали Сердюку о полученном вами задании? Вместо оказания помощи вы подставляете подножку т.Мешику. Мы вас выгоним из органов, мы вас сотрем в порошок, в лагерную пыль вас превратим». И далее т. Берия в состоянии сильного раздражения несколько раз повторил следующее: "Ты понял это или нет, понял, понял? Так вот учти ". На мои попытки объясниться по этому вопросу т. Берия не стал меня слушать и положил трубку.

МВД СССР 12 июня с. г. меня сняло с должности начальника УМВД и отозвало в Москву. На мою просьбу оставить меня работать на Украине мне категорически в этом отказали.

Тов. Мешик, зная о разговоре Берия со мною, дважды напоминал мне: «Ну как, попало тебе от т. Берия ? Впредь умнее будешь». Далее т.Мешик в издевательской форме говорил мне буквально следующее: «А т. Мельников — секретарь ЦК — плохой чекист. Он тебя как шпиона ЦК сразу выдал, звонит мне и прямо говорит, что Строкач доложил секретарю обкома Сердюку о том, что я, Мешик, собираю сведения о партийных органах. Разве так можно расконспирировать свою агентуру».

Характерно отметить, что и заместитель министра внутренних дел УССР т. Мильштейн ведет такие же разговоры. Например, в марте с. г. он мне и т. Ивашутину, бывшему заместителю министра внутренних дел УССР, говорил, что теперь все будет по-новому, партийные органы не будут вмешиваться так, как это было раньше, в работу чекистских органов. Начальники УМВД областей должны и будут независимы от секретаря обкома партии.

Генерал-лейтенант Кобулов А. З. (брат заместителя министра Кобулова Б. З.) также сказал мне: «Вы не учли того, что к руководству МВД СССР пришел т. Берия и что теперь органы МВД не будут в такой зависимости от партийных органов, как это было раньше. Вы не представляете себе, какими правами пользуется т. Берия. Он решительно ломает все старые порядки не только в нашей стране, но и в демократических странах».

Как теперь стало известно, точно такие же задания Берия дал и по другим республикам...»

Обратим внимание на фразу: «Органы МВД не должны и не имеют права проверять работу партийных органов». Чтобы она среди текста не затерялась. А теперь пусть продолжает товарищ Маленков:

«...Вы помните, товарищи, что совсем недавно, в декабре 1952 года, ЦК КПСС дал директиву партийным организациям в отношении органов МГБ. В этой директиве... было сказано:

Считать важнейшей и неотложной задачей партии, руководящих партийных органов, партийных организаций... осуществление контроля за работой органов Министерства госбезопасности. Необходимо решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов Министерства госбезопасности и поставить их работу в центре и на местах под систематический и постоянный контроль партии, ее руководящих партийных органов, партийных организаций».

То есть вопрос стоял так: партия имеет право контролировать все. В ходе обсуждения на пленуме то и дело слышалось возмущение по поводу того, что партийным деятелям не удастся контролировать МВД, что их не пускают в тюрьмы, не дают присутствовать на допросах.

Получается, что, с точки зрения, высказанной на пленуме, партия имеет право контролировать все, а ее, партию, не смеет контролировать никто. Ибо каким образом, кроме как через органы МВД, может правительство получить информацию о том, что делается в единственной партии СССР? А может, там готовится измена, свержение существующего строя, может быть, они готовятся совершить радикальные преобразования, провести приватизацию общенациональной собственности, продать промышленность иностранным хозяевам, развалить страну на отдельные государства. А распродав все, взять деньги и уехать куда-нибудь на Багамы, предоставив страну и народ их собственной судьбе? Разве есть гарантия, что такого не могло быть? Как же можно не контролировать такую огромную силу?

...Но что здесь любопытно. У Хрущева явно какой-то особый интерес в Строкаче. Даже в постановлении об аресте Берия упоминается:

«Обязать т. Руденко... немедленно приступить... к выявлению и расследованию фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берия... а также к расследованию вопросов, связанных со снятием т. Строкача».

Мало ли кого снимал Берия на своем веку. Этому-то за что такая честь?

Т. А Строкач — украинский чекист. С 1940 по 1942 годы был заместителем наркома внутренних дел Украины — как раз в то время, когда первым секретарем там был Хрущев. Кстати, с Мешиком Строкач познакомился отнюдь не в 1953 году, а в 1941-м, когда тот был назначен наркомом внутренних дел Украины. В 1946 году министром внутренних дел республики стал Строкач, и благополучно сидел на этом посту до 1953 года, пока Берия не снял его и не отправил служить начальником УМВД Львовской

области, вновь поставив на его место Меши-ка, а в июне и вовсе отозвал Строкача в Москву. Строкач утверждает, что причиной было то, что он поставил партийные органы в известность по поводу коварных планов Берия, но это сам Строкач говорит, а за что его на самом деле сняли — это еще вопрос. Он явно человек Хрущева, тем более что после смерти Берия тут же был назначен обратно на пост министра, а вскоре стал заместителем министра внутренних дел СССР.

Но было на пленуме еще одно свидетельство — на нем выступал секретарь Львовского обкома товарищ Сердюк. Он дал Строкачу красноречивую характеристику.

«Строкач — партийный человек, преданнейший коммунист, он ходит в областной комитет, информирует и меня, как секретаря обкома, что он думает делать и что от него требует назначенный Берия какой-то Мешик».

Так вот: Сердюк тоже рассказал об этом инциденте со сбором сведений. Но несколько в ином ключе, поскольку говорил, похоже, не по писаному, да и особым умом, видимо, не блистал — впрочем, как и абсолютное большинство ораторов.

По его рассказу, дело было так: Строкач получил от Берия задание — проверить, сколько в партаппарате работает русских, сколько украинцев, столько местных. О поиске недостатков в работе парторганизаций ни слова сказано не было.

Строкач кинулся к Сердюку: «Я не знаю, как мне быть». Это Сердюк так говорит, а скорее всего, Строкачу просто было лень напрягаться и собирать сведения, вот он и решил проехаться на статистике обкома. Сердюк ему сведений не дал, сказав: «Если бы звонили из ЦК, то через час у них были бы все сведения, а МГБ я не дам». И не дал. Как же так — верному бойцу

партии, которого он столь высоко ценил, преданному осведомителю, рискнувшему ради партии должностью, — и не дал. Вот и служи после этого КПСС!

Но это к слову. Дело в том, что в выступлении Сердюка есть одна фраза, которая совершенно четко и недвусмысленно объясняет, в чем суть всей этой истории. Вот она, эта фраза: «Товарищ Мельников был тогда секретарем ЦК». Что это означает?

Означает эта фраза очень простую вещь — что вся эта история происходила до того, как было принято постановление ЦК КПСС от 26 мая 1953 года «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР», потому что этим самым постановлением товарищ Мельников с поста секретаря ЦК был снят *<Подробно об этом в главе «Сто дней Лаврентия Берия»>*. А само постановление было подготовлено Берия на основании данных, полученных через систему МВД. Это никогда не скрывалось, Президиум ЦК прекрасно был обо всем осведомлен, более того, записка Берия была передана в обкомы и горкомы для изучения вместе с постановлением. И то, что об этом никто на пленуме не вспомнил, говорит лишь об исключительной подлости партийного руководства, а то, что это было выдвинуто в качестве основного обвинения против Берия, говорит о том, что подлость центрального руководства славной коммунистической партии уже не исключительная, а просто запредельная.

И все же: за что сняли Строкача в июне 1953 года? Одно из двух: либо в связи с данным постановлением как человека «некоренной» национальности, либо за то, за что Берия всегда снимал и предавал суду чекистов: за перегибы, за дутые дела, за избиения при допросах. Строкач — явно человек Хрущева, а Хрущев известен тем, что сначала развернул репрессии в Москве, а потом — на Украине, да так рьяно, что, когда по стране уже

все утихло, Украина еще продолжала сажать и стрелять. Как бы то ни было, если уже один раз снятого Строкача сняли снова и вызвали в Москву, то уж явно не для того, чтобы наградить и повесить.

Великое дело — оказаться в нужное время и в нужном месте. Хрущев и компания все время говорили о том, что Берия следит за их передвижениями через охрану, что прослушивает их телефоны — но все это было как-то несерьезно. Коль скоро он отвечает за охрану правительственной верхушки, то и должен следить за их передвижениями. А вдруг Хрущева в заложники возьмут — куда тогда высылать группу захвата? На деревню дедушке? С правительственными телефонами то же самое — вспомним хотя бы бессмертный фильм «Семнадцать мгновений весны», там эта работа очень хорошо показана. Нет, несолидно как-то это все. А Пленум близится... И тут подвернулся Строкач, и кому-то пришло в голову — а пусть он напишет письмо!

Он написал, и разговор сразу принял иной тон. Вот, и на местах МВД следит за партией — не иначе, что-то затевается! Любопытно, что принципиальный правдолюбец Строкач написал свое письмо 28 июня, через два дня после событий. А Сердюк изложенное подтвердил.

В этом деле вообще как-то уж очень много украинских деятелей. Руденко, Москаленко, Батицкий (с ним мы еще встретимся), теперь вот Сердюк со Строкачем.

Кстати, Маленков сказал: «Как теперь стало известно, точно такие же задания Берия дал и по другим республикам...». Но что-то из других республик никто с подобными разоблачениями не выступил, несмотря на то, что нечто подобное совершенно точно имело место в Литве и предположительно — в Западной

Белоруссии, Эстонии, Латвии и Молдавии. По-видимому, тамошние деятели еще не окончательно совесть растеряли...

Существовал и еще один человек, который мог бы пролить свет на эту темную историю — министр внутренних дел Украины Мешик. Но Мешик ничего сказать на Пленуме не мог, поскольку к тому времени сидел на Лубянке. Он, кстати, был единственным из осужденных и расстрелянных по «делу Берия», не принадлежавший к его давней команде. «Из первичных материалов нельзя понять, почему Мешика арестовывают в связи с делом Берия, — пишет А. Сухомлинов. — Его жизненный путь и послужной список безупречны». Может быть, чтобы не мешал своими высказываниями разыгрываемой партии?..

...А может быть, все было и еще более знакомо и просто. Воспоминания Павла Судоплатова показывают ситуацию несколько в ином ракурсе:

«На Украине разгорелся конфликт между вновь назначенным министром внутренних дел Мешиком и местными партийными чиновниками, а также сотрудниками аппарата МВД Украины. Мешик во что бы то ни стало стремился выгнать с работы хрущевского протеже Строкача, которого в 1941 году уволили из органов за то, что он не сумел вывезти часть архива НКВД, когда немцы окружили Киев. К тому же Мешик не ладил с партийными руководителями Украины Сердюком и Шелестом. Сердюк пытался отобрать у МВД дом, использовавшийся под детский сад для детей сотрудников министерства: он облюбовал этот особняк во Львове для себя и своей семьи...

Хотя на заседании украинского ЦК принято было говорить по-русски, Мешик позволил себе дерзко обратиться к присутствующим на украинском языке, порекомендовав шокированным русским, включая

первого секретаря ЦК Мельникова, учить русский язык...»76

А может быть, арест Мешика был частью хрущевской платы Строкачу и Сердюку за помощь на Пленуме? Помощь-то была немаленькая. Подумаешь, шлепнуть еще одного человека — что им, привыкать, что ли? Так украинец Мешик и попал в «грузинскую» команду Лаврентия Берия.

Итак, обвинения Маленкова нам известны. Есть в них хоть что-то, объясняющее причины ареста Берия?

Почему Хрущев так пекся о Строкаче и так щедро с ним расплатился, ясно, как день. Ведь именно его письмо легло в основу осуждения Берия на Пленуме — без него еще неизвестно, какой оборот приняли бы события. Скорее всего, расправившись с Берия, Хрущев вызвал своего находившегося в Москве старого верного вассала, объяснил, что надо делать, и тот написал свое письмо, за что и получил обратно пост министра внутренних дел Украины. Потом надо было договориться с Сердюком — это нетрудно, и убрать с дороги Мешика — того арестовали 30 июня. Надо сказать, Строкач здорово их выручил. Потому что все остальное, сказанное на этом Пленуме, — такая ахиня!

Впрочем, главная цель была достигнута: Пленум постановил исключить Берия из партии и предать его суду.

За что? Ну, был бы человек, а статья найдется. В конце концов, для того и работает новый генеральный прокурор, чтобы подкрепить фактами решение Президиума. Для того и заводится дело.

И что же содержится в этом деле?

ГЛАВА 3

ДЕЛО БЕРИЯ — ПАРАД ФАЛЬШИВОК.

Странные письма.

Зернышком, из которого выросла эта книга, стали три письма Василия Сталина из тюрьмы, написанные в 1955—1959 годы. Приводить их полностью я не буду, они слишком длинные, приведу по отрывку из каждого, чтобы читатель имел представление не столько о содержании этих писем — оно к делу не относится, сколько об их стиле.

«Мне не известно, какие обвинения предъявлены Новикову при снятии его с должности Главкома ВВС, т. к. я был в это время в Германии. Но если на снятие и арест Новикова повлиял мой доклад отцу о технике нашей (Як-9 и М-107) и о технике немецкой, то Новиков сам в этом виноват. Ведь было бы правильно и хорошо для Новикова, когда я рассказывал отцу о немецкой технике, если бы отец сказал: „Мы знаем это. Новиков докладывал“. А получилось все наоборот. Я получился первым докладчиком о немецкой технике, а Новиков, хотел я этого или нет, умалчивателем или незнайкой...

Значимость решения, принятого ЦК и правительством, о перевооружении ВВС на реактивную технику и вывозе специалистов из Германии огромна. А в том, что не Новиков оказался зачинателем этого реактивного переворота в нашей авиации, а ЦК и Совет Министров, только сам Новиков и виноват...»

«...Разговор этот был совершенно не такой, каким его мне предъявляют в обвинении. Я говорил: „Если бы

на моем месте был сволочь и враг советского народа, то он дал бы интервью иностранным корреспондентам, а последние, подняв шумиху в прессе, нажились бы сами и дали бы ему нажиться, а потом он (сволочь) удрал бы за границу“. Все „если бы“ и „сволочь“ отброшены и мне предъявляется обвинение в желании связаться с корреспондентами и изменить Родине. Сплошная клевета.

Я, балда, даже не стеснялся этого говорить, т. к. не мог представить, что кому-либо придет в голову не только предъявить мне такое обвинение, но даже подумать о способности рождения в моей голове такой мысли...» и т. д.

Это письмо адресовано Президиуму ЦК КПСС и датировано 23 февраля 1955 года. Следующее — 10 апреля 1958 года и адресовано Н. С. Хрущеву.

«...Бывают моменты, когда сливаешься с выступающим в единое целое. Такое ощущение было у меня сегодня, когда я слушал Вас. Буду откровенен до конца, Никита Сергеевич! Бывали и бывают моменты, когда я ругаю в душе Вас. Потому что невозможно не ругнуться, глядя на эти 4 стены и беспросветность своего положения со всеми этими зачетами, работой, содержанием и т.д. ... Но, слушая Ваши выступления, а особенно сегодняшнее, вся злость пропадает и кроме уважения и восхищения ничего не остается. Ведь верно говорите и замечательно действуете! Нельзя не радоваться за Вас, Родину и не восхищаться...»

«Уверю Вас, я мог бы быть действительно преданным Вам человеком, до конца! Потому что (это мое глубочайшее убеждение) мешает такому

сближению и взаимопониманию — не разность политических убеждений, ибо они одни; не обида и желание мстить за отца, — у меня этого в голове нет, — а Ваша неосведомленность об истине моих взглядов и помыслов о дальнейшей своей жизни...

И вообще, я считаю, что все полезное для партии должно восприниматься, как полезное! Это я о Вас говорю, Никита Сергеевич! Потому что верю, что Вы пошли на борьбу с культом не с радостью, а в силу необходимости... Были и враги принципиальной линии XX съезда. Многие вначале не поняли всей величины Ваших действий, всей Вашей принципиальности (а не кощунства) ради партии. Не осознали сразу, что так надо было поступить не от хорошей жизни, а во имя партии.

Это не была месть за что-то кому-то, а был большой политической значимости акт, — вызванный необходимостью, а не личным отношением!..» и т. д.

Третье письмо, связанное с так называемой «антипартийной группой Маленкова, Молотова, Кагановича, Булганина и Шепилова», представляет собой фактически донос на Булганина и Маленкова и датируется 19 января 1959 года.

«...Создается впечатление, что он (Булганин. — Е.П.) чувствует за собой какую-то силу (?!) или считает партию настолько глупой, что позволяет себе слишком свободно каламбурить. Номинальный лидер?! Нет, он собирался быть не номинальным лидером, как это видно из его же выступления! Номинальным же лидером (то есть пустышкой!) он стал не по своей воле (ибо сие не от него зависело), а по воле партии. Выступление его не искреннее, а смесь фарисейства с трусостью...» и т. д.

А теперь приведем подлинное письмо Василия Сталина. Оно, правда, написано раньше, 4 марта 1941 года, но вполне дает представление об уровне литературных талантов его автора.

«Здравствуй, дорогой отец!

Я недавно (22, 23-го и половина 24-го) был в Москве по вызову Рычагова, очень хотел тебя видеть, но мне сказали, то ты занят и не можешь.

Начальник Главного управления ВВС Рычагов вызывал меня по поводу учебы. Летать тут мне опять не дают. Боятся, как чего не вышло. Он меня вызывал и очень сильно отругал за то, что я начал вместо того, чтобы заниматься теорией, ходить и доказывать начальству о том, что необходимо летать. И приказал об этом выводе и разговоре доложить тебе, но я тебя не видел.

Все же Рычагов приказал давать мне летать столько же, сколько летают и остальные. Это для меня самое главное, так как я уже 2 месяца не летал и если бы так пошло бы и дальше, то пришлось бы учиться сначала летать...»

Глядя на эти документы, что же видишь? Подлинное письмо Василия Сталина написано короткими фразами, а когда в нем появляются длинные предложения, то автор начинает путаться в согласованиях, не говоря уже о том, что литературной правильностью его речь отнюдь не отличается. По-видимому, за последующие пятнадцать лет он полностью преодолел этот недостаток, потому что даже письмо 1955 года написано вполне гладким и правильным стилем, второе — просто поэма, передовица «Правды», а третье — это уже литературное произведение, автор которого прекрасно владеет пером и даже довольно сложным стилем памфлета. Хотелось бы знать, где и при каких обстоятельствах Василий Иосифович развил в себе такие литературные дарования, поскольку все это

время он летал, пьянствовал, соблазнял женщин, командовал округом, сидел в тюрьме, да и там вряд ли читал высокие образцы мировой литературы, о несомненном знакомстве с которыми говорит третье письмо, да, пожалуй, и второе. А также о несомненных писательских способностях. Подумать только, какие таланты иной раз открывает в человеке тюрьма!

Впрочем, есть и еще одно объяснение столь стремительной журналистской эволюции пьющего генерала-летчика. А именно: то, что эти письма, — фальшивка. Кстати, в данном случае то, что это фальшивка, видно невооруженным глазом, именно по причинам абсолютного стилового несоответствия этих писем друг другу и подлинному письму Василия Сталина. Второе письмо об этом просто кричит!

Да, но зачем? Зачем было фабриковать эти письма, с какой целью?

Ну, со вторым письмом все ясно. Оно должно было греть сердце Никиты Сергеевича и оправдывать его перед историей, а может быть, не только, перед историей, а иной раз быть и кому-нибудь показанным: вот, даже сын Сталина выражает мне преданность и одобряет мой курс на борьбу с культом личности. Хотя последнего не могло быть никогда. У Василия Сталина было много недостатков, но трусостью и раболепием он не страдал. Так, когда Василий ненадолго вышел из тюрьмы и Ворошилов спросил его, почему он не хочет встречаться со Светланой, тот прямо резанул: «Дочь, которая отреклась от отца, мне не сестра!»

А вот с первым и третьим письмом все интереснее. Читая и перечитывая их в поисках ответа: «Зачем?», я заметила две вещи. Во-первых, при общем достаточно деловом стиле время от времени он вдруг начинает многословно говорить о Берия, хотя это совсем не вызвано необходимостью. А во-вторых, каждый раз, когда заходит речь о давно покойном министре

внутренних дел, автора начинает буквально трясти от ненависти.

«...Тут я должен оговориться о Берия. Отвращение к Берия внушено мне было матерью. Она ненавидела его и прямо говорила: „Он много зла и несчастья принес отцу“. До сих пор смерть матери я в какой-то мере связываю с влиянием Берия на отца...»

Здесь неплохо бы напомнить, что мать Василия, Надежда Аллилуева, покончила с собой осенью 1932 года, когда Сталин был едва знаком с Берия, а Василию было одиннадцать лет. Так что непонятно, как Берия ухитрился в то время принести Сталину «много зла» и с какого перепугу Надежда вдруг откровенничала по этому поводу с десятилетним сыном. Но читаем дальше:

«Позже я утверждался в плохом мнении об этом человеке. Часто замечал, как он разыгрывал перед отцом „прямодушного человека“. И отец, к несчастью, попадался на это, верил, что Берия не боится говорить „правду“. Невозможно было в этом переубедить отца...

...Последний разговор с Берия был в Боржоми. На этот раз отец, увидав кое-какие грузинские «порядки» своими глазами, не сердился, а задумался и даже вспомнил: "Надя его терпеть не могла ". Я вынужден воспроизвести все эти разговоры с отцом, чтобы стало ясно, почему так резко о Берия высказывался после смерти отца. Это не случайность, а последовательное, все более и более утверждающееся мнение, что он подлец. Счастье мое, что он не вызвал меня после ареста. Отец однажды при нем заставил меня повторить мое мнение о нем. Берия перевел все в шутку. Но не такой он был человек, чтобы забыть, хотя внешне разыгрывал, особенно перед отцом, моего покровителя...».

В третьем письме вообще о Берия сказано больше, чем о ком бы то ни было. Там много говорится о

«взаимоотношениях» Маленкова и Берия, приводится, на правах очевидца, история с арестом Реденса.

«Когда Берия назначили в НКВД, Реденс был для него помехой... ибо Реденс знал Берия по работе в Закавказье с отрицательной стороны и был вхож к т. Сталину в любое время. Берия решил убрать Реденса с дороги. Когда Берия заговорил с т. Сталиным о необходимости ареста Реденса (я случайно был при этом разговоре), т. Сталин резко возразил Берия и казалось, что вопрос этот больше не поднимется. Но... Берия был поддержан Маленковым». И дальше, дальше в том же духе. Ну и неизменная «ругательная» часть.

«Еще несколько слов о Берия. Т. Сталину я называл его (причем при самом Берия): подлецом, лжецом, лицемером и т.д. — то есть доказывал, что он морально нечестный человек-карьерист. Для выражения политического недоверия у меня не было фактов — я этого не заявлял и не предполагал. Но в связи с разоблачением Берия как врага народа, мне кажется, надо в новом свете взглянуть на людей, бывших его друзьями, и на людей, которым он доверял...»

Нет, кто бы что ни говорил, доносы — не жанр Василия Сталина, равно как и хвалебные оды такому человеку, как Хрущев. Может быть, он и пьяница, и неуправляемый скандалист, но не трус и не подлец, и лизать сапоги своему тюремщику не стал бы...

Ну так вот — и когда я обнаружила, что в этих явно фальшивых письмах разоблачению вот уже несколько лет как покойного Лаврентия Павловича уделено непропорционально много места и что это единственное объяснение самого факта их существования, ибо никакого другого ну просто не прослеживается, — тогда-то я и заинтересовалась всерьез вопросом: что сделал Берия Хрущеву и компании, если даже не с ним, а с его памятью расправляются таким образом.

...Кстати, судьба сестры Василия после смерти отца сложилась весьма благополучно. Светлана не узнала ни ареста, ни высылки, ни безработицы. Более того, в середине 60-х годов ей дали возможность эмигрировать, выпустив за границу на похороны очередного мужа, что совсем нетипично по отношению к советским людям вообще и к детям высокопоставленных родителей в частности. Чем-то ведь это все было оплачено! Плата могла быть только одна — пресловутые мемуары. В них сдержанно-доброжелательно говорится о Сталине, да... но Светлану тоже начинает трясти от ненависти, едва речь заходит о Берия. Могло ли это быть ценой эмиграции? Неужели да? А почему нет? И если да — то почему?

Тот факт, что, когда мемуары были опубликованы, Светлана была уже вне пределов досягаемости, не должен сбивать с толку — ведь дети-то ее оставались в СССР!

Зачем я так подробно привела историю с письмами Василия Сталина? А затем, что у наших людей, в том числе и исследователей, и историков, невероятно велико доверие к слову, к соответствующим образом составленному документу. А то, что этот документ может быть фальшивкой, в голову почему-то никому не приходит. Но кому и зачем нужно составлять такие фальшивки, чтобы скомпрометировать Берия? Кому нужен давно покойный министр?

Так ведь это-то и есть самое интересное!

Перейдем теперь к документам из «дела Берия». Сами «письма Берия» я приводить не буду: во-первых, незачем, а во-вторых, противно. Да и сравнивать их не с чем — подлинных писем Берия пока что обнаружить не удалось. Для чего эти «документы» изготовлены — совершенно ясно:

а) Доказать, что после 26 июня Берия был жив — ясное дело, раз он писал письма, значит, его не убили.

б) Продемонстрировать полновесное унижение, от заискивающего виляния хвостом перед всеми вместе и каждым в отдельности до мольбы о пощаде.

в) Продемонстрировать уверения верности партии, партии и еще раз партии. Правительство и родина неизменно на втором плане.

г) Ну и некоторые «специальные моменты», вроде настойчивых напоминаний о «проработке на Президиуме» (том самом), свидетельств об особой дружбе с Маленковым и признании его особых достоинств в прекращении репрессий, организации ГКО и пр. Впоследствии фрагменты из этих писем легли в качестве свидетельств в политологические анализы.

Но поскольку собрано множество доказательств того, что Берия был убит 26 июня, и ни одного достоверного факта, что после этой даты он был жив, то говорить тут, полагаю, не о чем. Литературно эти письма сделаны неплохо, даже передают тонкие оттенки настроения, а также стилизованы — под речь умеренно грамотного грузина и снабжены небольшим количеством орфографических ошибок — но какое это имеет отношение к самому Берия?

Более интересны содержащиеся в этом же деле письма Меркулова — человека, который долгие годы был ближайшим соратником Берия. А уже 21 и 23 июля он отправил в ЦК письма, где поливал грязью своего бывшего начальника, давая ему следующую характеристику:

«Вообще он считал всех людей ниже себя, особенно тех, которым был подчинен по работе. Обычно он старался осторожно дискредитировать их в разговорах с подчиненными ему работниками, делал о них колкие замечания, а то и просто нецензурно ругал. Он никогда не упускал случая какой-нибудь фразой умалить

человека, принизить его. Причем иногда он это делал ловко, придавая своим словам оттенок сожаления: жаль, мол, человека, но ничего не поделаешь!

А дело сделано — человек в какой-то мере уже дискредитирован в глазах присутствующих.

Я не могу сейчас конкретно вспомнить, про кого и что именно он говорил, но его выражения, вроде: «Что он понимает в этом деле?! Вот, дурак! Он, бедняга, мало к чему способен!» и т.д. — я это хорошо помню. Эти выражения часто срывались у него с уст, буквально, как только после любезного приема затворялась дверь за вышедшим из его кабинета человеком. (Вот уж в чем-чем, а в «любезном приеме» Берия никем из оставивших воспоминаний о встречах с ним замечен не был! Корректен, но отнюдь не любезен! Разве что с очаровательной женой Бухарина, когда допрашивал ее на Лубянке. — Е. П.)

Я неоднократно наблюдал Берия в игре в шахматы, в волейбол. Для Берия в игре (и я думаю, и в жизни) важно было выиграть во что бы то ни стало, любыми способами, любой ценой, даже нечестным путем. Он мог, например, как Ноздрев, стащить с шахматной доски фигуру противника, чтобы выиграть. И такая «победа» его удовлетворяла *<Так и хочется добавить: «А еще называл Никиту Сергеевича желтым земляным червяком!».>*

Общая культурность и грамотность Берия, особенно в период его работы в Тбилиси, была не высокой. Берия тогда буквально не мог написать стилистически грамотно несколько строк.

Берия шел к власти твердо и определенно, и это было его основной целью, целью всей его работы в Грузии и Закавказье».

...И снова давайте-ка поговорим о стиле. Если в случае с Василием Сталиным имел место «перелет» —

предполагаемый автор писал гораздо лучше, чем мог по своим талантам и биографии, то в случае с Меркуловым имеет место совершенно обратное — здесь явный «недолет». Напомним, что Меркулов был человек литературно одаренный, на досуге занимался писательским трудом. Что бы ни писал такой человек, даже сопроводительную записку к следственному делу, там все равно будет отпечаток его неповторимого стиля. Мы уже приводили одно письмо Меркулова к Берия, и даже по этому небольшому отрывку видно, что стиль у него легкий, летящий, отточенный, с характерной внутренней интонацией, с особым «дыханием» — такие письма очень трудно подделать, а хрущевские фальсификаторы, судя и по письмам Василя, да и по многим другим вещам, о которых еще пойдет речь, не затрудняли себя ювелирной работой.

Вот, в качестве примера, еще одно подлинное письмо Всеволода Меркулова, датированное 11 марта 1953 года — любой желающий может сравнить его с вышеизложенным текстом.

«Дорогой Лаврентий!

Хочу предложить тебе свои услуги: если я могу быть полезным тебе где-либо в МВД, прошу располагать мною так, как ты сочтешь более целесообразным. Должность для меня роли не играет, ты это знаешь. За последнее время я кое-чему научился в смысле руководства людьми и учреждением, и, думаю, теперь я сумею работать лучше, чем раньше.

Правда, я сейчас полуинвалид, но надеюсь, что через несколько месяцев (максимум через полгода) я смогу уже работать с полной нагрузкой, как обычно. Буду ждать твоих указаний. Твой Меркулов».

Как видим, письмо абсолютно грамотно, словоупотребление правильное до идеальности, это вам не «общая культурность и грамотность» — такой оборот из-под пера «Всеволода Рокка» не мог бы вылететь даже в бреду. Что же касается фактов и оценок, изложенных как в письме Василия Сталина, так и в письме Меркулова, то мы их не будем опровергать. Мы их просто отбросим: это не оценки, это «черный пиар», примерно того же разбора, как общеизвестное утверждение, что Григорий Распутин спал с царскими дочерьми. Кстати, в то время по рукам тоже гуляли «письма царицы к Распутину».

То, что эти документы вроде бы не предполагались для публикации — они были опубликованы лишь в 90-х годах — не должно сбивать нас с толку. Существовали ведь всякого рода закрытые просмотры и показы, где особо отобранную публику знакомили с не подлежащими оглашению документами — так что те, кому положено, их видели. А широкие массы, как уже говорилось, для пришедших к власти после 26 июня вообще не люди.

Присовокупим к этим письмам еще один документ — тот, с которого началась эта книга. Письмо Нины Теймуразовны Берия, Нино, к Хрущеву, то самое, где есть разночтения в ее биографии по сравнению с ее собственным интервью. Почему-то большинство подобных документов адресуются не в ЦК, не в Совмин, а лично Никите Сергеевичу. Как ему все-таки хочется стать «вторым изданием» Сталина!

До сих пор мы знакомились со значимой частью этого документа, а теперь познакомимся с риторической.

«Мне предъявлено обвинение в участии в антисоветском заговоре с целью восстановления капитализма в Советском государстве. Такое обвинение — страшное, тяжелое! В этом можно обвинить человека, который, потеряв человеческий образ, превратился в „свинью под дубом“ и, продав свою родину врагам, пользуется правами и благом, предоставленными ему почетным званием советского гражданина; в этом можно обвинить человека, которого Великая Октябрьская социалистическая революция лишила материальной базы для эксплуатации трудящихся и который хочет вернуться к старому положению... Условия жизни, в которых я выросла и жила, не могли из меня сделать такого подлеца!»

Не та ли рука это выводила, которая писала второе письмо Василия Сталина к Хрущеву — то, что с придыханиями: «Бывают моменты, когда сливаешься с выступающим в единое целое...».

Дальше идет рассказ о жизни, долго идет... Когда же начнет клеймить? Ага, вот оно!

«Действительно страшным обвинением ложится на меня то, что я более тридцати лет была женой Берия и носила его имя. При этом, до дня его ареста, я была ему предана, относилась к его общественному и государственному положению с большим уважением и верила слепо, что он преданный, опытный и нужный для Советского государства человек... Я не разгадала, что он враг советской власти, о чем мне было заявлено на следствии...» — удивительно одинаково пишутся все эти отречения — словно под копирку!

Дальше речь идет об аморальных поступках в отношении семьи — любовницу завел, значит, разложился! Это удобно, когда жена такое говорит! И в конце — униженная просьба: «Я беру на себя непозволительную смелость обратиться к Вам, к партии

с просьбой возбудить ходатайство перед генеральным прокурором Советского Союза — Руденко, чтобы мне не дали умереть одинокой... Если мое общение с людьми, как с опозоренной и всеми презираемой, в настоящее время нецелесообразно, я обязуюсь и дома сохранять тот тюремный режим, который сейчас имею...» и т. д., и т. п.

В общем-то, такое письмо могло появиться на свет, могло... Если бы оно не было так стилистически похоже на другие письма. И если не знать, что эта женщина, когда от нее уводили единственного сына, уже зная, что муж ее мертв, сказала: «Только не бойся ничего. Человек умирает один раз, и, что бы ни случилось, надо встретить это достойно». А когда на ее глазах сына поставили к стенке и предложили спасти его, подписав признание, ответила: «Расстреливайте нас вместе!» И она будет прогибаться перед теми, кого презирает? Ох, как хочется Хрущеву и компании, чтобы все перед ними пресмыкались: сын Сталина, жена Берия. В психиатрии это, кажется, называется компенсаторным фантазированием...

Ну, а теперь слово Серго Берия, который рассказывает еще кое-что интересное.

«То, что против отца использовали военных, несомненно. Его убийство было, по существу, военным переворотом. (Как приятно, когда люди синхронно мыслят! — Е. П.) О роли конкретных военачальников в этом перевороте затрудняюсь что-либо сказать. Знаю лишь одно: Георгий Константинович Жуков дружил с моим отцом. Они сотрудничали как до войны, так и весь военный период... После выхода мемуаров маршала Жукова я получил возможность побеседовать с ним, кстати, по его же инициативе. Он мне сказал тогда: „Все разговоры о моем участии в аресте Берия —

чистой воды выдумка!“ Я ему поверил, ибо какой смысл Георгию Константиновичу оправдываться передо мной...».

Напомню, что запись рассказа об аресте Берия маршал Жуков в печать не передавал: она была найдена в бумагах после его смерти.

Еще одна фальшивка? Или еще одна ложь?

Итак, едва прикоснувшись к «делу Берия», мы уже имеем фальшивое заседание Президиума, фальшивого арестанта, фальшивые письма. Но это пока только начало. То ли еще будет!

Прокурор читает дело

Одним из первых шагов после ареста Берия стала замена Генерального прокурора. Вместо добродушного, не слишком дисциплинированного, но непоколебимо добросовестного Г. Н. Сафонова новым Генеральным прокурором стал Р. А. Руденко. Видный юрист, он был главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе и, что менее известно, но для нас куда более важно, почти всю свою трудовую жизнь проработал на Украине и был хорошим приятелем Хрущева. Не слишком ли много украинцев занимает ключевые места этой истории? Москаленко, Строкач, теперь вот Руденко...

Свою работу на посту Генерального прокурора Руденко начал с того, что уже в день вступления в должность, 30 июня, возбудил против Берия уголовное дело, по которому было проведено следствие и состоялся судебный процесс. Это общеизвестно. А вот сами материалы процесса мало кто видел, и даже из

тех, кто видел, мало кто может в них разобраться, поскольку тут надо быть юристом, и желательно опытным.

В 2003 году вышла книга заслуженного юриста России, бывшего военного прокурора Андрея Сухомлинова «Кто вы, Лаврентий Берия?». В том, что касается общих оценок, автор, ничтоже сумняшеся, повторяет все те же «общеизвестные истины», оговариваясь в самом начале предисловия: «Не приведи Господь, чтобы кто-то подумал, что я взялся за перо, дабы оправдать, обелить, реабилитировать, попросту говоря, отмыть от людской крови Лаврентия Берия!» И ни в коей мере не относится к этим «истинам» критически. Но когда дело доходит до конкретных процессуальных моментов, перед нами сразу же оказывается совсем другой автор. Что-что, а свою профессию он знает досконально! Правда, выводов из своих наблюдений он не делает... ну, да выводы можно сделать и без него. Но историк, писатель, журналист, читая «дело Берия», не заметит и десятой доли тех несообразностей, которые тут же видит в нем прокурор.

Итак, Руденко сразу же создал следственную группу и включился в ее работу. Он сам проводил допросы основного обвиняемого.

«В уголовном деле я насчитал около 30 протоколов допросов, составленных лично Руденко. Явление уникальное. Нынешние генеральные прокуроры в допросах практически не участвуют...», — пишет Сухомлинов.

И сразу же вопрос: почему Генеральный прокурор вдруг решил поработать следователем? Ввиду важности дела? Или потому, что никому не мог порекомендовать высокую ответственность — сочинять допросы призрака убитого министра?

А вот как велось следствие по самому громкому из всех обвинений, которого в глазах обывателя уже само

по себе достаточно, чтобы не говорить больше ни о чем. Цитата длинная, но излагать ее коротко не стоит, ибо лучше прокурора не скажешь.

«В приговоре читаем: „Судом установлено, что Берия совершал изнасилование женщин. Так, 7 мая 1949 г., заманив обманным путем в свой особняк 16-летнюю школьницу Дроздову В. С., изнасиловал ее...“».

И все. На этом в приговоре преступления этого вида заканчиваются. А где же остальные сотни изнасилованных? Почему суд остановился только на одном факте, ограничив себя рамками лишь этого эпизода? По закону, преступные действия лица должны быть расследованы всесторонне, полно и объективно, и при наличии доказательств полностью вменены в вину. Совершил, допустим, десять краж. Все они должны быть исследованы и на следствии, и в суде. Совершил десять убийств — то же самое. А здесь получается так — совершил семьсот изнасилований, одно записали в приговор, а остальные забыли. Причем не просто забыли записать, а забыли расследовать даже на стадии предварительного следствия. Кстати, и изнасилование Дроздовой абсолютно не расследовано. Это уже упрек, как вы понимаете, Руденко и его следственной группе. (Всего лишь упрек? Андрей Викторович, а если бы те, за кем вы, как прокурор, надзираете, сляпали такое дело — вы что, ограничились бы упреком? — Е. П.)

Давайте проанализируем работу Руденко по этому эпизоду, исходя из документов предварительного следствия, составленных с его участием.

Согласно материалам уголовного дела (том 6) в ходе следствия, 11 июля 1953 года 20-летняя Валентина Дроздова обратилась к генеральному прокурору СССР с заявлением о том, что четыре года назад (!) она была подвергнута изнасилованию Берия. В деле имеется собственноручное заявление об этом.

Правда, настораживает, что это заявление нигде не зарегистрировано, никаких резолюций и иных отметок на нем нет, об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (в те годы это тоже было предусмотрено) она не была предупреждена. Вопрос о привлечении Берия к уголовной ответственности заявительница не ставит...

«...Итак, заявление подано. Основания к возбуждению уголовного дела, как вы понимаете, по этому факту имеются. Дело, прямо скажу, непростое. Прошло четыре года. Возникают сотни вопросов. Да и организация расследования этого эпизода четырехлетней давности очень тяжела... Как быть с экспертизами, осмотром места происшествия, наличием телесных повреждений, гинекологией, биологией, изъятием одежды, белья, другими доказательствами? Как организовать работу со свидетелями? А все эти мазки, смывы, влагалищный эпителий?

Ох, поверьте мне, бывшему следователю и прокурору, прошедшему горнило низовой работы, — все это так непросто...».

Верим, что непросто. Мне в свое время приходилось писать судебные очерки, держать в руках уголовные дела — знаю, как выглядит расследование. Что дальше?

«Ну ладно, приняли дело к производству. И что же? Коротко допросили Дроздову, ничего толком не выяснив. Допросили ее мать — то же самое... Допросили Берия — он в отказе *<В деле присутствуют протоколы «допросов Берия» на следствии и в суде, и А Сухомлинов не подвергает сомнению тот факт, что он был жив.>*. Допросили Саркисова. Пять протоколов его допросов в томе 3, четыре протокола в томе 27. И что? Да ничего, допросили так поверхностно и плохо, что каких-либо выводов сделать невозможно. Саркисова Руденко допросил, кстати, еще 1 июля 1953 года, до того, как к нему обратилась Дроздова...

Скажу, если бы следователь принес мне такой протокол допроса одного из основных свидетелей по делу, то этот следователь вылетел бы из моего кабинета в одночасье. Нахватал каких-то кусков и отрывков, ничего толком не выяснил, контрольных вопросов не поставил, увлекся «сожителем и распутством Берия», тогда как это не является предметом доказывания, ну и так далее. (Ага, значит, прокурор Андрей Сухомлинов простых следователей за такое не «упрекал», а все-таки выкидывал из кабинета. — Е. П.)

... И в таком вот виде, без очных ставок и признания Дроздовой потерпевшей (она так и осталась свидетелем), этот эпизод «переехал» в суд...».

Далее Андрей Сухомлинов рассказывает, как шло судебное заседание, посвященное этому вопросу (интересующихся подробностями отсылаю к его книге: «Кто вы, Лаврентий Берия?»).

«...После перерыва к этому эпизоду суд уже не возвращался, посчитав полученные куцые доказательства достаточными для признания Берия виновным в этом преступлении. А приговор усилен таким абзацем:

"Судебным следствием установлены также факты иных преступных деяний Берия, свидетельствующих о его глубоком моральном падении.

Будучи морально разложившимся человеком, Берия сожительствовал с многочисленными женщинами, в том числе связанными с сотрудниками иностранных разведок".

Ссылки на статьи УК РСФСР при этом, естественно, нет. А знаете, "почему? Потому что все это преступлением не является. Таких статей в УК РСФСР просто не было, нет и сейчас».

Вывод Сухомлинов делает такой: «Я думаю, если показать все это любому судье районного масштаба и

задать ему вопрос: признал бы он виновным в изнасиловании человека при наличии в деле такого количества и качества имеющихся доказательств, то ответ, я уверен, будет один: нет».

И вот здесь-то, среди текста, затерялся один из главных абзацев сухомлиновской книги.

«Возникает еще один вопрос. А знали ли члены следственной группы все эти „технические детали“, которые известны каждому стажеру районной прокуратуры? Знали ли они методику расследования изнасилований? Могу сказать одно: и Руденко, и Камочкин, и Цареградский, и Базенко все отлично знали. Это опытнейшие следственные работники. Трое первых — в генеральских званиях. Они прекрасно ориентировались в законодательстве. Знали, как нужно расследовать уголовные дела любой категории сложности...»

Тогда в чем же дело? Почему эти опытнейшие следственные работники вдруг утратили свою высокую квалификацию?

Продолжим сплошное цитирование Сухомлинова. Лучше него никакой журналист не скажет. А поскольку все мы нынче образованные, детективами зачитываемся и засматриваемся, то комментарии тут, думаю, совершенно излишни.

«Материалы дела пестрят противоречиями... Берия говорит, что список на расстрел 25 человек в 1941 году готовили Меркулов и Кобулов, а последние заявляют, что это не так. Церетели и Миронов показывают, что жену полпреда Бовкун-Луганца убил молотком

Владзимирский, а Владзимирский говорит, что этого не делал. Кобулов вообще ничего „не помнит“.

В этих случаях по закону для собирания и последующей оценки доказательств проводятся очные ставки. Ничего сложного здесь нет. Тем более, все обвиняемые в одном городе. Берется охрана, сажаются в кабинете друг против друга два допрашиваемых, и им поочередно задаются контрольные вопросы. Составляется протокол. Это очень важное и нужное следственное действие... Так вот, по делу Берия очных ставок вообще не проводилось. Такого следственного действия для Руденко «не существовало». Мне думается, что это нарушение было допущено умышленно. Следствие считало все доказанным и без проведения очных ставок... По этой же причине в деле нет ни одной экспертизы, ни одного следственного эксперимента, не применялась судебная фотография. Сплошное упрощенчество и примитив. Это первое.

Второе. Все эпизоды преступной деятельности Берия расследованы поверхностно, без глубокого исследования необходимых обстоятельств. Допустим, по притяннутому «изнасилованию» Ляли Дроздовой. Она показывает, что в 1949 году «попала в особняк Берия». Как это попала? Зачем и почему? Не выяснено. Далее она же, впрочем, как и некоторые другие потерпевшие, показывает, что «Берия совершил изнасилование». Записано так: «Он меня изнасиловал». А как и что он делал конкретно — об этом ни слова. А нужно, отбросив стыдливость, с использованием знаний физиологии и гинекологии... подробно разбираться — что, где, когда, как, куда, зачем и почему. Об этом знает каждый начинающий следователь... Почему так поверхностно велось дело?

Отвечаю — судьба Берия и остальных была предрешена. Оставались формальности».

Давайте мы пока оставим вопрос, почему так поверхностно велось дело, без ответа. На этот счет могут быть разные мнения.

Перейдем к самому интересному открытию прокурора.

«Само дело, — пишет Сухомлинов, — на 90 процентов состоит не из подлинных документов и протоколов, а из машинописных копий, заверенных майором административной службы ГВП (Главная военная прокуратура. — Е. П.) Юрьевой. Где находятся оригиналы, можно только догадываться. Ни один прокурор не позволит представить ему дело без оригиналов. Это неписаное правило прокуратуры. И нарушил его Руденко».

Ну насчет правил и нарушений — это пусть прокуроры сами разбираются и Руденко посмертное взыскание выносят, это их дело. А вот насчет копий — это чрезвычайно интересно! Это, пожалуй, историки и журналисты проморгали бы...

«Где находятся оригиналы?» — спрашивает Андрей Сухомлинов. А если задать другой вопрос: «А были ли оригиналы вообще?»

Ведь чем тогдашняя копия отличалась от подлинника? С ксерокопией все просто: переснял, заверил, и у тебя полностью идентичный документ. Но ксерокопии тогда не существовало. Значит, это был просто переписанный от руки или перепечатанный на машинке текст, заверенный означенным майором Юрьевой. Текст чего? Протокола допроса? Тогда это протокол без подписей следователя и подследственного.

И тут же возникает вопрос: а был ли допрос вообще? Знали ли оба — и следователь, и

подследственный, о том, что один получил, а другой дал эти показания? Да, и следователь тоже — кстати, он мог никогда и не узнать, что участвовал в «деле Берия» — ведь суд-то был закрытым, проводился в секретном порядке.

Копии документов? И снова вопрос: а существовали ли оригиналы? В книге Сухомлинова приводится одна такая копия, заверенная Юрьевой. Касается она докладной записки Гоглидзе, адресованной Берия, о массовых расстрелах кулаков и уголовников. Свирепая записка. Но есть в ней одна странность. Любой человек, имеющий дело с документами, отлично знает, что они должны быть зарегистрированы, то есть иметь номер, под которым они вышли из канцелярии отправителя, и другой, под которым они зарегистрированы в канцелярии получателя. При снятии копии в первую очередь снимается номер, без номера деловой бумаги как бы и нет. А этот страшный документ номеров не имеет. Точнее, есть номер, но в каком-то странном месте, внизу, последаты. Это что, в Грузии так документы оформляли? Затейливый, однако, народ эти грузины...

В общем, не процесс, а детективный роман — автор пишет, что хочет, все равно ни следователи, ни герои не обидятся, поскольку их на самом деле не существует.

Судьи и заказчики.

В декабре 1953 года, в рекордные сроки, дело «главного злодея Советского Союза» было закончено. (Для сравнения скажем, что следствие по делу Василия Сталина, например, длилось два года.) Теперь предстоял суд.

Кабинет главного политработника МВО Пронина оборудовали под судебный зал, где предстояло заседать специальному судебному присутствию. Рассматривать дело было решено в особом порядке, без участия прокурора и адвокатов. Обвинительное заключение подсудимые получали за сутки до суда, кассации и прошения о помиловании не допускались, приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно. В 1934 году, когда был введен этот «особый порядок», в постановлении ЦИК и СНК указывалось, что эта процедура применяется при расследовании дел о терроре.

Судей было аж восемь человек, из них только двое профессионалов: к органам юстиции имели отношение первый заместитель председателя Верховного суда Е. Л. Зейдин и председатель Московского городского суда М. И. Громов.

Кстати, Зейдин позднее будет судить бывшего министра МГБ Абакумова и Василия Сталина. Кто же были остальные?

Председателем специального судебного присутствия был маршал Конев. Очень интересный, знаете ли, товарищ. В 1941 году его почти обвинили, наряду с такими товарищами, как генерал Павлов, в катастрофических неудачах первых месяцев войны. Спас Конева от лубянских застенков и неминуемой гибели маршал Жуков, который уговорил Сталина понизить Конева в должности и назначить к нему. Надо сказать, что другие генералы, арестованные по этому же обвинению, во главе с командующим Западным военным округом генералом армии Павловым, получили высшую меру. Позже маршал Конев щедро «расплатился» со спасшим его Жуковым, приняв в 1957 году самое активное участие в травле опального

маршала и даже по поручению партии подписал статью в газете «Правда».

Любопытен еще один нюанс его биографии: когда началось «дело врачей» и в правительственном сообщении был дан список тех, кого эти врачи плохо лечили, то Конев написал письмо Сталину, где просил включить себя в список, поскольку он, Конев, тоже пострадал от медицины. Ничего не скажешь, милый человек...

А Серго Берия, ссылаясь на маршала Василевского, утверждал, что Конев был человеком грубым и очень жестоким. Но нам важно другое: это был человек, связанный с маршалом Жуковым и обязанный ему жизнью.

Еще одного представителя военных, генерала Москаленко, мы уже знаем.

Партия на суде была представлена Н. А. Михайловым, чистопородным функционером, с 1938 по 1952 годы бывшим первым секретарем ЦК ВЛКСМ, а затем — секретарем ЦК КПСС.

Как бы от «органов» представителем был К. Ф. Лунев. Я пишу «как бы», потому что лишь в июле 1953 года он стал начальником Управления охраны МВД, а до тех пор был чисто партийным чиновником: сначала начальником отдела кадров наркомата текстильной промышленности, потом, во время войны, первым секретарем Павлове-Посадского горкома ВКП(б), затем зам. начальника отдела кадров и после того заведующим административным отделом Московского горкома КПСС. Так что, как видим, человек чисто партийный.

«От Грузии» Берия судил М. И. Кучава, ответственный работник ЦК КП этой республики.

И, наконец, солидность и вес этой компании должен был придавать Н. М. Шверник, в недавнем прошлом номинальный глава государства, председатель

Президиума Верховного Совета СССР, а ныне «брошенный» на профсоюзы. Естественно, тоже родом из партаппарата.

Итак, как мы видим, из восьмерых судей четверо представляли партию, Москаленко и, вероятно, Конев, как протеже Жукова, имели непосредственное отношение к команде Хрущева, Зейдин, судя по тому, что это не единственный в его биографии громкий процесс, тоже.

Суд был закрытым. (Кстати, процессы «врагов народа» в 30-х годах были открытыми, на них присутствовало множество народу, в том числе и представители прессы со всего мира.) Правда, в зале заседаний присутствовали и еще профессионалы — секретари судебного заседания, из Военной коллегии. Их не удалось заменить прапорщиками, ибо для секретаря, в отличие от следователя и судьи хрущевского образца, требуется квалификация. И они были свидетелями этого позорища.

О чем шла речь на суде — в следующей главе. Пока что отметим кое-что еще. Снова слово Сухомлинову.

«Весь протокол судебного заседания, находящийся в деле Берия, не первый экземпляр. Старшее и среднее поколение хорошо помнит, каким способом печатались документы. В каретку машинки вставлялось 5—6 листов бумаги, между которыми закладывались копирки. Последние экземпляры „пробивались“ хуже, и их было труднее читать. В протоколе суда по делу Берия бросается в глаза то, что запись показаний Меркулова исполнена более бледным шрифтом, чем остальных, а Берия — еще бледнее. Это значит, что протоколы размножались в большом количестве, и чем выше был начальник (в частности, Меркулов и Берия), тем больше экземпляров их показаний готовилось. Уже достоверно известно, что и копии, и оригиналы протоколов рассылались всем членам Президиума ЦК. Вот и

получилось, что, допустим, десять первых экземпляров отослали в ЦК, а одиннадцатый — самый плохой — оставили себе... Короче, протокол показаний в суде Берия, как и Меркулова, читать без применения „технических средств“ порой нельзя. Хорошие экземпляры отправили в „инстанцию“, а плохие оставили себе в деле».

Что собой представляет «инстанция», а конкретно, кто заказчики процесса, нетрудно догадаться. А чтобы уж совсем ясно было, вот и еще документ.

Из «Постановления президиума ЦК КПСС о составе суда, проектах обвинительного заключения и информационного сообщения по делу Л. П. Берия» от 17 сентября 1953 года.

«Поручить тов. Руденко Р. А., с учетом поправок, данных на заседании президиума ЦК, в двухдневный срок:

а) Доработать предоставленный проект обвинительного заключения по делу Берия.

б) Внести предложения о составе Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР. Дело Берия и его соучастников рассмотреть в судебном заседании без участия сторон».

А вот и самое интересное.

«2. Поручить тов. Суслову М. А. принять участие в подготовке Генеральным прокурором СССР как проекта обвинительного заключения по делу, так и проекта сообщения от Прокуратуры»⁷⁷.

Надо же! Среди офицеров, арестовывавших Берия, называют Л. И. Брежнева, обвинительное заключение помогал готовить М. А. Суслов. Получается, что брежневцы и хрущевцы — одна команда, а не разные, как нас столько лет пытались уверить?

Готовили они требуемые документы три месяца, и в конечном итоге ЦК обвинительное заключение и состав

судей утвердил.

...Все-таки наши бандиты осмотрительнее. Они тоже «кладут в карман» суд и прокуратуру — но, по крайней мере, не оставляют в архивах постановлений своих сходов!

Теперь о приговоре. И снова слово прокурору Сухомлинову.

«По правилам судебного делопроизводства во всех уголовных делах, на каком бы уровне они ни рассматривались, оригинал приговора должен храниться в материалах дела и должен быть подписан всеми членами суда.

В нашем же деле оригинала приговора нет. Куда его отправили, можно только догадываться, а машинописная копия приговора судьями не подписана. Написано «верно», стоит печать Военной коллегии Верховного суда СССР и подпись полковника юстиции Мазура, который возглавлял группу секретарей. С точки зрения судебного делопроизводства все неправильно. Уверен, в делопроизводство суда опять вмешалась «инстанция».

Это что касается приговора. Теперь о протоколе.

Протокол судебного заседания заканчивается указанием о том, что 3 декабря 1953 года в 18 часов 45 минут Конев огласил приговор и объявил судебное заседание закрытым.

Протокол подписан Коневым и всеми секретарями. Без труда можно определить, что этот экземпляр протокола далеко не первый...

Короче, не уголовное дело, а сплошные копии», — делает вывод Андрей Сухомлинов.

Он в выводах скромн. А мы пойдем дальше. Стало быть, подписи судей ни на приговоре, ни на протоколе

нет, кроме одного-единственного — маршала Конева. Дело на 90% состоит из сплошных копий, протокол судебного заседания и приговор — тоже копии, не подписанные, а всего лишь заверенные секретарями. Сухомлинов ставит вопрос: где оригиналы? Мы спросим иначе: а существуют ли они вообще?

Ладно, на основании 10% протоколов допросов, которые являются подлинниками, можно поверить, что какое-то следствие велось. Но где доказательства того, что имел место судебный процесс? Может быть, собрались Руденко с Суловым, состряпали протокол, дали Коневу подмахнуть — и весь суд? Берия уже в могиле, остальных же просто вывели из камер, привели в подвал и убили. Все просто, и не надо заморачиваться, отрывать от дел Шверника и других занятых людей. Все просто...

В последнее время стали потихоньку обсуждать вопрос о реабилитации Берия. Спорят, насколько законен отказ в ней.

Но, простите! Для того, чтобы говорить о реабилитации человека, нужно, чтобы он был осужден! Где протокол, где приговор? Кто докажет, что этот процесс вообще был?

А в заключение — немного уже о нашем времени. Мы видели, что произошло с этим делом, едва оно попало в руки нормального, квалифицированного юриста — да от него камня на камне не осталось! А теперь послушаем, что ответила военная прокуратура, когда, в начале 90-х годов, к ней обратились родственники осужденных с просьбой о реабилитации.

Главная военная прокуратура не нашла основания для реабилитации расстрелянных, поскольку «вина всех осужденных доказана, содеянное ими квалифицировано правильно, мера наказания соответствует характеру и степени общественной опасности совершенных

преступлений, осуждены они обоснованно, а потому реабилитированы быть не могут»⁷⁸.

Ну, правда, все же в отношении Деканозова, Мешика и Влодзимирского исключили «измену Родине», «терроризм» и «контрреволюционную деятельность», и приговорили вместо расстрела всего к 25 годам лишения свободы — живите и радуйтесь! При этом даже отменили конфискацию имущества. Последнее особенно умиляет...

Вот такая у нас, блин, новая юстиция — не хуже старой!

ГЛАВА 4

ДЕЛО БЕРИЯ – ТЕАТР АБСУРДА.

Это высказывание принадлежит не мне. Так называется одна из глав книги все того же Андрея Сухомлинова.

Давайте же рассмотрим его подробнее. Вроде бы нет необходимости это делать после всего вышеизложенного, однако ведь эти обвинения продолжают до сих пор гулять по страницам прессы, теперь уже без ссылки на источник, в качестве общеизвестных истин.

Заговорщик.

«Став в марте 1953 года Министром внутренних дел СССР, подсудимый Берия, подготавливая захват власти и установление контрреволюционной диктатуры, начал усиленно продвигать участников заговорщической группы на руководящие должности как в центральном аппарате МВД, так и в его местных органах.

Намереваясь использовать для захвата власти органы МВД, подсудимые Берия, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский противопоставляли Министерству внутренних дел Коммунистической партии и Советскому правительству. Установлено, что заговорщики принуждали работников местных органов МВД тайно собирать клеветнические,

фальсифицированные данные о деятельности и составе партийных организаций, пытаясь таким преступным путем опорочить работу партийных органов. Берия и его сообщники расправлялись с честными работниками МВД, отказывавшимися выполнять эти преступные распоряжения.

В своих антисоветских изменнических целях Берия и его сообщники предприняли ряд преступных мер для того, чтобы активизировать остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР и в первую очередь подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом».

Из приговора.

А дальше про сельское хозяйство — о том, как саботажник Берия мешал своим гениальным соратникам завалить страну хлебом и прочей сельхозпродукцией. Мы то знаем, что это так, потому что когда его не стало, освобожденные соратнички принесли нам изобилие! Принесли, да?

...И все с тем же Строкачем в роли главного свидетеля. Мимо такого свидетеля пройти просто невозможно! Строкач рассказал, как Берия громил украинское МВД. Заявил с трибуны, что, дескать, «нам нужны хорошие работники, чекисты, а не такие люди, которые только с трибун умеют болтать: „Ленин — Сталин!“». В результате со своих мест полетели многие украинские чекисты, в том числе и он, Строкач. Ну не сволочь ли Лаврентий Палыч, ну не преступник ли!

В раздел «активизации остатков буржуазно-националистических элементов» пошло создание на Украине легендированного центра ОУН. Что такое

легевдированный центр (а не «легализованный», как выразился Строкач), суду мог бы объяснить представитель от МВД, если бы хоть что-то понимал в чем-либо, кроме обмена партбилетов. Еще Берия виноват в страшном преступлении — собирался открыть униатские монастыри.

А где же заговор? Допросы самого Берия, показания свидетелей, признания поделщиков? В «деле Тухачевского», по общему мнению, фальсифицированном, есть даже собственноручное признание маршала и план работы на поражение в случае войны с Германией. А тут? Не только признаний и свидетельских показаний не имеется — Берия и его товарищей никто об этом даже на допросах не спрашивал! Учитывая непосредственное участие ЦК в деле подготовки этого и прочих документов, можно с уверенностью сказать, что этот пункт внесен в приговор по настоянию Хрущева и компании. Юристы с этим обвинением даже работать не стали, и их нетрудно понять — одно дело выглядеть фальсификаторами, и совсем другое — идиотами. Имеющий глаза да увидит!

Так что же по «ужасному» первому пункту?

А ничего!

Берия — костолом.

Более интересен второй пункт приговора.

«Установлено, что тщательно скрывая и маскируя свою преступную деятельность, подсудимый Берия и его соучастники совершали террористические расправы над людьми, со стороны которых они опасались разоблачений. В качестве одного из основных методов своей преступной деятельности они избрали клевету, интриги и различные провокации против честных

советских работников, стоявших на пути враждебных советскому государству изменнических замыслов заговорщиков и мешавших им пробраться к власти. Используя свое служебное положение в органах НКВД — МГБ — МВД, подсудимые... занимались истреблением честных, преданных делу Коммунистической партии и советской власти кадров...

Насаждая произвол и беззакония, участники заговора на протяжении ряда лет производили аресты невинных людей, от которых затем путем применения избиений и пыток вымогались ложные показания о совершенных или готовящихся контрреволюционных преступлениях...

Как установлено судом, подсудимые Берия, Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский лично избивали и истязали арестованных невинных людей, а также отдавали приказы о применении массовых избиений и истязаний арестованных подчиненными им работниками НКВД — МВД...»

Ну, и так далее — в общем, обвинения в организации репрессий.

Доказать такие обвинения легче легкого. Достаточно пройтись по тюрьмам и лагерям, и отыщутся сотни людей, готовых выступить на суде с утверждениями, что их пытали на допросах. Применялись пытки или же не применялись, все равно подследственный к своему следователю обычно симпатии не испытывает, и весьма большой процент осужденных за любые преступления не упустит возможности рассчитаться с теми, кто их посадил. Так, чекист Шрейдер в мемуарах рассказывал, как приплетал к своему «контрреволюционному заговору» собственных следователей. А уж если намекнуть, что

помощь следствию приведет к сокращению срока наказания...

Тем не менее в реальности, если все делать по закону, такие вещи доказываются чрезвычайно сложно — во многом, поэтому в органах били, бьют и будут бить, что ты с ними ни делай. А в то время и мировая практика была именно такова — взять хотя бы ту же Германию, где пытки были введены в обычную практику органов. Пытали в гестапо, пытали в сигуранце, пытали в дефензиве, ну, у франкистов в Испании, само собой — впрочем, и у республиканцев тоже... Да и еще много где. Время тут тоже не помеха — сейчас гремит на весь мир скандал с американскими охранниками, которые не только пытали иракских пленных в тюрьме Абу-Грейб, но и фотографировались со своими жертвами!

Но уж чем-чем, а свидетельскими показаниями сейчас должны завалить!

Ничуть не бывало. По работе в Москве припомнили несколько эпизодов — не десятки и не сотни, а именно несколько. А в основном все показания и документы, обвиняющие Берия и его команду в организации террора, относятся исключительно к Грузии. Вот уж где они лютовали!

Грузинских показаний и документов в деле множество, и сейчас именно они легли в основу того, что Берия объявили организатором террора. Вот только странные это бумаги...

В книге Сухомлинова приводятся копии подлинных документов с резолюциями Берия. Это справки, списки на которых стоят резолюции: «арестовать», «взять крепко в работу», «крепко излупить» и т. п. Все они относятся к тому времени, когда он был Первым секретарем ЦК КП Грузии. То есть, формально эти резолюции, адресованные работникам НКВД, были превышением власти, за них можно судить, правда, не столько Берия, сколько чекистов, которые эти

распоряжения выполняли. Приказать может кто угодно и что угодно, а виновен тот, кто, в нарушение закона, выполняет эти приказы.

Впрочем, зачастую ничего криминального они в себе не содержали. «Взять крепко в работу», «крутить», «добиться признания», «лично размотайте». Ничего, указывающего на незаконные методы следствия, здесь нет. Есть бумаги с указанием Берия арестовать каких-то людей. Есть данные о работе Кобулова и Гоглидзе в составе «особых троек» и количество вынесенных приговоров.

Последние бумаги — справки о работе в «особых тройках» — особенно замечательны. Они идут под грифом «сов. секретно» и, по-видимому, настолько засекречены, что написаны от руки — чтобы не привлекать даже машинистку — начальником 1 отдела МВД Грузинской ССР. Мы привыкли к тому, что всякая бумага имеет номер, по которому можно впоследствии проверить ее подлинность. На двух из этих записочек действительно стоит что-то похожее на номера — 200 и 202. На третьей вообще ничего нет, и датируется она 18 декабря 1953 года, при том, что сам процесс начался 18 декабря. Таким образом, вообще непонятно, что это за бумаги. Если их затребовало следствие, то почему процесс начался до их прибытия, если суд — то каким образом их успели составить уже 18-го числа, даже если запрос везли самолетом? Хотя, судя по характеру оных бумажек, написанных от руки, без входящих и исходящих номеров, их вполне могли написать в любом из следственных кабинетов и приклепнуть печатью МВД Грузии. А что, в Москве нет печати МВД Грузии? Тем более что участие в «тройках» не являлось чем-то незаконным, и документы были приобщены к делу явно «для иллюстрации» — мол, пусть дело и сляпано кое-как, но подсудимые-то все равно злодеи!

Но есть в этом деле и куда более интересные бумаги. Это те самые, на которых стоят резолюции Берия «арестовать», «взять в работу» и пр. Привыкнув уже к рекордному количеству фальшивок во всем, что связано с этим делом, я попыталась сравнить подписи Берия на этих документах между собой и с теми его подписями, подлинность которых не вызывает сомнения. Так вот: невооруженным глазом видно, что подпись Берия выглядит по-разному (особенно отличается заглавная буква «Б» — совершенно разное начертание!), и зачастую сильно отличается от его подлинной подписи на копиях приказов 1953 года. Что же получается, что Берия, подписав тысячи бумаг, не смог выработать себе устоявшегося автографа?

Но и это еще не все. Никакого графолога не нужно, чтобы увидеть, что некоторые документы, те, что от руки, вообще написаны разным почерком! Что же получается — и это тоже фальшивки? Если разным почерком — то ведь это фальшивки, правда? Теперь понятно, почему практически все документальные материалы о зверствах Берия и его команды относятся к грузинскому периоду их работы. По-видимому, там было легче все это сфабриковать, и именно в Грузии все они находились в самый разгар репрессий. Кроме того, общеизвестно, что с приходом Берия репрессии прекратились — ну, так не стройте иллюзий, все это игра, все — фальшь... Ну, а свидетельские показания в этом случае в расчет не идут, их всегда можно организовать, или, что еще проще, придумать. Тем более что очных ставок для бригады Руденко как уже было отмечено, «не существовало».

Теперь отчасти ясен и ответ на вопрос, заданный в предыдущей главе: почему вдруг Генеральный прокурор сам проводил допросы. В книге Сухомлинова приводится один из таких допросов. Следователь предъявляет «Берия» документы — те самые, с

резолуциями. Спрашивает: это вы писали, ваша подпись, ваша резолюция? И тот признается: да, моя... Теперь ясно, для чего потребовался допрос Берия? Чтобы он своим признанием придал силу этим, с позволения сказать, «доказательствам», а то, что допрос проводил сам Генеральный прокурор, придало им вес, и чтобы ни у кого из тех, кто будет читать это дело, не возникло сомнения в их подлинности. Вон, даже Андрей Сухомлинов, уж на что прокурор опытный, и то: обычного следака бы из кабинета выкинул, а к генпрокурору относится с куда большим почтением. А ведь деяние-то одно и то же!

Кстати, один из вариантов этой подписи, не совпадающей с реальным автографом Берия — тот, где буква «Б» написана с отрывом пера от бумаги (у реального Берия, подписывавшего сотни документов, роспись, естественно, была без отрыва), где у нее прямая палочка и круглый «животик», мы видим и под приведенным в той же книге факсимиле «писем Берия», и на постановлении об аресте. Такое неожиданное подтверждение версии о том, что Берия этих писем не писал и постановления не подписывал. Пустячок, а приятно...

Какие еще доказательства? Начальник охраны Саркисов показал, что Берия в Москве лично допрашивал арестованных в Лефортовской тюрьме, и из его кабинета доносились шум и крики, как будто там били людей. Впрочем, Саркисов вообще фигура интересная, мы еще к нему вернемся — дальше он такого напоказывал!

И снова Кедров.

«Судом установлено, что в октябре 1941 года подсудимый Берия, заметая следы совершенных заговорщиками преступлений, отдал письменное распоряжение о расстреле без суда 25 арестованных по списку, составленному подсудимыми Меркуловым и Кобуловым. В этот список были включены лица, со стороны которых заговорщики могли опасаться разоблачения. Никто из них не был осужден...»

Из приговора.

К счастью, в той же книге приведена факсимильная копия этой самой записки и некоторых других. Записка подлинная — не копия, и даже номер на месте, где ему положено быть. В ней написано.

«Ст. лейтенанту госбезопасности тов. Семенихину Д. Э. С получением сего предлагается Вам выехать в гор. Куйбышев и привести в исполнение приговор — высшую меру наказания (расстрелять) в отношении следующих заключенных: (и дальше список)».

Но ведь здесь черным по белому написано: привести в исполнение приговор. Допустим, суда не было — учитывая дату составления этой записки, такое очень даже могло случиться. А датирован этот документ 18 октября 1941 года. Накануне немцы подошли к самым окраинам Москвы, большая часть правительства эвакуирована в Куйбышев, в столице паника. Но даже в этой ситуации просто так никто никого не расстреливал.

В сборнике документов «Начало» (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне), где опубликован этот документ, стоит маленькая сноска: «17 октября 1941 г. было составлено заключение НКВД СССР о необходимости расстрела по указанию „директивных органов Союза ССР“ 25 заключенных. Оно подписано начальником следственной части по особо важным делам НКВД СССР Л. Влодзимирским, утверждено заместителем наркома внутренних дел Б. Кобуловым и согласовано с Прокурором СССР В. Бочковым». И сразу вопросы.

Во-первых, почему не судят прокурора Бочкова?

Во-вторых, эти... юристы даже исполнителей перепутали — не Меркулов список составлял, а Влодзимирский.

В-третьих, если они расстреляны по указанию «директивных органов Союза ССР» — а директивный орган в то время был один — ГКО, то к чекистам-то какие претензии? Кстати, этого указания в деле нет — впрочем, неудивительно, в этом деле много чего нет, в первую очередь в нем нет следствия, и на этом фоне остальное уже — такая мелочь...

А главное — с чего вдруг хрущевское следствие к этому документу прицепилось? Шла война, расстрелы без суда, по законам военного времени, не были чем-то таким уж из ряда вон, какого-нибудь мародера могли и просто так на улице шлепнуть...

А вот теперь давайте-ка прочтем список — кого там расстреляли-то? Девять генералов: Штерн, Локтионов, Смушкевич, Савченко, Рычагов, Володин, Проскуров, Арженухин, Каюков, еще несколько военных, крупные

хозяйственники, несколько жен. Все без исключения арестованы в 1939-1941 гг., все обвиняются в принадлежности к «правотроцкистской организации». Троцкистское подполье, кстати, это далеко не миф, оно реально существовало, и одним из пунктов его программы была работа на поражение СССР в будущей войне с Германией. Так что неудивительно, что их расстреляли. Интересно другое.

Последним в списке стоит Кедров Михаил Сергеевич. Это тот самый Кедров, который вроде бы раскрыл злоупотребления Берия и Багирова в Азербайджане. О нем в приговоре сказано особо:

«Подсудимые Берия, Меркулов, Кобулов, Мешик и Влодзимирский совершили террористическое убийство старого коммуниста, члена КПСС с 1902 года М. С. Кедрова, бывшего члена Президиума ВЧК и коллегии ОГПУ при Ф. Э. Дзержинском, располагавшего данными о преступном прошлом Берия и намеревавшегося его разоблачить. Несмотря на то, что Кедров был оправдан Верховным судом СССР, заговорщики не выполнили указаний суда о немедленном освобождении Кедрова из-под стражи, а затем расстреляли его на основании распоряжения подсудимого Берия».

Из приговора.

Между прочим, в краткой биографии М. С. Кедрова, приведенной в сборнике документов госбезопасности «Начало» — а это источник серьезный, об оправдании Кедрова ни слова. «Данные о преступном прошлом Берия» — это, по всей вероятности сказочка о «комиссии Кедрова». Ладно, следствие

сфабрикованное, ладно, подсудимый давно мертв — но зачем же так нагло врать в приговоре! Приговор — это ведь исторический документ, его потом кто-нибудь и прочесть может!

В книге Сухомлинова приводится еще один документ. Под ним подпись: «Сфабрикованные документы — вещественные доказательства вины Л. Влодзимирского». Почему документ сфабрикованный — не сказано, просто подпись такая, и все. Наверное, руденковские следователи так написали, а автор повторил. Однако, в отличие от большинства «доказательств» в этом деле, бумага производит впечатление подлинной. Хотя она и приведена без «шапки», но наверху, например, виден какой-то номер. Судя по содержанию, это, наверное, обвинительное заключение или его фрагмент.

«Осужденные Афонский, Кедров И. М. и Шилкин свои показания о Кедрове М. С. как на предварительном следствии, так и на суде полностью подтвердили.

На основании изложенного обвиняется Кедров Михаил Сергеевич, 1878 года рождения, уроженец г. Москвы, русский, ф-н СССР, с высшим образованием, бывший дворянин, член ВКП(б), до ареста пенсионер, — в том, что:

он являлся участником антисоветской организации, разделял контрреволюционные идеи правых и вел неоднократно антисоветские и провокационные разговоры.

В интересах английских империалистов занимался предательством на Северном флоте в период 1918 года, — т. е. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-1а, 58-10 и 58-11 УК РСФСР.

Считая предварительное следствие по делу Кедрова М. С. законченным и предъявленное ему обвинение доказанным, руководствуясь специальным указанием директивных органов Союза ССР, —

Полагал бы:

Кедрова Михаила Сергеевича, 1878 года рождения — расстрелять».

Подпись: Влодзимирский.

Лев Влодзимирский был тогда начальником следственной части по особо важным делам.

Кстати, последний штрих. Это кинематограф виноват — почему-то при слове «старый большевик» перед глазами встает образ собранного худощавого партийца, говорящего правильные истины, доброго, благородного и никогда не нарушающего законов. А вы обратили внимание на то, что чекисты вдруг занялись расследованием деятельности товарища Кедрова на Северном флоте в 1918 году? Это ведь не просто так. В мае 1918 г. Михаил Сергеевич был командующим Северо-Восточного участка «завесы», то есть, организовывал оборону Советской республики на севере. Попутно он еще и руководил борьбой с контрреволюцией в Архангельске — руководил так, что даже по тем не слишком-то гуманным временам отмечено, что он широко применял репрессии. Кстати, руководя всем этим, перессорился с местными Советами. Сколки и расстрелы были единственными достижениями «верного ленинца» на поприще обороны, потому что город был сдан англичанам. Вам это ничего не напоминает? В то же время, только на юге, и не Архангельск, а Баку, и не расстрелы, а резня — но в остальном-то? Сколько их было, этих бакинских коммун, на территории Страны Советов!

Так вот: в свое время Кедров говорил Кривицкому, тому, что впоследствии перебежал за границу: «Вы не знаете, что можно сделать с человеком, когда он у вас в кулаке. Здесь мы имеем дело со всяким, даже с самым бесстрашным. Однако мы ломаем их и делаем из них то, что хотим!»⁷⁹

Дзержинский выгнал Кедрова из органов, Берия его арестовал, а Хрущев поднял на щит, как героя. Кстати, стоило бы подумать: а кого реабилитировали при Хрущеве, если незаконно посаженных выпустил еще Берия?

...Это небольшое расследование касается одного из двадцати пяти людей, поименованных в списке. Но теперь и остальные двадцать четыре не внушают доверия...

...И в заключение, еще об одном деле, которое не имеет прямого отношения к «делу Берия», но будет наверняка интересно читателям, а кстати, и послужит иллюстрацией того, что не надо бы прокурору заниматься историей. Андрей Сухомлинов пишет: «В 1953 году Влодзимирский начинал следствие в отношении Василя Сталина, который 28 апреля 1953 года был арестован с ведома Берия и Кобулова за то, что, находясь в опьяненном состоянии, неоднократно во всеуслышание заявлял об убийстве его отца соратниками, а также сказал жене, что „Булганина убить мало...“ (Хотя я бы лично с ним согласилась! — Е. П.), собирался встретиться с иностранными журналистами...» И, несколько ниже: «Но этот эпизод с незаконным арестом В. Сталина в деле самого Влодзимирского не исследовался...»⁸⁰

И хоть бы где в ином месте — так ведь в той же книге в качестве иллюстрации приводится

факсимильная копия постановления на арест, оформленная по всем правилам и с санкцией прокурора, где черным по белому написано: «Мы, начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР генерал-лейтенант Влодзимирский и зам. начальника Следчасти по особо важным делам полковник Козлов, рассмотрев имеющиеся материалы в отношении Сталина Василия Иосифовича... нашли:

«Являясь командующим ВВС Московского военного округа, Сталин В. И. систематически, на протяжении многих лет широко применял антигосударственную практику и совершал уголовные преступления, выразившиеся в крупных расхищениях, присвоении и разбазаривании государственного имущества и денежных средств. В целях сокрытия этих преступлений и обмана государства, Сталин В. И. занимался подлогом и мошенничеством, склоняя к этому и подчиненных ему по службе лиц»». И лишь потом — про враждебные выпады. Откуда взялись эти материалы? Напоминаю, что у военных своя юстиция, так что, скорее всего, дело обстояло так: материалы были собраны военными, юристами ведомства Булганина. А поскольку Василий Сталин к тому времени был уже уволен из армии, то их передали в МВД, вместе с сомнительной честью разбираться с сыном покойного вождя.

Я уже не раз встречалась с той практикой, что авторы книг не обращают внимания на собственные иллюстрации — но не до такой же степени!

Посол в Китае и генеральская жена

«Подсудимые Берия, Меркулов,
Влодзимирский совершали тайные похищения и
убийства людей...»

Из приговора.

Самое известное из организованных Берия убийств — это убийство Троцкого. Но в то время за этот теракт судить Берия не додумались. Не время было. Это сейчас некоторые наши сторонники «правового государства» договорились до того, что надо бы и за это исполнителей осудить. Давайте уж тогда присовокупим к страшным преступлениям режима и доведение до самоубийства Гитлера — а что, разве это не так, разве не довели бедняжку?

Следователям удалось найти кое-что поближе. Нет, не Михоэлс, как можно подумать — это совсем другое шоу. Берия и его команду обвинили в организации убийств посла СССР в Китае Бовкун-Луганца с женой и жены генерала Кулика Киры Симонич-Кулик.

Нет, ну-это просто песня!

Из протокола допроса Влодзимирского (оригинала или копии, неизвестно, не указано).

«В июле или августе 1939 г. меня, Церетели (начальник 3-го спецотдела НКВД СССР. — Е. П.) и Миронова (начальника внутренней тюрьмы) вызвал к себе Берия. У него тогда находились Кобулов Б. и Меркулов. Берия поручил нам троим выполнить строго секретную операцию по уничтожению двух лиц, которые являются шпионами...

Согласно этому плану мы получили вагон с салоном. Начальник внутренней тюрьмы привез двух арестованных, мужа и жену, которые были помещены в разные купе. Двери этих купе держали приоткрытыми и я, Церетели и Миронов поочередно сторожили арестованных в коридоре. В этом вагоне мы следовали с

поездом из Москвы в Тбилиси, а затем далее на Батуми. В пути на одном из перегонов за Тбилиси Миронов и Церетели убили арестованных ударами молотков по затылку. Сначала мною был выведен из купе в салон арестованный мужчина, который в салоне был убит Церетели и Мироновым, а затем таким же порядком мною в салон была доставлена арестованная гражданка, которая ими же была убита.

На одном из полустанков нас встретил с двумя автомобилями Рапава (нарком НКВД Грузии — Е. П.). Мы вынесли трупы и, поместив их в одну из машин, отвезли на дорогу к обрыву у крутого поворота дороги. Шофер на ходу выскочил, а машина с трупами свалилась в обрыв и разбилась. После этого мы уехали с места происшествия, и все остальное по инсценировке автомобильной катастрофы и ее расследование организовал Рапава...»

Еще из того же протокола:

«Я помню, что я уточнял у Кобулова после ухода от Берия о том, что эти лица — Бовкун-Луганец и его жена — работали за границей, являются крупными иностранными шпионами, и что их ликвидация необходима для дезинформации иностранной разведки, чтобы там не знали, что Бовкун-Луганец и его жена были арестованы».

А согласно показаниям Церетели, данным им в 1955 году на судебном заседании, «мы поехали вместе с Влод-зимирским и убили этих людей в поезде. Убивали мы их деревянными молотками».

А теперь давайте отрешимся на время от гипноза печатного слова и переведем все это на общечеловеческий язык. Итак, летом 1939 года зачем-то решено было тайно убить полпреда СССР в Китае. Ну, ладно, бывает... Может, они и в самом деле были какими-нибудь шпионами, на которых завязана целая

сеть... хотя в таком случае естественней было бы устроить оперативную игру — что-что, а это Берия умел! Но все же допустим, что их решено было тайно умертвить. Самый простой способ — отвезти их из тюрьмы в очень хорошую больницу и что-нибудь придумать. Грибочками, например, отравились. Машина сбила. На даче угорели. Наконец, утонули во время купания. Способов тьма, и таких, что комар носа не подточит.

Нет, вместо этого в самый разгар работы по наведению порядка в НКВД заместитель начальника следственной части, начальник одного из спецотделов и начальник внутренней тюрьмы — лично! не передоверяя низовым работникам! — взяли арестованных и повезли их убивать. Странно, что сам Берия не присоединился, ему как раз такая работа по статусу. Убивать их зачем-то повезли в Грузию — ближе места не нашлось. Ну ладно, в Грузию, так в Грузию. Можно и так. Вынести из поезда, сделать по уколу снотворного, посадить в машину и сбросить с обрыва. Нет, вместо этого их в салон-вагоне (!) убивают деревянными (!!) молотками по затылку (интересно, можно ли убить человека деревянным молотком по затылку? Кто-нибудь пробовал?), наверняка запачкав кровью весь салон-вагон, так что потом уборщики и поездная обслуга с замиранием сердца обсуждали: а что это тут ночью делали? Никак убили кого? Без шума убийство с помощью деревянного молотка тоже едва ли обошлось, а в поезде ведь еще должны быть какие-то люди, обслуживающий персонал — их что, тоже, как свидетелей? А трупы куда дели?

Это был первый куплет песни. Теперь пошел второй. Убийцы начинают возиться с трупами. Интересно, поезд был обычный или специальный? Если обычный, то их вытаскивают из поезда на виду у доброй тысячи очень заинтересованных пассажиров. Ах, да, дело было ночью

— тогда у сотни пассажиров и полутора десятка проводников, высунувшихся посмотреть: а с какого это перепугу дальний пассажирский поезд остановился на каком-то полустанке? Если поезд специальный, то посмотреть, что делает на полустанке спецпоезд с одним салон-вагоном, сбегается все окрестное население, от годовалых младенцев до столетних старух. Ну, ночью несколько меньше, но уж крайне заинтересованный начальник станции и десяток свидетелей все равно найдется, да еще поездная бригада и обслуга. И вот, на виду у всего это народа, из салон-вагона выносят трупы, кладут в машину, которую пригнал не кто-нибудь, а сам нарком внутренних дел Грузии! И, разогнав, сбрасывают в пропасть.

Третий куплет. На следующий день машину в пропасти обнаруживают. Начинается расследование несчастного случая. Ищут гараж, к которому приписана машина, шофера, виновного в аварии, тут же, естественно, кто-нибудь из местных жителей сообщает о странной возне, которая ночью происходила на полустанке. Тела опознают, отправляют к патологоанатому, который без труда устанавливает, что погибли они не от аварии, а от того, что их били деревянными молотками по голове, так что от голов, вообще-то говоря, мало что осталось. Затем появляется Рапава, который велит патологоанатомам молчать и прекращает следствие. В результате по всей Грузии ползет слух, что кого-то важного убили, вроде бы не то нашего посла в Китае, не то китайского посла в СССР. И как раз во всю эту кашу и влезает агент, отправленный иностранной разведкой расследовать это дело. Ни фиги себе, секретное умерщвление!

Но и это еще не все.

10 июля 1939 года, на следующий день после всей этой истории, газета «Заря Востока» напечатала акт об

аварии машины. Там говорится: «В ночь на 8 июля с. г. легковая машина ГАЗ-А, в которой следовали полпред СССР в Китае тов. И. Т. Бовкун-Луганец и его жена Н. В. Бовкун-Луганец, потерпела аварию на 7-м километре от Кутаиси по Цхалтубской дороге.

Машина шла по прямой дороге с небольшим подъемом. Свернув внезапно резко вправо, в сторону оврага глубиной 12 метров, машина пошла под откос и, ударившись о земляной бугор, перевернулась на левый бок.

Авария произошла в результате того, что у продольной рулевой тяги, в месте крепления ее у рулевой сошки, отвернулась незашплинтованная пробка. Рулевая тяга сошла с места крепления, и машина потеряла управление. При аварии погибли тт. И. Т. и Н. В. Бовкун-Луганец и водитель автомашины т. Б.А-Чуприн.

Техническая комиссия: К. Кадагишвили, Мамаладзе, ст. госавтоинспектор Г. Гвания»81.

Да, а Влодзимирский говорил, что шофер вроде бы спрыгнул. А почему не допросили техническую комиссию — кто приказал им подписать заведомо ложный акт? И как же быть с Чуприным? Существовал он или просто «для антуража» вписан? Если вписан, то начальник гаража на следующий день возмущался бы на всех углах, почему ему приписали аварию, к которой он ни сном, ни духом... Дело-то серьезное, убит важный работник МИДа, посол. А если шофер Чуприн существовал, то куда он делся? Секретно убили? А куда тело дели? И т. д.

Мухин считает, что идиотизм этой явно сфабрикованной истории (потому что таких клинических дебилов, как ее герои, даже в колхозных сторожах не держат) проистекает от умственной неполноценности Ру-денко и компании. У меня на этот

счет иное мнение. Но, случайно или специально — это такой махровый идиотизм, что хуже может быть лишь история о вредительской деятельности Берия на ниве улова сельдей.

Примерно такого же разбора дело об убийстве Киры Симонич-Кулик, жены генерала Кулика. 5 мая жена генерала вышла из дому, отправившись к зубному врачу, и бесследно исчезла. 8 мая генерал заявил о ее пропаже, по этой причине был объявлен всесоюзный розыск, и так она и находилась в розыске, поскольку, ни живая, ни мертвая, обнаружена не была. И судьба ее была тайной до тех пор, пока Руденко не стал разматывать «дело Берия».

Рассказал о ее судьбе все тот же несчастный начальник следственного отдела Влодзимирский, которого Берия постоянно использовал в качестве «шестерки», отрывая от дел, чтобы бить послов молотками по голове и сутками сидеть в засадах, подстерегая генеральских жен. К тому времени он стал начальником следчасти Главного экономического управления НКВД, но все равно ведь больше никого не было!

Из «показаний» Влодзимирского (судя по той ахинее, которую он лепит, это опять протокол из числа копий):

«Летом или в начале осени меня вызвал к себе Берия в присутствии Меркулова... и объявил мне, что я вхожу в состав группы из четырех человек, которой поручается произвести секретный арест жены маршала Кулика гр-ки Кулик... Согласно намеченному плану, задержание гражданки Кулик должно было быть произведено на улице, без огласки. Для этого были выделены 1 или 2 легковых автомашины, и в них дежурила вся группа. Засада была установлена недалеко от дома, в котором находилась квартира

Кулика. На второй или третий день, когда гр-ка Кулик вышла из дому одна и пошла по пустынному переулку, она была нами задержана и доставлена во двор здания НКВД СССР... Всей этой операцией руководил Меркулов, он приезжал и проверял засаду и в ночное время один или два раза снимал пост.

Через месяц или полтора после задержания гр-ки Кулик, Меркулов или Кобулов поручили мне и начальнику внутренней тюрьмы Миронову съездить в Сухановскую тюрьму, взять арестованную, которую нам выдадут, привезти ее в здание НКВД и передать ее коменданту Блохину. Когда мы приехали в Сухановскую тюрьму, то нам выдали арестованную, в которой я опознал жену Кулика.

Гр-ку Кулик мы доставили в помещение НКВД на Варсонофьевском переулке. Нас там встретил комендант Блохин, который вместе с Мироновым отвел ее во внутреннее помещение нижнего этажа здания. Я с ними прошел в первое помещение и остался в нем, а Блохин с Мироновым провели гр. Кулик в другое помещение, где ее и расстреляли».

Другой свидетель по этому делу, некто В. Н. Гульст, который был заместителем начальника 1-го отдела по охране, показывает:

«В 1940 году меня вызвал к себе Берия. Когда я явился к нему, он задал мне вопрос: знаю ли я жену Кулика? На мой утвердительный ответ Берия заявил: „Кишки выну, кожу сдеру, язык отрежу, если кому-то скажешь то, о чем услышишь!“ Затем Берия сказал: „Надо украсть жену Кулика, в помощь даю Церетели и Влодзимирского, но надо украсть так, чтобы она была одна“.

В районе улицы Воровского в течение двух недель мы держали засаду, но жена Кулика одна не выходила. Каждую ночь к нам приезжал Меркулов проверять пост, он поторапливал нас, ругал, почему мы медлим. Но

однажды она вышла одна, мы увезли ее за город в какой-то особняк... »82.

Вообще Влодзимирскому не везет. Как пишет Сухомлинов: «Характерно, что в первых двух случаях: „изъятие“ жены маршала Кулика и убийство в поезде семьи Бовкун-Луганца Влодзимирскому были поручены „не свойственные“ его должности акции. В то время он служил помощником начальника следственной части, а в 1940 г. — начальником следственной части по особо важным делам. Его обязанность — организация и ведение предварительного следствия по этим делам. Контроль за ходом расследования, допросы, очные ставки, экспертизы, соблюдение сроков следствия, контроль за работой следственного аппарата. Короче, чисто следственная и, я бы сказал, наиболее культурная работа. Однако, как видим, он нередко привлекался и к проведению далеких от следствия акций».

Да уж, куда дальше от следствия — то послов бить по голове, то неделями сидеть в засаде, поджидая генеральских жен. «Это еще раз свидетельствует о том, что Влодзимирский был особо приближенным к Берия и Кобулову человеком, — продолжает Сухомлинов, — коль скоро именно ему оказывалось такое „доверие“».

А больше это ни о чем не свидетельствует? Например, о том, что Руденко с компанией нам всем лапшу на уши вешают, а загипнотизированный высокой должностью бывший военный прокурор ее даже не стряхивает?

Ладно, продолжим Допустим, после того, как начальник следчасти две недели сидел в засаде, а заместитель наркома каждую ночь прибегал к нему «поторапливать», дамочку все же похитили. Но кто же она такая? Какой мотив этого жуткого преступления — похищения и убийства жены генерала? Если ради каждой домохозяйки сутками в засаде сидеть, то у нас

начальников следчастей не напасешься. Чем она так уж особенно важна?

Из данных следствия понять это так и не удалось. Меркулов рассказал, что это Берия приказал потихоньку «изъять» Симонич-Кулик, которая, согласно агентурным данным, была шпионкой. Меркулов еще посмотрел сводки и ничего там не нашел. Он «показывает»:

«Мне было приказано изъять Кулик-Симонич и так, чтобы никто об этом не знал. Получив такое указание, я вызвал Миронова и Влодзимирского и поручил произвести операцию...».

Что же было дальше? Об этом снова «рассказывает» Меркулов.

«Кулик-Симонич я допрашивал вместе с Берия, правильнее сказать — допрашивал ее Берия, а я вел запись протокола. Никаких показаний о своей шпионской работе она нам не дала и была завербована нами в качестве агента.

Вопрос. За что же была убита Кулик-Симонич?

Ответ. Я ее не убивал. Берия сказал мне, что о ее расстреле есть указание свыше...»

Ну да, естественно, когда следователи уже окончательно запутались в собственном вранье, им не оставалось ничего другого, кроме как валить все на Сталина. На другом допросе Меркулов «показывает»:

«Изъятие и расстрел Симонич-Кулик я не считаю незаконным, поскольку по этому поводу было указание инстанции, а любое указание инстанции я бы выполнил безоговорочно... На мой взгляд, уничтожить эту женщину не было никакой оперативной необходимости...»

Вот так выглядит история с похищением генеральской жены, как она изложена руденковскими следователями. Теперь понятно, почему Генеральный прокурор сам вел следствие? Потому что только его

высокая должность хоть как-то вуалирует тот факт, что все это чистый бред шизофреника. Если Кира Симонич была изобличена в шпионаже и даже если не изобличена, то в чем проблема-то? Бери, арестовывай, шей дело, расстреливай обычным порядком — никто и не заметит. Генералов брали тепленькими в постелях, а ради бабы начальник следчасти в засаде сутками сидит. Чтобы соблюсти тайну? Ни фига себе тайна — всесоюзный розыск объявили, фотографии в каждом отделении милиции...

Во-вторых, в этих протоколах — и тоже, скорее всего, в копиях — все время идут ссылки на некую «инстанцию». Ясно, зачем это делается — Хрущев подбирается к Сталину, чтобы свалить на него ответственность за репрессии. Но у «инстанции-то мотив какой? Зачем Сталину жена генерала Кулика? Ну как же, ведь всем известно, что „вождь народов“ — человек коварный и непредсказуемый. Раз приказал убить, значит, так надо...

Тем не менее Меркулов не совсем прав насчет того, что «уничтожать эту женщину не было никакой оперативной необходимости...». Была такая необходимость. Только не у Сталина и не у Берия.

Что любопытно, Сухомлинов пишет, что генеральше было восемнадцать лет. Должно быть, он взял возраст все из того же источника. Но на самом деле это четвертая жена Кулика была восемнадцатилетней, а та, что пропала, была жена номер три. Было ей не восемнадцать, а несколько за сорок, за плечами имелась бурная жизнь, еще один брак и, мягко говоря, не слишком твердые правила — ее биографию излагает Владимир Карпов в книге «Расстрелянные маршалы». И при всем при этом у нее был муж-генерал, который вскоре после исчезновения своей дражайшей половины женился на однокласснице своей дочери. Ни на какие размышления это не наводит насчет того, у кого могла

возникнуть «оперативная необходимость» избавиться от сорокалетней шлюхи, чтобы практически сразу же жениться на школьнице?

Но это если дело расследовать, то возникают вопросы, а если надо не расследовать, и пришивать — то вопросы совсем ни к чему. Сталин приказал, Берия кокнул, Руденко протокол написал, и все слились в экстазе...

Ну, дальше в приговоре — про шпионскую деятельность. Это такой бред, что и говорить не стоит. Берия, мол, пытался заключить сепаратный мир с Гитлером, открыть врагу перевалы на Кавказе. Что же не открыл-то? Это ведь было так просто сделать — оставить на занимаемых постах Буденного с Кагановичем — и порядок... И следов вражеской деятельности никто не найдет.

А вот, кажется, еще кое-что:

«Как до начала Великой Отечественной войны, так и в 1953 году подсудимый Берия с помощью Меркулова, Де-канозова, Кобулова совершил ряд преступлений, направленный на ослабление деятельности советской разведки».

Разведка — это интересно. В первую очередь потому, что это область, где вообще ничего, как правило, доказать не удастся. Поэтому-то Ежов и перестрелял разведчиков почти поголовно — а чего доказывать, раз доказать нельзя? Бери и стреляй!

Чем же подтверждает следствие «вредительскую деятельность» Берия на ниве разведки? Подтверждением служат чисто ведомственные разборки, в основном, гнилые. Кого снял, кого с работы уволил, кого из-за границы отозвал. Так, на суде свидетель Коротков говорил:

«Как в первый раз, так и во второй, приходя на работу в МГБ — МВД, Берия разрушал наши разведывательные органы, дезорганизовывал нашу работу... В 1938 г., став народным комиссаром внутренних дел СССР, Берия вызвал из-за границы наших резидентов, как легальных, так и нелегальных. Он охаивал нашу заграничную разведку, убирал наших разведчиков...».

Коротков — человек уважаемый, генерал, серьезный разведчик. Но... как же тогда быть с Павлом Судоплатовым, тоже не менее уважаемым, который говорил, что Берия «высококомпетентный в вопросах разведывательной работы и диверсий человек». Тут надо разбираться — кого отзывал, за что...

Об этом не стоило бы и говорить, однако именно по этому пункту устроители шоу неожиданно допустили серьезный прокол, из тех, что подвергают сомнению достоверность всего происходящего. Легенды сыплются на мелочах. На судебном заседании между «Берия» и свидетелем будто бы произошел такой диалог:

«Берия. Свидетель Коротков, вы подтверждаете, что в 1939 году все руководство иностранного отдела НКВД СССР во главе со Слуцким было разгромлено, так как руководители этого отдела оказались врагами народа?»

Коротков. Я Слуцкого не знаю. В разведке работало много рядовых работников. Не Слуцкий же, сидя в Москве, добывал сведения, а рядовые разведчики.

Берия. Пусть скажет свидетель Коротков, кто его самого послал на работу в Германию?

Коротков. В Берлине находился Амаяк Кобулов, который никакого отношения к агентуре не имел».

Нет, если бы перед судом стоял престарелый колхозный конюх с хроническим алкоголизмом, то такие ответы на поставленные вопросы можно было бы считать нормальными. Но таким образом отвечает, элементарно не понимая вопроса, заместитель

начальника Первого главного управления, зарубежной разведки. Что это с ним?

А теперь о проколе. Он касается Слуцкого. Все, конечно, замечательно, но дело в том, что в реальности ни этот вопрос, ни ответ существовать не могли, ибо и реальный Берия, и реальный Коротков прекрасно знали, что начальник ИНО Слуцкий... умер в 1937 году, еще до прихода Берия в НКВД. Кстати, реальный Коротков, в качестве нелегала, не мог не быть знаком с начальником ИНО. Так что либо Коротков исполнен величайшего презрения к суду и к себе за то, что пришел сюда, ради того, чтобы сохранить место, свободу или жизнь, либо... либо его здесь попросту не было, и весь этот разговор — грубо сляпанная фальшивка.

Другой свидетель обвинения — может быть, даже реальный, кто знает? Это начальник ПГУ Савченко. Он рассказал про полный разгром разведки, организованный Берия, — выходило, что новый нарком изничтожил ее почти полностью. Но тут интересно другое: а кто такой сам Савченко? После войны он был министром госбезопасности Украины и связан с Хрущевым не только местом службы, но и некоторыми общими делами куда круче тех, за которые сейчас судили Берия. Так, согласно воспоминаниям Судоплатова, именно Савченко, по настоянию Хрущева, организовал убийство архиепископа Украинской униатской церкви Теодора Ромжи. Просто-напросто еще один Строкач, только и всего...

«...Установлено, что тайные связи с иностранными разведками Берия завязал еще в 1919 году, когда, находясь в Баку, он совершил предательство, поступив на секретно-агентурную должность в контрразведку

мусаватистского
Азербайджане...».

правительства

В

Из приговора.

Ну да, конечно! Следствие все помойки пересчитало — как же обойтись без этой тухлятины!

Однако именно здесь устроители шоу допустили еще один прокол. Вот что «показывает» Меркулов.

«Как-то Берия, будучи еще в Тбилиси, вызвал меня и сказал, что враждебно настроенные к нему люди распускают слухи о том, что он, Берия, якобы работал в 1919 году в Баку в мусаватистской разведке. На самом деле это не так. В мусаватистской разведке он, Берия, никогда не работал, а работал по заданию партии в молодежной азербайджанской организации „Гуммет“, и что об этом имеются документы в партийном архиве в Баку, и что мне необходимо съездить в Баку, разыскать эти документы и привезти их к нему, а то, мол, его враги могут сами разыскать эти документы и уничтожить их, и тогда он, Берия, ничем не сможет доказать свою правоту...»

Реальный Берия никогда не мог сказать такого реальному Меркулову, потому что, как мы знаем, он на самом деле работал в мусаватистской контрразведке и никогда этого факта не скрывал. И реальный Меркулов, его старый и близкий друг, не мог об этом не знать.

(Впрочем, в деле есть виражи и покруче. Так, некто Якобашвили вообще показывает, что некие Муса Мдивани и Левон Гогоберидзе рассказывали ему, что Берия участвовал ни больше ни меньше чем в расстреле 26 бакинских комиссаров.)

Естественно, Берия и это обвинение пришили. Как справедливо отметил Андрей Сухомлинов, это все равно, что обвинить Штирлица в том, что он служил у Шел-ленберга. Вообще мне этот суд очень напоминает

сценку из прелестной современной книжки «Рыжий рыцарь», написанной в жанре «фэнтэзи»:

- «— Дочь моя, хотите ли вы выйти замуж за баронета Фредерика Шлюп де Голя?
- Нет
 - Почему?
 - Потому что на фиг!
 - Отлично. Значит, вы согласны и готовы принести будущему супругу клятву верности?
 - Нет.
 - Почему?
 - Потому что на фиг надо!
 - Превосходно, объявляю вашу помолвку законной... Будьте счастливы, дети мои!»

Это было бы смешно, если бы не кончилось так мрачно...

Расстрел.

Воспоминаний и рассказов о расстреле Берия множество. Первым, пожалуй, надо дать слово Антонову-Овсеенко. Хотя он и не был очевидцем, и врет много, но зато красивей всех пишет.

«Казнили приговоренного к расстрелу в том же бункере штаба МВО. С него сняли гимнастерку, оставив белую нательную рубаху, скрутили веревкой сзади руки и привязали к крюку, вбитому в деревянный щит. Этот щит предохранял от рикошета пули.

Прокурор Руденко зачитал приговор. Берия. Разрешите мне сказать... Руденко. Ты уже все сказал. (Военным). Заткните ему рот полотенцем.

Москаленко (Юфереву). Виктор, ты у нас классный стрелок...

Батицкий. Товарищ командующий, разрешите мне (достаёт свой «парабеллум»). Этой штукой я на фронте не одного мерзавца на тот свет отправил.

Руденко. Прошу привести приговор в исполнение. Батицкий вскинул руку. Над повязкой сверкнул дико выпученный глаз... Батицкий нажал на курок, пуля угодила в середину лба, тело повисло на веревках».

Еще одну версию дал некто Хижняк-Гуревич в интервью британскому еженедельнику «Санди тайме». Москаленко в своих мемуарах упоминает некоего майора Хижняка, коменданта штаба — правда, речь там идет не о штабе МВО, а о штабе ПВО. Интересно, они находились в одном здании или в разных?

Гуревич утверждает, что был в числе конвоя, который привез Берия из Кремля в тюремный бункер и что все время заключения обслуживал арестованного. Правда, по его словам выходит, что из Кремля того доставили сразу в штаб военного округа. А как же гауптвахта? Это заставляет серьезно усомниться в его показаниях — можно запутаться в датах, людях, но едва ли можно забыть, что заключенный сутки находился совсем в другом месте. Но, впрочем, какая разница? Мы ведь перечисляем легенды...

«Он знал, что идет на смерть, но не поддался панике. Это был умный человек, умевший вести себя достойно. Он не был трусом. Лишь на один миг он побледнел, и его левая щека задрожала. Это был единственный и последний раз, когда он выказал свои эмоции...

...Батицкий достал пистолет и выстрелил в привязанного к столбу осужденного. Присутствовавшим при аресте офицерам тоже приказали стрелять».

Затем Гуревич завернул тело в брезент и отвез в Донской крематорий⁸³.

Что любопытно, ни Юферев, который фигурирует у Антонова-Овсеенко, ни Хижняк в акте о расстреле Берия не фигурируют.

«Коммерсантъ-Власть» обнаружил и еще свидетелей. Некий командир ракетной базы, который просил не упоминать его имени (опять вариант «старого большевика»?) вспоминает:

«Все рассказы о том, что Берия чин-чинарем привязали к какой-то доске и потом расстреляли — вранье. Ребята так ненавидели его, что не смогли довести до той доски, начали стрелять прямо на лестнице. Я их понимаю. Но отправлять его с такой кучей дыр в крематорий они не решились. Мне потом рассказывали, что кто-то предложил растворить труп в щелочи. Подходящая ванна была там же, в убежище. Щелочь принесли. Вот так трупа Берия и не стало...»⁸⁴.

Впрочем, в «деле Берия» существует еще и акт о расстреле. Приведем для полноты мифологии и его.

Написано от руки.

«1953 года декабря 23 дня.

Сего числа, в 19 часов 50 минут, на основании предписания председателя специального Судебного присутствия Верховного Суда СССР от 23 декабря 1953 года за № 003, мною, комендантом Специального Судебного Присутствия генерал-полковником Батицким П.Ф., в присутствии Генерального прокурора СССР действительного Государственного советника юстиции Руденко Р. А. и генерала армии Москаленко К. С. приведен

в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия по отношению к осужденному к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, Берия Лаврентию Павловичу».

Все. Положена еще подпись врача, констатировавшего смерть, но ее нет. Сухомлинов объясняет это тем, что военные, видимо, «даже и не знали, что по инструкции МВД нужно в таких случаях врача вызывать». А Генеральный прокурор что — тоже не знал?

Это очень интересно, более чем интересно: прокурор знает все правила проведения следствия, суда, исполнения приговора, поскольку по должности обязан за всем этим надзирать — и все нарочито, цинично нарушает. Почему?

...А вот расстрел уже не виртуальный, а реальный. 23 декабря 1953 года шестерых приговоренных вместе с Берия чекистов вывели из камер Бутырской тюрьмы, доставили в тюремный подвал и расстреляли. Об этом существует акт, составленный по всей форме. Цитирую.

«Декабрь 1953 года. Зам. министра внутренних дел СССР т. Лунев, зам. Главного военного прокурора т. Китаев в присутствии генерал-полковника т. Гетмана, генерал-лейтенанта т. Баксова и генерал-майора т. Сопильняк привели в исполнение приговор Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР от 23 декабря 1953 года над осужденными (далее список).

В 21 час 20 минут вышеуказанные осужденные расстреляны».

На акте есть подписи присутствующих и подпись врача, который констатировал смерть.

В 22 часа 45 минут тела казненных были кремированы неизвестно кем и неизвестно где.

Тут сразу напрашивается вопрос: а кто был палачом? Ведь из акта недвусмысленно вытекает, что Лунев и Китаев расстреляли осужденных собственноручно. Отличились, так сказать. Да, но какую тогда роль выполняют присутствовавшие при расстреле генералы? И, кстати, кто они?

Генерал-полковник Гетман командовал бронетанковыми войсками Московского военного округа, генерал-лейтенант Баксов — из штаба ПВО, из ведомства Москаленко.

Странный расклад. Логично было бы, если бы генералы расстреливали, а высокопоставленные судейские присутствовали при расстреле. Логично было бы, если бы судейские расстреливали, а при расстреле присутствовали представители заказчика — члены Президиума ЦК или какие-нибудь аппаратчики с крепкими нервами. Но такой расклад сил при таком составе совершенно иррационален. Каковы функции генералов при расстреле?

А каковы их функции во всем «деле Берия»?

Ситуация оставляет только один вариант истолкования: высокопоставленные судейские на самом деле были «шестерками», а генералы за ними «присматривали». Причем присматривали одни военные, ни одного партийца! Что, нервы у представителей КПСС слабоваты, чтобы на расстрелы ходить?

Вообще не кажется ли вам, что в этом деле многовато военных для обычной партийной разборки?

Прокляты и убиты.

Берия было уже все равно — какое там следствие, какой суд... Но ведь судили не его одного. Не надо забывать, что по этому делу проходили и живые люди. В 1953 году его судьбу разделили еще шесть человек, виновных лишь в том, что они работали в команде Берия. Им срочно сочинили преступления, осудили и расстреляли. И их судьбой, в отличие от судьбы Берия, никто не озабочен. О них не пишут книг, не оставляют воспоминаний. О них не известно почти ничего. Кто они, эти люди, разделившие судьбу своего наркома?

Их судьбы не служат темой данного расследования. Просто хотелось бы, чтобы все сделанные в этой книге выводы автоматически распространились и на них, как автоматически распространился на них приговор, вынесенный человеку, с которым они проработали столько лет, которому доверяли и которого, хочется верить, не предали. Наверное, так оно и есть, учитывая, что в «деле Берия» 90 процентов копий.

Еще раз, поименно:

Меркулов Всеволод Николаевич
Кобулов Богдан Захарович
Гоглидзе Сергей Арсеньевич
Деканозов Владимир Георгиевич
Влодзимирский Лев Емельянович
Мешик Павел Яковлевич.

К ним можно добавить еще и брата Богдана Кобулова Амаяка Кобулова, которого тоже осудили и расстреляли по приговору Военной коллегии Верховного суда. Андрей Сухомлинов предлагает, чтобы хоть кто-нибудь позаботился о реабилитации этого человека. «Тем более, — пишет он, — что Амаяк Кобулов не виновен вообще ни в чем».

Были в этом деле и другие люди, о которых вообще мало кто знает. Они пошли под суд в 1955 году — по так называемому «делу Рапава, Рухадзе и других».

Это бывшие министры госбезопасности Грузии А. Н. Рапава, Н. М. Рухадзе, заместитель министра госбезопасности республики Ш. О. Церетели, сотрудники НКВД, НКГБ, МГБ Грузии Н. А. Кримян, К. С. Савицкий, А. С. Хазан, Г. И. Парамонов, С. Н. Надарая.

1 9 сентября 1955 года им вынесли приговор: первым шести — высшая мера, Парамонову — 25 лет, Надарая — 10 лет лишения свободы. Поскольку их допрашивали по шизофреническому делу Бовкун-Луганца, это тоже явно след «бериевского дела». Все те же дела о зверствах в Грузии, вероятно, с тем же комплектом доказательств. Конечно, Рапава и Рухадзе — не одного поля ягоды, но раз их объединили вместе на этом фальшивом процессе, это о чем-то говорит.

Впрочем, едва ли кто-либо когда-либо станет пересматривать это дело — кому это нужно! Да и не собираюсь я ставить вопрос о реабилитации этих людей. С какой это стати инициировать очередную стирку мундира советской юстиции? Нет уж, нечего ее реабилитировать, пусть позорные пятна этих приговоров останутся на ней навечно!

Поэтому давайте просто их не забудем...

Кроме этих громких дел, по органам МВД прошла целая волна арестов. После того, как было объявлено об аресте Берия, состоялся партийный актив МВД. Проходил он в лучших традициях тридцать седьмого года.

Вспоминает Павел Судоплатов:

«Выступления Маленкова и Шаталина (секретарь ЦК КПСС, назначенный первым

заместителем министра внутренних дел. — Е. П.) с объяснением причин ареста Берия для профессионалов, собравшихся в конференц-зале, прозвучали наивно и по-детски беспомощно. Аудитория молча выслушала откровения Шаталина о том, что для усыпления бдительности Берия Центральный Комитет сознательно пошел на обман, принимая заведомо ложные решения и отдавая соответствующие распоряжения. Все это было беспрецедентно...»

Вот еще милый эпизод с того партактива:

«Шаталин сообщил, что начальник отделения в контрразведывательном управлении полковник Потапов проявил политическую близорукость и вопиющую некомпетентность: встречаясь со своими осведомителями накануне ареста Берия, он позволил себе восхвалять его политическую прозорливость. Шаталин процитировал письмо осведомителя, учившегося в Институте иностранных языков. Я увидел, как побледнело лицо Потапова, услышавшего вопрос Маленкова: „Этот человек здесь?“ Потапов поднялся, но был не в состоянии что-либо сказать. Вмешался Серов, заявивший, что такие безответственные люди, допускающие антипартийные высказывания, не могут присутствовать на закрытых партсобраниях, и Потапов был выдворен из зала. К его счастью, он не занимал столь высокое положение, чтобы стоило затевать громкое дело, — его уволили из органов с партийным взысканием»⁸⁵.

В органах начались аресты. Были арестованы легендарные «ликвидаторы» НКВД — Эйтингон и Серебрянский, секретарь Берия Людвигов, многие другие — несколько сот работников НКВД. Генерал Масленников, командующий войсками МВД, понимая, что его ждет, предпочел застрелиться.

Тюрьма ждала и самого Судоплатова. Незадолго до ареста его вызвали на Президиум ЦК, и там он повел себя не так, как надо. Во-первых, не стал клеймить Берия, а во-вторых, упомянул некоторые послевоенные ликвидации и назвал их организаторов, в числе которых были Молотов, Хрущев и Булганин. С этой минуты его судьба была предрешена. Судоплатов стал опасным и неуправляемым свидетелем.

Вскоре его арестовали. На одном из допросов Руденко предложил дать показания о планах тайного сговора Берия и Гитлера во время войны, о тайных контактах его с Черчиллем, а также о планах устранения советского руководства с помощью ядов — однако Судоплатов отказался, хотя и понимал: его вряд ли оставят в живых. Следствию не нужно было даже признание — все шло к расстрелу. И тогда он решился на крайний шаг...

«Я решил действовать в духе советов, которые давал мой предшественник и наставник Шпигельглаз своим нелегалам, пойманым с поличным и не имевшим возможности отрицать свою вину: постепенно надо перестать отвечать на вопросы, постепенно перестать есть, без объявления голодовки каждый день выбрасывать часть еды в парашу. Гарантировано, что через две-три недели вы впадете в прострацию, затем полный отказ от пищи. Пройдет еще какое-то время, прежде чем появится тюремный врач и поставит диагноз — истощение; потом госпитализация — и насильное кормление.

Я знал что Шпигельглаза «сломали» в Лефортовской тюрьме. Он выдержал эту игру только два месяца. Для меня примером был Камо (Тер-Петросян)...»

Камо, легендарный соратник Сталина, будучи арестован в Германии, симулировал сумасшествие в течение четырех лет, о чем подробно рассказывал, инструктируя чекистов. Однако Судоплатов смог побить этот «рекорд» — он продержался пять лет и «пересидел» в психиатрической больнице самое опасное время. Его приговорили, по сфальсифицированному обвинению, к пятнадцати годам тюремного заключения. Время от времени генерала навещали в тюрьме следователи, интересующиеся участием в громких «ликвидациях» сначала Маленкова, потом Молотова, Булганина. Кагановича. Лишь упоминание имени Хрущева в качестве организатора террора оставалось под запретом.

Эйтингон в 1963 году сдался и написал то, чем узники добывали себе свободу — униженное письмо Хрущеву с просьбой о помиловании. Его освободили в 1964 году Судоплатов же свой срок отбыл полностью, на все ходатайства родственников и сослуживцев о пересмотре дела следовал отказ с прозрачными намеками, что дело решено «наверху», а умолять Хрущева о пощаде он не стал. (Он вышел на свободу 21 августа 1968 года, в день вторжения советских войск в Чехословакию.) И, пока существовала КПСС, так и не смог добиться реабилитации.

«По иронии судьбы, в то время как я подавал ходатайства о реабилитации, Горбачев получил своеобразное послание, подписанное тремя генералами, принимавшими участие в аресте Берия. Они потребовали от Горбачева в апреле 1985 года присвоения звания Героя Советского Союза, которое было им в свое время обещано за проведение секретной

и рискованной операции... Горбачев отклонил оба ходатайства — и мое, и генеральское».

Реабилитирован Павел Судоплатов был в начале 1990-х годов, когда не было уже ни КПСС, ни СССР.

...И, напоследок, рассказ о мамуловском крокодиле, как и его хозяин, пострадавшем от хрущевских репрессий.

Степан Мамулов, работник аппарата ЦК КП Грузии, приехал Москву вместе с Берия в 1938 году, став у него бессменным начальником секретариата. И вот однажды в день рождения шеф подарил ему... крокодила.

— Я благодарю тебя Лаврентий Павлович, за прекрасный подарок, — ответил именинник. — И прошу разрешения назвать его в твою честь!

Крокодильчик рос, признавая из всех людей только денщика, который его кормил, хозяина и своего тезку Лаврентия Берия. Когда в мамуловскую квартиру пришли с обыском, он беззаветно защищал свой дом и пал, изрешеченный пулями. А его хозяин отсидел пятнадцать лет, свято соблюдая тюремный закон: «Не верь, не бойся, не проси!». Если ему случилось встретиться с кем-либо из высокопоставленных кремлевских или КГБ-шных чинов — мало ли какая у них бывала надобность! — генерал Мамулов поворачивался к ним спиной, и никакие меры воздействия не смогли его перевоспитать⁸⁶.

Свои пятнадцать лет он отсидел от звонка до звонка и, насколько известно, не реабилитирован. Ну должен же быть хотя бы один из бериевских соратников, чье презрение к этой публике будет так сильно, чтобы повернуться спиной к их власти на всю оставшуюся жизнь.

Надеюсь, что Берия не будет реабилитирован никогда — КПСС и продажное советское правосудие не заслуживают такого подарка!

ГЛАВА 5

САМОЕ ГЛАВНОЕ ОБВИНЕНИЕ.

Что является великой силой природы? Секс, не правда ли? ...Дайте людям хорошую сенсацию на сексуальной почве, и она привлечет их гораздо больше, чем любой политический скандал или мошенничество. Eh bien, это и было мое задание...

Агата Кристи. «Авгиевы конюшни».

И вот мы дошли до самого-самого... И это самое-самое умещается в один абзац приговора.

«Будучи морально разложившимся человеком, Берия сожительствовал с многочисленными женщинами, в том числе связанными с сотрудниками иностранных разведок».

И дальше про Валю Дроздову — мы уже писали, что собой представлял единственный эпизод, который дошел до суда. Остальное, если что и было, завяло на стадии предварительного следствия. Впрочем, в этом аспекте бериевских «преступлений» суд не виноват. Это постарались товарищи по партии.

Все началось еще на Пленуме. Вытащил грязное белье на свет секретарь ЦК КПСС Н. Н. Шаталин, который, как он утверждал, делал обыск в сейфе в служебном кабинете Берия.

«Мы натолкнулись на необычные для служебных кабинетов вещи и предметы, — говорит он. — Наряду с документами мы обнаружили в больших количествах

всевозможные, как уж там назвать, атрибуты женского туалета. Вот краткие выдержки из описи, которую я хочу огласить... дамские спортивные костюмы, дамские кофточки, чулки дамские иностранных фирм — 11 пар, женские комбинации шелковые — 11 пар, дамские шелковые трико — 7 пар (а почему не 11 — нет комплектности! — Е. Л.), отрезы на дамские платья — 5 отрезов, шелковые дамские косынки, носовые платки иностранных фирм, шелковые детские комбинации, еще некоторые детские вещи и т. д., целый список... Нами обнаружены многочисленные письма от женщин самого интимного, я бы сказал, содержания. Нами также обнаружено большое количество предметов мужчины-развратника. Эти вещи говорят сами за себя и, как говорится, комментариев не требуется».

Думаю, не надо объяснять, что при таком подходе к законности, какой продемонстрировал Хрущев, ничего не стоит внести в протокол обыска все, что угодно — от презерватива до атомной бомбы. Тем не менее все это было старательно оглашено на Пленуме, большинство делегатов которого были мужчинами и испытывали по поводу услышанного самые сложные чувства — от мужской солидарности до откровенной зависти.

«Тем не менее для большей убедительности этой стороны дела, — продолжал, обращившись к вытянувшей шею аудитории, Шаталин, — я зачитаю показания некоего Саркисова, на протяжении 18 лет работавшего в охране Берия. Последнее время он был начальником охраны.

Вот что показал этот самый Саркисов: "Мне известны многочисленные связи Берия со всевозможными случайными женщинами. Мне известно, что через некую гражданку С. (разрешите фамилию не упоминать) Берия был знаком (в показании фамилия сказана) с подругой С., фамилию которой я не помню. Работала она в Доме моделей, впоследствии от

Абакумова я слышал, что эта подруга С. была женой военного атташе. Позже, находясь в кабинете Берия, я слышал, как Берия по телефону звонил Абакумову и спрашивал — почему до сих пор не посадили эту женщину. (И куда Абакумов, который терпеть не мог Берия, его послал? — Е. П.) То есть, сначала жил, а потом спрашивает, почему не сажают в тюрьму?

Кроме того, мне известно, что Берия сожительствовал со студенткой Института иностранных языков Майей. Впоследствии она забеременела от Берия, ей сделали аборт. Сожительствовал Берия также с 18—20-летней девушкой Лялей. От Берия у нее родился ребенок, с которым она жила на даче.

Находясь в Тбилиси, Берия сожительствовал с гражданкой М., после сожительства с Берия у нее родился ребенок...

Мне также известно, что Берия сожительствовал с некоей Софьей, телефон такой-то, проживает по такой-то улице, дом такой-то. По предложению Берия в санчасти ей был сделан аборт. Повторяю, что подобных связей у Берия было много.

По указанию Берия я завел целый список женщин, с которыми он сожительствовал (смех в зале). Впоследствии я этот список уничтожил. Однако один список сохранился, в этом списке указаны фамилии, номера телефонов 25—27 таких женщин. Этот список находился на моей квартире в кармане кителя.

Год или полтора тому назад я совершенно точно узнал о связях Берия с проститутками (так он пишет). Он болел сифилисом, лечил его врач поликлиники МВД такой-то. Подпись — Саркисов "».

Интересно, с какого перепугу Берия поручил своему начальнику охраны заводить такой список? Но это к слову. По ходу судебного процесса возникли еще списки. К. Столяров, один из тех, кто был допущен к «делу Берия» и читал его пишет: «Когда следствие

состыковало все обнаруженные списки и присовокупило сюда агентурную информацию, то число установленных любовниц Лаврентия Павловича возросло до 221. Кого там только не было — и спортсменки в ранге чемпионки мира и Европы, и официантки, и певицы, и комсомольские функционерши, и прима-балерины, и проститутки, и жены известных деятелей культуры, и домохозяйки, и киноактрисы, и отличившиеся на войне летчицы, и врачи с медсестрами, и студентки, и научные работницы, и даже школьницы». Впоследствии молва возвела их количество до семисот.

Как и другие очень уж сомнительные данные, вроде документов из Грузии, все эти списки были «подтверждены» на допросах.

«Руденко. Признаете ли вы свое преступно-моральное разложение?

Берия. Есть немного. В это я виноват. Руденко. ...По вашему указанию Саркисов и Надарая вели списки ваших любовниц. Вам предъявляется 9 списков, в которых значатся 62 женщины. Это списки ваших сожительниц?

Берия. Большинство женщин, которые значатся в этих списках, это мои сожительницы...

Руденко. Кроме того, у Надарая хранились 32 записки с адресами женщин. Вам они предъявляются. Это тоже ваши сожительницы?

Берия. Здесь также есть мои сожительницы. Руденко. Вы сифилисом болели?

Берия. Я болел сифилисом в период войны, кажется, в 1943 году, и прошел курс лечения.

Руденко: По вашему указанию Саркисов и Надарая вели списки ваших любовниц. Вы подтверждаете это?

Берия: Подтверждаю.

Руденко: Вам предъявляется девять списков, в которых значатся 62 женщины.

Берия: Большинство женщин, которые значатся в этих списках, мои сожительницы. Списки составлены за ряд лет.

Руденко: Вы признаете, что превратили сой дом в притон разврата, а свою личную охрану в сводников?

Берия: Дом я не превратил в притон, а что Саркисов и Надарая использовались для сводничества — это факт...». Да, но как все это было? А вот, оказывается, как.

«Как правило, такие знакомства намечались во время его прогулок, — показывал на допросе полковник Саркисов. — Прохаживаясь около своего дома, Берия замечал какую-нибудь привлекательную женщину. В этом случае он посылал меня, моего заместителя Надарая или сотрудников охраны узнать ее фамилию, имя, адрес и телефон. Я шел вслед за этой женщиной и старался разговориться с нею, чтобы выяснить интересовавшие Берия сведения. Таким же путем Берия заводил знакомства и во время поездок по улицам на автомашине. Ездил он, как правило, очень тихо и всегда рассматривал проходивших женщин.

Если какая-нибудь из них нравилась Берия, он велел мне установить связь. Если это удавалось, я докладывал Берия и по его указанию ездил за женщиной, либо посылал машину, предварительно договорившись о встрече...»".

Ага, и по Садово-Кудринской, милой, но довольно обычной московской улице, так вот стаями и ходили знаменитые спортсменки и прима-балерины, героини-летчицы и врачи, певицы и комсомольские функционерши... Да, кстати, еще проститутки, которым порученцы Лаврентия Павловича неукоснительно платили положенную за сеанс цену. Если бы по Москве прошел слух, что Берия снимает женщин таким вот образом — а он прошел бы на следующий день, — то

фонари на Садово-Кудринской можно было бы смело менять на красные.

Но в этом деле есть факты и позабавнее. Так, в журнале «Коммерсантъ-власть» утверждается: «Один из специалистов, имевших возможность изучать дела Берия и начальника охраны Сталина генерала Власика, обнаружил крайне интересный факт. Списки женщин, в изнасиловании которых, судя по материалам его дела, признал себя виноватым Берия, почти полностью совпадают со списками тех дам, в связи с которыми обвинялся арестованный задолго до Берия Власик»⁸⁸.

Бедный Лаврентий Павлович! Надо же, как не везет! Поставьте себя на его место: едешь на машине по улицам, медленно-медленно, а навстречу тебе так и идут любовницы генерала Власика. Гуляешь возле дома — а по тротуару так и шмыгают любовницы Власика! Проститутку на дом вызовешь — и тут любовница Власика! Легко ли такое перенести горячему грузину: на какую бабу глаз ни положишь — она обязательно из-под Власика.

Но это все еще цветочки. Самое интересное-то начинается дальше. Саркисов продолжает:

«Женщины на квартиру Берия доставлялись, как правило, на ночь...»

Ему вторит и сам «Берия».

«Этих женщин привозили ко мне на дом, к ним я никогда не заходил...»

А вот что показал полковник Надарая, заместитель начальника личной охраны Берия:

«Посещала особняк Берия В., жена известного артиста. Однажды Берия вызвал мужа В. к себе на Лубянку, и он до утра ждал "приема", а в это время

Саркисов отвез его жену в особняк, где она всю ночь провела с Берия».

Да но ведь дома-то у Берия была семья! С ним в одном доме жили сын, жена сына, двое их детей. И, главное, дома была жена — грузинка!

Жена Берия была такова, что с ней не загуляешь. Серго вспоминал, какой скандал устроила его мать отцу, когда он заинтересовался — только заинтересовался — какой-то красивой женщиной в Тбилиси. Бедный супруг тогда еле уговорил жену остаться.

Впрочем, жена и сын Берия показывали на следствии о его «моральном разложении». В том письме, которое непонятно, настоящее или нет, Нина Берия пишет:

«С 1942 г., когда я узнала о его супружеской неверности, я отказалась быть ему женой и жила с 1943 г. за городом вначале одна, а затем с семьей своего сына. (А Серго, также на следствии, показывал, что ему и его семье принадлежал первый этаж в доме на Садово-Кудринской. — Е. П.) Я за это время не раз предлагала, для создания ему же нормальных условий, развестись со мной с тем, чтобы жениться на женщине, которая, может быть, его полюбит и согласится быть его женой. Он мне в этом отказывал, мотивируя это тем, что без меня он на известное время может выбыть как-то из колеи жизни... Я примирилась со своим позорным положением в семье с тем, чтобы не повлиять на его работоспособность отрицательно...»

«О его аморальных поступках в отношении семьи, о которых мне также было сказано в процессе следствия,

я ничего не знала. Его измену мне, как жене, считала случайной...»

Письмо, как я уже говорила, скорее всего, поддельное — но ведь оно было предназначено для показа президиуму ЦК, тем людям, которые знали Берия лично, и очень уж безудержно врать в нем было нельзя. Поэтому определенное правдоподобие должно было соблюдаться. Там, естественно, говорится о «моральном разложении», но что же это получается: вся история с расставанием была из-за одной-единственной измены? И как бы прореагировала Нина Теймуразовна, если бы муж стал ходить по бабам? Или, тем более, таскать их в особняк? Можно сказать, как: на следующий день после того, как муж привел бы первую шлюху, жена оказалась бы в Тбилиси. Нина Берия не боялась никого — ни Сталина, ни собственного мужа. И, кстати, Сталин, который сам был верным мужем, в этой ситуации поддержал бы ее, а не Лаврентия Павловича.

А теперь слово Серго Берия. На следствии он говорил, что его отец ведет развратный образ жизни. «Он отдалился от меня и моей матери, по отношению к которой он оказался подлецом». «Я знал, что он аморальный, развратный человек» и, наконец: «Мне было известно, что Берия Л. П. вел развратный образ жизни, имел вторую семью, о чем я узнал от Саркисова...»

Только и всего?! Да у какого нормального мужика за всю жизнь не было ни одной любовницы?

А вот, без всяких сомнений, подлинные слова Нины Теймуразовны, сказанные ею в интервью: «Удивительное дело: Лаврентий день и ночь был занят работой, когда ему было иметь дело с легионом этих женщин!»⁸⁹

Да, вот это господа прокуроры, действующие по указке партийных бездельников, не учли.

А теперь, положив руку на сердце: вам ничто здесь не кажется странным? Этим женщинам могло быть не 62, а 620 или 6200... их могло быть сколько угодно — но какое до них дело прокурору! Спать с женщинами — деяние, не наказуемое Уголовным кодексом. Зачем же следствие принялось вдруг выяснять этот факт?

Ну, это же так просто! Следствие принялось выяснять этот факт, чтобы организовать утечку информации «из материалов следствия» и чтобы похождения «растленного маршала госбезопасности» стали той грязевой волной, которая похоронит под собой любые сомнения по поводу обоснованности или необоснованности осуждения Берия. При этом до суда дошла лишь недоказанная история Вали Дроздовой. Но доказана она или нет, это обывателя, которому обвинительное заключение было торжественно продемонстрировано (об этом несколько ниже), уже не интересовало. Слово «изнасилование» было произнесено, число жертв — 220 человек, — озвучено. И пошла писать губерния!

«Обычно машина Берия останавливалась у театра Красной Армии. Там недалеко была женская школа. Ученицы расходились с уроков. Берия как черная пантера за оленятами наблюдал за ними. Когда замечал пухленькую девочку 14—15 лет, розовощекую, с влажными губами и ослепительно белыми зубами, он указывал на нее кивком головы...

Держа девушку за руку, Саркисов вталкивал ее на Лубянке в кабинет Берия, который садился за стол и тихо требовал, чтобы девочка разделась. Если она прирастала к полу, дрожала и ревела, Берия вытаскивал кнут из ящика и ударял девочку по икрам ног. Она могла кричать сколько угодно: в его кабинете все кричали и плакали — никто не смеялся...

...Он бросал ее, голую, на диван, сминая своим весом. Если инстинктивно она сжимала ноги, он левой

рукой брал ее за волосы и бил головой о деревянный подлокотник дивана. Девочка сдавалась. Наступал радостный миг для Берия, когда он входил в молодое невинное тело. Словно разрывал его. Девочка кричала — он целовал ее слезы, катившиеся из молодых невинных глаз. Дефлорировать, то есть лишать невинности молодое женское тело, было для Берия высшим наслаждением. Девочку тошнило от запаха водки, чеснока, гнилых зубов...»⁹⁰

Этот пускающий слюнки литератор — не кто иной, как уже упоминавшийся Т.Виттлин, западник, в России не бывавший, но тем не менее изготовивший книжечку, которая потом была переведена на русский язык, к вящей радости наших сексуально озабоченных диссидентов. Но почему этот придурок решил, что второй человек в СССР не мог привести зубы в порядок?

Затем появились мемуары бериевских «жертв». Можно бы задать вопрос: как женщине не стыдно вспоминать такие вещи? Очень просто. Надо понимать один нюанс психологии женщин определенного сорта: описывая, что на них позарился «сам» Берия, они набивают себе цену, только-то и всего.

Некая «домохозяйка К.» вспоминает:

«Лежа со мной в кровати, Берия спрашивал: „А кто твои приятельницы? Как они выглядят, какие у них глаза, фигурки, темперамент? Приезжай ко мне с ними вместе, и мы вместе ляжем в постельку“. Все это Берия сопровождал циничными комментариями в очень грубой, неприличной форме. Берия находил особое удовольствие выражаться нецензурно и страшно хотел, чтобы я также произносила нецензурные слова. Он очень просил меня об этом. Но я не согласилась...».

А вот Нина Алексеева, бывшая артистка ансамбля песни и пляски:

«И вы знаете, я конечно, с ним сблизилась, с Лаврентием Павловичем. Никаких, конечно, насилий с его стороны не было! Если уж говорить откровенно, он был сильный мужчина. Очень сильный, без всяких патологий. Такому мужчине, наверное, надо было очень много женщин. Когда он в первый раз овладел мной и с такой, вы знаете, страстью, я чувствовала, что, конечно, ему нравлюсь...».

...На эту тему писали рассказы, повести, даже стихи. Стихов в этой книге, кажется, еще не было. Но в одной из книг я нашла строки, которые стоят того, чтобы их привести. Не буду называть автора, Бог с ним, может быть, ему впоследствии самому было стыдно за этот опус...

«Я никогда не увижу Красные ворота,
сколько столицу
шагами не меряю.
Но зато моя дочь свободна
от страха стать сексуальной добычей Лаврентия
Берия.
Этот палач лубянский,
исчадие ада,
иногда по улице Горького
ехал медленно,
из машины на женщин поглядывая.
Его лакомством были восемнадцатилетние.
(В самом деле? А в народе говорят — лет 15-
16! — Е. П.)
Он выбирал пристально — как в ювелирном
отделе —

и молча указывал на избранную
своим вертухаям...
Многие уступали — куда деваться? —
а красавицы, что не хотели,
становились украшением
Колымского края.
У дочерей и внучек "врагов народа "
этот кровопийца вымогал любовь.
Говорят, он раздевался в потемках,
чтоб не увидели ненароком
несмываемую, насквозь его пропитавшую кровь.
Горемычные, безответные наложницы...
Рушились женские души,
как взорванный храм...
Одна художница
пыталась пырнуть его маникюрными
ножницами,
но здесь же, в постели,
получила девять грамм...»

Ну, и так далее все в том же духе...

Тут что еще интересно: в чью голову пришла идея обвинить Берия, никогда не замеченного в какой-либо сексуальной озабоченности (в отличие от многих других деятелей советской верхушки), именно в этом. Кто вообще придумал столь наглую дезу? А кто придумал объявить человека, всю жизнь боровшегося за соблюдение законности, «карманным палачом». Сталина? Министра, первым шагом которого на этом посту стал приказ о запрещении пыток, ославить как садиста? Государственного деятеля, все делавшего открыто, будь то «подсиживание» Молотова или признание преступлений МВД, объявить заговорщиком?

Впрочем, стиль узнаваемый. Мы знаем, в чьих мемуарах Сталин, не пивший ничего крепче вина, ославлен как алкоголик, он же, не боявшийся ни пули террориста, ни немецких бомб, представлен как трясущийся от страха за семью запорами параноик, в чьих рассказах о последних годах его жизни вождь, никогда не терявший ясности мышления, представлен впавшим в маразм.

Сама ложь о Берия, зашкаливающий за все ограничители уровень ее пошлости и беспардонности выдает автора всех этих идей. Назвать этого человека? Это те же уста, которые утверждали на XX съезде, что Сталин воевал по глобусу. Политик, воспринявший всем существом бессмертный принцип Льва Давидовича Троцкого — врать надо нагло.

Человек этот в своем роде уникален. Почти у каждого из нас есть совесть, есть хоть какая-то, но мораль. И каждому свойственно мерить других по себе. Поэтому столько гадостей и вышло в широкий мир с легкой руки Никиты Сергеевича Хрущева, что простому смертному так трудно понять, что бывают люди, у которых совести и морали нет совсем...

ГЛАВА 6

«ДОКАЖИТЕ, ЧТО ВСЕ ЭТО...»

В этом деле, кроме Берия, еще множество действующих лиц. После его убийства прокатился целый вал арестов в органах и по стране — тех, кто имел и мог иметь дело с Берия. Но мы сейчас не о них, а о членах их семей. Как Хрущев, нарядившийся в украденную тогу «отца реабилитации», поступил с родственниками расстрелянных?

После осуждения Берия и остальных их близкие родственники были высланы из Грузии в Свердловскую область, Красноярский край и Казахстан. Чтобы не возмущались, а если и будут возмущаться, то не в Грузии.

Сестры Берия и другие родственники, высланные в Казахстан, как значится в записке Серова от 19 сентября 1955 года, «продолжают и ныне восхвалять Берия, утверждать о его невинности и высказывать недовольство решением об их выселении». Сестру Берия и ее мужа даже решено было привлечь к ответственности «за злобную антисоветскую агитацию».

«В 1953 году, — пишет Серго Берия, — обеих моих бабушек, одной с то время было 84 года, другой — 81 год, в одночасье вышвырнули из квартир и отправили в дом престарелых в сотне километров от Тбилиси. Никому из родственников взять их к себе не разрешили...» Поскольку их не выселили из Грузии, то, надо понимать, даже центральные власти решили не трогать старушек, это была уже самодеятельность местных товарищей.

А теперь о самых близких Берия людям...

...Серго Берия задержали в тот же день, 26 июня, в Кремле. Арестовывать пока не стали, просто отвезли на дачу, к матери, жене и детям. Дача была окружена военными, во дворе стояли бронетранспортеры.

«Не останавливаясь, прошел в дом, — вспоминает он. — Все — и мама, и Марфа (Марфа Пешкова — жена Серго. — Е. П.), и дети, и воспитательница — собрались в одной комнате. Здесь же сидели какие-то вооруженные люди.

И мама, и жена вели себя очень сдержанно. Меня явно ждали.

— Ты видел отца? — это был первый вопрос мамы.

Я ответил, что, по всей вероятности, его нет в живых, и в присутствии охранников рассказал, что увидел недавно дома.

Мама не заплакала, только крепче обняла меня и тут же принялась успокаивать Марфу: моя жена ждала третьего ребенка.

Не прошло и получаса, как в комнату вошел человек, одетый в военную форму

— Есть указание вас, вашу жену и детей перевезти на другую дачу

Мама оставалась здесь.

— Ты только не бойся ничего, — сказала она очень тихим и спокойным голосом. Впрочем, возможно, мне показалось, что она говорила очень тихо, потому что Марфа тоже слышала. — Человек умирает один раз, и, что бы ни случилось, надо встретить это достойно. Не будем гадать, что произошло. Ничего не поделаешь, если судьба так распорядилась. Но знай одно: ни твоих детей, ни твою жену никто не посмеет тронуть. Русская интеллигенция им этого не позволит»⁹.

И в самом деле, внуку Максима Горького хоть и вызывали в МВД, и допрашивали, но арестовать не решились. Насчет своей судьбы ни Нина Теймуразовна,

ни Серго не обольщались: они были уверены, что прощаются навсегда.

Нину Теймуразовну арестовали 19 июля 1953 года. Андрей Сухомлинов прочел и ее дело. О чем оно? Да все о ерунде какой-то. Родственные связи с Евгением Гегечкори, с Теймуразом Шавдия, который был осужден за измену Родине. О каких-то «особых условиях» отдыха — ^салон-вагоне, обслуживающем персонале.

«Можно сказать, что дела в отношении ее и ее сына Серго были возбуждены незаконно. Оснований для их ареста и содержания под стражей в течение полутора лет также не было. Да и в ссылку они были направлены без всяких законных оснований...» — пишет прокурор.

Ну, естественно, незаконно — а как же иначе? А вот насчет того, в чем их обвиняли, — тут все было несколько по-другому. Тюремщики знали, чего хотели...

«Я сидела в Бутырке, — рассказывала Нина Теймуразовна. — Каждый день приходил следователь, который требовал от меня показаний против мужа. Говорил, что „народ возмущен преступлениями Лаврентия“. Я ему ответила, что никогда не дам сведений — ни плохих, ни хороших. Меня больше не беспокоили. Больше года была в тюрьме.

Обвинение? Как нет? Предъявили, но не смейтесь, это было вполне серьезно: я обвинялась в перевозке одной бочки краснозема из Нечерноземной зоны России в Москву. Дело в том, что я работала в сельскохозяйственной академии, изучала состав почвы. И по моей просьбе мне в самом деле когда-то привезли одну бочку краснозема, а он, как оказалось, был привезен самолетом. На этом основании меня обвинили в использовании государственного транспорта в личных целях.

Второе обвинение состояло в использовании мной чужого труда. В Тбилиси жил некий известный портной по имени Саша. Действительно, этот Саша приезжал в Москву, пошил мне платье, и я заплатила ему за это... Но что в этом преступного — я и сейчас не знаю...

Как-то в тюрьму пришел один мой «доброжелатель» и посоветовал, чтобы я написала заявление с просьбой о переводе в больницу, так как в тюрьме невыносимые условия. Это правда, я находилась в очень тяжелых условиях. О карцере, об «одиночке» слышали? Так вот, в «одиночке» я и была. Ни лечь, ни сесть. И продолжалось так больше года. Но я от больницы решила отказаться, потому что надзиратель мне тайком поведал, будто меня хотят поместить в психиатрическую больницу...»⁹².

Все ж таки слабо верится, что эта женщина могла написать то униженное письмо о помиловании, после которого ее выпустили из тюрьмы. Нет, письмо-то она, конечно, написать могла — но не такое. «Я беру на себя непозволительную смелость обратиться к Вам (Хрущеву — Е. П.), к партии с просьбой ходатайствовать...» Это письмо сломленного человека. А если бы Нино Берия удалось сломить, то она, уж верно, подписала бы показания против мужа. И ведь она рассказала не все из того, что ей пришлось пережить.

Тогда же арестовали и Серго. Его спрашивали тоже о какой-то ерунде — с чьей помощью он писал диссертацию, сам или ему кто-то помогал. (Правда, впоследствии на основании этих допросов его лишили не только ученой степени доктора технических наук, но и диплома.) Затем начались настоящие вопросы — об отце. Он не был так непреклонен, как мать, и кое-что сказал. Что именно, кроме «морального разложения», о котором мы уже писали?

Серго допрашивали практически каждый день, должно быть, рассчитывая присовокупить хоть что-нибудь к «делу Берия». И он дал следующий «компромат» на отца.

7.08. 1953 г. (21 ч. — 0 ч. 50 мин.)

«...В квартиру отца я ходил только по его вызову или же через домработницу, испрашивая у него разрешения зайти к нему. По характеру властный, нетерпимый к замечаниям, он очень редко со мной разговаривал, а в разговорах обрывал. По вопросам государственного управления он со мной не разговаривал, редко по этим вопросам обращался к нему и я. Вспоминаю отдельные разговоры с отцом. После появления в газете „Правда“ передовой статьи о серьезных недостатках в органах Министерства государственной безопасности в связи с делом врачей, я обратился к отцу с вопросом: „Почему охаивают работу Игнатьева, ведь он секретарь ЦК КПСС?“ Задал я этот вопрос отцу потому, что для меня было ясно — без ведома отца передовая не появилась бы, поскольку он работал министром внутренних дел. Берия Л. П. на мой вопрос ответил раздраженно, презрительно по адресу т. Игнатьева:

«Какой он секретарь ЦК, он... (нецензурное слово) собачье. И вообще ты не лезь не в свое дело»».

В своей книге и интервью Серго обрисовывает характер отца совершенно иначе. Возможно, к тому времени он несколько изменился. А может быть, это была просто защита от следствия — отец со мной не разговаривал, обрывал, я ничего не знаю. Судя по тому, что Серго было известно, чему будет посвящено заседание Политбюро 26 июня, они разговаривали и больше, и подробней, чем он утверждал на допросе.

И обратите внимание: опять Игнатьев! С чего бы это он вдруг о нем вспомнил? Спрашивали?

На следующий день опять допрос.

«8.08.1953 г. (16 ч. — 17 ч. 35 мин.)

Вопрос: Расскажите все, что вам известно о вражеской деятельности Берия Л. П.

Ответ: Я утверждаю, что о вражеской деятельности отца — Берия Л. П. мне ничего не известно, он со мной никогда о своих намерениях не говорил...». Дальше — о «развратном образе жизни».

10.08.1953г.

Вопрос тот же.

«Я вновь утверждаю, что мне не были известны факты преступной деятельности Берия Л. П... Если Берия Л. П. возглавлял заговорщическую группу, то он скрывал от меня свою преступную деятельность».

Тут надо сказать, что так записано в протоколе. А в реальности едва ли он говорил такими гладкими фразами. Это могло выглядеть как-нибудь так:

Серго: ...Я ничего об этом не знал. i

Следователь: Значит, он скрывал от вас свою преступную деятельность?

Серго: Наверное, скрывал...

Следователь: Так наверное или скрывал?

Серго: Скрывал.

Следователь: Значит, так и запишем...

11.08.1953 г. (21 ч. — 0 ч. 30 мин.)

Вопрос тот же.

«Утверждаю, что о преступной деятельности Берия Л. П. мне не было известно... В то время я не мог представить, что Берия Л. П. был врагом народа. Вражеских высказываний от Берия Л. П. я не слышал, в семье он не делился о своей работе, о своих намерениях, замыслах...»

12.08. 1953 г. (21 ч. — 0 ч. 15 мин.)

Доведенный до отчаяния Серго «сдается», точнее, дает слабину.

«Для меня теперь ясно и понятно, что мой отец, Берия Л. П., разоблачен как враг народа и кроме

ненависти, я к нему ничего не имею. Вместе с тем я вновь утверждаю, что о своей преступной деятельности, о преступных намерениях и целях, а также о преступных путях, которыми враг народа Берия шел к своей преступной цели, он мне не говорил... Очевидно, проживая с нами, враг народа Берия Л. П. маскировался под государственного деятеля, а мы в семье этому верили...»

13.08. 1953 г.

Вопрос тот же.

«Я вспомнил высказывание Берия Л. П., которое характеризует его, как авантюриста. В конце 1952 г., по возвращении из командировки, я в числе других работников был в кабинете у Берия Л.П. в Кремле. Во время обсуждения одного из вопросов стала обсуждаться одна кандидатура и в процессе обсуждения кто-то сказал, что этот человек работает не за страх, а за совесть. Берия Л. П. серьезно заметил, что „нет людей, работающих за совесть, все работают только за страх“. (А сам он за какой „страх“, интересно, работал? — Е. П.) Меня это высказывание Берия Л. П. так поразило, что я на том же совещании сказал ему: „Как же так, ведь советские люди работают из-за убеждений, из-за совести“. На это Берия Л.П. мне сказал, что я не знаю жизни...»

И это все. «Обижаться на Серго за проявленную им слабость не следует», — пишет Андрей Сухомлинов. А где тут, собственно, слабость? Парень тверд как камень. К этому времени ему, уж всяко, дали почитать газеты, может быть, даже материалы пленума. Сначала он думал, что произошел антикоммунистический переворот, потом вообще перестал что-либо понимать... Он молод, совершенно лишен цинизма, растерян и, тем не менее, так держится. Всего лишь раз дрогнул...

О том, что с ним было в тюрьме, Серго написал подробно в своей книге. Ничего особо страшного с ним там не делали, не сравнить с мемуарами «жертв сталинизма». Пару раз избили, как-то раз неделю не давали спать. Запугивали:

— Я тебе, гаденыш, устрою здесь такую жизнь, что ты меня, пока жив, помнить будешь. Но это, поверь, будет недолго... — говорил военный прокурор Китаев. И другое: — У тебя ведь ребенок скоро должен родиться... А вообще-то можно сделать, что он и не родится...

Обещал, что, если Серго даст показания на отца, то его сразу же отпустят, восстановят на работе.

Серго еще не знал, кто его допрашивал. В своем интервью он сказал, что «это были три заместителя Генерального прокурора СССР. Первый заместитель — военный прокурор генерал-лейтенант Китаев, сволочь невероятная; заместитель Камочкин и заместитель Цареградский, порядочный человек и не сволочь, хотя и прокурор...»

Лишь позднее Серго узнал, что Цареградский был тем следователем, который «допрашивал» его отца, и совершенно не мог знать, что генерал-лейтенант Китаев в скором времени собственноручно расстреляет в подвале Лефортовской тюрьмы соратников Берия.

...А как-то раз к нему приехал Маленков. Это было невероятно — председатель Совмина! Должно быть, им очень уж нужны были показания Серго. Он тоже стал уговаривать его дать то, чего требует следствие. Сказал:

«Так нужно». Не уговорил.

Потом он приехал еще раз, спросил, не знает Серго о судьбе личных архивов Сталина и Берия. Этого он тоже не знал.

«Допросы, на которые меня вызывали ежедневно, стали носить какой-то странный

характер. Следователь спрашивает, слышал ли я такую-то фамилию. Слышали? А в связи с чем? Хорошо. А такую? Не слышали? Хорошо. Бывал ли у вас дома такой-то? Бывал... Никакой системы здесь явно не было».

Должно быть, они искали и вылавливали близких к Берия людей по всем министерствам и ведомствам.

Но с родными Берия следствие явно зашло в тупик. Зимой, уже после «суда», Серго перевели в Лефортово. Как и в Бутырской тюрьме, здесь его держали не под собственным именем, а под номером, но ведь это была система МВД! Его поместили в большую камеру, шестиместную — одного, разрешили пользоваться библиотекой, работать, вообще относились по-человечески. Каким-то образом охранники узнали, кто он такой. Как-то раз один из надзирателей тихонько сказал:

— Все нормально, жить будешь! С тебя номер сняли.

Однако их — Нину Теймуразовну и Серго — еще раз попробовали заставить заговорить.

«Во время одной из получасовых прогулок в тюремном дворе вместо обычной охраны появился взвод автоматчиков. Солдаты схватили меня за руки, поставили к стенке, ц командир зачитал текст, надо полагать, приговор. Я не помню его дословно, но содержание сводилось к следующему: преступника номер такой-то, который уводит следствие по ложному пути, расстрелять! Вдруг в тюремный двор кто-то вбегает, приказывает солдатам опустить оружие, а меня отвести назад в камеру...

Это сегодня я так кратко рассказываю, но тогда показалось, что минула вечность... Мне потом сообщили, что я крикнул солдатам: «Знайте, негодяи, что и вас расстреляют по одному, чтобы свидетелей не оставить!»

Однако самое отвратительное в этой истории было то, что все происходящее со мной видела из тюремной камеры моя мать. Ее подвели к решетке и предупредили: «Сейчас мы расстреляем вашего сына! Но его судьба в ваших руках. Вот документы, которые нужно подписать! Подпишете — и мы гарантируем ему жизнь!»

Мама ответила: «Расстреливайте нас вместе! Вы все равно не сдержите свое слово, а мы умрем порядочными людьми». Но, увидев меня под прицелом автоматчиков, упала в обморок. На второй день — а мне тогда не было и тридцати! — я увидел в отражении воды, что поседел.

Вот почему солдаты так странно смотрели на меня! Их изумило мое мгновенное преобразование»⁹³.

После этой истории Серго рассекретили, смягчили режим, он смог даже работать в тюремной камере. Там он создал систему, которая позднее будет использоваться на подводных лодках.

«Допросы приняли характер бесед, — вспоминает Серго. — Заместитель генерального прокурора Цареградский сказал мне, что ведет следствие по делу моей матери, а позднее признался, что оформлял протокол допросов моего отца, которые якобы проводились.

В последнюю нашу встречу в тюрьме сказал: — Сделайте что-нибудь хорошее, обязательно сделайте. Докажите, что все это...»

Следствие по их делу явно зашло в тупик. Никаких более-менее толковых обвинений предъявить жене и сыну Берия следователи так и не сумели. Надо было что-то с ними делать...

Конечно, простые люди могли и исчезнуть бесследно. Но они не были простыми людьми. Это были

жена и сын Берия.

Прошло уже почти полтора года со дня их ареста. «Наверху» все успокоилось, вопрос о власти был решен, угар, в котором все совершалось в том роковом июне, начал проходить. Да и управление страной на поверку оказалось далеко не таким простым делом, как сначала думалось. Должно быть, не раз за эти полтора года члены Президиума ЦК, обладавшие теперь всей полнотой власти — но и всей полнотой ответственности! — вспоминали Берия, который был пусть и резким, и нетерпимым, но какая это была голова! Мстить его жене и сыну как-то уже никому не хотелось. Просто так отпустить их тоже было нельзя. Так что же делать?

Должно быть, тогда и родилось это письмо Нины Берия Хрущеву с просьбой о помиловании. Его разослали всем членам Президиума ЦК и постановили: раз уж она так просит, отправить ее и Серго на поселение в административном порядке.

Вскоре Серго привезли на Лубянку, в кабинет тогдашнего председателя КГБ И. А. Серова. Там же находился и Генеральный прокурор.

Вспоминает Серго Берия:

«В кабинете Серова Руденко объявил мне, что советская власть меня помиловала.

— Извините, — говорю, — но я ведь и под судом не был, и оснований для суда не было. О каком же помиловании идет речь?

Руденко вскипел и начал говорить о заговоре. Но тут его перебил Серов:

— Какой там заговор! Не морочь ему голову! Хватит этого вранья. Давайте по существу говорить, что правительство решило.

И Серов зачитал мне решение Политбюро, на основе которого Генеральная прокуратура и КГБ

СССР вынесли свое решение. Я узнал, что отныне допущен ко всем видам секретных работ и могу заниматься своим делом.

Еще мне сказали, что выбор места работы остается за мной. О Москве не говорили, предполагалось, что я ее не назову...

Я выбрал Свердловск... Еще до моего ареста мы начали создавать там филиал своей организации.

— Свердловск так Свердловск, — согласился Серов... Сюда же, в кабинет Серова, привезли и маму. Ее вызвали после меня и сказали, что она может оставаться в Москве или уехать в Тбилиси. Мама ответила, что поедет туда, куда направят меня...

В Свердловск мы ехали под охраной. Мне выписали паспорт на имя Сергея Алексеевича Гегечкори, а на все мои недоуменные вопросы я получил единственный ответ: «Другого у вас не будет...»».

Итак, их не просто отпустили, а отпустили, как невиновных, лишь убрав из Москвы, чтобы не мозолили глаза. Нину Теймуразовну даже готовы были выпустить в Грузию, куда въезд родственникам Берия был, вообще-то, запрещен. Серго получил в Свердловске работу, квартиру — зато потерял имя. Кроме того, его лишили воинского звания, ученой степени, орденов и медалей, даже боевых. Ему предстояло начинать все сначала.

В тот день, 26 июня, когда Серго увозили из Кремля, Ванников обнял его и сказал: «Держись! Знай, что у тебя друзей больше, чем ты предполагаешь!» И ведомство Берия не выдало сына своего руководителя.

Когда Серго только арестовали, в той организации, где он был главным конструктором, состоялось

партийное собрание, на котором его должны были исключить из партии. Собрание отказалось это сделать, пришлось исключать через ЦК. Затем провели повторные испытания всех систем, которые он конструировал, и все испытания прошли успешно, саботажа пришить не удалось.

Помогали ему и позднее. Серго вспоминает, что в Свердловске его навещали ученые, в том числе и Курчатов. Как он узнал позднее, известные ученые, такие, как академик Минц, обратились в ВАК с требованием вернуть ему ученую степень — из этого, правда, ничего не вышло. Но он все равно пробился, став заместителем директора института, главным конструктором крупного проекта, защитил кандидатскую диссертацию, подготовил докторскую, но тут ему посоветовали: «не надо». Ну, не надо, так не надо...

Серго считает, что в первую очередь в этом проявилось отношение не к нему, а к его отцу, опосредованная реакция на происходящее. Скорее всего, так оно и было. Даже сейчас, когда в беседе с людьми, каким-то образом связанными с атомными делами, упоминаешь фамилию Берия, о нем говорят только хорошее.

...Естественно, в Свердловске скоро узнали, кто такие Нина и Серго Гегечкори. Серго вспоминает:

«Иной раз возвращается мама после второй смены — она в заводской лаборатории работала — а тут, как это нередко случалось в рабочем районе, драка. Сразу же кто-то подходит.

— А мы вас знаем. Не волнуйтесь только... Мы вас проводим до самого дома.

И провожали».

...После десяти лет жизни в Свердловске Нина Теймуразовна заболела. Врачи посоветовали сменить климат. Тогда Серго обратился за помощью к руководству — естественно, к своему, и неожиданно им разрешили переехать куда угодно — хоть в Москву, пожалуйста! Более того, Хрущев поручил тогдашнему председателю КГБ Семичастному заняться его трудоустройством. Они выбрали Киев. Забегая вперед, можно сказать, что к 1990 году Серго стал директором и главным конструктором киевского института «Комета». Два раза он терял паспорт, пытаясь вернуть себе имя — не получалось. Лишь с началом перестройки он смог это сделать, и в 1994 году, в самый разгар антисталинской истерии, выпустил под собственным именем книгу под названием: «Мой отец — Лаврентий Берия». Да, те, кто выпускал его из тюрьмы в 1955 году, и во сне не сумели бы предвидеть такой поворот событий... То «хорошее», о чем просил следователь Цареградский, Серго Берия сделал. Он первый начал счищать грязь и мусор с могилы своего отца. Ветер истории пришел позже...

...Хрущев два раза писал Нине Берия, зачем-то предлагая встретиться, но она никак не отреагировала — да и о чем им было говорить? К Серго приходили из комиссии партийного контроля с предложением восстановиться в партии, но он этого не захотел.

Когда Серго приезжал в Москву, с ним встречались Микоян, маршал Жуков — об этих беседах мы уже писали. Виделся он и с членами суда Шверником и Михайловым.

«Я поверил Швернику, который, будучи членом суда, не видел на судебном процессе моего отца. Не было его там! ...Сидел на скамье подсудимых слегка похожий на отца какой-то человек и за все время разбирательства не произнес ни слова.

«Это не был твой отец!» — сказал мне Шверник.

Михайлов утверждал то же самое»94.

Впрочем, и эти встречи, и оправдания, и запоздалое сожаление Хрущева уже не имели ни малейшего значения. Машина, запущенная в 1953 году, набирала обороты.

Второе убийство Берия

Вслед за первым убийством Берия последовало второе — уничтожение его как государственного деятеля и просто как человека, невиданный по размаху, беспрецедентный «черный пиар», сравнимый разве что с той истерией, которая поднялась вокруг имени Григория Распутина.

В постановлении Президиума ЦК КПСС от 10 декабря 1953 года, на котором утверждалось обвинительное заключение по делу, было записано: «Обвинительное заключение разослать для ознакомления членам и кандидатам в члены ЦК КПСС, а также первым секретарям обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик». Однако, судя по нижеследующим воспоминаниям, сделано было не только это...

Вспоминает полковник в отставке А. Скороходов, который в 1953 году служил в гвардейском зенитном артиллерийском полку, расположенном под Москвой.

«В ноябре 1953 года призрак Берия снова напомнил о себе. Вместе с шестью батареями полка я был в лагере, где нам предстояло провести учебно-боевые стрельбы. Как-то вечером позвонили из штаба лагерного сбора: „Приезжай как можно скорее, познакомишься с одним любопытным документом“,

На следующий день валил снег, мела метель, полеты, а следовательно, и тренировки, были отменены. Поехал в лагерь к начальнику штаба. Тот открыл свой сейф и вытащил оттуда тоненькую книжку в мягком сером переплете. К книжке скрепкой был прикреплен список.

Найдя в нем мою фамилию, майор поставил возле нее галочку и протянул мне книжку:

— Читайте, товарищ подполковник, узнаете много интересного. — Помявшись, добавил: — Гадости тоже. Приказано довести документик. Распишитесь в списке и читайте в соседней комнате сколько душе угодно.

Посередине страницы было написано крупно: «Обвинительное заключение по делу Берия по ст. УПК...» — и шло перечисление статей, которые я, естественно, не запомнил. Так вот оно что! Состояние лихорадочного возбуждения охватило меня. Теперь, опять же, не помню весь текст, но основные разделы остались в памяти.

Незаконное преследование и расстрел родственников Серго Орджоникидзе и бесконечные грязные похождения растленного маршала госбезопасности. Насилие, наркотики, обман, использование высокого служебного положения. Среди его жертв — студентки, девочки, жены, уведенные от мужей, и мужья, расстрелянные из-за жен...

Читал я не отрываясь, без перерывов и раздумий. Сначала залпом, потом помедленнее, ошарашенно, не веря глазам, перечитывая отдельные места. Записывать было ничего нельзя. Вышел из комнаты, отдал книжку веселому майору, тот подмигнул:

— Ну, каков Лаврентий Павлович?

— Как в помойную яму окунулся, — ответил я...»⁹⁵ Должно быть, все-таки память подвела отставного полковника, и он перепутал обвинительное заключение с валом последующих публикаций, потому что уж чего-

чего, а «грязных походов растленного маршала» в обвинительном заключении не было. С другой стороны, на «книжечку» текст заключения явно не тянет, так что, вполне возможно, там было присоединено что-нибудь еще, какие-либо материалы процесса. Но факт тот, что эта книжка, разосланная обкомам и крайкомам, была по списку доведена и до рядовых коммунистов. Как водится, были и разоблачительные публикации в газетах. Но чтобы понять, почему и Хрущев, и Жуков, и Микоян искали встречи с родственниками Берия, почему оправдывались перед ними, надо понимать еще и законы пиара.

Предполагалось, что все пройдет не более, чем на уровне 30-х годов — заклеямили, вырезали портреты из учебников и энциклопедий, и все кануло в Лету. Лет через пятьдесят всех можно будет потихонечку вернуть в учебники, и все станет на свои места.

А на деле-то вышло совсем не так.

На посмертную судьбу Лаврентия Берия повлияло несчастливое для него стечение нескольких обстоятельств.

Во-первых, состоялся XX съезд, на котором Хрущев выступил со своим разоблачительным докладом. Метил он в Сталина, и попал в Сталина, это так, но рикошетом удар пришелся и по Берия, и еще какой удар! После съезда текст доклада был разослан для ознакомления коммунистам, естественно, тут же произошла утечка информации, и по стране разошелся вал самых невероятных слухов.

А теперь надо понимать, что такое охранительная психология. Доклад для всех был чудовищным шоком, но реагировали на него по-разному. Очень многие, стремясь обелить Сталина в своем сознании и не понимая, что партия может врать, принялись искать

«козла отпущения» — человека, на которого можно взвалить ответственность за репрессии, сняв ее с любимого по-прежнему вождя. На кого? Ну конечно же, на наркома внутренних дел. А уж за пытки и избиения отвечает только он. И кто, по-вашему, стал этим «наркомом отпущения»? Ягода, Ежов — это все давно прошедшее, о них уже мало кто помнил, тем более, плохо помнили даты. Попробуйте-ка ответить, когда Яковлев в Питере сменил Собчака — в 1994-м, 95-м, 96-м? А ведь мы куда грамотнее тогдашнего населения, и телевизоры у нас есть... Естественно, всю вину взвалили на того наркома, который только что, совсем недавно, был объявлен преступником, тем более что в материалах процесса что-то такое насчет репрессий и пыток имелось.

Так Берия стал «отцом репрессий».

Во-вторых, «хрущевская оттепель» активизировала творческую интеллигенцию. Начали писать книги, статьи. Продолжалось это недолго. Но самой удобной фигурой для «образа злодея» всей этой литературы стал Берия — тиран, садист, да еще и сексуальный маньяк. Читатель всего мира падок на секс, даже в тех странах, где эта тема давно в зубах навязла, а ведь у нас секса не было! Сталина все-таки, по старой памяти, по внушенному с детства уважению, трогать побаивались, так что Берия и тут досталось за двоих.

Едва ли бывшие товарищи Берия по Политбюро этого хотели — даже Хрущев. Все-таки Берия был их товарищем, они много лет работали вместе, вместе прошли через войну и, в общем-то, члены Президиума ЦК не должны были испытывать к нему какую-то особую вражду. Да и товарищ-то был совсем неплохим человеком и хорошим государственным деятелем, они прекрасно это знали.

То, что убили — ну, так это политическая борьба, в ней так положено, его надо было убить и заклеить, но сюда не входило создание из их давно убитого коллеги монстра, одной из самых чудовищных фигур XX века. Недаром Молотов уже в возрасте под девяносто лет, когда ему совершенно нечего было бояться, едва при нем упоминалось имя Берия, тут же начинал мямлить и умолкал. Не иначе как стыдно было Вячеславу Михайловичу Но что толку от того стыда?

...Наконец, вся эта информация выплеснулась и за границу, а уж там-то никаких ограничений не знали. Там появлялись самые разные публикации, от довольно приличного Авторханова, у которого Берия, правда, тоже выглядит монстром, до совсем уж грязных книжонок, типа «Комиссара». И эти книги тоже начали потихоньку просачиваться в СССР.

Пришедшая к власти команда Брежнева попыталась прекратить «черный пиар» против Сталина, а заодно и против Берия, но было поздно. Ничего сделать было уже нельзя. Уйдя со страниц газет и журналов, вся эта информация пошла вглубь, перекочевала в самиздатовские листочки — от того, что она была вроде как бы запретной, она стала только еще интересней. Книги, статьи, стихи, сценарии писались и складывались в стол, ожидая своего часа, чтобы быть опубликованными. И этот час пришел. Грязевой вал перестройки окончательно вбил в еще раз шокированное массовое сознание образ жуткого монстра. Все бы ничего, что у нас, монстров, что ли не было — один Ежов чего стоит!

Все бы ничего, если бы не секс — удобнейшее для писателей сочетание секса и репрессий окончательно сделало Берия «злодеем века». И даже начавшаяся реабилитация Сталина в массовом сознании несколько

не повлияла на этот образ — он формировался совсем на другом уровне сознания, не там, где живут общественно-политические телепередачи, а там, где обитают бразильские сериалы. А против сериалов средства нет...

И даже те, кто, в общем-то, неплохо относится к Берия, пасуют перед этим устоявшимся фантомом.

«Конечно, Берия отнюдь не был ангелом. На его совести лежит не меньше преступлений, чем на совести любого из прочих видных деятелей сталинской эпохи...» — это Николай Рубин.

«Лаврентий Павлович Берия был умным человеком, талантливым организатором и в добре, и в зле», — это Алексей Топтыгин.

«Не приведи Господь, чтобы кто-то подумал, что я взялся за перо, чтобы оправдать... Лаврентия Берия», — это Андрей Сухомлинов.

При этом они своими книгами доказывают» что это был выдающийся государственный деятель, чекист, боровшийся с репрессиями и пытками, без вины убитый и посмертно опозоренный. Это все написано в их книгах, но авторами не признано. Почему?

Потому что оправдывают Берия они на уровне мышления и сознания. Ни один из них не пачкает рук рассуждениями о половых преступлениях. А между тем отвращение к Берия было внушено им давно и внушено на уровне подсознания рассказами об изнасилованных школьницах и выколотых на допросе глазах. Умом донимаешь, что все это бред, но умом от этого отвращения не избавишься, не тот механизм. Думаю, что избавиться можно, лишь поняв, что на самом деле происходило тогда, в 1953 году, какой вираж дала на сей раз иррациональная наша история...

ГЛАВА 7

НЕЗАМЕЧЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

В России истина почти всегда имеет характер фантастический.

Ф. М. Достоевский

— Не может быть! — ахнул Сашок.

— Не может, — хмуро согласился Выверзнев. — А значит, скорее всего, так оно и есть...

*Е. Лукич. «Алая аура
протопарторга»*

Так что же это было? Загадка 26 июня по-прежнему не разгадана. Даже если придерживаться хрущевской версии событий, с арестом и последующим «судом», то все равно ответов на основные вопросы нет, ибо неясна причина происшедшего. Борьба за власть? Конечно, борьбой за власть можно объяснить все, что угодно, от коммунального скандала до атомной бомбардировки, но, уж коль скоро на эту тему заговорили, то хотелось бы аргументов посущественнее, чем рассуждения о том, кто какой комитет возглавлял да кто за кем стоял на Мавзолее. А таких аргументов нет.

Нет и ни одного доказательства того, что после 26 июня Берия был жив. Ни одного! А внезапное, без какого бы то ни было повода убийство одного из первых лиц государства — это, знаете ли, вызывает слишком уж много ненужных вопросов. Первый: за что? Второй: почему? Третий: с какой целью?

Все, что до сих пор было написано на эту тему, — не точное знание, а версии. Они не имеют прямых доказательств (если конечно, не считать таковым писания Хрущева), только косвенные и очень косвенные. И, как мы уже убедились, ни одна не объясняет все факты, а главное, не отвечает сколь-нибудь убедительно на заданные выше три вопроса. Потому и пытаются теперь уже современные исследователи отрицать его убийство, ввести расправу с этим человеком хотя бы в рамки стандартных процессов «врагов народа», что нет на них ответа.

Впрочем, ведь и на вопрос — с какого перепугу вдруг Берия сделали героем такого процесса, тоже нет ответа. Да и сценарий в этом случае должен был быть совсем другой. По классическому варианту 30-х годов, его сначала следовало снять со всех постов, и уже потом арестовать и заклеить, и возможности сделать все это были. А так, чтобы арестовывали члена Политбюро, находящегося в полной силе и при полной власти, фактически второе лицо в государстве... да какая ядовитая муха их вдруг укусила? А уж тем более как поверить, что в качестве одного из организаторов выступил безынициативный Маленков...

Да и не было необходимости ни арестовывать Берия, ни, тем более, убивать — ну не было, и все! Так за что же его убили? За что, почему, с какой целью?

Борьба за власть. Кто и с кем?

Вернемся в первую половину 1953 года, когда еще все было неясно. Кто только не делал расклады сил на ту весну. И все делали их одинаково.

«К концу 1952-го самый сильный тандем Маленков — Берия, казалось бы, прочно овладел инициативой, прежде всего потому, что опирался на спецслужбы, плюс к этому Маленков держал в руках весь партийный и советский аппарат... Их союз был скорее вынужденным, чем добровольным. Действуя совместно, каждый мечтал править единолично...

...Теперь власть уже делили в открытую... Вперед, как и ожидалось, вырвалась связка Маленков — Берия. Маленков по предложению Берия становится председателем Совета Министров, Берия и Молотов — его первыми заместителями...

В первые же дни после смерти Сталина дружба Маленкова и Берия переросла в тайное соперничество. Но к открытому противостоянию они еще не были готовы. В этих условиях Хрущев вдруг оказался полезным для обоих. Он стал своего рода посредником между Маленковым и Берия и, ловко используя ситуацию, сохранял хорошие отношения и с тем, и с другим...»

А. Сухомлинов. «Кто вы, Лаврентий Берия?»

Эта цитата взята из первой книжки, что была под рукой, навскидку. Авторы тут несущественны, ибо все пишут одно и то же. Версия о таком раскладе «наверху» очень стара, кочует из издания в издание и утверждает, что после смерти Сталина его бывшие соратники вступили в спор за личную власть. «Связки» правда, несколько варьируются: кто-то называет в качестве дружественной пары Берия с Хрущевым, кто-то

объединяет «ястребов» Булганина с Берия против «голубя» Маленкова <«Ястребы» и «голуби» — термины, определяющие отношение политического деятеля к военно-промышленному комплексу. Первые — те, кто отстаивает интересы ВПК, вторые — сторонники возможно более мирного развития страны.>. Доказательств этому нет, все это — не более чем обычный так называемый «политологический анализ», когда, основываясь на оценках современников и косвенных доказательствах, пытаются каким-то образом реконструировать события и делают иной раз такие выводы, что просто слов нет. Да вы что, смеетесь — какой в конце 1952 года может быть тандем Маленков — Берия, овладевший инициативой? Сталина-то, Сталина куда дели, господа политологи? Это не тот человек, которого можно, как старый пыльный чемодан, задвинуть под диван и забыть...

Но вот что тут странно... О «тандемах» мы еще поговорим, но почему решили, что Маленков предал Берия в порядке борьбы за власть, потому что желал править единолично?

Почему-то все априори считают, что в верхах не существует людей, которые не рвутся к власти. Милые мои, да кто же вам это сказал? В верхах полно таких людей! Как раз там-то они и группируются, ибо сильный лидер всегда окружает себя исполнительными подчиненными, а не потенциальными конкурентами. Очень надо Сталину, чтобы рядом с ним на Политбюро сидел Троцкий! И это надо еще очень подумать: а кто из членов тогдашнего Политбюро реально мог хотеть править страной?

Ведь это только дураки думают, что власть — это радость. На самом деле даже в обычный школьный турпоход часто бывает не найти руководителя. Потому что власть — это в первую очередь ответственность, и не понимать этого может только дурак. А не

оправдаешь возложенных надежд, история снесет тебя, как сносит танк придорожный куст. Временное правительство этого не понимало. Гитлер понимал, но не справился. А сталинское Политбюро, члены которого полжизни пробыли рядом с одним из величайших правителей? Вот уж у кого и власти было, как ни у кого, и ответственность он чувствовал сообразно власти.

Кроме того, чтобы хотеть власти, надо быть, выражаясь современным языком, пассионарием. Кто из них был пассионарен?

Молотов. Тень Сталина, вечно второй, идеальный исполнитель и никудышный руководитель (вспомним хотя бы историю с танками — когда Берия его «подсидел»). Умный, непроницаемый, прекрасный аппаратчик и дипломат. Власть? Едва ли он мог даже подумать о власти. Совершенно не его амплуа. Он — достойный «второй номер» при Сталине, но никогда — первый! А в сложном послевоенном мире и вовсе не тянул, не зря Сталин под конец убрал его из самого высшего круга.

Каганович. Руководитель так себе. Хорошо справлялся в мирное время и плохо — в чрезвычайных ситуациях.

Не очень умный — по крайней мере, по сравнению со Сталиным и Молотовым, и достаточно осторожный. Власть? А оно ему надо?

Маленков. По выражению Сталина — «писарь». «Резолюцию он напишет быстро, не всегда сам, но организует людей... На какие-нибудь самостоятельные мысли и самостоятельную инициативу он не способен», — так характеризовал его вождь. Бессменный секретарь на заседаниях Политбюро, составитель протоколов и резолюций. В этом качестве

едва ли даже подумать мог о том, чтобы стать «первым». И вообще у него лицо на всех фотографиях какое-то растерянное, как у ребенка, заблудившегося в лесу. Если и был тандем Маленков — Берия, то, скорее всего, тот просто прислонился к Берия, как к наиболее сильной личности тогдашней верхушки. Маленков — и власть? И это серьезно?

Но если, при отсутствии президента или иного первого лица, премьером делают заведомо слабую фигуру, это наводит на о-очень большие размышления. Молотов одно время был председателем Совнаркома — за ним стоял Сталин. А кто стоял за Маленковым?

Микоян. Тот, который «от Ильича до Ильича». Или, по другому анекдоту, которому в дождь не надо зонтика, потому что он пройдет меж дождевых струй. Опять же: оно ему надо? Ему и так неплохо.

Булганин. Тот который, по выражению Сталина, «сидит на коне, как начальник Военторга». Он и в министрах тоже начальник Военторга — чего стоит идея о бомбежке Москвы. Если бы ему предложили стать Первым, наверное, перепугался бы до полусмерти.

Хрущев. Надеюсь, нет таких, кто станет утверждать, что он умен. Серьезных дел ему не доверяют. Перед войной слетел с секретарей Московского Комитета на должность Первого на Украине, в войну был всего-навсего членом Военного совета фронта. Поэтому, несомненно, ущемлен и хочет реванша. Злопамятен. Чрезвычайно амбициозен, авантюрист. Хитер и умеет взвешивать возможности, и понимает, что серьезное дело, скорее всего, запретит. Но... но время от времени его «несет», и тогда уже он дороги не разбирает — а, чего там, снова живем!

В этой фигуре заложена определенная двойственность, как у динозавра, у которого передней половиной тела управляет головной мозг, а задней — спинной. С одной стороны, как уже говорилось, Хрущев хитер... даже не хитер, а есть другое слово, созвучное, но не идентичное. Но возможности он взвешивает головным мозгом, а спинным он слепо и страстно хочет власти, пробивается к ней, наступая на упавших. У динозавра головной мозг меньше, чем спинной. У Хрущева, судя по его мемуарам, наблюдается нечто подобное, и к власти он идет с хитростью лисы и упорством носорога.

И, наконец, еще один, восьмой персонаж (седьмой — Берия). Серая тень за спинами вождей, точнее, тень защитного цвета. Военные — их нельзя не учитывать в раскладе сил, хотя бы потому, что большинство переворотов в мире происходит с участием армии.

Об этой силе мы знаем очень мало, но она ощущается. Во всем этом деле что-то слишком много военных. 26 июня они поднимают танки и самолеты, они же «арестовывают» Берия, держат его у себя в бункере, и даже председателем Специального Судебного присутствия назначен не юрист, а генерал. Чем дальше знакомишься с этим делом, тем больше вырастает за спиной чекиста тень генерала. Партийная верхушка и военные все время идут рука об руку. В деле Берия напрямую замешано, как минимум, три генерала. Это во всеуслышание хвастающиеся своим палаческим подвигом генералы Москаленко и Батицкий, и это также признающийся в соучастии, хотя и не хвастающийся им, маршал Жуков, которого надо добавить к списку. Можно прибавить еще маршала Конева, председателя Судебного присутствия. Партийные дирижируют, но генералы все время рядом, ничто не

проходит мимо них, так, словно они и вправду присматривают за соратниками.

Мы не можем назвать конкретного военного как представителя этой силы. Назовем его условно: генерал.

Итак, генерал. Энергичен, амбициозен. Не стесняется в средствах. Груб, напорист, тщеславен — для военного этот набор качеств не является отрицательным, и присущ всем героям этой истории в погонах. К 1953 году «дозрел» до того, чтобы стремиться на Олимп. Не стесняется в средствах, играет мускулами и плюет на законы. Возможно, не отказался бы от военной диктатуры, но может и выставить вперед себя марионетку, а сам удовлетворится постом министра обороны — кто его знает... Вот и давайте подумаем, кому мог принадлежать сценарий расправы над Берия — кому-нибудь из членов Президиума ЦК или же Генералу?

Той весной партия власти если и разыгрывалась, то между этими тремя игроками: Берия, Хрущевым и Генералом. Остальные были ни при чем.

Да, но в чем, собственно, состояла игра?

Покушение на КПСС

И опять же неясно, по какой причине, принято считать, что весной 1953 года борьба развернулась между личностями в схватке за личную власть. Как будто бы не было в стране группировок, все едины и монолитны, партия — наш рулевой, просто на шоферском сиденье происходит возня вокруг того, кто именно схватит руль. Между тем разве так бывает? Смерть лидера всегда приводит к схватке не между

людьми, а между группировками. Если в стране нет разных партий, значит, есть партии внутри партии. А что мы о них знаем?

Итак, что мы имеем «наверху» в конце 40-х годов? Начиная с конца 30-х годов Сталин стал всемерно укреплять режим личной власти. В начале войны эта власть стала абсолютной. Вождь, оставаясь главой партии, стал еще и председателем Совнаркома, председателем ГКО, министром обороны и Верховным Главнокомандующим. Во время войны это была необходимая мера, с коллективным руководством Гитлера не разобьешь, это тебе не Югославию бомбить или Ирак захватывать.

Но война прошла, а вождь не спешил восстанавливать коллегиальность, оставаясь по-прежнему и фактическим главой партии, и председателем Совнаркома, и сложив с себя лишь пост министра обороны. Тогда же — это отмечают многие, хотя упоминают об этом глухо, он начинает постепенно перемещать центр тяжести в управлении страной из ЦК партии в Совнаком. Перемещать потихоньку, по-прежнему не выпуская из рук абсолютную власть. Все реже собирается Политбюро — это не значит, что к управлению страной пришли другие люди, просто со своими соратниками Сталин теперь встречался на заседаниях Совнаркома. Политбюро теряет свое значение как властная структура, и партийные аппаратчики наблюдают за этим с явной тревогой.

А Сталин давно уже был недоволен партийным аппаратом, новыми баронами и господами Страны Советов *<Подробно о взаимоотношениях Сталина и партаппарата, XIX съезде, обстоятельствах смерти вождя — в книге: Прудникова Е. Сталин: второе убийство.>*. Тут надо помнить, когда и как партия получила свою «руководящую и направляющую» роль.

Во время Гражданской войны, когда ни в одной из важных областей государственной жизни, будь то госслужба, армия, промышленность и пр., большевики не имели своих кадров, им поневоле приходилось пользоваться услугами царских специалистов. «Спецы» были квалифицированы, но ненадежны, собственные выдвиженцы работали вообще кто во что горазд. И вот для того, чтобы присматривать за всей этой публикой и как-то организовывать ее, и использовалась партия, как этаким глобальный комиссар.

Но время шло, постепенно вырастали кадры народного хозяйства и государства, и надобность в партийном пригляде уменьшалась — но партаппарат-то не собирался отдавать свою «руководящую и направляющую» роль. Тем более что к тому времени он успел видоизмениться. И вождь не мог не вступить по этому поводу в конфликт с аппаратом КПСС.

Косвенно о недовольстве Сталина свидетельствует сцена, которую в своих воспоминаниях привела Светлана Аллилуева. В конце октября 1941 года она ненадолго приехала из Куйбышева в Москву повидаться с отцом и, между делом, рассказала ему, что в Куйбышеве организовали специальную школу для эвакуированных детей. «Отец вдруг поднял на меня быстрые глаза, как он делал всегда, когда что-либо его задевало: „Как? Специальную школу? — Я видела, что он приходит постепенно в ярость. — Ах вы! — он искал слова поприличнее, — ах вы, каста проклятая! Ишь, правительство, москвичи приехали, школу им отдельную подавай!“»

Конечно, это свидетельство девочки, которая не очень-то поняла, что произошло, и просто изложила то, что увидела. Но эта вспышка, как молнией, освещает внутреннюю, не декларируемую позицию вождя,

И ведь тот аппарат, к которому мы привыкли, партийные боссы брежневских времен — это совсем не

те люди, которые заправляли партией в сталинские годы. Это как российская купеческая династия — дед разбойничал, отец торговал, а сын выучился в университете, свихнулся, половину состояния отдал на революцию, вторую пропил и с перепою застрелился. При финале мы присутствовали лично. Давайте посмотрим, что представляли собой первые два поколения: разбойников и торговцев.

...До революции это была радикальная партия, которая совершенно не готовилась к власти. В нее собирались оппозиционеры-экстремалы, борцы с режимом, то есть, по психологическому типу, разрушители, созидателей там было крайне мало. А потом, паче всякого чаяния, партия большевиков взяла власть, и из этих партийных бойцов с дореволюционным стажем начал формироваться аппарат. За редким исключением, к созидательному труду они были неспособны — психологически неспособны, а это не лечится.

Жизнь у них была трудная. Разрушать им не давали, созидать они не умели. Что оставалось? Можно было еще воевать с остатками «классового противника», и они воевали — сначала с оппозицией, затем с кулаками, потом с «врагами народа». Кончилось это тем, что в конце 30-х годов, в ходе репрессий, партия с яростью безумца набросилась на себя самое, и большая часть «верных ленинцев» друг друга перестреляла, к сожалению, прихватив с собой и множество посторонних людей.

Репрессии 1930-х годов выбили большинство старых революционеров, оставив на аппаратных должностях кого попало: иной раз случайных людей, иной раз — карьеристов. Первые для государственного строительства были бесполезны, вторые — опасны, но и те, и другие быстро адаптировались и задавали теперь

уже новый тон. На место разрушителей постепенно приходили господа.

Серго Берия приводит характерный эпизод. Они были хорошо знакомы с матерью Алексея Аджубея, зятя Хрущева, которая была очень хорошей портнихой.

«...Когда мы вместе обедали у нас дома, Нина Матвеевна неожиданно вновь вернулась к больной для себя теме. Видимо, просто хотела с кем-то поделиться:

— Ужасная семья, Нина! Они меня не принимают. Я для них всего лишь портниха. Мама опешила:

— Да что ты такое говоришь!.. Этого не может быть.

— Еще как может. Вы исходите из своего отношения к людям, а там совершенно другое. Они — элита, а я всего лишь портниха, человек не их круга...»

Все это началось еще в 30-х годах и расцвело пышным цветом уже во время войны — новая «элита» со своими спецдомами, спецшколами, спецмагазинами и пр. И если бы от них хотя бы была адекватная польза!

Правда, Сталин еще с начала 30-х годов ввел номенклатурный принцип, фактически назначая работников на ответственные должности — но у него катастрофически не хватало кадров. Тем более что нормальный профессионал и сам не пойдет работать в партаппарат, он предпочтет заниматься делом. Да, были такие люди, как Берия, как сам Сталин, но это были исключения. А в остальном — увы...

И, что хуже всего, потеря своего места в жизни означала для аппаратчика потерю всего. Директор завода, будучи снят со своего поста, пойдет работать

рядовым конструктором или инженером, но он не пропадет, потому что дело знает. А куда пойдет уволенный аппаратчик? Улицы подметать? А на что он еще годен?

Нет, один конкретно взятый аппаратчик может быть замечательным человеком, исполненным самых высоких идеалов и добродетелей. Но идеалы есть идеалы, а интересы есть интересы. А спинной мозг — он к конечностям-то ближе...

Уже к концу 30-х годов новое барство сплотилось, а через десять лет это была единая и монолитная сила. У этой силы имелись свои вполне определенные интересы. Очень показательно в этом смысле выступление на июльском Пленуме 1953 года бывшего наркома танкостроения, а в то время министра транспортного и тяжелого машиностроения Малышева. Мучительно выискивая, что бы плохого сказать про Берия, он не нашел ничего, кроме обвинения в непартийности. Но посмотрите, как этот человек, не представитель аппарата, а смотрящий на него со стороны, понимает партийность! Золотые ведь слова говорит!

«Не было у него партийности никогда. Он как-то настраивал или толкал не прямо, а косвенно, что партийная организация должна услуги оказывать, когда были приказы секретарям областных комитетов партии, то они скажут, что было понукание — ты то-то сделай, другое сделай.

Голоса: Правильно.

Малышев. Не было положения, чтобы он нас учил, чтобы у партийной организации попросил помощи организовать партийную работу и так далее. Он считал секретарей областных комитетов диспетчерами. За какое дело он

возьмется, по такому делу секретарь обкома — диспетчер...»

Вдумайтесь, что он говорит. Идет война. Вся страна работает на победу, двенадцатилетние дети по 12 часов стоят за станками. А партийцев оскорбляет, что их заставляют быть «диспетчерами» в работе на оборону, то есть выполнять те функции, для которых они и существовали в СССР. Они уже тогда хотели заниматься исключительно «партийной работой»: на митингах кричать, собрания проводить — и ничего не делать... Вот ведь сукины дети-то а?! Впрочем, за что суку обижать, собака — существо верное и честное...

...Таков был противник, с которым предстояло столкнуться Сталину в задуманных им реформах.

...Итак, в конце 40-х годов — это отмечают многие исследователи — он начал постепенно смещать центр тяжести от партии к Совету Министров. То есть от идеологии — к промышленности, от внеконституционного к конституционному органу управления государством.

Тринадцать лет не собирался партийный съезд. Почти перестали проводиться заседания Политбюро. Да и слова, что ЦК должен заниматься кадрами и пропагандой, принадлежат вовсе не Берия, а Сталину, об этом тоже есть свидетельства. Берия эти слова только повторил, и у него были на то основания.

А решающий бой Сталин дал партии в октябре 1952 года, на XIX съезде, том самом, на котором попросил освободить его от должности партийного секретаря. Учитывая, что он по-прежнему оставался председателем Совета Министров, нетрудно было догадаться, что это вовсе не означало намерения вождя уйти на пенсию. В таком случае, что же это значило?

Хотя Сталин и повторял все время: «партия, партия...», но партия без Сталина была ничем. Заседания Политбюро без него ничего не решали и ничем не руководили, кроме внутривнутрипартийных дел. У нас был культ личности — то есть, культ и личность, а весь прочий антураж мог варьироваться. И партия без этой личности сразу стала бы просто общественной организацией. То есть просьба Сталина означала не его отставку, а отставку партии от руководства страной. А уж кому руководить, найдется и без секретарей...

Да и сама развернувшаяся впоследствии борьба с культом личности, кроме расправы с мертвым врагом, имела еще один смысл — да, кстати, именно так она и начиналась, этот смысл был не «еще одним», а изначальным, Сталина сюда приплели потом. Смысл был: сделать так, чтобы лидер никогда больше не смог противопоставить себя партии. Те из читателей, кто вырос при социализме, должны помнить, что авторитет Генерального секретаря никогда не переходил определенных пределов. Он был уже не «вождем и учителем», а первым среди равных.

...Итак, на Пленуме ЦК, состоявшемся после съезда, Сталин попросил освободить его от должности секретаря ЦК. Писатель Константин Симонов, присутствовавший на этом съезде, вспоминал позднее:

«На лице Маленкова я увидел ужасное выражение — не то чтоб испуга, нет, не испуга, а выражение, которое может быть у человека, яснее всех других... осознавшего ту смертельную опасность, которая нависла у всех над головами и которую еще не осознали другие: нельзя соглашаться на эту просьбу товарища Сталина...»

Это «ужасное выражение» трактуют так, словно Маленков боялся репрессий, того, что если отставка Сталина будет принята, то их всех ждет ужасная смерть. Да бросьте вы! Кого из ближайших соратников

Сталин предал смерти? Да и при чем тут отставка? Что, перед расстрелом Тухачевского или Бухарина Сталин в отставку подавал? Что за персона такая Маленков, что для его ликвидации вождю надо было выйти из секретариата партии?

Нет, Маленков осознал другую угрозу: это был критический момент, партию пытались лишиться власти и, по сути, будущего. Точнее, не саму КПСС, а, пользуясь терминологией Оруэлла, «внутреннюю партию», то есть партноменклатуру, партаппарат. И Сталин проиграл этот бой, покинуть ряды секретарей ЦК ему не дали. Он кое-чего добился, расширив состав высшего органа КПСС, Президиума ЦК, за счет людей из промышленности и партийного контроля, но главная задача не была решена. Партия коммунистов по-прежнему сидела на шее страны и народа, представляя собой смертельную опасность.

Почему это было опасно? Да очень просто. Возьмем директора завода. Это власть? Да, но и ответственность.

Директор отвечает за свои решения, вплоть до суда и тюрьмы. А возьмем секретаря обкома. Власть у него огромная, куда больше, чем у директора. Попробуй не послушайся — слетишь, ибо партия ведает кадрами. А кто будет отвечать в случае неудачи? Правильно, директор. Вплоть до суда и тюрьмы. Власть без ответственности. Вспомним, как Каганович на Пленуме говорил:

«Партия для нас выше всего. Никому не позволено, когда этот подлец говорит: ЦК — кадры и пропаганда. Не политическое руководство, не руководство всей жизнью, как мы, большевики, понимаем...».

Вот за это-то руководство всей жизнью и бился партаппарат. А что, этого мало? Такая власть стоит того, чтобы за нее вцепиться зубами в горло кому угодно, хоть бы и товарищу Сталину.

О том, как дальше пошло бы единоборство вождя и партии, можно только гадать — времени Сталину отпущено не было. Но в одном можно быть уверенными — намерений своих он бы не оставил. Не тот человек. Ясно было, что это только начало, что вождь не успокоится, пока не сделает из СССР нормальное конституционное государство.

...Такой вот в конце 1952 года был расклад сил. С одной стороны — не «тандем Берия — Маленков», а Сталин, за которым стояло народное хозяйство, возглавляемое Совнаркомом, формирующийся нормальный государственный аппарат и, естественно, Берия. С другой — партаппарат, выразителем интересов которого в разной мере были старые соратники. К тому времени Сталин отставил из первого, самого узкого круга, а значит, и от решения вопроса о власти, «старых большевиков» Моло-това, Кагановича и Ворошилова, оставив относительно молодого, не имевшего дореволюционного партийного стажа Маленкова.

...Самым активным из «партии аппарата» был Хрущев, профессиональный партийный деятель, к тому времени секретарь ЦК, странный гибрид двух поколений аппаратчиков: по духу — мещанин, а по психологическому типу — разрушитель, митинговый крикун, в молодости причастный к троцкизму. Кстати, крохотный штрих, но показательный: именно при нем были не только реабилитированы, но и подняты на щит, как чуть ли не военные гении, Тухачевский и другие расстрелянные маршалы. А знаете, кто первый, еще в 1937 году, выдвинул тезис об их гениальности и

уничтожении цвета Красной армии? Троцкий! Сразу же после их расстрела!

Сценарий Сталина

А теперь перенесемся в зиму 1952/53 года. В ту зиму Сталин мало появлялся в Кремле. «Старел...» — впоследствии, качая головами, говорили соратники, намекая, что вождь в последний год жизни отошел от дел. Ну да, старел, никто с годами не молодеет, но ведь в маразм-то не впадал, нет об этом свидетельств, даже Хрущев не решился такое написать, лишь намекал по-немножку Серго Берия пишет, что в 1952 году он видел Сталина раз пятнадцать — даже он, далеко не входивший в «близкий круг» — в том числе и на заседаниях Политбюро по военно-техническим вопросам, и далеко не в качестве «свадебного генерала». Так что вождь и не думал отходить от дел.

На самом-то деле у Сталина были серьезные причины особо не показываться на людях. После 17 февраля он вообще не приезжал в Кремль, почему, о том еще будет речь. Не доверял он и врачам — впрочем, не всем. Серго Берия вспоминает такой факт: как-то раз Сталин обратился к его матери с просьбой пригласить в Москву врача, который курировал семью Берия. Жил тот в Тбилиси, фамилия его была Кипшидзе. Он приехал, осмотрел вождя, получил даже предложение стать его личным врачом, но отказался, сославшись на возраст. Серго приводит этот эпизод между делом, «среди текста», не придавая ему особого значения, а между тем эпизод замечательный. Из него видно, что, во-первых, вождь не доверял не всем вообще врачам, а кремлевским врачам, а во-вторых — что Берия он доверял полностью.

Итак, Сталин сидел на даче, там у него был и кабинет, и зал заседаний, и туда к нему постоянно ездили четверо из государственной верхушки: Маленков, Берия, Хрущев и Булганин. Они все время о чем-то совещались. Молотов, Каганович, Ворошилов к тому времени от самой «верхушки» были отставлены, но продолжали оставаться на Олимпе, вроде бы в запасе.

Совещалась «пятерка» помногу. Хрущев в своих мемуарах неявно внушает мысль, что занимались они в основном застольями и «общением» — но позвольте все-таки не поверить. Есть много данных, свидетельствующих о том, что Сталин явно готовил какие-то кардинальные преобразования в государстве.

А теперь давайте попробуем предположить, какие преобразования мог готовить Сталин. Посмотрим сначала на состав участников «пятерки». Мне он с самого начала казался странным. Это ведь не были совещания единомышленников, да и фигуры были очень уж разновеликими. Сталин и Берия были объединены общими интересами и замыслами, и Берия действительно был очень крупным государственным человеком. Маленков был первым заместителем председателя Совмина и, кроме того, явно находился «при Сталине», вместо Молотова. Булганин — заместитель предсовмина, хоть и фигура совсем иного масштаба, чем первые трое. Критерий тут простой: они во время войны были членами ГКО, а Булганин — всего лишь членом Военного совета фронта. Ну да ладно, в конце концов, он тоже заместитель Сталина. А что здесь делает Хрущев? Кто он такой?

В своих мемуарах Никита Сергеевич представляет дело таким образом, словно бы он на равных входил в государственную «верхушку». На самом деле это совершенно не так. Хрущев — партаппаратчик, перед

войной «слетевший» с должности первого секретаря МК на должность Первого на Украине, в войну — член Военного совета фронта. Лишь в 1949 году он смог вернуть себе утраченное перед войной положение, снова дослужившись до первого секретаря МК и секретаря ЦК КПСС. Член Президиума ЦК? Да их, таких членов, двадцать пять человек! Секретарь ЦК? Да в ЦК одиннадцать секретарей! К Совету Министров ни малейшего касательства не имеет. Так что его привычка говорить «мы» собирательно с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым просто смешна. Кто они — и кто Хрущев!

Так что же делал Хрущев зимой 1952/53 года на сталинской даче?

Он мог быть там лишь в одном качестве — как «полномочный представитель» противной стороны, той политической силы, которой Сталин хотел обрезать крылья. А Булганин, кстати, кроме того, что заместитель Сталина — старый, еще по работе в Московском комитете партии, друг Хрущева. Да и 26 июня он выступил на его стороне.

Вот теперь, четко прослеживаются «связки», но совсем не те, о которых все пишут. Одна из них: Хрущев — Булганин, за которыми стоит партаппарат. Вторая: не Берия — Маленков, как говорят, а Сталин — Берия, и при них Маленков, «писарь». Маленков-то им зачем, какова его роль в том сценарии, который придумал для страны Сталин?

А вот в этом-то все и дело — зачем им Маленков и почему он участвовал в этих совещаниях по поводу грядущих преобразований! У него была своя, совершенно особая роль. Вождь был уже стар и болен. Он не мог знать, сколько ему осталось, но не мог и не понимать, что случится, в общем-то, может всякое. И

должен был позаботиться о том, что после его смерти станет со страной.

Сколько раз мне приходилось читать об очередном открытии: обнаружен некий загадочный преемник Сталина! Каждый раз называлась какая-нибудь малоизвестная тогда фамилия из состава ЦК или Президиума ЦК. Между тем преемника Сталина искать не надо, он на виду, как слон в кунсткамере, а слона-то и не заметили.

В 1953 году только один человек мог быть преемником Сталина. По той простой причине, что только один из окружающих вождя людей, по опыту работы и положению пригодных для поста главы государства, мог эту работу «потянуть» по деловым качествам и по интеллекту. Более того, управляя в 30-х годах Грузией, он продемонстрировал блестящие результаты. И, забегая вперед, можно сказать, что и за свои «сто дней» он продемонстрировал не менее блестящие возможности. Не согласны? А кто еще? Назовите имя! Кстати, косвенным доказательством этого опять же может служить тот факт, что, когда совещания на сталинской даче заканчивались, Берия часто задерживался. Потом это подавали так, словно бы он наушничал вождю на соратников и готовил репрессии. Но это чушь полная. Берия не мог сообщить Сталину об этих людях ничего такого, чего вождь не знал бы сам, а возможности собирать негласную информацию и готовить репрессии у него не было — в органах сидели сначала Абакумов, потом Игнатъев, которые и близко не подпустили бы Берия к Лубянке. Но ведь есть и другое объяснение — Сталин просто передавал Берия опыт, готовя его для роли главы государства.

Но у Берия имелся один серьезнейший недостаток — национальность. Один грузин следом за другим в качестве главы империи — это было исключено. Но ведь

этот недостаток можно компенсировать простым приемом — если сделать Берия первым по значимости, а по положению — вторым, поставив во главе страны слабую фигуру, ничего не значащую, но зато нужной национальности. Наши господа «политологи» до этого не додумались, но забавно, что это заметил сидящий в эмиграции Авторханов. Точно такой же механизм применялся в некоторых национальных республиках, когда во главе ЦК или обкома ставили человека коренной национальности, а замом к нему — русского, чтобы работал. По-видимому, для этого и был нужен Маленков, который после смерти Сталина стал бы номинальным лидером государства, хотя бы на какое-то «буферное» время. Самостоятельную игру вести он не мог, не был способен, так что самодеятельности тут можно было не опасаться. А выждав положенный приличием срок, главой государства мог бы стать и Берия.

И, кстати, ему предстояло снова взять органы, для удобства и единоначалия объединив их в одно министерство, и еще раз навести там порядок, а то абакумовско-игнатъевские умельцы опять черт знает чего наворотили.

А что же делали на сталинской даче Хрущев и Булганин?

Об этом тоже нетрудно догадаться.

Хотела ли партия власти? И да, и нет. Как Хрущев: с одной стороны, по инстинктивному стремлению, спинным мозгом, хотел власти и рвалась к ней. Но, с другой стороны, власть ведь предполагает ответственность, предполагает проблемы своего сохранения и много других неприятных вещей. Да и просто — тот, кто властвует, должен работать! А ведь тогдашний аппарат — это уже не пассионарные, хотя и

безбашенные, «старые большевики», а «элита» второго набора, сытая и ленивая. Они не собирались ничего преобразовывать, строить какой-то «новый мир», у них не было даже инстинкта разрушения. Так что насчет власти с ними можно было торговаться.

Тут можно вспомнить послеленинское Политбюро первой половины 20-х годов, где Зиновьев, Каменев, Бухарин всячески воевали со Сталиным, требуя коллегиальности руководства. Когда Сталину все это очень уж надоедало, он демонстративно предлагал свою отставку — справляйтесь, мол, сами. И те же критики принимались уговаривать его остаться и, в конечном итоге, шли на его условия. Почему? Да все очень просто! У них было своеобразное понимание «коллегиальности»: они все вместе будут руководить, а Сталин — работать, ибо у них были смутные подозрения, граничащие с уверенностью, что без него они управление страной завалят. Угроза отставки — это было то, чем смиряли своих соратников не только Сталин, но и Ленин, Мао и многие другие.

Как видим, это еще вопрос — так ли уж страстно партия хотела государственной власти как таковой. А вот что у нее можно было вырвать лишь с руками — так это влияние. Об этом же, кстати, проговорился Каганович, когда после своей эпохальной фразы на июльском Пленуме о «политическом руководстве, руководстве всей жизнью» сразу же оговорился: «Но это не значит, что ЦК должен заменять Совет Министров, обком — облисполком и т.д., но мы должны концентрировать, политическое руководство...». Вот она, мечта партийного секретаря любого уровня — руководить, но не работать, указывать, но не отвечать... Но получить это право они могли лишь из рук Сталина... или подобрать с его могилы.

После XIX съезда в верхах сложилась патовая ситуация: никто не мог одолеть. С одной стороны, в

делах управления государством Сталину с Берия партаппарат не был конкурентом. С другой, он мог бы торпедировать любые преобразования. Сталин уже попробовал помериться с ним силами и проиграл в открытом бою. Идеальная ситуация для переговоров, и, скорее всего, той зимой на сталинской даче как раз и происходили такие переговоры — если хотите, о разделе сфер влияния. Поэтому-то и присутствовал там Хрущев, хотя ему встречи такого уровня были явно не по чину.

Опять же косвенно о том, что расклад сил был именно такой, говорит тот факт, что уже 14 марта на внеочередном пленуме ЦК Маленков, как утверждается в документах, «по его собственной просьбе», был освобожден от обязанностей секретаря, «имея в виду нецелесообразность совмещения функций председателя Совета Министров и секретаря ЦК КПСС». Для Сталина такое совмещение никоим образом не было «нецелесообразно», а Маленкову оно не годилось!

Это было теперь уже формальное разделение властей. Маленков оставался членом Президиума ЦК и даже председательствовал на его заседаниях, но реальной власти в партии он больше не имел. Зато Хрущев стал руководителем секретариата — фактически первой фигурой в КПСС.

На каких условиях они договорились со Сталиным, тоже можно догадаться, партийные об этом постоянно пробалтываются. Партии — кадры и пропаганда, Сталину и Берия — управление государством. Вероятно, изначально Сталин предполагал оставить партии одну лишь пропаганду, но, проиграв на съезде, пришлось отдать и кадровую политику. Это много, это огромное влияние, это коррупция и взятки, но тут уж ничего не поделаешь, надо было давать отступного.

Косвенно об этом свидетельствует разговор, приведенный в книге воспоминаний Судоплатова.

Разговор этот известен, автора мемуаров поразило тогда то, что Берия обращается к Хрущеву на «ты», а саму реплику министра он приводит для иллюстрации. Между тем, тот говорил Хрущеву:

— Послушай, ты сам просил меня найти способ ликвидировать Бандеру, а сейчас ваш ЦК препятствует назначению в МВД компетентных работников, профессионалов по борьбе с национализмом!

Кадровая политика была громадной уступкой, но ее пришлось отдать в качестве репарации. А поскольку Сталин получал контроль над МВД, то партийные выторговали себе министерство обороны, которое получил хрущевский друг Булганин. Поэтому-то и неудивителен тандем партийцев и генералов, который организовал расправу над Берия. Если бы министром обороны продолжал оставаться маршал Василевский, то пришлось бы приплетать к «заговору Берия» и его тоже...

В общем, расклад понятен, и кто скажет, что он невозможен?

Но Сталин умер значительно раньше, чем предполагал. Говорят: мол, удивительно, как это соратники так быстро поделили власть после смерти вождя — уже к 5 марта все назначения были проведены, без шума и споров. Да потому и быстро, что ничего они не делили, а попросту автоматически реализовали уже готовый сценарий. Маленков стал предсовмина, Булганин — министром обороны, Берия — заместителем Маленкова и министром внутренних дел.

Он совершил одну ошибку — повел себя слишком уверенно. Кстати, его властность и уверенность после 5 марта тоже косвенно говорят о том, что он чувствовал себя первым в стране. Сценарий-то существовал, и в нем ему отводилось место реального главы государства. Кстати, о том же самом негласном

договоре говорит возмущение соратников после его смерти — да, он проводил черт знает какие решения, он нас заставлял... Заставишь их, как же! Нет, не заставлял он их, а просто проводил преобразования в стране, а когда заходил за границу раздела, ему тут же показывали его место.

Однако ситуация была форс-мажорной, и Берия вполне могло иной раз заносить на поворотах. С другой стороны — а кого бы в такой ситуации не занесло? Это все корректируется просто, не стали бы его из-за этого не то что убивать, но даже смещать, поговорили бы на Президиуме, одернули, показали, что он в их власти, и все, притих бы и успокоился, снова был бы прежний корректный Берия. Впрочем, имея представление о характере и уровне вранья, вылитого на голову этого человека, вполне можно предположить, что не был он с соратниками ни грубым, ни высокомерным, что и это было задним числом придумано, как и все остальное.

Думаю, что вряд ли кто-нибудь из соратников на его место претендовал — кроме Хрущева. Но кто доверил бы Хрущеву пост главы государства? Да вы что, смеетесь? Если бы вопрос о власти решался обычным образом, ему этого поста не видать бы, как своих ушей!

Что же случилось потом? Поведение Берия говорит о том, что он не ждал удара, все произошло абсолютно неожиданно. Что он сделал не так?

...И снова день «Х».

А вот теперь давайте вспомним, какой вопрос должен был обсуждаться на том самом заседании Политбюро, где вроде бы был арестован Берия. Нет, не его поведение там должно было обсуждаться. О реальной повестке дня, опять же между делом, не

придавая значения, упоминает Серго. Настолько не придавая значения, что этот момент даже не вошел в его книгу, а промелькнул лишь в сборнике интервью, выпущенном грузинским журналистом Раулем Чилачава. На этом заседании Президиума Берия должен был говорить о бывшем министре госбезопасности Игнатъеве и, по всей видимости, получить санкцию на его арест.

Кто же он, этот Игнатъев, вокруг личности которого разворачиваются такие события? По послужному списку — чистопородный партийный функционер. За одним исключением: в 1951—1953 гг. он был министром государственной безопасности СССР. Много чего там наворотил, устроил такое, что Берия, придя и увидев, что творится в органах, заявил, что он пришел, чтобы искоренить «игнатъевщину». Но не в этом суть. За Игнатъевых не убивают. Партия не один раз сдавала и более значимых для нее людей, чем какой-то секретарь ЦК.

Однако была у Игнатъева в пору его пребывания на посту министра госбезопасности и еще одна обязанность — ему подчинялась охрана Сталина. И кроме того: именно Игнатъев был человеком, полностью посвященным в обстоятельства смерти вождя.

Не буду подробно останавливаться здесь на этой теме, ей посвящена книга «Сталин: второе убийство». Скажу лишь резюме: есть основания считать, и основания серьезные, что Сталин либо был убит напрямую, либо убит косвенно. Версия этих событий следующая. Инсульт случился с ним в ночь на 1 марта, может быть, сам по себе, а может статься, и помогли, подсунули таблеточку, повышающую давление. Хрущев и Булганин узнали об этом немедленно — вероятно, охрана сообщила Игнатъеву, а Игнатъев — им. Они приехали на дачу с врачом и, выслушав диагноз, решили рискнуть, сыграть ва-банк: на как можно

большой срок оставить его без помощи, чтобы смерть стала неизбежной. Скорее всего, это было внезапное решение, экспромт, спинной мозг подсказал. Смерть Сталина была бы для них таким подарком судьбы! И вот Игнатьев дает распоряжение своим людям в охране, чтобы те, сколько могут, тянули время — и они смогли протянуть его до утра 2 марта. Результат известен: Сталин умер.

Да, но зачем им это было надо? И как же договор? А вот теперь выскажем одно предположение. Есть такой способ доказывания математических теорем: предположим, что... и посмотрим, что получится.

В последний месяц жизни Сталин явно чего-то боялся. Как мы уже говорили, начиная с 17 февраля он не приезжал в Кремль. Паранойя? Не спешите... Дело в том, что 17 февраля произошло некое реальное событие: внезапно умер комендант Кремля генерал Косынкин, бывший телохранитель Сталина и беззаветно преданный ему человек. Вот после этой смерти вождь и заперся на даче.

А теперь вернемся обратно в 30-е годы. В то время в СССР сформировался военно-политический заговор, аналогичный тому, который несколько позже возник в Германии против Гитлера *<Подробно об этом в книге: Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор.>*. И в том, и в другом случае против вождя консолидировалась политическая оппозиция и часть армии. Ничего особенного, обычный сценарий подготовки государственного переворота. Результатом существования немецкого заговора стало покушение на фюрера летом 1944 года. У нашего заговора таких успехов не было. Его вовремя раскрыли, так что результат был обратный — процесс Тухачевского и еще некоторые другие.

Но раскрыли его не до конца. Есть свидетельства, что участники заговора в армии еще остались.

Возможно, кстати, что те 25 расстрелянных по приказу Берия «право-троцкистов», о которых столь трепетно пеклись хрущевские следователи, были из их числа — такое предположение рождается как раз из того факта, что о них так трепетно пеклись. По всей вероятности, остались они и в партии, благополучно пережив репрессии, и после войны заговор возродился в несколько новом качестве: в его политической части место «параллельной партии», сформированной оппозицией, занял партаппарат КПСС... ну, а военные остались военными. И все трое: Хрущев, Булганин и Игнатъев, были его участниками.

Поэтому с того момента, когда 25 июня Берия сказал Маленкову, что собирается потребовать ареста Игнатъева, он был обречен. И действовать надо было быстро, нельзя допустить, чтобы это заседание состоялось. Потому что, по-видимому, Игнатъев не отличался твердостью, и после первого же допроса Берия узнал бы все не только о смерти Сталина, но и о заговоре. А вот после этого он действительно поднял бы МВД и в ту же ночь арестовал всех. И чем закончился бы суд, сомнений не было.

Впрочем, скорее, все было еще проще. Игнатъев, чувствуя свою уязвимость и не желая идти в тюрьму, а может статься, и к стенке, поставил своим товарищам условие: или вы меня спасаете, или я всех вас сдам.

Косвенно эта версия подтверждается тем, что, в отличие от многих других участников событий, карьера его после 26 июня не пошла вверх. Наоборот, он, бывший секретарь ЦК и министр, был сослан в Башкирию, а потом в Татарию на пост секретаря обкома, а в 1960 году и вовсе выдворен на пенсию. Мол, спасти-то мы тебя спасли, раз ты так ставишь вопрос, но больше ты нам не товарищ...

Тут уж было не до сценариев и договоренностей, тут речь шла о жизни. Если вспомнить, как Берия

целовал руку умирающему Сталину, то их бы, может статья, и до тюрьмы не довели. А потом не устраивали бы цирк с пленумами, а объяснили народу, как все было, Берия бы и это сделал, с него станется, и народ бы понял и одобрил...

А что, чем плох такой вот политологический анализ? У него есть и еще одно достоинство: он вгоняет нашу немыслимую, иррациональную историю в логичные общечеловеческие рамки. Никакой свертки Сталина, никакой монолитной власти КПСС, никакой страны ужаса — нормальные заговоры, перевороты... красота!

Так что, думаю, вполне можно считать события 26 июня государственным переворотом. Вместо задуманного коалиционного правительства: партия аппарата и партия государства, к власти пришел аппарат, установив свою монопартийную диктатуру. Да, кстати, партийную или военно-партийную? Что там поделывает наш Генерал? И, кстати, кто он?

На роль Генерала претендуют два человека в погонах, потому что военные участвуют в событиях в двух качествах. Это видно из одного маленького фрагментика мемуаров генерала Москаленко, когда тот описывает свой приезд в Кремль 26 июня. В Кремле он в тот день явно был — по тексту видно, непридуманный текст. По всей вероятности, он приехал сразу после акции на совещание Президиума ЦК и военных. И, если помните, он пишет, что одновременно приехали две группы. В первую входили Москаленко и с ним Баксов, Батицкий, Юферев и Зуб, во вторую — Жуков и с ним Брежнев, Шатилов, Неделин, Гетман и Пронин. С первой группой все ясно: это команда Хрущева, а вот Жуков, по-видимому, и есть искомый Генерал. Косвенно это подтверждается тем, что именно его Хрущев убрал от власти в 1957 году.

Участвовал ли маршал Жуков в заговоре? Некоторые косвенные подтверждения тому есть. Это странные зигзаги его карьеры. В июне 1946 года герой войны, человек, на белом коне принимавший Парад Победы, заместитель наркома обороны и главком сухопутных войск, пробыв всего три месяца в новой высокой должности, внезапно был сослан командовать Одесским, а потом Уральским военным округом. Явно что-то произошло. Но это еще не свидетельство, оно будет дальше. А вот сразу же после смерти Сталина маршал Жуков был извлечен из своего отдаленного округа и назначен на пост первого заместителя министра обороны, которое, напоминая, было булганинским ведомством, то есть в сфере партийного влияния.

С другой стороны, возможно, что маршал Жуков сказал Серго правду: в аресте его отца он не участвовал. То есть само собой не участвовал, потому что ареста не было, но к тому, что его заменяло — к убийству, тоже непричастен. Все устроила группа Хрущева, включавшая в себя и нескольких генералов, связанных с ним по службе и группировавшихся в войсках ПВО. Жуков же, узнав о событиях, просто приехал в Кремль и поневоле каким-то образом включился в игру, чтобы не остаться на обочине. И на Пленуме он не выступал, а мог бы заклеить, мог бы...

Кстати, в таком случае Москаленко оказывается в сложной ситуации. Пока Берия был жив, Генерал занимал нейтральную позицию, но после его ухода в игре вокруг власти остались две силы: Хрущев (партия) и Генерал, так что Москаленко оказался меж двух огней — или на двух стульях, какой образ кому больше нравится. С одной стороны, он формально принадлежал к партийной команде, с другой — ему, Генералу,

военные были ближе. Косвенно это подтверждается одним забавным эпизодом из воспоминаний Хрущева.

«Когда в 1957 г. обсуждался вопрос о пресечении попытки Жукова организовать военный путч с целью захвата власти в руки военной хунты, то Москаленко активно выступал с обвинениями в адрес Жукова. Уже не на общем заседании Пленума ЦК КПСС, а в более узком кругу лиц, когда Москаленко со страстью обвинял Жукова за поползновение к захвату власти, а Жуков с его солдатской грубостью, с его солдатской прямоотой... бросил ему:

"Что ты меня обвиняешь? Ты же сам не раз мне говорил:

Чего смотришь? Бери власть в свои руки, бери!»⁹⁶

Так что, пожалуй, на место Генерала мы все же можем поставить маршала Жукова. После того, как Хрущев победил его в 1957 году и избавился от тех соратников, которые поневоле помогли ему 26 июня 1953 года, он остался наверху один. Но не надо забывать, что в тот день вместе с маршалом Жуковым в Кремль приехал полковник Брежнев, а над обвинительным заключением по «делу Берия», в качестве представителя партийной команды, работал будущий главный идеолог СССР Суслов. После того, как Хрущева, в свою очередь, выкинули в отставку, паритет в «верхах» восстановился. Новое поколение аппаратчиков, в отличие от старого, сумело договориться...

Да, а что же наша теорема? Мы предположили, что заговор был, и посмотрели, что получится. Получилась

вроде бы вполне возможная и логичная картина. А теперь давайте предположим обратное — что заговора не было. В этом случае Хрущев и Булганин за один день нашли десяток людей, готовых поучаствовать в деяниях, квалифицируемых УК СССР как государственная измена — именно так квалифицируется незаконный арест или, тем более, убийство второго лица в государстве. Кстати, по знаменитой статье 58 УК, для штатского в этом случае предусмотрены разные наказания, а для военного только одно — расстрел. Без вариантов. Вы верите, что в течение одного дня нашлось... ну, возьмем минимальное число — пятеро людей, которые вот так сразу взяли и согласились? И что никто из тех, к кому обращались и кто не согласился, не донес?

Правда, в истории такое встречалось. Пример тому — заговор и убийство Павла Первого, когда исполнители были привлечены к делу в последний день. Но подбирали-то кандидатуры заговорщики заранее! Присматривались, изучали, кто чем дышит, на кого можно положиться... И главное — заговорщики-то все равно существовали! Что ж, если так, если это был сценарий 1799 года, то нам надо говорить не о военно-партийном, а о партийном заговоре, только-то и всего.

Впрочем, Москаленко опять проговаривается. Помните тот кусочек его воспоминаний, когда ему звонит Хрущев? Что он спросил?

— Имеются ли в вашем окружении близкие вам люди и преданные нашей партии так, как вы преданы ей?

То есть, Москаленко уже был «предан партии», а вот других он должен был подобрать сам.

Если до 26 июня еще могли быть сомнения — существовал ли в СССР заговор против власти (естественно, против Сталина, ибо такие вещи за три месяца не зреют), то после 26 июня можно было в том

уже не сомневаться. Ибо этот заговор вышел на поверхность. Связка из партаппаратчиков и военных захватила власть в стране.

Что оставалось делать в такой ситуации нескольким беспомощным членам Президиума ЦК? Один из них убит, двое других диктуют свои условия, в спину дышат генералы.

Естественно, перепуганные руководители государства безропотно выполнили все их приказы. Так Берия стал «заговорщиком», а Хрущев получил высшую власть, на которую не мог даже надеяться ни при каком ином раскладе.

Таким вот образом... И если это не переворот — то что это такое и как это назвать?

Нет, они, может статься, и не хотели брать власть, их устраивал сценарий Сталина. Но у них не было иного выхода: чтобы выжить, пришлось уничтожить Берия, а уничтожив Берия — взять власть поневоле, просто от безысходности, потому что не было другого варианта. Впрочем, поначалу обретенное могущество вызвало эйфорию, и начался пир победителей. Уже на известном Пленуме Маленков объявил манифест новой власти.

«Первый вывод и урок касается задачи укрепления руководящей роли нашей партии, повышения партийного руководства во всех звеньях нашей государственной работы...

Надо проверять работу любого руководителя, проверять, обеспечивает ли любой из нас должную партийность, ленинско-сталинскую принципиальность... Надо решительно покончить с бесконтрольностью в работе кого бы то ни было... Деятельность любого из руководителей должна протекать под руководством ЦК партии. Надо понять, что только ЦК способен и должен обеспечить дисциплину в работе партийных и государственных деятелей...»

И так все время, во всех выступлениях: партия, партия, партия!

Имеющий уши да слышит!

Попытка создать из СССР конституционное государство, которую в последние годы жизни предпринимал Сталин, провалилась. После 26 июня 1953 года в стране установилась диктатура партии, вскоре выродившаяся в олигархию, где роль олигархов играла верхушка партап-парата. Дальнейшее нам известно.

И я думаю, что отнюдь не по причине глупости или халатности Руденко нарушал все мыслимые и немыслимые правила ведения дел. Это было сделано специально, сделано совместными усилиями Руденко и Хрущева. Никита Сергеевич, в азарте и ярости боя, принялся топтать поверженного врага, взваливая на него все мыслимые и немыслимые грехи, чтобы обелить себя перед страной и историей. А у Руденко и его прокуроров с Берия были свои счета. Какими были их личные счета — мы не знаем, но наверняка были, иначе не получил бы он этого задания, ибо для того, чтобы его выполнить, мало старания и услужливости, нужна еще и ненависть. А вот «деловые» счета угадать можно. Берия люди, стряпавшие процесс, ненавидели двойко, даже трижды: как человека, рядом с которым они чувствовали себя пигмеями, как врага их партии, а также естественной ненавистью «карманных» прокуроров к человеку, для которого во главе угла стоял закон. Нарочитая беззаконность «дела Берия» происходила по воле продажных прокуроров, сводивших счета с непродажным министром. Это старый психологический казус: почему подлецы с такой силой — до дрожи, до истерики! — ненавидят честных людей? Да и, кроме того, он же наверняка все время мешал им работать!

Так что этот процесс можно рассматривать и как демонстрацию силы новой власти, и как посмертную месть. Именно так это и должно было быть: ничего не доказано, но все осуждены, обвинения бредовые — но все равно смертный приговор. Вы боролись с беззаконием — так получите сполна от торжествующего беззакония!

...А потом эйфория кончилась, и оказалось, что управлять государством далеко не просто. Вроде бы к концу своего правления, проиграв и развалив все, что только можно, Хрущев что-то понял. По крайней мере, он вдруг «подобрел». Перестал преследовать Василия Сталина, внезапно позволил Серго Берия покинуть место ссылки и даже озаботился его трудоустройством, отпустил Светлану Аллилуеву за границу. Может быть, это было довольство сытого льва, который достиг всего, чего хотел, и милостиво разрешил побежденным жить. А может статья, и страшно стало от того, что натворил за свою бурную жизнь. Это было уже неважно, потому что лишенная сильного управления экономика начинала разваливаться, а психологический удар, нанесенный XX съездом, надломил народ. Выморочная идеология не работала, а попытка возродить культ личности обернулась фарсом. Страна начала гнить, и быстрее всего гнила голова.

Для того, чем все кончилось, хорошо подходит очаровательная в своей выразительности фраза из бестселлера времен социализма — повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». «Он захапает все, до чего сможет дотянуться, свернет пространство, за-куклится и остановит время».

Но время нельзя остановить, даже в одной отдельно взятой стране.

Жена и сын Берия, при всей своей любви к нему, кое в чем с ним не согласны. Свое интервью Нино Берия закончила горькими словами.

«Бог протянет руку каждому, кто борется за благополучие своей Родины. Другая нация никогда не оценит стараний чужеземца. Да возьмите, к примеру, Сталина, Орджоникидзе, Чхеидзе, Церетели, Гегечкори, Берия и многих других. Они на самом деле верили, что борются ради какой-то великой цели, ради всего человечества. А что вышло из этого? Своей нации и Родине ни один из них пользы не принес, а та, вторая, нация также не приняла их трудов. Эти люди остались без Родины. Так будет с каждым, кто отказывается от интересов своей нации в пользу других...»

Ей вторит Серго:

«Возвращение отвергнутых имен, как вы могли заметить, происходит весьма выборочно. Тщательно отслеживается сегодня, кто за что боролся, какие цели преследовал. Царь-батюшка и Столыпин отстаивали великую Российскую империю, Петлюра и Бандера сражались за независимую Украину, а за кого боролся Лаврентий Берия? Неизвестно!

...Пока он стоит вне национальных интересов, он не нужен никому: ни русским, ни грузинам, ни украинцам... Никому! Это — его крест и его трагедия...».

И все-таки это не так. Лаврентий Берия, как и Сталин, служил не какому-то определенному народу, а Империи. Великой Российской империи, которая после 1917 года возродилась под именем Советского Союза и снова рухнула... Она уже столько раз погибала и возрождалась, что...

...Но жалкое зрелище представляет собой империя,
позволяющая заваливать мусором могилы своих героев!

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Топтыгин А. Неизвестный Берия. СПб., 2002. С. 4.
- 2 Сталин И. В. Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма // Собр. соч. М., 1951. Т. 4. С. 58.
- 3 Троцкий Л. Между империализмом и революцией. www.pseudology.org/trotsky/trotl034.htm
- 4 Цит. по: «Очень черное золото», www.globalrus.ru
- 5 Константинов С. Почему в 1921 году Грузия лишилась независимости? [http://cis.ng.ru/words/2001 — 03-28/5grusia.html](http://cis.ng.ru/words/2001-03-28/5grusia.html).
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Цит по: Троцкий Л. Между империализмом и революцией. www.pseudology.org/trotsky/trotl034.htm
- 9 Цит. по: Сталин И. Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма // Собр. соч. М., 1951. Т. 4. С. 62—64. и Чилачава Р. Сын Берия рассказывает. Киев, 1992. С. 12. "Там же. С. 14.
- 12 Там же. С. 25-26.
- 13 Я никогда не вмешивалась в дела Лаврентия. Интервью Нины Берия газете «7 дгэ» (Тбилиси). 1990. 28 июля.
- 14 Из отчетов ЦК Грузии за 1923 год. Цит. по: Топтыгин А. Неизвестный Берия. СПб., 2002. С. 405.
- 15 Там же. С. 406.
- 16 Чилачава Р. Сын Берия рассказывает. Киев, 1992. С. 23.
- 17 Топтыгин А. Неизвестный Берия. СПб., 2002. С. 43.
- 18 Чилачава Р. Сын Берия рассказывает. Киев, 1992. С. 27.

19 Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 18-19.

20 Там же. С. 9—10.

21 Чилачава Р. Сын Берия рассказывает. Киев, 1992. С. 25

22 Там же. С. 37.

23 Чилачава Р. Сын Лаврентия Берия рассказывает. Киев, 1992. С. 16.

24 Там же. С. 17.

25 Шрейдер М. НКВД изнутри. М., 1995. С. 8—9.

26 Там же. С. 10. "Там же. С. 15.

28 Брюханов Б., Шошков Е. Оправданию не подлежит. Ежов и ежовщина. 1936-1938. СПб., 1998. С. 78.

29 Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930— 1950 годы. М., 1997. С. 95.

30 Цит. по: Суховерский В. Царица доказательств // Дуэль. 2000. 18 апреля.

31 Данные о чистках и составе НКВД приводятся по: Топтыгин А. Неизвестный Берия.

32 Эти и дальнейшие данные приводятся по книге: Пыхалов И. Время Сталина: факты против мифов. СПб., 2001.

33 Новиков В. «Шефство» Берия // Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 236.

34 Топтыгин А. Неизвестный Берия. СПб., 2002. С. 58.

35 Данные приводятся по: Топтыгин А. Неизвестный Берия. СПб., 2002. С. 63-64.

36 Ивашутин Л. Докладывала точно // ГРУ: Дела и люди. СПб., 2002. С. 561.

37 Прудникова Е. Зорге — разведчик № I? СПб., 2004.

38 Топтыгин А. Неизвестный Берия. СПб., 2002. С. 99.

39 Там же. С. 125.

40 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Кн. 1. 22 июня — 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 92-93.

41 Там же. С. 371-372.

42 Топтыгин А. Неизвестный Берия. СПб., 2002. С. 120-121.

43 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Кн. 2. 1 сентября — 31 декабря 1941 года. М., 2000. С. 20.

44 Там же. С. 85-86.

45 Цит. по: Пыхалов И. Правда о заградительных отрядах // Спецназ России. 2004. № 6(93). С. 15.

46 Там же.

47 Пыхалов И. Время Сталина: факты против мифов. СПб., 2001. С. 24.

48 Цит. по: Топтыгин А. Неизвестный Берия. СПб., 2002. С. 187-188.

49 Чилачава Р. Сын Лаврентия Берия рассказывает. Киев, 1992. С. 31.

50 Берия С. Мой отец— Лаврентий Берия. М., 1994. С. 187.

51 Там же. С. 187-188.

52 Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930— 1950 годы. М., 1997. С. 234-235.

53 Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 188-189.

54 Там же. С. 190.

55 Медведев Ж. Сталин и атомная бомба // Неизвестный Сталин. М., 2002.

56 Там же. С. 170.

57 Счетов Н., Языков Е. Новейшая история США. М., 1972. С. 170.

58 Широнин В. КГБ-ЦРУ. М., 1997. С. 73.

59 Яковлев Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 31.

60 Топтыгин А. Неизвестный Берия. СПб., 2002. С. 264.

61 Зенькович Н. Тайны ушедшего века-3. М., 2000. С. 302-303.

62 Хрущев Н. Акция // Берия — конец карьеры. М., 1991. С. 275-278.

63 Жуков Г. Рискованная операция // Берия — конец карьеры. М., 1991. С. 281-283.

64 Москаленко К. Как был арестован Берия // Берия — конец карьеры. М., 1991. С. 283-285.

65 Быстрое С. Задание особого свойства // Красная звезда. 1988. 18 марта.

66 Карпов В. Маршал Жуков; Опала. М., 1994. С. 188-189.

67 Мухин Ю. Убийство Сталина и Берия. М., 2002. С. 341-346.

68 Лаврентий Берия. 1953. Сб. документов. С. 69.

69 Чилачава Р. Сын Лаврентия Берия рассказывает. Киев, 1992. С. 71-72.

70 Там же. С. 67.

71 Мухин Ю. Убийство Сталина и Берия. М., 2002. С. 375.

72 Москаленко К. Как был арестован Берия // Берия — конец карьеры. М., 1991. С. 287.

73 Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2003. С. 33-34. "Лаврентий Берия. 1953. Материалы и документы. М., 1999. С. 72.

75 Стенограмма и стенографический отчет июльского (1953) пленума ЦК КПСС // Лаврентий Берия. 1953. Материалы и документы. М., 1999. С. 87-355.

76 Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930— 1950 годы. С. 552.

77 Лаврентий Берия. 1953. Материалы и документы. М., 1991. С. 181.

78 Зенькович Н. Тайны ушедшего века-3. М., 2002. С. 357.

79 Цит. по: Мухин Ю. Убийство Сталина и Берия. М., 2002. С. 317.

80 Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2002. С. 220.

81 Цит. по: Мухин Ю. Убийство Сталина и Берия. М., 2002. С. 324.

82 Столяров К. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 274.

83 Дмитриева О. «Я сам застрелил Лаврентия Берия» // Комсомольская правда. 1998. 6 января.

84 Жирное Е. Они растворили Берию в щелочи // Коммерсантъ-власть. 2000. № 22. С. 47.

85 Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930— 1950 годы. М., 1997. С. 577-579.

86 Нерсесов Ю. Верный Лаврентий // Новый Петербург. 2001. 9 августа:

87 Столяров К. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 252.

88 «Коммерсантъ-власть». 2000. 6 июня.

89 Коридзе Т. Я никогда не вмешивалась в дела Лаврентия! Интервью с Н. Т. Берия // 7 дгэ. 1990. 28 июля.

90 Цит. по Зенькович Н. Маршалы и генсеки. Смоленск, 1996. С. 263.

91 Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 385-386.

92 Коридзе Т. Я никогда не вмешивалась в дела Лаврентия. Интервью с Н. Т. Берия // 7 дгэ. Тбилиси. 1990. 28 июля.

93 Чилачава Р. Сын Лаврентия Берия рассказывает. Киев, 1992. С. 74-75.

94 Там же. С. 79.

95 Скороходов А. Как нас «готовили на войну» с Берия // Берия: конец карьеры. С. 294.

96 Цит. по Мухин Ю. Убийство Сталина и Берия. М., 2002. С. 379.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.
Брюханов Б., Шошков Е. Оправданию не подлежит. Ежов и ежовщина. 1936-1938. СПб., 1998.

Быстрое С. Задание особого свойства // Красная звезда. 1988. 18 марта.

Дмитриева О. «Я сам застрелил Лаврентия Берия» // Комсомольская правда. 1998. 6 января.

Жирное Е. Они растворили Берию в щелочи // Коммерсантъ-власть. 2000. № 22.

Жуков Г. Рискованная операция // Берия — конец карьеры. М., 1991.

Зенькович Н. Тайны ушедшего века-3. М., 2000.
Ивашутин П. Докладывала точно // ГРУ: Дела и люди. СПб., 2002.
Карпов В. Маршал Жуков. Опала. М., 1994.
Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. М., 1999.
Константинов С. Почему в 1921 году Грузия лишилась независимости? <http://cis.ng.ru/words/2001-03-28/5grusia.html>.

Коридзе Т. «Я никогда не вмешивалась в дела Лаврентия!» Интервью с Н.Т.Берия // 7 дгэ. 1990. 28 июля.

Лаврентий Берия. 1953. Сб. документов. М., 1999.
Медведев Ж. Сталин и атомная бомба // Известный Сталин. М., 2002.

Москаленко К. Как был арестован Берия // Берия — конец карьеры. М., 1991.

Мухин Ю. Убийство Сталина и Берия. М., 2002.
Нерсесов Ю. Верный Лаврентий // Новый Петербург. 2001. 9 августа.

Новиков В. «Шефство» Берия // Берия: конец карьеры. М., 1991.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Кн. 1. 22 июня — 31 августа 1941 года. М., 2000.

Прудникова Е. Зорге — разведчик № 1? СПб., 2004.
Прудникова Е. Сталин: второе убийство. СПб., 2003.
Пыхалов И. Время Сталина: факты против мифов. СПб., 2001.
Пыхалов И. Правда о заградительных отрядах // Спецназ России. 2004. № 5-6.

Рубин Н. Лаврентий Берия: миф и реальность. Смоленск, 1998.
Сивачов Н., Языков Е. Новейшая история США. М., 1972.
Скороходов А. Как нас «готовили на войну» с Берия // Берия: конец карьеры.

Сталин И. В. Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма // Собр. соч. М., 1951. Т. 4.
Столяров К. Палачи и жертвы. М., 1997.
Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы. М., 1997.

Суховерский В. «Царица доказательств» // Дуэль. 2000.

18 апреля.

Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2003.

Топтыгин А. Неизвестный Берия. СПб., 2002.

Троцкий Л. Между империализмом и революцией.

www.pseudology.org/trotsky/trotl034.htm

Хрущев Н. Акция // Берия — конец карьеры. М., 1991.
Чилачава Р. Сын Берия рассказывает. Киев, 1992.
Широнин В. КГБ-ЦРУ. М., 1997.
Шрейдер М. НКВД изнутри. М., 1995.
Яковлев Н. ЦРУ против СССР. М., 1983.